

Archeology
культура семантика
историографи:

лингвокультурология
национальные языки
национальные языки
межкультурная коммуникация

образовательное пространство
межкультурная коммуникация

Psychology
дискурс
SibScript
человек
концепт
Linguoculturology
лингвистика
толерантность

Archeology
SibScript
motivation
Literature
studies
адаптация

лингвистика
лингвокультурология
билингвизм

поликультурное пространство
поликультурное пространство
билингвизм
образовательное пространство
поликультурное пространство

Archeology
Historiography
лингвистика
лингвокультурология
поликультурное пространство

Archeology
Psychology
лингвистика
лингвокультурология
поликультурное пространство

Archeology
Psychology
лингвистика
лингвокультурология
поликультурное пространство

Archeology
Psychology
лингвистика
лингвокультурология
поликультурное пространство

2949-2122 (PRINT)
2949-2092 (ONLINE)

VOL 26 No 3
2024

СИБ СКРИПТ

ТОМ 26 № 3
2024

Archeology
Psychology
лингвистика
лингвокультурология
поликультурное пространство

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал относится к категории К1 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3 в 2023 году.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-84812. Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Until 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K1) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission in 2023.

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

16+

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН,
Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р. филол. наук, доцент, БГПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург,
Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет
Эксетера (Эксетер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск,
Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушникова Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт
археологии и этнографии СО РАН
(Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Юрий Владимирович

Dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный
гуманитарный университет им. П. П. Семенова-
Тян-Шанского (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского
Университета (Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет
науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Iliya V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Editorial board

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelekh

Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

Третий номер журнала «СибСкрипт» посвящен проблемным вопросам археологии, отечественной и всеобщей истории, а также истории международных отношений. Основные аспекты, которым авторы уделили свое внимание, связаны с сохранением объектов археологического наследия, интерпретацией археологических и исторических источников, социально-экономическим развитием России, подготовкой кадров, религиозной практикой, оценкой внутренних и международных конфликтов, политикой в сфере информационной и кибербезопасности, подготовкой информационных материалов, в которых был представлен образ жизни жителей другой страны. Актуальность рассматриваемых в публикациях вопросов обусловлена критическим отношением к источникам и необходимостью переосмысления ряда ключевых проблем отечественной и зарубежной истории.

Номер открывают статьи по археологии. Ю. Ю. Гизей уделила внимание необходимости совершенствования государственного кадастрового учета памятников археологии. Ю. И. Михайлов показал технологические особенности производства наконечников копий в сейминско-турбинский период: по материалам с территории Обь-Иртышского междуречья выявлена стандартизация размеров копий и их модификация с помощью ушковых отливок на краю пера, что препятствовало глубокому вхождению копия в тело противника и усиливало соединение втулки и пера для предотвращения излома наконечника копия.

В разделе «Подготовка кадров и социальное развитие Российской империи» Ю. М. Гордеев показал длительную историю открытия Неплюевского военного училища, организацию учебного процесса, роль воспитанников в формировании кадрового офицерского, чиновного и учительского корпуса Азиатской России. К. З. Рагимова рассмотрела вопросы историографии социально-правового положения профессорско-преподавательского и административного состава Западно-Сибирского учебного округа в 1885–1918 гг.

Следующий раздел включает статьи о социальных, духовных и политических трансформациях 1917 – 1920-х гг. В. А. Бармин рассмотрел научный дискурс по теме басмаческого движения в Туркестане, оценки которого

существенно отличались в советское и постсоветское время. А. А. Калашников в ходе работы с архивными документами выявил, как проходили процессы уменьшения территории земельно-лесного и горнозаводского хозяйства бывшего Алтайского округа в 1917–1919 гг. с передачей не менее 1/3 округа в состав соседних губерний. Н. В. Тихомиров по материалам газеты «Автономная Якутия» в 1920-е гг. показал ряд особенностей деятельности шаманов на территории Якутской АССР.

Раздел «Из истории СССР» представлен источниковедческими и историографическими работами. Д. Н. Гергилев, Р. В. Павлюкевич и А. С. Кузьменко рассмотрели развитие системы подготовки кадров для высшего образования и научных учреждений в Красноярском крае в рамках аспирантуры (1949–1988 гг.). Е. Ю. Стародубцев и А. Н. Ермолаев выделили три этапа в отечественной историографии проблем эвакуации населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны.

Темы пятого раздела связаны с такими вопросами всеобщей истории, как положение этнических меньшинств и развитие инфраструктуры информационной и кибербезопасности. И. В. Нам и Н. И. Наумова показали методы румынизации в отношении этнических меньшинств Бессарабии (молдоване, русины, поляки, русские, немцы, гагаузы и др.) после ее оккупации Румынией по итогам Первой мировой войны. Е. Н. Матюхина

представила результаты системного подхода в Индии к созданию инфраструктуры информационной и кибербезопасности (концепция, изменение законодательства, создание специальных государственных учреждений, разработка механизмов, обеспечивающих безопасность Индии в сфере защиты баз данных в глобальном информационном пространстве и др.).

Завершающий раздел включает статьи по актуальным проблемам международных отношений (середина XX в. – настоящее время). С. В. Виватенко и О. В. Баев дали характеристику путешественникам, которые разрабатывались в 1944–1945 гг. для американских солдат с целью их знакомства с французской культурой и обществом. В. В. Миронов провел сравнительный анализ восприятия экспертных оценок политическим руководством СССР и США ситуации в Афганистане в 1979–1985 гг. Автор выявил большую эффективность методов экспертизы политической ситуации американскими специалистами. Проблемы и перспективы экспорта услуг российскими вузами в области высшего образования в Таджикистан были охарактеризованы А. М. Погорельской и Н. П. Погодаевым. Авторы делают упор на то, что сотрудничество с Россией в сфере образования позволит Республике Таджикистан решить часть внутренних неблагоприятных факторов (рост населения и нехватка кадров, клановость, коррупция и пр.).

Dear readers and authors!

This third issue of SibScript focuses on archeology, history, and international relations. The articles on history and archeology that we are proud to introduce feature a wide range of topical issues, from conservation of archaeological sites and interpretation of archival sources to Russia's socio-economic development in particular periods, diachrony of personnel training, and the evolution of public attitudes to religious practices. The publications on international relations concentrate on information and cyber security, domestic and international conflicts, representation of foreign lifestyle in mass media, etc. Our authors are not afraid to reinterpret historical sources, thus providing a new angle on some key topics in domestic and foreign history.

The Journal opens with archeology. Yu. Yu. Gisey in her article criticizes the current procedures of cadastral registration of archaeological monuments. Yu. I. Mikhailov explains how the people of Seima-Turbino culture processed spearheads. The author studied artifacts from the Ob-Irtysh Valley and provided a practical explanation to the standard size and shape of spearheads: the spears neither broke nor got stuck in the enemy's body.

The next two articles feature the issues of personnel training and social development in the Russian Empire. Yu. M. Gordeev's article describes the early years of the Neplyuev Military School. The school had such novelties as Eastern and European languages in the curriculum. Its graduates became officers, state officials, and teachers in Russian Asia. K. Z. Ragimova used the historiographic approach to structure the social and legal status of academic community in West Siberia in 1885–1918.

Then, we move up the timeline to study the social, spiritual, and political transformations that happened in Russia in 1917–1920s. V. A. Barmin compared Soviet and post-Soviet discourse on the so-called Basmachi movement in Turkestan. Even as the fight against the Basmachi went on, some party and military leaders voiced their critical opinions that it was the strict Soviet policy against the local religion, traditions, and nomadism that led to the mass anti-Soviet movement

in the region. A. A. Kalashnikov worked with unpublished archival documents to study the territorial issues in West Siberia. In 1917–1919, the former Altai Province lost almost one third of its forestry and mining lands to its neighbors. As the region kept changing hands, partisan movement and peasant protests increased, which the local authorities kept secret from the central government. N. V. Tikhomirov analyzed archival Yakut newspapers to study the public attitude to shaman practices in 1920s.

The section of Soviet history concentrates on source studies and historiography. D. N. Gergilev, R. V. Pavlyukevich, and A. S. Kuzmenko reviewed the postgraduate education in the Krasnoyarsk Region in 1949–1988. They linked the boom of postgraduate education with the objectives of the scientific and technological revolution, as well as the industrial and economic needs. E. Yu. Starodubtsev and A. N. Ermolaev identified three stages in the domestic historiography of the mass evacuation to Western Siberia during the Great Patriotic War. If earlier studies concentrated mainly on the economic issues, new sources made it possible to address various social and demographic matters.

Section four touches upon such issues of global history as ethnic minorities and the development of information and cyber security infrastructure.

I. V. Nam and N. I. Naumova described the Romanization of the ethnic minorities in Bessarabia, i.e., Moldovans, Rusyns, Poles, Russians, Germans, Gagauz, etc., after its occupation by Romania during the interbellum. The Romanian authorities banned local government bodies and employed aggressive language and education policies, which caused active resistance from the ethnic minorities. E. N. Matyukhina analyzed the Indian best practices in the information and cyber security infrastructure, e.g., changes in legislation, organization of special government agencies, development of special mechanism to protect Indian databases from external attacks, etc.

The final section introduces articles on more recent international issues. S. V. Vivatenko and O. V. Baev analyzed the guidebooks written in 1944–1945 for American soldiers to introduce them to French culture. V. V. Mironov compared how Soviet and US governments received expert reports on the situation in Afghanistan in 1979–1985. According to the author, American specialists had a much more effective methods of expertise. A. M. Pogorelskaya and N. P. Pogodaev studied the current Russian export of academic services to Tajikistan. The authors believe that it may help Tajikistan to solve such issues in the sphere of higher education as young population growth, shortage of qualified personnel, nepotism, corruption, etc.

Объекты археологического наследия: проблемы интерпретации, учета и хранения

Объекты археологического наследия: вопросы государственного кадастрового учета и государственной охраны

Гизей Ю. Ю. 323

Размерный стандарт сейминско-турбинских отливок с ушками

Михайлов Ю. И. 335

Подготовка кадров и социальное развитие в Российской империи

Проблемы основания Оренбургского Неплюевского военного училища в первой четверти XIX в.

Гордеев Ю. М. 345

Социально-правовой статус административного и профессорско-преподавательского состава

Западно-Сибирского учебного округа в 1885–1918 гг. (историографический аспект)

Рагимова К. З. 362

На переломе эпох: социальные, духовные и политические трансформации 1917 – 1920-х гг.

Причины возникновения басмаческого движения и его социальная база в оценках партийного руководства и командования Красной армии советского Туркестана (1918–1924 гг.)

Бармин В. А. 379

Административно-территориальный раздел бывшего Алтайского округа в 1917–1919 гг.

Калашиников А. А. 389

«В камлания пустились даже дети-подростки»: шаманство в повседневности якутов 1920-х гг.

(по материалам газеты «Автономная Якутия»)

Тихомиров Н. В. 404

Из истории СССР

Динамика подготовки научных кадров в системе аспирантуры Красноярского края в 1949–1988 гг.

Гергилев Д. Н., Павлюкевич Р. В., Кузьменко А. С. 415

Эволюция подходов к изучению эвакуации населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии

Стародубцев Е. Ю., Ермолаев А. Н. 429

Всеобщая история

Эволюция инфраструктуры информационной и кибербезопасности Индии

Матюхина Е. Н. 441

Этнические меньшинства Бессарабии в контексте политики румынизации (1918–1920 гг.)

Нам И. В., Наумова Н. И. 459

Актуальные проблемы международных отношений (середина XX в. – настоящее время)

Путеводители по Франции для американских освободителей

Виватенко С. В., Баев О. В. 471

Восприятие ситуации в Афганистане в экспертных подходах СССР и США в 1979–1985 гг.

По материалам заседаний Политбюро ЦК КПСС и аналитических докладов ЦРУ

Мионов В. В. 481

Экспорт российских услуг в области высшего образования в Таджикистан:

предпосылки, сложности и перспективы

Погорельская А. М., Погодаев Н. П. 492

Archaeological Artifacts: Interpretation, Recording, and Storage

- Archaeological Heritage Sites: State Cadastral Registration and State Protection
Gizey Yu. Yu. 323
- Dimensional Standards of Seima-Turbino Castings with Eyes
Mikhailov Yu. I. 335

Personnel Training and Social Development in the Russian Empire

- Orenburg Neplyuev Military School in the First Quarter of the XIX Century: Organization Issues
Gordeev Yu. M. 345
- Social and Legal Status of Administrative and Academic Staff in West Siberia, 1885–1918:
 Historiographical Aspect
Ragimova K. Z. 362

Between Two Ages: Social, Spiritual, and Political Transformations in 1917–1930

- Basmachi Movement and Its Supporters in Reports by Party Leaders
 and Red Army Commanders in Soviet Turkestan, 1918–1924
Barmin V. A. 379
- Administrative and Territorial Division of the Former Altai Region in 1917–1919
Kalashnikov A. A. 389
- "Even Teenagers Practiced Shamanism": Routine of Shamanism in Yakutia in 1920s as Described
 in the Autonomous Yakutia Newspaper
Tikhomirov N. V. 404

History of the USSR

- Academic Personnel Training in Postgraduate Education in Krasnoyarsk Region in 1949–1988
Gergilev D. N., Pavlyukevich R. V., Kuzmenko A. S. 415
- Civil Evacuation to Western Siberia during the Great Patriotic War: Evolution of Approaches
 in Russian Historiography
Starodubtsev E. Yu., Ermolaev A. N. 429

World History

- Evolution of India's External Information and Cyber Security Infrastructure
Matyukhina E. N. 441
- Ethnic Minorities in Bessarabia during Romanization in 1918–1920
Nam I. V., Naumova N. I. 459

Current Issues of International Relations: from 1950 to Present

- Guides to France for American Liberators
Vivatenko S. V., Baev O. V. 471
- USSR vs. US Expert Approaches to Situation in Afghanistan in 1979–1985:
 CPSU Politburo Minutes vs. CIA Reports
Mironov V. V. 481
- Export of Russian Educational Services to Tajikistan: Prerequisites, Problems, and Prospects
Pogorelskaya A. M., Pogodaev N. P. 492

© 2024. Гизей Ю. Ю.

Объекты археологического наследия

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/cjtpga>

Объекты археологического наследия: вопросы государственного кадастрового учета и государственной охраны

Гизей Юлия Юрьевна

Кемеровский государственный институт культуры, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2241-5217

<https://orcid.org/0009-0006-8516-3782>

gizey-yur@yandex.ru

Аннотация: Рассмотрены особенности правового статуса и государственной охраны объектов археологического наследия как специфических объектов недвижимого имущества. Особое внимание уделено государственному кадастровому учету памятников археологии и их территорий, его роли в организации государственной охраны таких объектов. Проведен анализ состояния нормативной правовой базы государственной охраны археологического наследия, регуливающей вопросы государственного кадастрового учета объектов культурного наследия и связанных с ним мероприятий государственной охраны, таких как обременение (ограничение) прав собственности на земельный участок, в границах которого располагается памятник археологии, запрет на опубликование ряда сведений об объектах культурного наследия при ведении единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Рассмотрен опыт Кемеровской области – Кузбасса и других регионов по взаимодействию в Росреестром и Роскадастром при внесении сведений о памятниках археологии и их территориях в Единый государственный реестр недвижимости. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования государственного кадастрового учета в отношении объектов археологического наследия, а также необходимости переоценки действенности запрета опубликования сведений о местонахождении археологических объектов в современных условиях.

Ключевые слова: объекты археологического наследия, памятники археологии, границы территории, государственный кадастровый учет, Единый государственный реестр недвижимости, государственная охрана

Цитирование: Гизей Ю. Ю. Объекты археологического наследия: вопросы государственного кадастрового учета и государственной охраны. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 323–334. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-323-334>

Поступила в редакцию 31.10.2023. Принята после рецензирования 30.01.2024. Принята в печать 05.02.2024.

full article

Archaeological Heritage Sites: State Cadastral Registration and State Protection

Yulia Yu. Gizey

Kemerovo State Institute of Culture, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 2241-5217

<https://orcid.org/0009-0006-8516-3782>

gizey-yur@yandex.ru

Abstract: Archaeological heritage sites are a special object of real estate; they have a particular legal status and state protection issues. This article describes the state cadastral registration of archaeological monuments and sites, as well as the function of the state cadaster in their protection by the state. The registration procedure for state protection includes a number of measures. For instance, land plots that contain an archeological monument in their boundaries

are subject to encumbrance or restriction of ownership rights. Certain information about cultural heritage sites cannot be published openly if the site enters the Unified State Register of Cultural Heritage of the Nations of the Russian Federation. The author how the Kemerovo Region and other regions register their archaeological monuments and sites in the Russian State Register (Rosreestr), the State Land Registry (Roskadastr), and the Unified State Register of Real Estate. The current procedure for state cadastral registration needs some improvements in relation to archaeological heritage sites. Under the modern conditions, the ban on publishing the location of archaeological sites is ineffective.

Keywords: archaeological heritage sites, archaeological monuments, boundaries, state cadastral registration, Unified State Register of Real Estate, state protection

Citation: Gizey Yu. Yu. Archaeological Heritage Sites: State Cadastral Registration and State Protection. *SibScript*, 2024, 26(3): 323–334. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-323-334>

Received 31 Oct 2023. Accepted after peer review 30 Jan 2024. Accepted for publication 5 Feb 2024.

Введение

В комплексе объектов культурного наследия особое место занимает археологическое наследие. Высокую историко-культурную ценность памятникам археологии придает тот факт, что при отсутствии письменных источников они являются практически единственным свидетелем древнейшей истории на огромной территории нашей страны. На 01.01.2023 в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ (далее – реестр объектов культурного наследия) зафиксирован 155531 памятник истории и культуры, из них объектов археологического наследия 55821. На государственной охране также состоят 126932 выявленных объекта культурного наследия, значительную часть которых составляют памятники археологии¹.

Особенностью объектов археологического наследия является то, что для реконструкции исторических процессов, миграций, протекавших на той или иной территории, важен не отдельный памятник, а анализ массива археологических памятников. Поэтому важной государственной задачей является выявление и сохранение всех объектов археологического наследия. Деление памятников на перспективные / неперспективные, значительные / незначительные, интересные / неинтересные в данном случае некорректно.

В соответствии с определением понятия *объект археологического наследия*, содержащимся в ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ от 25.06.2002 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»

(далее – ФЗ № 73-ФЗ), памятник археологии включает в себя археологические предметы и культурные слои. При научном исследовании и реконструкции памятника для археолога важны не только и не столько сами археологические предметы, а их связь с культурным слоем памятника (размещение и расположение в культурном слое)². Именно это отличает профессионального археолога от «черного копателя», для которого ценность имеет только материальная ценность археологического предмета. При проведении полевых археологических работ проводится тщательная фиксация мест нахождения археологических предметов. Если последние после раскопок попадают в государственный музейный фонд РФ, то культурный слой в результате исследования утрачивается (разрушается).

Другой спецификой памятника, полностью или частично скрытого в земле или под водой, является то, что он виден только специалисту. Для ряда видов памятников археологии, например, грунтовых могильников, стоянок, их выявление возможно только методами полевых археологических работ, предусматривающих шурфовку территории. С целью предотвращения уничтожения археологических объектов в ходе хозяйственного освоения законодатель предусмотрел институт государственной историко-культурной экспертизы земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, ряда работ по использованию лесов. Если орган охраны памятников допускает возможность обнаружения на указанных территориях археологических

¹ Количество объектов культурного наследия, включенных в реестр. *ЕМИСС. Государственная статистика*. М.: Росстат. URL: <https://fedstat.ru/indicator/55126> (дата обращения: 30.10.2023).

² Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ. ФЗ № 73-ФЗ от 25.06.2002. Ст. 3. Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов РФ. *СПС КонсультантПлюс*.

памятников, обязательно должно проводиться полевое археологическое исследование территории (археологическая разведка)³. Ежегодно в ходе государственной историко-культурной экспертизы земель выявляются новые объекты археологического наследия.

Следует отметить непонимание неспециалистами историко-культурной ценности памятников археологии. Увидев вместо изящных ювелирных изделий или посуды, какие показывают в музеях, непрезентабельные нуклеусы, скребки, наконечники стрел, глиняные черепки, бусины, заказчик историко-культурной экспертизы стремится отказаться от такого наследия, отрицая его ценность. Бывают случаи обвинения археологов в подкидывании артефактов на исследуемый земельный участок.

Угрозу объектам археологического наследия помимо природных факторов (например, рытье нор животными, меандрирование рек, береговая абразия, ветровая и водная эрозия и др.) несут техногенные факторы: уничтожение почвенного покрова земли в результате хозяйственной деятельности. Современная строительная техника и технологии обладают большим разрушительным потенциалом. Еще одной угрозой является антропогенный фактор, связанный в том числе с работой «черных копателей» и хозяйственной деятельностью недобросовестных собственников земельных участков, в границах которых присутствуют объекты археологического наследия.

Поэтому, исходя из принципа уникальной ценности каждого объекта культурного наследия, законодатель наделяет все объекты археологического наследия высшей категорией историко-культурного значения – федеральной⁴.

ФЗ № 73-ФЗ под государственной охраной объектов культурного наследия понимается система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных принимаемых органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления в пределах их компетенции мер, направленных на выявление, учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда⁵.

Из комплекса мероприятий государственной охраны, предусмотренных ст. 33 указанного закона, для обеспечения сохранности и предотвращения разрушения объектов археологического наследия представляются наиболее важными следующие:

- утверждение предмета охраны и границ территории объекта культурного наследия;
- установление особого режима использования земельного участка, в границах которого располагается объект археологического наследия;
- установление ограничений (обременений) права собственности или иных вещных прав на объект культурного наследия требованиями в отношении объекта культурного наследия⁶.

Вследствие того, что памятник археологии как объект культурного наследия является объектом недвижимого имущества, при реализации указанных мероприятий предусмотрено внесение сведений в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) с помощью межведомственного взаимодействия органов охраны объектов культурного наследия и органа регистрации прав: Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) и ее управления в регионах. Указанное взаимодействие регулируется ст. 20.2 ФЗ №73-ФЗ⁷ и Федеральным законом № 218-ФЗ от 13.07.2015 «О государственной регистрации недвижимости»⁸.

Цель исследования – анализ правового регулирования и практики государственного кадастрового учета территорий объектов археологического наследия уполномоченными исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Задачи: изучить нормативную правовую базу государственной охраны археологического наследия и государственной регистрации недвижимости; выявить роль государственного кадастрового учета в организации государственной охраны памятников археологии; рассмотреть деятельность Комитета по охране объектов культурного наследия Кузбасса и опыт органов охраны памятников других субъектов РФ по определению границ территории археологических памятников и их государственному кадастровому учету.

³ Там же. Ст. 30. Объекты историко-культурной экспертизы.

⁴ Там же. Ст. 4. Категории историко-культурного значения объектов культурного наследия.

⁵ Там же. Ст. 6. Государственная охрана объектов культурного наследия.

⁶ Там же. Ст. 33. Цели и задачи государственной охраны объектов культурного наследия.

⁷ Там же. Ст. 20.2. Информационное взаимодействие при ведении реестра.

⁸ О государственной регистрации недвижимости. ФЗ № 218-ФЗ от 13.07.2015. СПС КонсультантПлюс.

Вне данного исследования остались вопросы методов дистанционного мониторинга состояния памятников археологии и проблема категории и вида использования земель, занятых археологическими объектами.

Вопросы правового статуса археологических памятников как объектов недвижимого имущества освещены в публикациях [Акимова 2014; Богомяков 2011; Васильев 2023; Зубенко 2020; Калинин 2023; Кондрашев 2017; Панфилов 2018; Папков, Кухарук 2015]. Исследователи отмечают противоречивость правового статуса памятников археологии как объектов недвижимости, что негативно сказывается на их защите.

Следует отметить статьи, посвященные опыту региональных органов охраны памятников по определению границ археологических памятников и взаимодействию с территориальными органами Росреестра и Роскадастра [Буринчик, Лисецкий 2020; Гизей и др. 2020; Даниленко, Буринчик 2019; Дорошенко, Ипеева 2023; Михальченко 2018; Полеводов, Грачев 2017; Сухарукова 2021]. Опубликованный опыт ряда регионов (Алтайский, Красноярский, Приморский края, Белгородская область, Кузбасс) показывает, что проблемы государственного учета археологических памятников характерны для всех регионов, но каждый субъект РФ вырабатывает собственные способы взаимодействия с местными учреждениями Роскадастра, которые до середины 2023 г. формировали индивидуальные подходы к решению этой задачи.

Методы и материалы

В статье особое внимание уделено государственному кадастровому учету территорий объектов археологического наследия и его месту в реализации мероприятий государственной охраны археологического наследия. С этой целью проанализированы актуальная нормативная правовая база, регулирующая внесение в ЕГРН сведений об объектах культурного наследия, позиции органов охраны объектов культурного наследия, Росреестра и Федеральной кадастровой палаты Росреестра (с 01.01.2023 – публично-правовая компания «Роскадастр») по указанному вопросу, опыт Кемеровской области – Кузбасса и других субъектов РФ по внесению в ЕГРН сведений об объектах археологического наследия. В исследовании используются методы анализа и синтеза, а также функциональный метод в отношении деятельности органов охраны объектов культурного наследия, Росреестра, Роскадастра и решений судебных органов.

Результаты

В ЕГРН, представляющем собой свод достоверных систематизированных сведений в текстовой и графической форме, сведения о памятниках истории и культуры содержатся в трех самостоятельных реестрах:

- реестр объектов недвижимости (кадастр недвижимости);
- реестр прав, ограничений прав и обременений недвижимого имущества (реестр прав на недвижимость);
- реестр сведений о границах зон с особыми условиями использования территорий, территориальных зон, границах публичных сервитутов, границах территорий объектов культурного наследия, особо охраняемых природных территорий, лесопарковых зеленых поясов, особых экономических зон, охотничьих угодий, территорий опережающего развития, зон территориального развития в РФ, игорных зон, лесничеств, территории, в отношении которой принято решение о резервировании земель для государственных или муниципальных нужд, о Государственной границе РФ, границах между субъектами РФ, границах муниципальных образований, границах населенных пунктов, о береговых линиях (границах водных объектов), границах Байкальской природной территории и ее экологических зон, а также сведений о проектах межевания территорий (реестр границ)⁹.

Касающиеся объекта культурного наследия в кадастр недвижимости в качестве дополнительных вносятся сведения о том, что земельный участок полностью или частично расположен в границах территории объекта культурного наследия, и сведения о включении объекта недвижимости в реестр объектов культурного наследия. Последние сведения привязываются к кадастровому номеру объекта недвижимого имущества, являющегося объектом капитального строительства (зданием, сооружением, помещением). Объекты археологического наследия как объекты недвижимого имущества имеют противоречивый юридический статус [Богомяков 2011; Кондрашев 2017; Папков, Кухарук 2015]. Согласно определению объекта культурного наследия, данному в ст. 3 ФЗ № 73-ФЗ, объект археологического наследия является объектом недвижимого имущества, т. е. неразрывно связан с землей. При этом объект археологического наследия и земельный участок находятся в гражданском

⁹ Там же. Ст. 7. Состав и правила ведения Единого государственного реестра недвижимости.

обороте раздельно¹⁰. Все объекты археологического наследия находятся в государственной собственности, тогда как земля может находиться в любой форме собственности. Что характерно, ФЗ №73-ФЗ не определяет вид государственной собственности: Российской Федерации или субъекта Российской Федерации. Это создает дополнительные трудности в деятельности региональных органов охраны объектов культурного наследия, т. к. основные мероприятия государственной охраны и государственного контроля (надзора) в сфере охраны объектов культурного наследия предусматривают взаимодействие с собственником, иным законным владельцем объекта культурного наследия, а также в вопросах сохранения объекта археологического наследия, которому угрожают природные, а не техногенные или антропогенные факторы.

Более того, объект археологического наследия не только не является земельным участком, но и не обладает качествами объектов капитального строительства, к которым Градостроительный кодекс РФ относит здания, строения, сооружения, объекты, строительство которых не завершено¹¹. Соответственно, в ЕГРН отсутствуют виды объектов недвижимого имущества, к которым можно отнести объект археологического наследия. Это обстоятельство не позволяет связать между собой две федеральные государственные информационные системы: ЕГРН и реестр объектов культурного наследия.

Сведения о том, что земельный участок полностью или частично расположен в границах территории объекта культурного наследия, вносятся в кадастр недвижимости на основании содержащихся в реестре границ информации о территории объекта культурного наследия. Анализ выписок из ЕГРН о земельных участках и границах территорий объектов археологического наследия Кемеровской области показывает, что в ЕГРН земельные участки и территории объектов археологического наследия не всегда связаны между собой. Очевидно, это технические сложности взаимодействия реестров внутри ЕГРН.

Вдобавок в границах памятника археологии могут находиться земельные участки, не зарегистрированные в кадастре недвижимости. Земли, в отношении которых не проведен государственный кадастровый учет, относятся к государственному земельному фонду, ими распоряжаются в основном органы местного

самоуправления. Необходимо отметить, что на государственном кадастровом учете стоят большие земельные участки, например, когда в один земельный участок входят земли лесного фонда всего лесничества или территория всего сельского поселения. В Кемеровской области, по данным Комитета по охране объектов культурного наследия Кузбасса, на 01.01.2024 расположено 120 памятников на 71 земельном участке лесного фонда. В таком случае режим использования территории распространяется на весь земельный участок.

В реестр границ вносятся сведения о границах территории объекта культурного наследия: карта (схема) территории, координаты основных (поворотных) точек, режим использования территории. ФЗ № 73-ФЗ обязывает соответствующие органы охраны объектов культурного наследия в срок не более 5 рабочих дней со дня утверждения или изменения границ территории объекта культурного наследия направлять соответствующий нормативный документ в орган регистрации прав. Территориальное управление Росреестра принимает указанные сведения по системе межведомственного электронного взаимодействия в формате xml-документа установленной формы, внесение сведений обеспечивает Роскадастр. Территории вносятся в ЕГРН и размещаются на публичной кадастровой карте Росреестра, т. е. являются общедоступными.

Анализ данных публичной кадастровой карты по СФО показывает, что во всех субъектах округа присутствуют опубликованные территории памятников археологии. Минкультуры России и Росреестр мониторят показатели внесения сведений о границах памятников истории и культуры в ЕГРН в рамках контроля за исполнением Поручения Президента России № Пр-2217 от 24.08.2012. Официальные опубликованные сведения по исполнению указанного поручения отсутствуют. На территории Кемеровской области – Кузбасса на 01.01.2024 расположены 812 объектов археологического наследия федерального значения, а также 181 выявленный памятник археологии, границы установлены и утверждены для 769 реестровых памятников и 139 выявленных, в ЕГРН внесены границы 740 и 112 памятников соответственно. Большая часть границ территорий была утверждена и внесена в ЕГРН в 2018–2021 гг. Отсутствующие в кадастре недвижимости границы археологических объектов были утверждены в 2022–2023 гг.

¹⁰ Об объектах культурного наследия... Ст. 49. Особенности владения, пользования и распоряжения объектом археологического наследия и земельным участком или водным объектом, в пределах которых располагается объект археологического наследия.

¹¹ Градостроительный кодекс РФ. № 190-ФЗ от 29.12.2004. Ст. 1. Основные понятия. СПС КонсультантПлюс.

С середины 2022 г. Роскадастр, руководствуясь разъяснениями Росреестра в письме № 13-5664-АБ/22 от 07.07.2022¹², стал отказывать во внесении в ЕГРН сведений о границах территории памятников археологии, ссылаясь на пп. 10 п. 2 ст. 34 ФЗ № 218-ФЗ от 13.05.2015, т.е. относя их к сведениям, не подлежащим внесению в реестр границ в соответствии с законодательством.

При этом Росреестр апеллирует к п. 10 ст. 20 ФЗ № 73-ФЗ, устанавливающему запрет на опубликование ряда сведений об объектах археологического наследия. Перечень таких сведений установлен приказом Минкультуры России № 2328 от 01.09.2015 «Об утверждении перечня отдельных сведений об объектах археологического наследия, которые не подлежат опубликованию»¹³. К таковым относится описание границ территории объекта археологического наследия с приложением текстового описания местоположения этих границ, перечень координат характерных точек этих границ в системе координат, установленной для ведения государственного кадастра объектов недвижимости. Следует отметить, что ст. 20 ФЗ № 73-ФЗ посвящена ведению реестра объектов культурного наследия, соответственно, запрет на опубликование информации о местонахождении археологических памятников относится к реестру объектов культурного наследия, который также публикует сведения об объектах культурного наследия в формате открытых данных.

В банке решений арбитражных судов информационной системы «Мой арбитр»¹⁴ были выявлены дела № А63-17393/2022 и № А63-19542/2022 об обязанности Федеральной кадастровой палаты Росреестра по Ставропольскому краю внести в ЕГРН сведения о границах территории объектов археологического наследия, как реестровых, так и выявленных. С заявлениями обратилось Управление Ставропольского края по сохранению и государственной охране объектов культурного наследия. В обоих случаях иски были

удовлетворены полностью. Суд пришел к выводу, что отсутствие указанных сведений в ЕГРН препятствует обеспечению проведения мероприятий, направленных на сохранение выявленных объектов культурного наследия, а это может привести к ухудшению их состояния или утрате, также наличие доступа к достоверной информации об ограничениях и обременениях является необходимым как для правообладателей объектов недвижимого имущества, границы которых могут подпадать под действия таких ограничений, так и для органов власти, осуществляющих надзорные и контрольные функции¹⁵.

Ужесточение государственной охраны объектов культурного наследия, внедрение мер обеспечения сохранности объектов культурного наследия, требование к органам охраны памятников вносить сведения в ЕГРН об объектах культурного наследия и их территориях были введены в ФЗ № 73-ФЗ Федеральным законом № 315-ФЗ от 22.10.2014¹⁶, внесшим также ряд изменений, касающихся объектов культурного наследия, в градостроительный, земельный, водный, гражданский кодексы, кодекс об административных правонарушениях и другие законодательные акты. Усиление мер государственной охраны объектов археологического наследия, установление особого режима использования земельного участка, в границах которого находится памятник археологии, стало результатом борьбы археологического сообщества с чернокопательством, что прослеживается по публикационной активности по данной тематике в 2000–2010-х гг. [Васютин и др. 2020; Волкодав, Давыденко 2015; Грищенко, Грищенко 2011; Дворников, Заботин 2015; Исаев 2019; Каретников 2010; Кириллов 2011; Клебанов 2013; Лазарев и др. 2015; Макаров 2004; Макаров и др. 2015; Пиотровский 2004; Санжаров 2021; Энгватова 2013].

Объектам археологического наследия, находящимся в труднодоступных местах (сибирская тайга, например), которые должны обследоваться органами

¹² Письмо Росреестра № 13-5664-АБ/22 от 07.07.2022. URL: https://ki-rf.ru/wp-content/uploads/2023/02/Письмо-РР-от-07.07.2022-№13-5664-АБ_22.pdf (дата обращения: 27.10.2023).

¹³ Об утверждении перечня отдельных сведений об объектах археологического наследия, которые не подлежат опубликованию. Приказ Минкультуры России № 2328 от 01.09.2015. *СПС КонсультантПлюс*.

¹⁴ Электронное правосудие. Банк решений. *Информационная система «Мой арбитр»*. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 27.10.2023).

¹⁵ Решение Ставропольского арбитражного суда от 03.05.2023 по делу №А63-19542/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/a3a22a51-4345-4c6c-882f-b53a0cf9096d/c9f39435-1929-40f8-b5eb-7cef1c70c51e/A63-19542-2022_20230503_Reshenija_i_postanovlenija.pdf (дата обращения: 30.10.2023).

¹⁶ О внесении изменений в ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» и отдельные законодательные акты РФ. ФЗ № 315-ФЗ от 22.10.2014. *СПС КонсультантПлюс*.

охраны объектов культурного наследия для оценки их состояния не реже 1 раза в 5 лет, при публикации информации о местонахождении ущерб действительно может быть нанесен черными копателями, т.к. осуществление более частого режима контроля за состоянием памятника затруднено. В этом плане перспективным представляется использование современных геоинформационных технологий и технологий дистанционного мониторинга объектов археологического наследия по примеру технологий, используемых для мониторинга земель лесного фонда и земель сельскохозяйственного назначения [Кениг 2014].

В соответствии с требованиями приказа Минкультуры России № 2328 от 01.09.2015 региональные органы охраны публикуют приказы об утверждении предметов охраны и границ территорий объектов археологического наследия в ограниченном виде. Схематично памятники археологии отображены на генеральных планах и схемах территориального планирования, которые в обязательном порядке размещаются во ФГИС ТП¹⁷ и на сайтах муниципальных образований.

Данные об археологических памятниках, включая их местонахождение, топопланы, описание археологических предметов, содержатся в научных публикациях археологов, в том числе о результатах археологических разведок. Одним из примеров формирования сводной информации об объектах археологического наследия является Археологическая карта России¹⁸. На местоположение археологических памятников указывают даже их названия, как правило, связанные с ближайшими топонимами.

Таким образом, для черных копателей, зачастую обладающих соответствующими знаниями и навыками, не составляет труда выяснить местонахождение и ценность памятника археологии, используя общедоступную информацию.

Для объектов археологического наследия, находящихся в границах населенных пунктов, на землях активного хозяйственного освоения, несет угрозу именно отсутствие опубликованной информации о месте нахождения, т.к. памятник может быть разрушен по незнанию. В случае крупного строительства,

предусматривающего государственную экспертизу проектной документации и результатов инженерных изысканий, объекты археологического наследия защищены государственной историко-культурной экспертизой земель, подлежащих хозяйственному освоению.

Однако для индивидуального строительства также при выделении муниципалитетами земельных участков с последующей приватизацией земель государственного фонда единственным официальным источником информации о нахождении на территории археологических объектов могут быть только сведения о границах объектов культурного наследия в ЕГРН. Отсутствие открытых данных о границах памятников археологии влияет на оценку инвестиционной привлекательности территорий, увеличивает риски незапланированных расходов при реализации строительных проектов, что вызывает не только стремление застройщиков игнорировать археологию, но и борьбу за отмену института государственной историко-культурной экспертизы.

Мероприятием государственной охраны по обеспечению сохранности объекта археологического наследия, направленной на соблюдение особого режима использования занятого им земельного участка, является вменение собственникам таких участков охранного обязательства, которое должно регистрироваться в реестре прав на недвижимость ЕГРН в качестве ограничения (обременения) права собственности, других вещных прав, а также иных имущественных прав на объект культурного наследия¹⁹.

Поскольку государственная регистрация права в ЕГРН является единственным доказательством зарегистрированного права²⁰, реестр является единственным официальным источником информации о государственном кадастровом учете и государственной регистрации прав на земельные участки. Кроме того, законодательством не предусмотрено информирование региональных органов охраны объектов культурного наследия о смене собственников земельных участков, содержащих памятники археологии. Отсутствие в ЕГРН сведений о границах территории объектов археологического наследия

¹⁷ Федеральная государственная информационная система территориального планирования.

¹⁸ Археологическая карта России. *Институт археологии Российской Академии наук*. URL: <https://home.archaeolog.ru/oanmap/?g=t&ll=60.506458,103.614306&z=4&m=0> (дата обращения: 27.10.2023).

¹⁹ Об объектах культурного наследия... Ст. 47.1. Ограничения (обременения) имущественных прав на объект культурного наследия требованиями в отношении объекта культурного наследия.

²⁰ О государственной регистрации недвижимости... Ст. 1. Предмет регулирования настоящего Федерального закона. Основные положения.

затрудняет определение земельных участков в их границах и, соответственно, их собственников.

Мониторинг в 2018–2023 гг. объектов археологического наследия Кемеровской области – Кузбасса, сведения о границах которых внесены в ЕГРН, деятельность Комитета по охране объектов культурного наследия Кузбасса по обременению собственников земельных участков с памятниками археологии охраняемыми обязательствами показывают, что часть объектов культурного наследия расположены на землях, в отношении которых не проведен государственный кадастровый учет (311 из 740 памятников, границы которых внесены в кадастр недвижимости); в отношении части зарегистрированных кадастровых участков не зарегистрированы права собственности (102 из 740 земельных участков, в границах которых находятся археологические объекты); для некоторых земельных участков зарегистрирована аренда при отсутствии зарегистрированного права собственности (8 земельных участков).

Уникальным является опыт Белгородской области, когда при определении границ выявленного объекта археологического наследия, расположенного на землях государственного фонда, одновременно разрабатывается землеустроительная документация по выделению земельного участка, совпадающего с территорией памятника, с последующей государственной регистрацией прав региональной государственной собственности [Даниленко, Бурунчик 2019: 35]. Процесс достаточно трудоемкий и требующий значительных расходов на проведение землеустроительных работ. При обсуждении этой практики на XVI Всероссийском съезде органов охраны памятников истории и культуры (г. Калининград, 28–30 сентября 2017 г.) многие участники отметили неготовность руководства регионов к таким мерам. К тому же в отношении земель, находящихся в частной собственности, подобная операция возможна только при условии выкупа земельного участка.

Одним из способов ухода собственника земельного участка от ограничения (обременения) права, связанного с нахождением на участке памятника археологии, стало исключение правообладателями территории из его состава, т. е. вымежевание территории памятника в отдельный земельный участок [Бурунчик, Лисецкий 2020: 382]. Эта тенденция прослеживается и в Кузбассе: в ЕГРН числится 18 земельных участков с назначением под размещение объекта культурного наследия либо объекта археологического наследия.

Заключение

Содержание в ЕГРН сведений об объектах культурного наследия, границах их территорий, регистрация ограничений права на объекты культурного наследия являются важными инструментами обеспечения государственной охраны объектов культурного наследия, способом информирования органов государственной власти и местного самоуправления, собственников объектов культурного наследия об особенностях использования, владения и сохранения памятников истории и культуры.

Двойственный характер объектов археологического наследия, обусловленный его спецификой и отдельным гражданским оборотом самого памятника археологии и занимаемого им земельного участка, влечет особенности государственного кадастрового учета объектов археологического наследия. Памятники археологии не подлежат государственному кадастровому учету в качестве объектов недвижимости, поэтому ограничения по их использованию и сохранению распространяются на земельные участки, в границах которых они расположены. Земельный участок и территория объекта культурного наследия, на котором он находится, в ЕГРН расположены в разных частях: кадастр недвижимости и реестр границ соответственно.

Информация из ЕГРН о территориях объектов археологического наследия необходима в градостроительной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, инвестиционных, проектных и строительных организаций. Не меньшее значение она имеет для соблюдения правообладателями земельных участков с памятниками археологии особого режима использования их территорий.

Связь реестра границ с реестром прав на недвижимость ЕГРН обеспечивает проведение органами охраны объектов культурного наследия мероприятий, направленных на обеспечение сохранности археологических памятников, в частности обременение правообладателей земельных участков охраняемыми обязательствами.

В результате отсутствия в ЕГРН сведений о территории памятников археологии приводит к тому, что объекты археологического наследия федерального значения не обеспечены государственной охраной в полном объеме. Еще беззащитнее – выявленные объекты культурного наследия.

Позиция Росреестра и действия Роскадастра по отказу внесения сведений о границах объектов

археологического наследия, связанная с законодательным требованием запрета опубликования сведений о границах объектов археологического наследия, включая координаты характерных точек, при ведении реестра объектов культурного наследия, непродуктивна и значительно снижает эффективность государственной охраны археологического наследия, делая его особо уязвимым при активном хозяйственном освоении земель.

Появление в законодательстве в 2015 г. запрета на публикацию сведений о местонахождении объектов археологического наследия было связано с проблемой «черных копателей», наносящих непоправимый ущерб археологическому наследию. Однако на сегодняшний день для археологических памятников на землях населенных пунктов и территориях активного хозяйственного освоения большую угрозу несет

как раз отсутствие открытых данных о границах территорий памятников. Пришло время пересмотреть действенность запрета на опубликование сведений о границах памятников археологии как меры по обеспечению их сохранности. Требуется также дальнейшего совершенствования учета сведений об объектах археологического наследия в ЕГРН как в технических аспектах работы реестра, так и в нормативном регулировании.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Акимова С. В. Учет объектов археологического наследия как фактор обеспечения их сохранности. *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. (Казань, 20–25 октября 2014 г.) Казань: Отечество, 2014. Т. IV. С. 379–380. [Akimova S. V. Archaeological heritage register as a preservation factor. *Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan*, Kazan, 20–25 Oct 2014. Kazan: Otechestvo, 2014, vol. 4, 379–380. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wfkryb>
- Богомяков И. Право собственности на земельные участки, занятые объектами археологического наследия. *Хозяйство и право*. 2011. № 4. С. 118–121. [Bogomyakov I. Ownership of land plots occupied by objects of archaeological heritage. *Khoziaistvo i pravo*, 2011, (4): 118–121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/umqrep>
- Буринчик А. С., Лисецкий Ф. Н. Особенности охраны и государственной регистрации объектов археологического наследия на территории Белгородской области. *Региональные геосистемы*. 2020. Т. 44. № 4. С. 375–387. [Burinchik A. S., Lisetskii F. N. Features of protection and state registration of objects of archaeological heritage in the Belgorod region. *Regional Geosystems*, 2020, 44(4): 375–387. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18413/2712-7443-2020-44-4-375-387>
- Васильев С. А. Проблемы правового обеспечения сохранности объектов археологического наследия. *Культура: управление, экономика, право*. 2023. № 3. С. 19–23. [Vasilyev S. A. Problems of legal support of preservation of archaeological heritage sites. *Kultura: upravlenie, ekonomika, pravo*, 2023, (3): 19–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2070-2159-2023-3-19-23>
- Васютин С. А., Марочкин А. Г., Герман П. В., Сизёв А. С., Горлышкин Н. Е. Основные вызовы сохранению археологического наследия Кузбасса. Часть I: «археологическое» кладоискательство. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 2. С. 307–317. [Vasyutin S. A., Marochkin A. G., German P. V., Sizyov A. S., Gorlyshkin N. E. Key challenges to the archaeological heritage preservation in Kuzbass. Part I: "Archaeological treasure hunting". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 307–317. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-307-317>
- Волкодав Н. В., Давыденко Г. Г. Пресечение несанкционированных раскопок на Кубани: проблематика отдельных аспектов. *Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы*: конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии». (Москва, 9–10 декабря 2013 г.) М.: ИА РАН, 2015. С. 52–61. [Volkodav N. V., Davydenko G. G. Prevention of unauthorized excavation in Kuban region: Issues of individual aspects. *Preservation of archaeological heritage: Issues and prospects*: Proc. Conf. "Prevention of illegal archeology activities", Moscow, 9–10 Dec 2013. Moscow: IA RAS, 2015, 52–61. (In Russ.)]

- Гизей Ю. Ю., Онищенко С. С., Соколов П. Г. Сохранение объектов археологического наследия в Кемеровской области – Кузбассе (некоторые аспекты региональной специфики). *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре*. (Самара, 1–2 октября 2020 г.) Самара: СГСПУ, 2020. Т. III. С. 187–189. [Gizey Yu. Yu., Onishchenko S. S., Sokolov P. G. Preservation of archaeological heritage sites in the Kemerovo region – Kuzbass: some aspects of regional specifics. *Proceedings VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara*, Samara, 1–2 Oct 2020. Samara: SSSPU, 2020, vol. III, 187–189. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rkyuqe>
- Грищенко В. А., Грищенко Ю. В. Процедуры охраны объектов археологического наследия в Сахалинской области. *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда*. (Великий Новгород – Старая Русса, 24–29 октября 2011 г.) СПб.: ИИМК РАН, 2011. Т. II. С. 284–285. [Grishchenko V. A., Grishchenko Yu. V. Procedures for the protection of archaeological heritage objects in the Sakhalin region. *Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress, Veliky Novgorod – Staraya Russa*, 24–29 Oct 2011. St. Petersburg: IHMS RAS, 2011, vol. II, 284–285. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/swhsqx>
- Даниленко Е. П., Бурынчик А. С. Формирование территорий объектов археологического наследия в Белгородской области. *Вектор ГеоНаук*. 2019. Т. 2. № 1. С. 33–43. [Danilenko E. P., Burinchik A. S. Formation of territories of archaeological heritage sites in the Belgorod Region. *Vector of Geosciences*, 2019, 2(1): 33–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2619-0761-2019-10005>
- Дворников А. С., Заботин Н. А. Несанкционированные раскопки в Тверской области и проблемы их пресечения. *Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы: конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии»*. (Москва, 9–10 декабря 2013 г.) М.: ИА РАН, 2015. С. 62–67. [Dvornikov A. S., Zabotin N. A. Unauthorized excavation in Tver region and prevention issues. *Preservation of archaeological heritage: Issues and prospects: Proc. Conf. "Prevention of illegal archeology activities"*, Moscow, 9–10 Dec 2013. Moscow: IA RAS, 2015, 62–67. (In Russ.)]
- Дорошенко П. В., Ипеева А. А. Вопросы государственной охраны объектов археологического наследия: учет, инвентаризация, контрольно-надзорная деятельность и государственная историко-культурная экспертиза. *Город, пригодный для жизни: V Междунар. науч.-практ. конф.* (Красноярск, 10–11 ноября 2022 г.) Красноярск: СФУ, 2023. С. 488–492. [Doroshenko P. V., Ipeeva A. A. Issues of state protection of archaeological heritage objects: Accounting, inventory, control and supervision activities and state historical and cultural expertise. *City fit for life: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Krasnoyarsk, 10–11 Nov 2022. Krasnoyarsk: SFU, 2023, 488–492. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rqivdg>
- Зубенко Ю. С. Земельные участки с объектами археологического наследия в Российской Федерации: правовые проблемы. *Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета*, отв. ред. М. Г. Сухова. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2020. Т. 15. С. 166–171. [Zubenko Yu. S. Land plots with objects of archaeological heritage in the Russian Federation: Legal problems. *Scientific Bulletin of the Gorno-Altai State University*, ed. Sukhova M. G. Gorno-Altai: GASU, 2020, vol. 15, 166–171. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qkebdw>
- Исаев М. Ю. Особенности и перспективы развития правовой охраны объектов археологического наследия. *Аллея науки*. 2019. Т. 1. № 11. С. 733–739. [Isaev M. Yu. Features and prospects of development of legal protection of archaeological heritage sites. *Alleia nauki*, 2019, 1(11): 733–739. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/satlgb>
- Калинин Г. И. Защита публичных интересов: возмещение вреда, причиненного объектам археологического наследия. *Хозяйство и право*. 2023. № 4. С. 110–121. [Kalinin G. I. Protection of public interests: Compensation for damage caused to archaeological heritage. *Khoziaistvo i pravo*, 2023, (4): 110–121. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-4-110-121>
- Каретников А. Л. Незаконные раскопки в урочище «Марья Святая» как фактор разрушения археологических памятников. *Экология и Культура: от прошлого к будущему: IV науч.-практ. конф.* (Карабиха, 2–3 декабря 2010 г.) Карабиха-Ярославль: Гос. литературно-мемориальный музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха», 2010. С. 32–37. [Karetnikov A. L. Illegal excavation near the Marya Svyataya tract as a factor of destruction of archaeological sites. *Ecology and Culture: From the past to the future: Proc. IV sci.-Pract. Conf.*, Karabikha, 2–3 Dec 2010. Karabikha-Yaroslavl: N. A. Nekrasov State Literary and Memorial Museum-Reserve "Karabikha", 2010, 32–37. (In Russ.)]
- Кениг А. В. Применение ГИС и средств ДЗЗ для мониторинга территорий объектов археологического наследия. *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. (Казань, 20–25 октября 2014 г.) Казань:

- Отечество, 2014. Т. IV. С. 406–407. [Kenig A. V. GIS and remote sensing tools for monitoring the territories of archaeological heritage sites. *Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan*, Kazan, 20–25 Oct 2014. Kazan: Otechestvo, 2014, vol. 4, 406–407. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wfksbn>
- Кириллов А. Н. Охрана археологических объектов Удмуртской Республики от несанкционированных раскопок. Глазов: Глазовский гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко, 2011. 63 с. [Kirillov A. N. *The protection of archaeological sites of the Udmurt Republic from unauthorized excavations*. Glazov: Glazov State Pedagogical Institute named after V. G. Korolenko, 2011, 63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpswtj>
- Клебанов Л. Р. Преступления против археологического наследия: понятие, признаки, виды, особенности квалификации (окончание). *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал*. 2013. № 4. С. 34–37. [Klebanov L. R. Crimes against archaeological heritage: Conception, features, forms, peculiarities of qualification (ending). *Biznes v zakone. Ekonomiko-iuridicheskii zhurnal*, 2013, (4): 34–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/phvzdp>
- Кондрашев Л. В. Объекты археологического наследия: исторический источник или объект недвижимости? *V (XXI) Всероссийский археологический съезд*. (Барнаул, 2–7 октября 2017 г.) Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 508–509. [Kondrashev L. V. Archaeological heritage sites: A historical source or a real estate object? *V (XXI) All-Russian Archaeological Congress*, Barnaul, 2–7 Oct 2017. Barnaul: ASU, 2017, 508–509. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zgmjyd>
- Лазарев А. С., Феткулин А. В., Чернис Я. С. Объекты культурного наследия на территории Костромской области, подвергшиеся несанкционированным раскопкам и разрушениям вследствие деятельности «черных копателей» в 2011–2013 годах. *Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы*: конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии». (Москва, 9–10 декабря 2013 г.) М.: ИА РАН, 2015. С. 141–151. [Lazarev A. S., Fetkulin A. V., Chernis Ia. S. Objects of cultural heritage on the Kostroma region territory which were subjected to unauthorized excavations and destruction as a result of the activities of "black diggers" in 2011–2013. *Preservation of archaeological heritage: Issues and prospects*: Proc. Conf. "Prevention of illegal archeology activities", Moscow, 9–10 Dec 2013. Moscow: IA RAS, 2015, 141–151. (In Russ.)]
- Макаров Н. А. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России. *Сохранение археологического наследия России*: мат-лы круглого стола в Совете Федерации. (19 марта 2004 г.) М.: Совет Федерации, 2004. С. 13–24. [Makarov N. A. Predatory excavation as a factor in the destruction of archaeological heritage of Russia. *Preservation of archaeological heritage of Russia*: Proc. round table in the Council of Federation, 19 Mar 2004. Moscow: Council of Federation, 2004, 13–24. (In Russ.)]
- Макаров Н. А., Беляев Л. А., Энговатова А. В. Археология в современной России: перспективы и задачи. *Российская археология*. 2015. № 2. С. 5–15. [Makarov N. A., Belyaev L. A., Engovatova A. V. Archeology and modernity: Russian realia. *Rossijskaja Arheologija*, 2015, (2): 5–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udzbnr>
- Михальченко А. П. Кадастровый учет как способ сохранения объектов археологического наследия в Приморье. *Россия и АТР*. 2018. № 4. С. 190–204. [Mikhalchenko A. P. Cadastral registration as a means of archaeological heritage preservation in Primorye. *Russia and the Pacific*, 2018, (4): 190–204. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/1026-8804-2018-10059>
- Панфилов А. Н. Правовое понятие «объект археологического наследия» в российском законодательстве и проблема его правовой определенности. *Государство и право*. 2018. № 1. С. 72–81. [Panfilov A. N. The legal concept of archaeological heritage sites in Russian legislation and its legal certainty. *Gosudarstvo i Pravo*, 2018, (1): 72–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qynilv>
- Папков И. А., Кухарук Н. С. Противоречия в законодательных актах, связанных с землями, занятыми объектами археологического наследия. *Тенденции развития науки и образования*. 2015. № 6. С. 25–27. [Papkov I. A., Kukharuk N. S. Contradictions in legislative acts related to lands occupied by objects of archaeological heritage. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*, 2015, (6): 25–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/unvxgl>
- Пиотровский М. Б. О проблемах сохранения культурного наследия. *Сохранение археологического наследия России*: мат-лы круглого стола в Совете Федерации. (19 марта 2004 г.) М.: Совет Федерации, 2004. С. 8–9. [Piotrovskii M. B. Preservation issues of cultural heritage. *Preservation of archaeological heritage of Russia*: Proc. round table in the Council of Federation, 19 Mar 2004. Moscow: Council of Federation, 2004, 8–9. (In Russ.)]

- Полеводов А. В., Грачев М. А. Охрана объектов культурного (археологического) наследия в Западной Сибири – правовой и практический аспекты. *V (XXI) Всероссийский археологический съезд*. (Барнаул, 2–7 октября 2017 г.) Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 833–834. [Polevodov A. V., Grachev M. A. Protection of cultural (archaeological) heritage sites in Western Siberia: Legal and practical aspects. *V (XXI) All-Russian Archaeological Congress*, Barnaul, 2–7 Oct 2017. Barnaul: ASU, 2017, 833–834. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wsvqow>
- Санжаров С. Н. Понятие и формы грабительских раскопок объектов археологического наследия. *Проблемы права: теория и практика*. 2021. № 53. С. 244–250. [Sanzharov S. N. Concept and forms of predatory excavations of objects of archaeological heritage. *Issues of law: theory and practice*, 2021, (53): 244–250. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ryrzlg>
- Сухарукова В. С. Кадастровый учет как мера обеспечения сохранности объектов археологического наследия на территории Алтайского края. *Вестник молодежной науки Алтайского государственного аграрного университета*. 2021. № 1. С. 353–356. [Sukharukova V. S. Cadastral registration as a measure to ensure the conservation objects of archaeological heritage in territory of the Altai Region. *Vestnik molodezhnoi nauki Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2021, (1): 353–356. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/agvasj>
- Энговатова А. В. Сохранение археологического наследия в России: современное состояние. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2013. Т. 12. № 3. С. 32–47. [Engovatova A. V. The preservation of the archaeological heritage in Russia. Present situation. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, 12(3): 32–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzdriz>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/hyusjq>

Размерный стандарт сейминско-турбинских отливок с ушками

Михайлов Юрий Иннокентьевич

Научно-производственное объединение «АрхеоПолис», Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2516-4340

<https://orcid.org/0000-0003-4016-4563>

kerbalyk@yandex.ru

Аннотация: Цель исследования – установить размерные соотношения, которыми непосредственно руководствовались мастера-литейщики в своей практической деятельности. В качестве исходной выборки были использованы находки ушковых отливок с территории Обь-Иртышского междуречья. Ориентиром для разметки негатива наконечника копья служила длина пера, которая определяла длину втулки в соотношении 2 : 1. Это же соотношение демонстрируют наибольший и наименьший диаметры втулки. После выведения контуров втулки на негативе литейной формы размечалась максимальная ширина пера. Условные точки этого параметра приходились на середину длины наконечника. Центральная нервюра соответствует длине пера, а окончания боковых нервюр приходятся на точки максимального расширения пера. На расстоянии, равном диаметру втулки, в сторону лезвия размечались верхний край ушка и верхняя «линия» пояса. Реконструированную систему можно определить как *размерный стандарт*. Необходимую прочность конструкции обеспечивал крюк под пером. Он препятствовал глубокому погружению пера и предотвращал нагрузку на излом по линии соединения пера и втулки. Модификации связаны с изменением позиции вилки в конструкции наконечников. Для сейминско-турбинских топоров-кельтов, вероятно, использовалось соотношение высоты изделия и ширины лезвия 2 : 1. При разметке сквозного ушка учитывалась длина втулки изделия. Первоначально размечался край ушка на расстоянии, равном половине длины устья втулки. Затем в сторону устья моделировалось само ушко. У самусьско-кижировских изделий ушко моделировалось не к устью втулки, а в противоположном направлении – к лезвию. Одноушковая конструкция отливок, вероятно, была изначальной. Двухушковые изделия появились в результате ее модификации. Итогом конструктивных поисков стало изготовление наконечников копий и кельтов с «глухими» ушками.

Ключевые слова: втулка, отливка, перо, размерный стандарт, устье, ушко

Цитирование: Михайлов Ю. И. Размерный стандарт сейминско-турбинских отливок с ушками. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 335–344. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-335-344>

Поступила в редакцию 31.10.2023. Принята после рецензирования 06.03.2024. Принята в печать 18.03.2024.

full article

Dimensional Standards of Seima-Turbino Castings with Eyes

Yuriy I. Mikhailov

Research and Production Association ArcheoPolis, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 2516-4340

<https://orcid.org/0000-0003-4016-4563>

kerbalyk@yandex.ru

Abstract: The article features the dimensions applied by ancient figure casters. It summarizes the findings of eye molding forms for spearheads and axe blades from the Ob-Irtysh interfluvium. The initial reference point for marking the negative tip of the spearhead was the toe length, which determined the bushing length as 2 to 1. After removing the contours of the bushing, the master marked the maximum width of the toe on the negative of the casting mold. The conditional points were in the middle of the spearhead length. The central rib (stiffening rib) corresponded to the length of the toe, and the endings of the parallel lateral ribs (teeth) fell on the maximum expansion of the toe. The upper edge of the eye and the upper line of the belt were marked at a distance equal to the outer diameter of the bushing towards the blade.

The reconstructed system of relations between the whole and its parts could be defined as *the dimensional standard* observed by the master. The hook under the toe gave it the necessary structural strength. It prevented the toe from sinking, and the fracture did not load along the line of connection between the toe and the bushing. The new dimensional standard occurred as the position of the fork in the spearhead design changed. The Seima-Turbino axes also had a 2 to 1 ratio. Initially, the edge of the eye was marked at a distance equal to half the length of the vent of the bushing. Then, the eye was designed in the vent direction. In Samus-Kizhirovo moldings, the eye was modeled not in the direction of the vent of the bushing, but in the opposite one, i.e., to the blade. The single-eye design was original, and the two-eye products appeared as a result of its modification that made it possible to spearheads and axes with solid eyes.

Keywords: bushing, casting, toe, dimensional standard, vent, eye

Citation: Mikhailov Yu. I. Dimensional Standards of Seima-Turbino Castings with Eyes. *SibScript*, 2024, 26(3): 335–344. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-335-344>

Received 31 Oct 2023. Accepted after peer review 6 Mar 2024. Accepted for publication 18 Mar 2024.

Введение

Первое наиболее обстоятельное описание морфологических особенностей ушковых отливок было проведено Б. Г. Тихоновым, в котором он образно определил узнаваемую форму пера сейминско-турбинских наконечников копий как *пламевидную*. Кроме того, исследователь отметил, что наиболее широкая часть пера находится приблизительно на расстоянии 1/4 от верхнего края втулки [Тихонов 1960: 24]. Эти наблюдения позднее были использованы для характеристики наконечников копий из могильника у д. Ростовка [Матющенко, Синицына 1988: 68, 69]. В свою очередь О. Н. Бадер, характеризуя абрис пера наконечников копий, указал, что наибольшая ширина пера может приходиться на середину или его нижнюю часть [Бадер 1964: 63]. Эти наблюдения сохранили свою актуальность и используются для описания и определения критериев классификации новых находок. Например, применительно к вильчатым наконечникам копий преобразенского типа с эллипсовидной формой пера использован показатель соотношения длины пера и его максимального расширения. Вместе с тем для вильчатых наконечников ростовкинского типа установлено соотношение вилки и длины пера от 1/3 до 1/2 [Грушин, Фролов 2022: 198, 199].

Среди большого количества работ, посвященных исследованию морфологических особенностей сейминско-турбинских отливок, выделим два независимых подхода, использованных для сравнительного анализа наиболее представительных категорий изделий. Согласно одному из них, в сопоставлении морфологических особенностей сейминских и турбинских наконечников копий преимущественное значение имеют пропорции, которые поддаются объективному различению благодаря индексации

параметрических характеристик. Индексы предлагалось рассчитывать по формуле: $D1 / D2 \times 100$, где $D1$ – длина наконечника, а $D2$ – длина его пера [Бочкарев 2010: 130]. Для сравнительного исследования различий в морфологии сейминско-турбинских и самусьско-кижировских кельтов был использован анализ размерных данных, на основании которых были рассчитаны коэффициенты корреляции. В качестве основных параметров использовались общая длина орудия, его ширина в прилезвийной части и ширина по венчику втулки [Черных, Кузьминых 1989: 146, 147, рис. 74]. Не подвергая сомнению эвристическую ценность реализованных подходов, специально отметим следующее. Индексы и коэффициенты корреляции значимы в работе с генеральными совокупностями, однако имеют искусственную природу и диапазон значений. Поэтому основная цель предлагаемого исследования – установить размерные соотношения, которыми непосредственно руководствовались мастера-литейщики в своей практической деятельности. В качестве исходной выборки были использованы находки ушковых отливок с территории Обь-Иртышского междуречья.

Результаты

Размерный стандарт вильчатых наконечников копий Среднего Прииртышья

Сейминско-турбинские вильчатые наконечники копий отличает конструктивная сложность. Необходимость моделировать зеркально подобные негативы на створках литейной формы предполагала определенную последовательность разметки абриса и конструктивных частей изделия. Эта последовательность не предусматривала сложных вычислений и заключалась в использовании заданных размерных

соотношений. Вероятно, исходной операцией была разметка общей длины наконечника. Затем определялись линейные размеры пера и втулки, длина которой составляла половину длины пера [Михайлов 2021: 33, 34]. Это же соотношение 2 : 1 демонстрируют наибольший и наименьший диаметры конической втулки. После выведения по заданным параметрам контура втулки от условной линии ее соединения с пером размечались зубцы вилки. Центральный зубец – нервюра на всю длину пера, а боковые – до середины длины наконечника. От окончаний боковых зубцов в обе стороны размечались точки максимального расширения пера на расстоянии, примерно равном наибольшему диаметру втулки. Разметка точек максимальной ширины пера позволяла вывести его абрис к острию и втулке [Михайлов 2023].

Место ушка на втулке определялось по размеру ее устья. На расстоянии, равном наибольшему диаметру втулки, в сторону лезвия размечались верхний край ушка и верхняя «линия» связанного с ним пояса. Затем в сторону устья втулки размечался нижний край ушка. После этого со стороны ушка, непосредственно под пером, происходила разметка коленчатого крюка. Верхний угол крюка размечался выше линии соединения втулки с пером [Михайлов 2023]. Его конструктивные части, образующие угол, близкий к прямому, имели размерное соотношение 1 : 1. Длина каждой из частей крюка приблизительно соответствовала наибольшему диаметру втулки.

Реконструированную систему соотношений целого и его частей можно терминологически определить как *размерный стандарт*, которому следовал мастер. Объективность установленных параметров удостоверяет их соблюдение у вильчатых наконечников копий разной длины. Особо отметим устойчивую композицию вилки пера. Она не только важный конструктивный элемент, но и материальное свидетельство обязательных правил проектирования формы [Михайлов 2023]. Размерный стандарт был необходим для точной разметки негативов на створках литейной формы и облегчал передачу производственных навыков.

Варианты модификации размерного стандарта

Исходной серией для реконструкции размерного стандарта послужили вильчатые наконечники копий из Среднего Прииртышья. Поэтому для верификации наблюдений несомненный интерес представляют вильчатые наконечники копий с широким пером из Пышминской коллекции (Тюменская область,

нижнее течение р. Пышма). Абрис изделий демонстрирует соответствие предполагаемому размерному стандарту. Их вилки моделированы от линии соединения втулки с пером, однако наконечники не оснащены крюком на втулке [Бородовский, Оборин 2020: рис. 3]. Отмеченная особенность заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку обнаруживает изначальный недостаток вильчатых наконечников – непрочное соединение втулки с пером. Этот конструктивный изъян демонстрирует поврежденный в основании вилки наконечник, обнаруженный в устье р. Тара [Черных, Кузьминых 1989: рис. 28, 3]. У вильчатых наконечников Среднего Прииртышья необходимую прочность *идеальной* конструкции обеспечивал крюк под пером. Он препятствовал глубокому погружению пера и предотвращал нагрузку на излом по линии соединения пера и втулки. Отступление от этой сбалансированной конструкции делало вильчатые наконечники уязвимыми. Об этом свидетельствует наконечник с р. Чарыш. Он отлит с узким длинным пером, которое усилено традиционной вилкой, однако крюк моделирован по новой схеме. Он плавно изогнут, далеко отведен от лезвия узкого пера и поэтому не препятствовал его полному погружению. В этом варианте крюк уже не мог обеспечить защиту непрочного соединения втулки с пером. Изменение исходной конструкции стало причиной излома изделия на этом участке под воздействием механической нагрузки. Аналогичное повреждение демонстрирует вильчатый наконечник копья с узким пером и фигуркой животного на втулке из окрестностей Омска [Черных, Кузьминых 1989: рис. 30, 3, рис. 31, 1].

Вероятным следствием возникшей проблемы стали опыты модификации вилки. У наконечников с узким пером с территории Обь-Иртышского междуречья (Преображенка-6, Калистратиха-III, Новиково, Бурла) начало вилки моделировано непосредственно на втулке, поэтому не случайно данные изделия не имеют механических повреждений на участке конструктивного соединения пера и втулки [Грушин, Фролов 2022: рис. 6, 2, 3, 6]. Для наконечника из с. Парфеново, снабженного узким пером ромбического сечения, использован конструктивный вариант с двумя гребнями, заходящими на втулку [Киришин 2002: рис. 152]. В качестве конструктивного варианта использовалась сомкнутая вилка. У наконечника копья из д. Драченино сомкнутая вилка моделирована непосредственно на втулке и дополнительно усилена валиком [Бобров 2000: 77]. Сомкнутой вилкой, моделированной от линии

соединения втулки и пера, наделен наконечник из Павлодарского Прииртышья [Грушин и др. 2008: рис. 1, 5]. Существенно, что наконечники с узким пером и модифицированной вилкой обнаружены далеко за пределами Обь-Иртышского междуречья. Наконечник копья из Талдыкорганской области (юго-восточный Казахстан) отлит с тремя гребнями, заходящими на втулку [Самашев, Жумабекова 1993: рис. 2]. Поврежденный наконечник копья из Тюриково (Зауралье) снабжен узким пером и двумя гребнями, моделированными на втулке [Черных, Кузьминых 1989: рис. 39, 1].

Использование узкого пера породило еще одну проблему – необходимость его усиления по всей длине. Об этом свидетельствует наконечник из района р. Верхний Сузун (правый приток Оби). Узкое перо разломилось на участке своего максимального расширения. Вероятно, это произошло потому, что боковые зубцы вилки были моделированы ниже линии максимального расширения пера [Черных, Кузьминых 1989: рис. 32, 4]. Решение данной проблемы демонстрирует форма для отливки наконечника с узким пером с поселения Самусь IV (нижнее течение р. Томь). Она предназначалась для отливки изделия с тремя ребрами по всей длине пера. Втулка усилена 14 валиками и оснащена «глухим» ушком [Черных, Кузьминых 1989: рис. 82, 1]. Формы для отливки подобных наконечников копий найдены в Среднем Притомье на поселении Кузнецк 1/2 и на поселении Школьный, исследованном на р. Карагайлинка (приток речной системы левого берега р. Томь). Существенно, что для находок с поселения Школьный предполагается их связь с керамическим комплексом самусьской культуры [Бобров 2005; Кузьминых 2011; Ширин 2008]. Еще один вариант повышения прочности узкого пера демонстрирует литейная форма с поселения Тух-Сигат IV на р. Васюган (Томская область). Она была предназначена для отливки наконечника с ромбическим стержнем узкого пера и, что немало важно, с прямой втулкой [Кирюшин 2004: 68, рис. 106]. В связи с этим отметим, что на Верхней Оби узкое перо с ромбическим сечением было использовано в двух конструктивных сочетаниях: с пониженной вилкой (Бурла) и с двумя гребнями на конической втулке (Парфеново).

Вильчатые наконечники с узким пером единично представлены к западу от Урала. Это наконечник из Елабуги с вилкой, моделированной от линии соединения втулки и пера, и узкое перо из Турбино I. Характерный излом в основании

вилки позволяет предполагать, что у отливки из Турбино I начало вилки также совпадало с линией ее соединения с втулкой [Черных, Кузьминых 1989: рис. 31, 4, рис. 33, 5]. Напротив, вильчатые наконечники с широким пером составляют представительную серию к западу от Урала и обнаружены во всех крупных комплексах. Изделия из Сейминского могильника в целом соответствуют размерному стандарту и имеют традиционную вилку. Она начинается от линии соединения втулки с пером, а окончания ее боковых зубцов соответствуют точкам максимального расширения пера [Бадер 1970: рис. 21, 23]. Отступления от размерного стандарта были связаны с изменением позиции вилки в конструкции наконечников. В Турбинском могильнике I представлены экземпляры с вилкой, начало которой моделировано непосредственно на втулке [Бадер 1964: рис. 35, 36, 37]. В связи с этим был увеличен ее наименьший диаметр, поэтому основные параметры конической втулки уже не соответствовали исходному соотношению 2 : 1. Наиболее устойчивым размерным отношением оказалось соответствие максимальной ширины пера середине длины изделия. Показательно, что этот параметр также использовался для наконечников с ромбическим стержнем пера из Сеймы и Решного [Черных, Кузьминых 1989: рис. 39, 2–4, рис. 40, 1, 2].

Пропорции и разметка ушка топоров-кельтов

По мнению специалистов, производство топоров-кельтов у сейминско-турбинских мастеров требовало достаточно строгого соблюдения пропорций в основных размерах орудия [Черных, Кузьминых 1989: 147]. Однако установление исходных линейных параметров сейминско-турбинских топоров-кельтов сопряжено с объективными трудностями. Доступные для исследования изделия имеют не только дефекты, возникшие при отливке, но и механические повреждения устья втулки. Первоначальная форма лезвия изменялась в результате проковки и деформировалась в процессе использования [Nenakhov 2016: 72]. В этой ситуации возможным решением может служить реконструкция размерных соотношений по негативам удовлетворительно сохранившихся литейных форм из Среднего Прииртышья.

Негативы литейных форм из могильника Ростовка и с р. Иртыш демонстрируют соотношение высоты изделия и ширины лезвия, близкое 2 : 1. В пользу вероятного использования данного соотношения свидетельствует абрис изделий, реконструированных по литейным формам из могильника Сопка-2/4БВ [Молодин 2020: рис. 2, 1, 3]. На осознанное

использование размерных соотношений указывают особенности орнаментации кельтов. В развернутом варианте декоративной схемы цепочка ромбов ориентирована по центральной вертикальной оси изделий и условно размечает середину ширины лезвия и середину длины втулки. Это декоративное решение, возможно, связано с одним из правил конструирования, поскольку половина длины втулки использовалась как размерная величина для разметки сквозного ушка. Первоначально в сторону лезвия размечался край ушка на расстоянии, равном половине длины втулки. Затем в сторону устья втулки моделировалось само ушко. Это правило конструирования одноушковых изделий было также использовано для единственного двуушкового кельта из Ростовки и двуушкового кельта с р. Майкопчегай [Матюшенко, Сеницына 1988: 75, рис. 43, 3; Черных, Кузьминых 1989: рис. 19, 1].

В общей сводке сейминско-турбинских древностей шесть двуушковых кельтов были распределены по четырем разрядам в соответствии с особенностями орнаментального заполнения фасок [Черных, Кузьминых 1989: рис. 19, 20]. К настоящему моменту число кельтов с двумя сквозными ушками пополнилось только одним изделием – случайной находкой с территории Северного Алтая [Кузьминых 2011]. Обратим внимание на одну общую особенность декоративного оформления этих изделий – широкий отступ орнаментального поля от устья втулки. Он вдвое превышает ширину горизонтального пояса-«лесенки». У этих изделий моделирование сквозных ушек осуществлялось иным способом. Как и в предыдущем варианте, первоначально край ушка размечался на расстоянии, равном половине длины втулки. Однако далее ушко моделировалось не к устью втулки, а в противоположном направлении – к лезвию. Следствием этого стал широкий отступ от устья втулки декоративного пояса-«лесенки» и всего орнаментального поля на алтайских и казахстанских двуушковых кельтах [Черных, Кузьминых 1989: рис. 19, 2–4].

Кельт с р. Майкопчегай имеет примечательную декоративную особенность – вертикальные штрихи горизонтального пояса-«лесенки» образуют «зубцы». Этот единичный для восточной зоны декоративный прием широко представлен в серии кельтов из Сейминского могильника [Черных, Кузьминых 1989: рис. 10, 2, 3, рис. 13, 1–6]. В сейминской серии единственный двуушковый кельт отличают крупные размеры и сложная орнаментальная схема. Сквозные ушки отливки моделированы в сторону лезвия, подобно двуушковым кельтам Северного Алтая.

Эта же особенность расположения сквозных ушек отличает кельт из Вятской губернии [Черных, Кузьминых 1989: рис. 20, 1]. К западу от Урала пока неизвестны одноушковые кельты и обнаружены только две названные двуушковые отливки. Поэтому, вероятно, не случайно данные изделия демонстрируют близость орнаментального заполнения к «ковровым» композициям двуушковых самусьско-кижировских кельтов, получивших распространение к востоку от Урала.

Особенностью самусьско-кижировских отливок являются двойные «глухие» ушки. Выполняя сугубо декоративную функцию, они тем не менее моделировались по образцу сквозных ушек алтайских кельтов. Существенно, что для орнаментального оформления кельтов с двумя сквозными ушками с территории Алтая и Восточного Казахстана устойчиво использовался пояс-«лесенка». Это же декоративное предпочтение демонстрируют кельты с ковровым узором и «глухими» ушками, обнаруженные в святилище Шайтанское Озеро II, а также случайные находки двуушковых отливок из горно-лесного Зауралья. Ушки этих изделий, аналогично алтайским образцам, моделированы в сторону лезвия, поэтому орнаментальное поле широко отступает от устья втулки [Корочкова и др. 2015: рис. 1, 6–8; 2020: рис. 23, 24].

Размерный стандарт в культурно-хронологическом контексте

Для определения времени формирования размерного стандарта в Омском Прииртышье существенное значение имеет серия радиоуглеродных дат, полученная по материалам комплексов могильника Ростовка. Большинство датированных комплексов (8, 23, 27, 33, 34) отнесены исследователями к первому этапу – XXII–XX вв. до н. э. Два погребальных комплекса (5 и 24), по мнению авторов, связаны со вторым этапом формирования могильника, который датирован XXI/XX–XVIII вв. до н. э. В комплексах второго этапа представлены специфические типы изделий – наконечники копий разряда КД-42 и черенковый кинжал разряда НК-14. В связи с этим авторы отметили находки подобных изделий в могиле 14, а также в скоплениях из квадратов Ж20 и 316 [Марченко и др. 2017: 296]. Применительно к имеющимся наблюдениям дополнительно укажем, что в датированной могиле 24 вместе с фрагментом литейной формы для наконечника копья разряда КД-42 и черенковым кинжалом с продольным ребром по лезвию обнаружена стамеска разряда ТД-4 [Матюшенко, Сеницына 1988: рис. 42, 2;

Черных, Кузьминых 1989: 128, рис. 71, 10–12]. С могилой 24 связано скопление находок в квадрате Ж16, где находились вильчатый наконечник копья с крюком, наконечник копья разряда КД-42, стамеска разряда ТД-4, кельт-лопатка и фрагменты формы для отливки тесла-долота разряда ТД-6 (рис.). Показательно, что еще один кельт-лопатка найден рядом с могилой 24 в квадрате З16 вместе с вильчатым наконечником копья с крюком и наконечником копья разряда КД-42 [Матющенко, Синицына 1988: рис. 43, 52; Черных, Кузьминых 1989: рис. 23, 71, 9–11].

Состав перечисленных комплексов удостоверяет хронологическую связь наконечников КД-42 с инструментами деревообработки: кельты-лопатки, стамески, тесла-долота. Поэтому обратим внимание на два скопления предметов у могилы 21, которая планиграфически связана с датированной могилой 24 (рис.). У восточной кромки могилы 21 обнаружены створки литейной формы для отливки наконечника дротика, створки формы для отливки ушкового кельта, створки комбинированной формы для отливки втульчатой стамески и других изделий, а также кристалл горного хрусталя. Второе скопление в квадрате Д18 составляли кельт-лопатка, безушковый кельт и золотое кольцо [Матющенко, Синицына 1988: рис. 21, 32, 38].

С учетом фактических наблюдений можно предложить следующее объяснение встречаемости некоторых категорий инвентаря в предположительно синхронных комплексах могильника Ростовка. Появление на втором хронологическом этапе набора бронзовых инструментов для деревообработки, скорее всего, стало результатом заимствования колесничного «технологического пакета» из синташтинско-петровского культурного ареала. Это заимствование сопровождалось оригинальной адаптацией чужеродных форм и выработкой собственных специфических типов изделий. К ним можно отнести отлитые из оловянной бронзы кельты-лопатки, которые заменили плоские тесла, представленные в исходном составе «технологического пакета». О востребованности новых инструментов свидетельствует то, что моделью для отливки кельта-лопатки из квадрата Д18 послужило аналогичное изделие [Дураков, Мыльникова 2021: 176]. Отметим, что орнаментальный поясок этого кельта-лопатки характерно повторяется на кельте из квадрата Е21, который авторы связывают с могилой 17 [Матющенко, Синицына 1988: рис. 32, 1, 3]. Еще одно новшество – втульчатые долота с желобчатой рабочей частью. Формы для отливки подобных изделий обнаружены только в комплексах

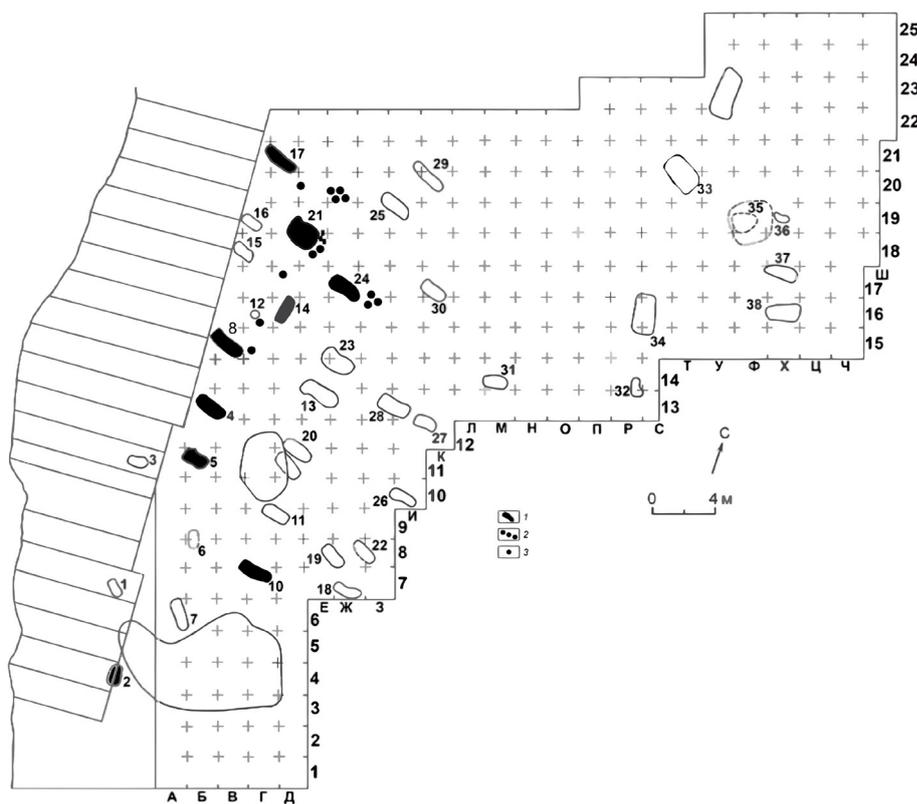

Рис. План могильника Ростовка [по: Матющенко, Синицына 1988: рис. 4]: 1 – могилы второго этапа; 2 – скопления находок; 3 – отдельные находки
Fig. Rostovka burial ground [Matyushchenko, Sinitsyna 1988: fig. 4]: 1 – second-stage graves; 2 – artifact clusters; 3 – separate finds

Ростовки [Черных, Кузьминых 1989: 27, рис. 23, 3–5]. Венчик втулки изделий тонкий. Подобно сейминско-турбинским кельтам, он не укреплен валиком-обручем, которым были снабжены все другие экземпляры из очагов Евразийской и Европейской провинций [Черных, Кузьминых 1989: 130]. Показательно, что на створке одной из форм для отливки втульчатого долота был нанесен орнаментальный поясок в виде двух противопоставленных цепочек из мелких треугольных зубчиков. Аналогичный орнаментальный поясок был выполнен на створках литейной формы одноушкового кельта из скопления находок у могилы 21, где обнаружена комбинированная форма с литейной камерой для втульчатого тесла-долота [Матющенко, Сеницына 1988: рис. 38, 3, рис. 52, 1]. Отмеченное единство орнаментального оформления изделий посредством уникального мотива может служить дополнительным аргументом в пользу принадлежности комплексов к одному хронологическому этапу.

Уже упоминавшийся черенковый кинжал с продольным ребром, отлитый из мышьяковистой бронзы (могила 24), является импортным изделием. Вместе с тем черенковый кинжал с ребром жесткости – нервюрой (могила 14) был отлит на месте по чужеродной модели из оловянной бронзы [Матющенко, Сеницына 1988: рис. 28; Черных, Кузьминых 1989: 194]. Нервюры на втулках наконечников копий разряда КД-42 позволяют считать, что этот конструктивный элемент использовался не только для доместикации инокультурных образцов, но и для конструирования новых форм литых изделий. В связи с этим укажем на каменную форму для отливки наконечника дротика с елочным орнаментом, который, возможно, является своеобразной репликой синташтинских литых черенковых наконечников стрел с выделенной нервюрой, дополненной рельефными элементами. В общем контексте это соответствие можно рассматривать как одно из проявлений технологической конкуренции в военном деле и металлообработке.

Изображение лыжника на бронзовом выгнутообушковом ноже из могильника Ростовка демонстрирует один из оригинальных вариантов использования упряжной лошади. Существенно, что это изделие сопровождали кристалл хрустала и бусы из нефрита и бирюзы [Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 7], которые, скорее всего, были импортированы из синташтинско-петровского ареала. Горный хрусталь, как и бусы из нефрита и бирюзы, достаточно широко представлены в синташтинских

и петровских комплексах [Генинг и др. 1992: 190; Епимахов 2005: 63, 156; Зданович 1988: 82; Куприянова, Зданович 2015: 44; Логвин, Шевнина 2018: 133]. Возможно, с синташтинско-петровским культурным ареалом также связан кусок яшмы, обнаруженный в могиле 4 вместе с челюстью лошади и фрагментом литейной формы [Матющенко, Сеницына 1988: 10]. Согласно полевым наблюдениям В. И. Матющенко, четыре отщепы из яшмы обнаружены в могиле 5 и еще один – в квадрате Д16, где исследована могила 14 (рис.). Таким образом, все находки этого минерала в могильнике Ростовка связаны с комплексами второго хронологического этапа.

Сочетание в одном комплексе выгнутообушкового ножа со скульптурным навершием рукояти и импортных украшений позволяет уточнить хронологические рамки предполагаемого второго этапа формирования могильника. Изображение конного лыжника не могло появиться без непосредственного знакомства с колесничной практикой синташтинских сообществ и, следовательно, ранее XX в. до н.э. Эту календарную дату можно рассматривать в качестве нижней границы второго хронологического этапа. Навершие ростовкинского выгнутообушкового ножа – еще одно свидетельство творческой адаптации колесничной практики и ее «технологического пакета», а также поиска собственных технических решений на территории Омского Прииртышья.

Технологическая конкуренция центров металлообработки, а фактически центров инновационных технологий – тема самостоятельного исследования, которая будет проанализирована в отдельной работе. Тем не менее приведенные выше наблюдения об относительной и абсолютной хронологии комплексов могильника Ростовка важны для определения временных границ бытования размерного стандарта бронзовых отливок в Омском Прииртышье. Приведенные выше фактические наблюдения позволяют утверждать, что он использовался на первом хронологическом этапе формирования могильника и продолжал применяться на втором этапе, несмотря на появление новых типов бронзовых отливок (наконечники копий КД-42 и кельты-лопатки), которые ему уже не соответствовали. Скорее всего, наряду с решением сугубо практических задач, размерный стандарт использовался в качестве символа социальной идентичности, актуальной для антропологически неоднородных сообществ. Тем не менее практика стандартизации ушковых отливок не препятствовала поиску новых конструктивных решений.

В связи с этим особый интерес представляют два комплекса. В могиле 8 обнаружены одноушковый кельт, вильчатый наконечник копья с крюком и ушком, а также еще один крупный вильчатый наконечник копья без крюка с двумя сквозными ушками [Матющенко, Сеницына 1988: рис. 18, 1, 2, 5]. Эта могила исследована на западном фланге раскопа, где преимущественно сосредоточены могилы второго хронологического этапа (рис.). Уникальную двуушковую конструкцию наконечника можно рассматривать как модификацию исходной формы с одним ушком. Поэтому, видимо, не случайно рядом с этой могилой обнаружен изготовленный из мышьяковистой бронзы наконечник копья с несомкнутой втулкой, импортированный из синташтинско-петровского культурного ареала [Матющенко, Сеницына 1988: 16, рис. 5, 1, рис. 18, 1, 2, 5; Черных, Кузьминых 1989: 194]. Второй комплекс в квадрате 316, который планиграфически связан с могилой 24 (рис.), включал исходные и новые типы изделий: вильчатый наконечник копья с крюком, наконечник копья разряда КД-42 и кельт-лопатку с двумя сквозными ушками [Матющенко, Сеницына 1988: 34, 75, рис. 43]. Вероятно, двуушковые варианты бронзовых отливок связаны со вторым хронологическим этапам, поэтому могила 8 может быть датирована по его нижней хронологической границе (XX в. до н.э.) или более поздним временем.

Заключение

Реконструкция размерного стандарта позволяет предполагать последовательность модификации формы вильчатых наконечников копий от исходной схемы с широким пером и крюком к формам с узким пером и пониженной вилкой, начало которой моделировано на втулке. Обратная последовательность заставляет предполагать, что мастера сознательно отказались от более прочного соединения втулки с пером, изменив позицию вилки, и усложнили конструкцию

наконечника крюком-ограничителем. В этой последовательности также приходится допустить, что к западу от Урала для укрепления соединения втулки с пером мастера вернулись к исходной позиции вилки, моделируя ее начало на втулке. Более вероятной представляется ситуация, в которой отказ от широкого листовидного пера в пользу глубоко проникающего узкого пера потребовал модификации вилки. Таким образом, изменение функционального назначения наконечников обусловило отмеченные выше конструктивные новшества.

Правила разметки ушка у топоров-кельтов в Среднем Прииртышье первоначально соответствовали конструктивному подходу, который использовался для вильчатых наконечников копий – ориентиром служил размер втулки. Модификацию исходной ушковой конструкции демонстрируют двуушковые отливки с территории Северного Алтая, Восточного Казахстана и Зауралья, для которых использован новый способ моделировки сквозных, а затем и «глухих» ушек. В связи с этим показательно, что к западу от Урала неизвестны одноушковые кельты, а единичные двуушковые отливки по своему декоративному оформлению близки к самусьско-кижировским изделиям. Кельты с двумя сквозными ушками в Обь-Иртышском междуречье можно предположительно рассматривать как декоративное продолжение исходной одноушковой конструктивной схемы. Кельты с двумя «глухими» ушками стали своеобразным итогом декоративного оформления конструкции этой категории изделий.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 176 с. [Bader O. N. *Oka Basin in the Bronze Age*. Moscow: Nauka, 1970, 176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/werqup>
- Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с. [Bader O. N. *Ancient metallurgists of the Cis-Urals*. Moscow: Nauka, 1964, 176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rurvvn>
- Бобров В. В. Бронзовые изделия самусьско-сейминской эпохи из Кузнецкой котловины. *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2000. № 1. С. 76–79. [Bobrov V. V. Bronze products of the Samus-Seyma epoch from Kuznetsk Basin. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000, (1): 76–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tgvexv>

- Бобров В. В. Литейные формы самусьской культуры из поселения Школьный (Кузнецкая котловина). *Западная и Южная Сибирь в древности*, отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2005. С. 53–58. [Bobrov V. V. Foundry forms of Samus culture on the settlement of Shkolny (Kuznetsk Basin). *Western and Southern Siberia in Ancient Times*, ed. Tishkin A. A. Barnaul: ASU, 2005, 53–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qcxkvs>
- Бородовский А. В., Оборин Ю. В. Предметы сейминско-турбинского металлического комплекса с Нижней Пышмы. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2020. Т. 19. № 5. С. 103–118. [Borodovsky A. V., Oborin Yu. V. Items of the Seyma-Turbino metal complex from lower Pyshma River. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, 19(5): 103–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-5-103-118>
- Бочкарев В. С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с. [Bochkarev V. S. *Cultural genesis and ancient metal production of Eastern Europe*. St. Petersburg: Info Ol, 2010, 231. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/swsuab>
- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж-Урал. кн. изд-во, 1992. Т. 1. 408 с. [Gening V. F., Zdanovich G. B., Gening V. V. *Sintashta: Archaeological sites of Aryan tribes of the Ural-Kazakh steppes*. Chelyabinsk: Iuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1992, vol., 408. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tsjfsw>
- Грушин С. П., Мерц В. К., Папин Д. В., Пересветов Г. Ю. Материалы эпохи бронзы из Павлодарского Прииртышья. *Алтай в системе металлургических провинций бронзового века*, отв. ред. С. П. Грушин. Барнаул: АлтГУ, 2008. С. 4–17. [Grushin S. P., Merts V. K., Papin D. V., Peresvetov G. Yu. Materials of the Bronze Age from the Pavlodar Irtysh Region. *Altai in the system of metallurgical provinces of the Bronze Age*, ed. Grushin S. P. Barnaul: ASU, 2008, 4–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywvost>
- Грушин С. П., Фролов Я. В. Могильник Калистратиха-III в системе сейминско-турбинских памятников Обь-Иртышья. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. № 76. С. 192–202. [Grushin S. P., Frolov Ya. V. The Kalistratikha III burial site in the system of Ob-Irtysh Seima-Turbino phenomenon sites. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2022, (76): 192–202. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/76/22>
- Дураков И. А., Мыльникова Л. Н. На заре металлургии. Бронзолитейное производство населения Обь-Иртышской лесостепи в эпоху ранней бронзы. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. 203 с. [Durakov I. A., Mylnikova L. N. *At the dawn of metallurgy. Bronze gasting production of the Ob-Irtysh forest-steppe population in the Early Bronze Age*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2021, 203. (In Russ.)]
- Епимахов А. В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск: Челяб. дом Печати, 2005. Кн. 1. 192 с. [Epimakhov A. V. *Early complex societies of the North of Central Eurasia: Kamenny Ambar-5 burial ground*. Chelyabinsk: Cheliab. dom Pechati, 2005, book 1, 192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rrxfdj>
- Зданович Г. В. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Урал. ун-т, 1988. 184 с. [Zdanovich G. V. *Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes: basic periodization*. Sverdlovsk: Ural university, 1988, 184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxhrcj>
- Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 2004. 295 с. [Kiryushin Yu. F. *Eneolithic and Bronze Age of the Southern taiga zone of Western Siberia*. Barnaul: ASU, 2004, 295. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/umuczp>
- Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 2002. 294 с. [Kiryushin Yu. F. *Chalcolithic and Early Bronze of the South of Western Siberia*. Barnaul: ASU, 2002, 294. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/moeqhb>
- Корочкова О. Н., Спиридонов И. А., Стефанов В. И. О металлообработке эпохи поздней бронзы горно-лесного Зауралья: кельты кижировского типа. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2-6. С. 61–67. [Korochkova O. N., Spiridonov I. A., Stefanov V. I. On the metalwork during the Late Bronze Age in the mountain-forest Trans-Urals: The palstaves of the kizhirovo type. *Vestnik Kemerovogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-6): 61–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubtinx>
- Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Спиридонов И. А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: УрФУ, 2020. 214 с. [Korochkova O. N., Stefanov V. I., Spiridonov I. A. *Sacred place of the first metallurgists of the Middle Urals*. Ekaterinburg: UrFU, 2020, 214. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qzgzokz>

- Кузьминых С. В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы. *Краткие сообщения Института Археологии*. 2011. № 225. С. 240–263. [Kuzminykh S. V. New data on the problem of the Seyma-Turbino unity. *Kratkiye Soobsheniya Instituta Arkheologii*, 2011, (225): 240–263. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/puqvvt>
- Куприянова Е. В., Зданович Д. Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с. [Kupriyanova E. V., Zdanovich D. G. *Antiquities of the forest-steppe Trans-Urals: Stepnoe VII burial ground*. Chelyabinsk: Entsiklopediia, 2015, 196. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tvqnfz>
- Логвин А. В., Шевнина И. В. О совместных синташтинских погребениях могильника Бестамак. *Человек и Север: антропология, археология, экология: Всерос. науч. конф. (Тюмень, 2–6 апреля 2018 г.)* Тюмень: ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 133–139. [Logvin A. V., Shevnina I. V. On joint Sintashta burials of the Bestamak cemetery. *Man and the North: Anthropology, archeology, ecology: Proc. All-Russian Sci. Conf.*, Tyumen, 2–6 Apr 2018. Tyumen: Tyumen Scientific Centre SB RAS, 2018, iss. 4, 133–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvhfjm>
- Марченко Ж. В., Святко С. В., Гришин А. Е., Рыкун М. П. Радиоуглеродные даты и хронология могильника Ростовка (Омское Прииртышье). *Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе*, отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. Т. I. С. 294–297. [Marchenko Zh. V., Svyatko S. V., Grishin A. E., Rykun M. P. Radiocarbon dates and chronology of the Rostovka burial ground (Omskoe Priirtyshye). *Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul – Belokurikha*, eds. Derevyanko A. P., Tishkin A. A. Barnaul: AltSU, 2017, 294–297. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xzsbzb>
- Матющенко В. И., Синицына Г. В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Томск. ун-т, 1988. 136 с. [Matyushchenko V. I., Sinitcina G. V. *The burial site by the village of Rostovka near Omsk*. Tomsk: TSU, 1988, 136. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ukhhbj>
- Михайлов Ю. И. Дизайн сейминско-турбинских бронзовых изделий Среднего Прииртышья. *Теория и практика археологических исследований*. 2023. Т. 35. № 1. С. 76–88. [Mikhailov Yu. I. Design of Seyma-Turbino bronze products of the Middle Irtysh Region. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy*, 2023, 35(1): 76–88. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(1\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(1).-05)
- Михайлов Ю. И. О функциональном назначении сейминско-турбинских бронзовых наконечников копий с крюком. *Теория и практика археологических исследований*. 2021. Т. 33. № 4. С. 30–44. [Mikhailov Yu. I. On the functional purpose of Seyma-Turbino bronze spearheads with a hook. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy*, 2021, 33(4): 30–44. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/tpai\(2021\)33\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2021)33(4).-02)
- Молодин В. И. Сейминско-турбинские бронзы в одиновской и кротовской культурах. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2020. № 68. С. 49–56. [Molodin V. I. Seyma-Turbino bronzes in Odionovo and Krotovo cultures. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2020, (68): 49–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/68/7>
- Самашев З. С., Жумабекова Г. С. К вопросу о культурной атрибуции некоторых случайных находок из Казахстана. *Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан. Общественные науки*. 1993. № 5. С. 23–36. [Samashev Z. S., Zhumabekova G. S. Cultural Attribution of some accidental finds from Kazakhstan. *Izvestiia Natsionalnoi Akademii Nauk Respubliki Kazakhstan. Obshchestvennyye nauki*, 1993, (5): 23–36. (In Russ.)]
- Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. *МИА*. 1960. № 90. С. 5–115. [Tikhonov B. G. Metallic products of the Bronze Age in the Middle Urals and in the Urals. *MIA*, 1960, (90): 5–115. (In Russ.)]
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с. [Chernykh E. N., Kuzminykh S. V. *Ancient metallurgy of Northern Eurasia: The Seyma-Turbino phenomenon*. Moscow: Nauka, 1989, 320. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rurwhv>
- Ширин Ю. В. Древние памятники на месте Кузнецка. *Кузнецкая старина*, общ. ред. Ю. В. Ширин. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2008. Вып. 10. С. 6–20. [Shirin Yu. V. Ancient monuments in Kuznetsk. *Kuznetsk antiquity*, ed. Shirin Yu. V. Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost, 2008, iss. 10, 6–20. (In Russ.)]
- Nenakhov D. A. The morphology of Bronze and Early Iron Age Celts from Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, 44(4): 67–75. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2016.44.4.067-075>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ibjaoo>

Проблемы основания Оренбургского Неплюевского военного училища в первой четверти XIX в.

Гордеев Юрий Михайлович

Кемеровское президентское кадетское училище, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5305-5756

<https://orcid.org/0009-0004-2838-0866>

kempku_2@mil.ru

Аннотация: В настоящее время актуальным представляется формирование репрезентативной источниковой базы по истории военно-подготовительных учебных заведений Азиатской России на протяжении XIX – первой четверти XXI в. Цель – выявить сложный и противоречивый процесс основания Оренбургского Неплюевского военного училища, растянувшийся на всю первую четверть XIX в. Работа подготовлена на основе широкой источниковой базы: в ряде случаев впервые введенных в научный оборот документах, хранящихся в фондах Российского государственного военно-исторического архива и Российского государственного исторического архива, а также опубликованных источниках. Исследование реализовано с методологической позиции системного подхода с применением общенаучных и специальных исторических методов: историко-хронологического, историко-генетического, историко-сравнительного, метода структурно-функционального анализа. Охарактеризована процедура создания учебного заведения, уточнены причины, предпосылки и механизм его открытия, определен вклад оренбургских военных губернаторов в этот процесс. Выявлен первый штатный состав учебного заведения. Представлен первый набор его воспитанников: уникальность учреждения определял его интернациональный характер – в него были приняты в том числе сыновья среднеазиатской знати. Уточнена структура финансового обеспечения училища. Особое внимание уделено содержанию учебного процесса, определению его особенностей: преподавание восточных и европейских языков составляло одну из главных задач обучения. Специфику образования определяли задачи, стоявшие перед учреждением: подготовка не только офицеров для иррегулярных казачьих войск, но и переводчиков для Оренбургской пограничной комиссии как органа международных отношений России с тюркскими народами Средней Азии. Доказано, что основание учебного заведения сыграло важнейшую роль как в просвещении инородческого населения региона, так и в формировании его национальной интеллигенции, а посредством этого – в закреплении российского влияния в Средне-Азиатском регионе. Сделан вывод о значении открытия учреждения как значимом шаге на пути развития Российской империи в качестве евразийской державы. Определено, что Оренбургское военное училище стало точкой опоры становления военного образования во всей азиатской части государства, заложило основы формирования кадрового офицерского, чиновного и учительского корпуса Азиатской России.

Ключевые слова: военные училища, кадетские корпуса Российской империи, Оренбургское Неплюевское военное училище, Оренбург, Южный Урал, Средняя Азия

Цитирование: Гордеев Ю. М. Проблемы основания Оренбургского Неплюевского военного училища в первой четверти XIX в. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 345–361. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-345-361>

Поступила в редакцию 31.01.2024. Принята после рецензирования 12.04.2024. Принята в печать 15.04.2024.

full article

Orenburg Neptyuev Military School in the First Quarter of the XIX Century: Organization Issues

Yuri M. Gordeev

Kemerovo Presidential Cadet School, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 5305-5756

<https://orcid.org/0009-0004-2838-0866>

kempku_2@mil.ru

Abstract: This research accumulated a representative source base on the history of military education institutions in Asian Russia in the XIX – early XX centuries. It featured the complex and contradictory processes that accompanied the first years of the Neptyuev military school in the first quarter of the XIX century. The paper introduces a wide source base that includes some previously unstudied documents from the Russian State Military Historical Archive and the Russian State Historical Archive. The author used a systematic approach that combined standard scientific techniques with special chronological, genetic, comparative, and functional historical methods. The paper describes the early years of the military school, i.e., prerequisites, opening, military governors' contribution, the first teaching staff, financial issues, etc. The military school was unique in its international composition as it accepted sons of the Central Asian nobility. According to the curriculum, foreign languages were one of the main competences to acquire. The school trained not only officers for irregular Cossack troops, but also translators for the Orenburg Border Commission that provided international relations between Russia and the Turkic peoples of Central Asia. The school educated the indigenous population and developed its national intelligentsia while consolidating Russian influence in Central Asia. The school was an important step towards the development of the Russian Empire as a Eurasian power. The Orenburg Military School became the most important institution of military education in Asian Russia as it laid foundations for the formation of the local military and teaching personnel.

Keywords: military school, Cadet Corps of the Russian Empire, Orenburg Neptyuev military school, Orenburg, South Ural, Middle Asia

Citation: Gordeev Yu. M. Orenburg Neptyuev Military School in the First Quarter of the XIX Century: Organization Issues. *SibScript*, 2024, 26(3): 345–361. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-345-361>

Received 31 Jan 2024. Accepted after peer review 12 Apr 2024. Accepted for publication 15 Apr 2024.

Положено начало заведению, обещающему важнейшие пользы здешнему краю и увековечивающему память первого начальника одного действительного тайного советника Ивана Ивановича Неплюева. Училище сие есть первое в своем роде. Преподавание восточных языков составляет один из главных предметов учения; образование переводчиков, офицеров иррегулярных войск здешнего корпуса и распространение просвещения между азиатцами есть цель сего заведения¹

Введение

Продуктивная восточная политика Ивана Васильевича IV Грозного (1530–1584) широко распахнула ворота для продвижения русских за Большой Камень (Уральские горы). С этого времени Россия начала активное и поступательное продвижение на Восток [Хорошкевич 2003: 562–564]. Особую активность

в завоевании и освоении юго-восточных окраинных степных земель между Волгой и Яиком (Уралом) проявили казаки. В период второй половины 1580-х – 1590-х гг. отряды казаков, разгромив Нагайскую Орду, завоевали и освоили территорию Южного Яика, поставив там ряд крепостей-острогов. В междуречье

¹ Описание торжественного акта открытия в Оренбурге Неплюевского военного училища. 02.01.1825. *Российский государственный военно-исторический архив* (РГВИА). Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 35 об.

Яика и Чагана казаками был основан Яицкий городок (современный Уральск) – будущий войсковой штаб Яицкого казачьего войска. В конце XVI – начале XVII в. казаки, уже именовавшие себя *яицкими*, оформились на государеву службу.

В XVII в. яицкие казаки жили относительно вольно, но в Петровскую эпоху они были переданы под управление Военной коллегии. На Яик был направлен полковник Захаров с целью переписи казаков [Глуховский 2010: 49–53]. Атаманы стали назначаться *высочайшей волей*, что означало конец прежней казачьей вольницы. Отдельные казачьи городки, остроги и крепости были объединены в пограничные казачьи линии. На протяжении 1730–1740-х гг. на Южном Урале было создано несколько укрепленных линий, в том числе Оренбургская (Яицкая) [Алексеев и др. 1995: 39–47]. В 1743 г. был образован город Оренбург, ставший административным центром одноименной губернии, первым управляющим которой был *птенец гнезда Петрова* Иван Иванович Неплюев. К 1748 г. было организовано Оренбургское казачье войско (ОКВ) как оборонный оплот этого края. Первым войсковым атаманом был назначен сотник Василий Могутов.

Постепенно происходило организационное оформление ОКВ. В 1755 г. был утвержден войсковой штат. Процесс формирования казачьих войск Южного Урала был в основном завершен к началу XIX в.: 8 июня 1803 г. было утверждено Положение по управлению ОКВ [Авдеев, Полозова 1904: 25–45]. Военный историк А. А. Керсновский указывал, что в первую половину правления Александра I под ружьем постоянно или временно с казаками и ополчением находилось не менее полутора миллионов человек [Керсновский 1992: 204–205]. В таких условиях остро требовалось увеличение штата квалифицированных офицеров, что и привело к возникновению идеи создания сети губернских военно-подготовительных учебных заведений, в том числе и в Оренбурге. Кроме того, Оренбургское военно-учебное заведение могло содействовать решению ряда местных губернских проблем, связанных с подготовкой квалифицированных кадров для региональных военной и гражданской сфер.

Историографию проблемы можно разделить на два этапа: дореволюционный и современный. Первый

представляют работы А. П. Карабанова, В. П. Митурича, А. В. Васильева [Васильев 1896], С. Н. Севастьянова. А. П. Карабанов в 1846 г. в «Военном энциклопедическом лексиконе» представил справочную статью об училище². С тех пор появились очерковые работы и статьи, характеризовавшие основание и отдельные этапы развития учреждения. В. П. Митурич создал 24-страничный очерк как экскурс в его историю [Митурич 1869]. С. Н. Севастьянов, отработав ряд документов архива канцелярии Оренбургского генерал-губернатора, реконструировал его предысторию [Севастьянов 1897]. Исследователями высказывалась надежда, что обстоятельный труд по истории учебного заведения будет написан к его вековому юбилею, празднование которого ожидали в 1925 г., но этому не суждено было сбыться – в 1920 г. Оренбургское Неплюевское военное училище прекратило свое существование³.

Полноценные исторические труды возникли уже в наши дни: оренбуржцы Г. П. Матвиевская, В. Г. Семёнов и В. П. Семёнова создали обстоятельные научно-популярные монографии [Матвиевская 2016а; Семёнов, Семёнова 2017]. Из последних работ стоит отметить статьи Ю. А. Швецова, И. К. Зубовой [Зубова 2022], Е. В. Годовой и Г. Б. Избасаровой, Г. П. Матвиевской. Публикации Ю. А. Швецова посвящены процессам создания Неплюевского училища в годы правления Александра I и его преобразования в годы правления Николая I [Швецов 2020а; 2020б]. В статье Е. В. Годовой и Г. Б. Избасаровой обозначена роль учреждения в распространении российского образования в Казахской степи [Годова, Избасарова 2023]. Работы Г. П. Матвиевской раскрывают особенности деятельности училища на разных этапах его становления, характеризуют специфику функционирования его девичьего отделения [Матвиевская 2016б; 2018].

Одной из задач современности нам представляется, не упустив ни малейшей фактической детали, вписать историю Оренбургского Неплюевского училища в контекст эволюции военно-подготовительных учебных заведений России XIX – первой четверти XXI в. Главная цель представленной работы – выявить и охарактеризовать длительный и многогранный процесс основания училища, занявший весь период правления Александра I.

² Карабанов А. П. Оренбургское Неплюевское военное училище. *Военный энциклопедический лексикон*. СПб.: Тип. Имп. АН, 1846. Ч. X. С. 102.

³ Еленевский А. Конец Оренбургского Неплюевского корпуса в 1920 г. *Военная быль*. 1958. № 29. С. 11–15; № 30. С. 13–15.

Методы и материалы

Статья основана на широкой источниковой базе: в ряде случаев впервые введенных в научный оборот исторических источниках, содержащихся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Российского государственного исторического архива (РГИА), а также опубликованных источниках. Были проанализированы делопроизводственные материалы 5 фондов РГВИА и 2 фондов РГИА. Именно в РГВИА был сформирован фонд 1754 – *Оренбургский Неплюевский кадетский корпус*. Ряд дел фонда содержат документально-информационный материал по исследуемому периоду первой четверти XIX в. Особую ценность представляет самое первое дело фонда. В деле, посвященном вопросам организации учебного заведения, объединены знаковые для его основания документы. В частности, подлинник «Постановления о Неплюевском училище» и его «Штат» с подписями Александра I. Дела 2 и 5 указанного фонда характеризуют первый штатный состав чинов и учителей. Дело 3 содержит сведения о первом наборе воспитанников и т. д.

В качестве дополнительных документальных материалов были привлечены документы фондов 327 (Совет о военных училищах), 328 (Временная комиссия для составления плана военным училищам), 725 (Главное управление военно-учебных заведений), 943 (Совет о военно-учебных заведениях) РГВИА, а также фондов 1409 (Собственная Е.И.В. канцелярия) и 1349 (Коллекция формулярных списков чинов гражданского ведомства) РГИА.

При написании статьи сознательно не привлекался документальный комплекс фондов Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО), поскольку он достаточно досконально отработан и введен в научный оборот оренбургскими учеными. Кроме того, были использованы опубликованные источники: законодательные акты Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ), материалы периодической печати (газета «Оренбургские губернские ведомости»), справочные и периодические издания⁴.

Современный период развития исторической науки требует детального исследования максимального количества фондов региональных и федеральных архивов для формирования репрезентативной источниковой базы по истории военно-подготовительных учебных заведений Азиатской России на протяжении длительного хронологического периода XIX – первой четверти XXI в. Исследование реализовано с методологической позиции системного подхода с применением общенаучных и специальных исторических методов: историко-хронологического, историко-генетического, историко-сравнительного, метода структурно-функционального анализа.

Результаты

Организация Неплюевского военного училища в 1801–1824 гг. и его открытие 2 января 1825 г.

Дальновидный фаворит Екатерины II Великой Платон Александрович Зубов, назначенный Александром I шефом 1-го кадетского корпуса, в 1801 г. подал императору на рассмотрение проект создания военных училищ в ряде губернских городов, в том числе и в Оренбурге. Предполагаемые П. А. Зубовым губернские учебные заведения в значительной мере должны были иметь характер военно-подготовительных учреждений, т. е. готовить воспитанников для их последующего поступления в столичные кадетские корпуса. П. А. Зубов предположил, что такие «школы военные заведены быть могут в удобнейших к тому губернских городах, в каждом по две или по одной роте, судя по количеству дворян там живущих, а в роте 120 учеников; в ученики принимать не моложе 7 и не старше 10 лет»⁵. Из 50 губерний и «удобнейших губернских городов» он выбрал 17. В 8 из них должны были открыться 2-х ротные школы на 240 учащихся каждая, в 9 – ротные на 120 учеников каждая. К указанным 9 он отнес города Тверь, Ярославль, Владимир, Рязань, Орел, Харьков, Саратов, Оренбург и Тобольск. На содержание такой школы он полагал достаточной сумму в 20 тыс. руб.

Александр I проект одобрил и поручил генерал-майору И. М. Бегичеву изучить возможность его

⁴ Оренбургское Неплюевское военное училище. *Военная энциклопедия*. Т. XVII: Н–П. Пг.: Тип. тов. И. Д. Сытина, 1914. С. 153; Памятка о георгиевских кавалерах Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса с кратким очерком истории этого заведения. Оренбург: Тип. А. Н. Гаврилова, 1913. 32 с.; Рескрипт императора Александра I на имя Оренбургского военного губернатора Бахметева об открытии в Оренбурге дворянского военного училища. *Справочная книжка Оренбургского края на 1871 год*. Оренбург: Тип. штаба Оренбургского отдельного корпуса, 1870. Приложения. С. 1–4.

⁵ Зубов П. А. Проект о военных училищах. *РГВИА*. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–35.

практической реализации⁶. Губернаторам были разосланы рескрипты о содействии инициативе⁷. Такой документ был направлен и Оренбургскому военному губернатору генерал-майору Николаю Николаевичу Бахметеву, которого Александр I просил о содействии в открытии военного училища в Оренбурге⁸. Н. Н. Бахметев обратился к местному благородному сословию с предложением благотворительных пожертвований. В результате «для первоначального основания заведения сего» оренбургскими дворянами было пожертвовано 9 тыс. руб.⁹

Коллежский асессор Филип Шапошников заявил о готовности для постройки здания безвозмездно предоставить 50 тыс. кирпичей, 200 бревен и «человека на услуги училищу навечно»¹⁰. И. М. Бегичев в рапорте Александру I от 30 июня 1802 г. подтвердил готовность оренбургских дворян как морально, так и финансово поддержать проект. Подчеркнул, что «вследствие перемещения губернского центра из Оренбурга в Уфу местные дворяне желали бы иметь училище в губернском городе Уфе, а не в Оренбурге»¹¹. 28 января 1802 г. по экономическим соображениям административный центр губернии был переведен в Уфу, а Оренбург стал уездным городом. Но резиденция военного губернатора осталась в Оренбурге, а потому город сохранил за собой статус военно-политического и стратегического центра региона [Семёнов, Семёнова 2014: 12]. С целью оптимального решения вопроса о создании губернских военно-подготовительных учебных заведений в столице была создана Временная комиссия о военных училищах под председательством великого князя Константина Павловича, предпринявшая дискуссии по этому вопросу¹².

Недостаток государственных финансов изменил первоначальные планы, и Оренбургская губерния наряду с Казанской, Вятской, Пермской и Симбирской была причислена к предположенному к созданию

Казанскому военному училищу [Мельницкий 1857: 23–24]. Тем не менее идея создания в Оренбурге военно-учебного заведения не исчезла. Этим вопросом озаботился генерал от кавалерии Григорий Семенович Волконский, который в 1803 г. сменил Н. Н. Бахметева в должности Оренбургского военного губернатора. Первым делом он обратился к потомкам И. И. Неплюева с просьбой дополнительных благотворительных пожертвований. К 1806 г. Г. С. Волконским была собрана 21 тыс. руб.: 10 тыс. руб. из них пожертвовал внук И. И. Неплюева, тайный советник и сенатор И. Н. Неплюев, 5 тыс. руб. – статская советница Ирина Бекетова, 1,5 тыс. руб. – статская советница Екатерина Казицкая, 1000 руб. – надворный советник Новосильцев, 500 руб. – коммерц-советник Губин, столько же – купец Николай Кекин и пр.¹³

Имея первоначальный капитал, Г. С. Волконский обратился к равнодушным жителям Оренбургского края, открыв подписку на добровольные пожертвования. Одновременно он разработал «Предположение к устройству в Оренбурге училища под названием Неплюева», которое подал на рассмотрение императору. Необходимость основания училища Г. С. Волконский обосновывал следующим образом: «Казачи Оренбургского войска, башкирцы, тепляри и мешеряки и все азиатцы имеют природные дарования душевные, неустрашимы, но нравы грубые. Способности их покрываются мраком заблуждения, и луч наук еще не проникал в жилище сих необразованных народов. Сострадаю о таком положении «сих народов, погруженных от начала своего происхождения в невежество», Г. С. Волконский и предполагал «образование их умов заведением в Оренбурге училища под названием Неплюева»¹⁴. Для этого в добавление к имевшейся сумме Г. С. Волконский просил Константина Павловича ходатайствовать перед императором о предоставлении единовременного пособия

⁶ Делопроизводственные письма: Александр I – П. А. Зубову. 15.08.1801; Александр I – И. М. Бегичеву. 15.08.1801. *РГВИА*. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 36–39 об.

⁷ Список указов Александра I. *РГВИА*. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 43 об.

⁸ Рескрипт Александра I на имя Оренбургского военного губернатора Бахметева об открытии в Оренбурге дворянского военного училища. *Архив бывшего оренбургского генерал-губернаторского управления*. Оренбург, 1889. Вып. I. Прил. С. XXVII–XXIX.

⁹ *РГВИА*. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 179–179 об.

¹⁰ Всеподданнейший рапорт гражданского губернатора Оренбургской губернии А. А. Врасского от 04.03.1802. *РГВИА*. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 105–105 об.

¹¹ Всеподданнейший рапорт И. М. Бегичева от 30.06.1802. *РГВИА*. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 134 об.

¹² *РГВИА*. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 211–229.

¹³ Список особам, сделавшим пожертвование на заведение в Оренбурге училища для всех казаков, башкирцев и прочих азиатцев. *РГВИА*. Ф. 327. Оп. 1. Д. 25. Л. 13.

¹⁴ Рапорт Волконского Константину Павловичу от 23.10.1806. *РГВИА*. Ф. 327. Оп. 1. Д. 25. Л. 2–3.

в размере 40 тыс. руб. Ограниченность в денежных средствах на организацию военно-учебных заведений способствовала отказу. Формально обосновывался он тем, что Оренбург являлся не губернским городом, а уездным, а потому Уставом учебных заведений от 5 ноября 1804 г. в нем полагалось иметь гимназию и уездное училище¹⁵. Г. С. Волконский не спешил сдаваться и подавал всё более приемлемые проекты. В частности, он предлагал гимназию создать в Уфе, в то же самое время «объединить все азиатские школы Оренбурга с предполагаемым к созданию военным училищем для иррегулярных войск и объявить его Неплюевским»¹⁶.

Неоднозначность мнений членов Непременного совета о военных училищах, которые рассматривали этот проект, а также сложные внешнеполитические обстоятельства десятилетия 1807–1817 гг. отодвинули на время его реализацию, которая пришлось уже на губернаторство П. К. Эссена¹⁷. Специалисты, учитывая заслуги Н. Н. Бахметева и Г. С. Волконского, видят основополагающую роль в основании учреждения П. К. Эссена [Семёнова 2022: 82–83]. Генерал-лейтенант П. К. Эссен, назначенный на должность в 1817 г., тотчас поднял вопрос об открытии, как он писал, «Азиатского Неплюевского училища»¹⁸. Дело в том, что всё время, начиная с 1806 г., благотворительные пожертвования, открытые Г. С. Волконским по подписке, продолжали поступать и увеличивались процентными оборотами.

В результате сформировался приличный капитал, превысивший 100 тыс. руб. Поэтому одной из первых инициатив П. К. Эссена на новом посту стало «Донесение военному министру о необходимости скорейшего открытия в Оренбурге Неплюевского училища», в котором он докладывал об имевшейся сумме, а также о предполагаемых организационных

основах обучения в нем. Между губернатором и министром завязалась переписка, длившаяся около 5 лет [Севастьянов 1897: 10–43]. Наконец, в 1821 г. «Проект постановления о Неплюевском училище» рассматривался Комитетом министров¹⁹. Окончательно вопрос решился в 1822 г., после того как император внес свои правки, и они были учтены²⁰.

После этого Совет о военных училищах подготовил итоговый проект постановления и 13 октября 1823 г. документ поступил на подпись императору, а 9 февраля 1824 г. был им утвержден²¹. В сентябре того же года Александр I посетил Оренбург. В воскресный день 12 сентября П. К. Эссен подал ему докладную записку, в которой сообщал: «На основании Высочайше Вашим Императорским Величеством подтвержденного в день 9 февраля 1824 года постановления о Неплюевском военном училище оно будет открыто здесь 1 января 1825 года» [Севастьянов 1897: 47–48]. Его торжественное открытие задержалось на день, состоявшийся 2 января 1825 г. Именно эта дата впоследствии отмечалась в качестве корпусного праздника Оренбургского кадетского корпуса. Церемониал события был зафиксирован документально.

В 23:00 в одно из деревянных зданий, принадлежавшее Оренбургской пограничной комиссии (ОПК), где разместилось учебное заведение, прибыли высокопоставленные лица региона: Оренбургский военный губернатор П. К. Эссен, хан Младшего жуза казахов Шергазы Айшуаков, гражданский губернатор Оренбургской губернии Г. В. Нелидов, военные и гражданские чиновники, почетные жители Оренбурга – русские и азиаты. Почетных гостей встретили музыкой, пением и чтением стихов. Воспитанники выстроились в зале при входе. Вперед были выдвинуты 9 человек: 6 учеников, которые были одеты в синие казачьи мундиры, и трое киргизов²²,

¹⁵ Совет о военных училищах князю Волконскому от 10.02.1807. *РГВИА*. Ф. 327. Оп. 1. Д. 25. Л. 19–20.

¹⁶ Волконский графу Петру Васильевичу. *РГВИА*. Ф. 327. Оп. 1. Д. 25. Л. 26–29 об.

¹⁷ Митурич В. П. Записка о главных изменениях, которым подвергались Оренбургское Неплюевское военное училище и Оренбургский Неплюевский кадетский корпус от основания до 1 сентября 1866 г. *РГВИА*. Ф. 725. Оп. 53. Д. 3989. Л. 85 об.–86.

¹⁸ Всеподданнейшее представление Оренбургского военного губернатора. 20.02.1820. *Российский государственный исторический архив (РГИА)*. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3380. Л. 3 об.

¹⁹ Совет о военных училищах «О Высочайше утвержденном положении и штате Оренбургского Неплюевского военного училища». *РГВИА*. Ф. 327. Оп. 1. Д. 125. Л. 1–34.

²⁰ Записка по поводу проекта постановления о Неплюевском военном училище в г. Оренбурге. 08.02.1822. *РГИА*. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3797. Л. 1–4 об.

²¹ Указ его императорского величества «Об учреждении в Оренбурге Неплюевского военного училища». *РГВИА*. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 26; Постановление о Неплюевском училище. *РГВИА*. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 39; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. Т. 39. 1824. Закон 29770. СПб., 1830. С. 50.

²² Термином *киргизы* в то время называли не только собственно киргизов, но и казахов [Левшин 1832: 1–2]. В статье речь идет именно о казахах. Мы, в ряде случаев сохраняя историческую терминологию, делаем акцент, что повествование ведется о казахах.

одетых в национальные одежды, что символизировало интернациональный характер учебного заведения. Священники полковой Петропавловской церкви произвели молебен с водосвятием.

Затем с речами выступили учитель русского языка Николай Николаевич Ильин и учитель закона Божьего, священник Стефан Михайлович Сададьский. Последний благословил учеников-христиан. После этого в другой комнате прошел аналогичный обряд по магометанскому образцу, которым были благословлены азиатские воспитанники. Описание церемониала открытия завершалось такими словами: «Училище сие есть первое в своем роде. Преподавание восточных языков составляет один из главных предметов изучения. Образование переводчиков, офицеров для иррегулярных войск здешнего корпуса, распространение просвещения между азиатцами есть цель сего заведения»²³.

Первый штатный состав учебного заведения

Неплюевское военно-учебное заведение учреждалось в ведении Совета о военных училищах на основании Положения о Тульском Александровском дворянском военном училище 1801 г. Его начальником по должности являлся Оренбургский военный губернатор, имевший довольно значительный круг обязанностей. Фактически он назначал директора как непосредственного управляющего учреждением, должен был соотноситься с Советом по ключевым вопросам, инспектировать учреждение сам или посредством своих подчиненных, по возможности присутствовать на выпускном экзамене, поощрять отличников, наконец, обеспечивать трудоустройство выпускников²⁴. На него были возложены все распоряжения, кроме наиболее значимых, которые военный губернатор обязан был выносить на обсуждение Совета. В Совет же он должен был ежегодно направлять и финансовые отчеты учебного заведения²⁵. Оренбургский военный губернатор как его начальник был в курсе абсолютно всех дел вплоть до того, что директор присылал ему на утверждение образцы

тканей, предназначавшихся для обмундирования воспитанников²⁶.

Важнейшей функцией начальника было формирование штата. Главными служащими учебного заведения в соответствии с положением и штатным расписанием предполагались: директор, инспектор классов, эконом и полицмейстер, казначей, учителя, офицер для обучения военным экзерцициям, гувернер для надзора за поведением учеников, гарнизонный дежурный офицер в качестве помощника гувернера. Директора назначал губернатор по согласованию с Советом о военных училищах; остальных чинов и учителей назначал он же, о принятии и увольнении которых должен был докладывать Совету²⁷. Учитывая огромный объем обязанностей, возложенных на военного губернатора как начальника учреждения, важно понимать, насколько ему требовался компетентный директор в качестве его непосредственного управляющего.

Директор должен был *входить во все воспитательные, учебные, экономические дела училища*; совместно с инспектором классов, гувернером и экономом составлять его Комитет. Рапорты комитета подписывались директором и утверждались начальником. П. К. Эссен был осведомлен о подходящей кандидатуре на должность директора: это был талантливый ученый, организатор, *величайший знаток народов Востока* Georg Gerhard Goens (Григорий Федорович Генс) (1787–1845). По ходатайству П. К. Эссена первым директором был назначен именно он с ежегодным жалованием в 1350 руб. в соответствии со штатным расписанием²⁸. Г. Ф. Генс занимал эту должность в 1824–1832 гг.²⁹ [Ерофеева 2012; Попов 1907: 168–182; Севастьянов 1907: 161]. На момент назначения директором он служил начальником инженеров Оренбургского корпуса. Начав военную службу юнкером в 1806 г., к 1817 г. он дослужился до капитана и в 1820 г. был назначен начальником инженеров отдельного Оренбургского корпуса.

В 1821 г. он был произведен в подполковники, а 4 августа 1824 г. императорским приказом назначен

²³ Описание торжественного акта открытия в Оренбурге Неплюевского военного училища... Л. 34–35 об.

²⁴ Постановление о Неплюевском училище. Гл. II. О чиновниках Неплюевского училища. §§ 14–17. РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 42 об.–43 об.

²⁵ Постановление о Неплюевском училище. Гл. I. Общие распоряжения. §§ 1–3. РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 39–39 об.

²⁶ Рапорт Г. Ф. Генса П. К. Эсену. РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

²⁷ Штат Неплюевского училища. РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 37–38.

²⁸ Там же. Л. 37.

²⁹ Опись рукописей, оставшихся после смерти тайного советника Генса. РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 39. Л. 1–7.

директором «с оставлением при прежней должности»³⁰. Начальником училища ему была поставлена ответственной задачей – открыть училище с 1 января 1825 г., как и было обещано императору³¹. Г. Ф. Генс взялся за работу и выполнил ее – к означенному сроку заведение было открыто. *За отличие по службе* 1 января 1825 г. Г. Ф. Генс был произведен в полковники, а 10 января 1825 г. назначен председателем ОПК «с оставлением при прежних должностях»³². В период конца 1824 – начала 1825 г. начальником при содействии директора в основном был скомплектован кадровый персонал учебного заведения. Первые прошения на имя П. К. Эссена о трудоустройстве на должности эконома и гувернера подали С. И. Владимиров и Karl Komjati (Карл Карлович Ком'яти) в начале ноября 1824 г., которые были начальником удовлетворены.

8 ноября 1824 г. бывший разъездный надзиратель Оренбургской пограничной таможни, коллежский секретарь Самсон Иванович Владимиров 1768 г. р. был утвержден экономом с ежегодным жалованием в соответствии со штатом, утвержденным императором, в 500 руб. Также 8 ноября 1824 г. поручик Венгерской благородной гвардии венгр К. К. Ком'яти 1755 г. р. был назначен гувернером с жалованием в 600 руб. в год. 12 ноября 1824 г. они первые были приведены к присяге на верность службы. Между прочим, по штатному расписанию, утвержденному Александром I для Неплюевского училища, его гувернеру полагалось ежегодное жалование в 1200 руб. Вместе с тем положением об учебном заведении его начальнику дозволялось в отдельных случаях менять сумму оклада его служащих в зависимости от обстоятельств.

К. К. Ком'яти выразил согласие на получение жалования в размере 600 руб., каковая сумма и была ему назначена в качестве ежегодной заработной платы. Первым преподавателем стал татарин Хусейн Абдусалюмов, подавший прошение занять должность учителя татарского языка. В результате сотник 9-го Башкирского кантона Х. Абдусалюмов 1764 г. р. 2 декабря 1824 г. был назначен учителем татарского языка с годовым жалованием в 240 руб. согласно

табели, утвержденной П. К. Эссеном. 11 декабря 1824 г. он был приведен к присяге на верность службы. 2 декабря 1824 г. коллежский регистратор Дмитрий Попов был уволен из Оренбургского духовного правления и оформлен на должность делопроизводителя Комитета с ежегодным штатным жалованием в 200 руб. 23 декабря он был приведен к присяге, но, не проработав и месяца, 5 января 1825 г. уволился по состоянию здоровья.

Исполнение этой должности было возложено на принятого учителем русского языка выпускника Оренбургской духовной семинарии действительного студента Николая Ильича Ильина 1804 г. р. с жалованием в 440 руб. (240 руб. за преподавание + 200 руб. за делопроизводство) согласно штатному расписанию и табели. 9 декабря 1824 г. губернский секретарь Александр Николаевич Попов 1794 г. р., ранее служивший учителем в Уральском войсковом училище, сторевшем в 1821 г., был назначен учителем истории и географии с одновременным исполнением обязанностей инспектора классов с годовым жалованием в 450 руб. (200 руб. за преподавание + 250 руб. за должность). 12 января 1825 г. гувернер К. К. Ком'яти на основании изъявления соответствующего желания получил возможность преподавать французский и немецкий языки с жалованием в 320 руб. Его жена была назначена смотрительницей за бельем с жалованием в 150 руб. Таким образом, годовой доход супругов Ком'яти составил 1 тыс. руб.

12 января 1825 г. мечетный имам Абдул Гасан Сардаков был определен учителем магометанского закона, а также персидского и арабского языков с жалованием в 500 руб. Священник Оренбургской полковой Петропавловской церкви Стефан Михайлович Сададьский изъявил желание преподавать Закон Божий. 12 января он был утвержден в этой должности с жалованием в 100 руб. 21 февраля 1825 г. ранее служивший столоначальником пограничной анцеларии военного губернатора коллежский секретарь Август Иванович Вибрехт 1796 г. р. был назначен казначеем с ежегодным окладом в 300 руб. Инженер-прапорщик Константин Агапьев был принят учителем

³⁰ Письмо командира Оренбургского инженерного округа начальнику инженеров отдельного Оренбургского корпуса Генсу от 16.09.1824. *РГВИА*. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1 об.; Указ его императорского величества о назначении Г. Ф. Генса директором Неплюевского училища. *РГВИА*. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–20.

³¹ Письмо Оренбургского военного губернатора генерала от инфантерии Эссена начальнику инженеров отдельного Оренбургского корпуса господину подполковнику Генсу от 27.09.1824. *РГВИА*. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2 об.

³² Формулярный список о службе директора Неплюевского военного училища инженер-полковника Генса 1826 г. *РГВИА*. Ф. 327. Оп. 1. Д. 167. Л. 3–4.

арифметики с жалованием в 120 руб.³⁵ Наконец, 26 мая 1825 г. отставной портупей-прапорщик, ранее служивший в Орском гарнизонном батальоне, Федор Осипович Клименец 1804 г. р. был определен писцом Комитета с жалованием в 80 руб. в год³⁴.

К началу учебного процесса и в начале первого учебного года кадровый состав учреждения был в основном сформирован. Средний возраст его служащих определился в 40 лет; средний размер годового жалования, колеблясь от 80 руб. у писца до 1350 руб. у его директора, составил 425 руб. в год или 35 руб. ассигнациями ежемесячно. Причем средний размер зарплаты административно-управленческого персонала – Комитета – составил 468 руб.; аналогичный размер жалования учителей был вдвое меньше, определившись в 245 руб. в год ассигнациями. Денежное вознаграждение членов Комитета учредилось Штатом, учителей – табелем, утвержденным начальником училища.

Размер зарплаты учителей определялся как количеством преподаваемых часов, так и степенью сложности учебной дисциплины. Например, час преподавания учителя арабского языка оценивался вдвое выше, чем час преподавания учителя русского языка. На уровне учителя русского языка оплачивался труд учителей арифметики, географии, истории, европейских языков, других предметов. В ряде случаев административные и учительские должности совмещались. Например, гувернер являлся преподавателем европейских языков, учитель русского языка исполнял должность комитетского делопроизводителя, а учитель истории и географии – должность инспектора классов. Соответственно совмещению должностей увеличивался и размер жалования.

Первый состав воспитанников и особенности их обучения

Согласно постановлению, утвержденному 9 февраля 1824 г., предполагалось содержать 80 учеников: 40 казеннокоштных, обучавшихся за счет доходов училища, и 40 своекоштных, воспитывавшихся за счет

их родственников. Зачисляться могли, во-первых, сыновья, отцы которых служили на момент поступления детей или ранее в иррегулярных войсках Оренбургского корпуса; во-вторых, «дети азиатцев, не состоящих в прочном подданстве»; в-третьих, «дети всякого свободного состояния людей» вне зависимости от национальности, будь то «казаки, киргизы, башкиры, мещеряки, татары»³⁵. Указанная выше последовательность носила принципиальный характер. Прежде всего, это было военное учебное заведение, и дети военнотружущих имели при поступлении приоритет. Кроме того, учреждение располагалось в Азиатской России на границе с Казахской степью и потому имело целью интегрировать азиатцев в среду русского мира.

Одна из целей создания училища озвучивалась следующим образом: «способствовать сближению азиатцев с русскими, внушать первым любовь и доверие к Русскому Правительству»³⁶. Поэтому привлечение к обучению детей высокопоставленных азиатцев считалось крайне желательным. Наконец, в случае если оставались свободные места, то принимали детей «всякого свободного состояния людей»: учреждение было открыто для всех желающих, имевших соответствующие устремления, а также финансовые и статусные возможности. В этой связи примечательно обстоятельство, связанное с редактированием императором проекта положения о Неплюевском училище, представленного на его утверждение П. К. Эссеном. В частности, в эссеновском тексте значился достаточно демократичный вариант: «Неплюевское училище учреждается для всех, кто пожелает в оном обучаться»³⁷.

Александр I посчитал такую формулировку оскорбительной для дворянского сословия. В комментариях к проекту положения он отметил: «есть знания, которые унизили бы и само училище, и обучающихся в нем, особенно тогда, как предположено принимать в него и дворянских детей»³⁸. С учетом замечания императора была предложена компромиссная формулировка о приеме детей «всякого свободного состояния людей»³⁹. За ежегодное содержание

³⁵ Письмо комитета Оренбургского Неплюевского военного училища в канцелярию Совета о военных училищах от 29.03.1826. *РГВИА*. Ф. 327. Оп. 1. Д. 167. Л. 1.

³⁴ Переписка П. Эссена и Г. Генса по кадровым вопросам. 04.11.1824–16.11.1826. *РГВИА*. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–43; Формулярные списки служащих Оренбургского военного училища за 1825–1829 гг. *РГВИА*. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–29.

³⁵ Постановление о Неплюевском училище. Гл. I. Общие распоряжения. §§ 4–5. *РГВИА*. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 39 об.

³⁶ Митурич В. П. Записка о главных изменениях... Л. 82.

³⁷ Эссен П. К. Проект постановления о Неплюевском училище. *РГВИА*. Ф. 327. Оп. 1. Д. 101. Л. 55 об.

³⁸ Записка по поводу проекта постановления о Неплюевском военном училище в г. Оренбурге... Л. 1.

³⁹ Постановление о Неплюевском училище, утвержденное Александром I 09.02.1824. *РГВИА*. Ф. 327. Оп. 1. Д. 101. Л. 70 об.

воспитанника, принимавшегося в учебное заведение за счет родственников, они должны были заплатить 300 руб., причем всю сумму внести в начале года сразу, или же в крайнем случае оплачивать его обучение по 150 руб. за полугодие⁴⁰.

Возникает логичный вопрос, требующий пояснений: насколько это много. Розничная стоимость пуда соли в 1839 г. в Оренбурге составляла около 1,5 руб.⁴¹ Стоимость хорошего жилого дома в Оренбургской губернии в том же 1839 г. варьировалась от 500 до 1000 руб. К примеру, деревянный дом «с принадлежащими ему службами» отставного подполковника Полякова продавался за недоимки за 800 руб.⁴² Также в 1839 г. за долги продавалось имение князя Якупа Чанышева, состоявшее из 200 десятин земли, строения и шести крестьян с их семьями и оценивавшееся в 2800 руб.⁴³ Конная борона в среднем стоила около 15 руб., примерно столько же стоил и плуг⁴⁴. Комплект из ездовой лошади, трех телег и саней, бывший в употреблении, оценивался в 30 руб.⁴⁵ Таким образом, стоимость годового обучения приравнивалась к двумстам пудам соли – этого стратегически важного для того времени продукта. Если учесть, что срок обучения составлял 6 лет, общая стоимость обучения равнялась 1800 руб. На эти деньги можно было купить в Оренбурге дом со средствами передвижения или, добавив 1000 руб., купить небольшое имение в сельской местности.

Обучение, одним словом, было дорогим, и далеко не каждый родитель мог себе позволить устроить сына в это учебное заведение. К тому же далеко не многие в то время сознавали ценность образования, в особенности азиаты, чтобы расходовать на него такие значительные деньги. Поэтому родители старались определить детей на казенное содержание за счет доходов училища, которые складывались из следующих средств. Во-первых, проценты с собственного капитала учреждения, который к 1825 г. составил сумму, превысившую 200 тыс. руб. Эти деньги выдавались под проценты, что приносило

заведению ежегодный доход в размере до 10 тыс. руб., расходованный на его содержание⁴⁶. Во-вторых, это так называемые *мечетные деньги* размером в 1 тыс. руб. Изначально эта сумма, выделявшаяся из бюджета ОПК ежегодно, полагалась на покрытие расходов, связанных с функционированием приходских училищ при мечетях, в том числе на содержание казахской школы в Оренбурге, которая существовала только на бумаге, а потому губернатор П. К. Эссен обратил эту сумму на содержание училища⁴⁷. В-третьих, это деньги, поступавшие в доход учреждения, зарабатывавшиеся ОПК от выдачи билетов казахам, нанимавшимся на работу к «линейным» жителям, в размере до 8 тыс. руб. ежегодно. Соответствующее явление требует пояснений. Еще в 1808 г. последовал императорский указ, в котором декларировалось намерение «*приохотить киргизцев к водворению во внутренних казенных селениях*» Оренбургского края.

В 1817 г. с целью практической реализации данного постановления П. К. Эссен рекомендовал комендантам Оренбургской линии *склонять* инородческое население к наемным работам у местных жителей. За возможность устроиться в наемные работники казахи должны были вносить определенную плату в бюджет ОПК. Ежегодная сумма таких выплат доходила до 10 тыс. руб., 8 тыс. из которых ежегодно поступали на содержание учреждения. За счет этого решался ряд стратегических задач. Во-первых, нищенствующие инородцы, бродяжничавшие вдоль пограничной линии и промышленявшие разбоем и грабежом, получали легальный заработок и возможность интеграции в российское общество. Во-вторых, местные «линейные» жители получали дешевую рабочую силу. Наконец, денежные сборы с таких работников формировали дополнительный капитал училища⁴⁸. Всего, таким образом, ежегодная сумма расходов на функционирование учреждения составляла около 18 тыс. руб.

Также источником денежных средств оставались и частные пожертвования. В 1824/1825 гг. одними из первых благотворителей выступили помещики

⁴⁰ Постановление о Неплюевском училище. Гл. I. Общие распоряжения. § 6. РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 39 об.–40.

⁴¹ О назначенных на 1839 год ценах для продажи соли. *Оренбургские губернские ведомости*. 14.01.1839. № 2. С. 3.

⁴² Объявления. *Оренбургские губернские ведомости*. 15.02.1839. № 6. С. 16.

⁴³ Объявления и извещения. *Оренбургские губернские ведомости*. 10.04.1839. № 13. С. 34.

⁴⁴ О сельскохозяйственных орудиях. *Оренбургские губернские ведомости*. 15.05.1839. № 18. С. 59.

⁴⁵ О продаже дома. *Оренбургские губернские ведомости*. 07.08.1839. № 30. С. 83.

⁴⁶ Отчет о капитале училища за 1825 год. РГВИА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 199. Л. 4 об.–5.

⁴⁷ Митурич В. П. Записка о главных изменениях... Л. 83–83 об.

⁴⁸ Всеподданнейшее представление Оренбургского военного губернатора о киргизцах, нанимающихся в работы. 20.02.1820. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3380. Л. 1–4.

Оренбургской губернии. Например, помещик Сладков даровал сумму, определенную в качестве годовой платы за одного ученика – 300 руб. Такую же сумму внес и помещик Глазов и т. д.⁴⁹ Обо всех доходах и расходах военный губернатор отчитывался перед Советом училищ. Как отмечалось, обучение являлось, во-первых, дорогим; во-вторых, не особо ценилось. В этой связи одной из обязанностей губернатора было поощрение родителей, для того чтобы они отдавали своих детей в училище. Родителей, особенно азиатов, которые более всего не желали расставаться с рабочими руками, награждали похвальными листами. Потенциальным абитуриентам обещались различного рода преимущества в будущем трудоустройстве в сравнении с претендентами, которые училище не оканчивали⁵⁰.

На первый год обучения предполагалось принять 28 мальчиков: 14 казенных, 14 своекоштных. Они должны были составить нижний двухгодичный класс⁵¹. Реальность оказалась иной: было принято 15 казеннокоштных воспитанников, 5 пансионеров и 1 полупансионер. Одними из первых были приняты несколько учеников на казенное содержание. Предварительно начальнику поступили прошения, из которых он удовлетворил ходатайства нескольких претендентов. Среди первых «счастливых» оказались Николай Главацкий, Бикараслан Субханкулов, Михаил Дынков, Евгений Романов, Иван Кушлянский, Лев Плотников, Муса Шукуралиев, Александр Юрасов. В силу различных обстоятельств (Н. Главацкий, например, был сиротой, Б. Субханкулов, М. Дынков, М. Шукуралиев и др. остались без отцов) их родственники не имели возможности оплачивать обучение детей. Не все из первого набора «дошли до финала», по различным обстоятельствам покинув учебное заведение. Им на смену были приняты другие ученики.

За содержание пансионеров их родственниками в 1825 г. было перечислено 1,5 тыс. руб.; 12 тыс. руб. поступило из ОПК на обеспечение казенно-

коштных воспитанников. Расход на одного ученика в 1824/1825 гг. был довольно значителен и составил сумму около 600 руб. Это было связано с тем, что белье, обмундирование и прочее закупалось впервые⁵². Впоследствии сумма расхода на одного воспитанника составила около 450 руб. в год⁵³. Директором был высчитан ежегодный расход на одежду и белье одного ученика, который выразился в сумме 60 руб.⁵⁴ Аналогичным образом было просчитано и продовольствие⁵⁵. На воспитанника христианского вероисповедания пришлось более 90 руб. в год, магометанского – 80 руб. Учитывая траты на одежду и белье в размере 60 руб., получался ежегодный расход на обмундирование и продовольствие одного ученика, который составил 150 руб.⁵⁶

Все принимаемые мальчики должны были быть в возрасте от 8 до 11 (в крайнем случае до 13) лет и должны были владеть основами грамоты. После медицинского освидетельствования училищным лекарем претенденты зачислялись в состав воспитанников⁵⁷. 19 октября 1824 г. директором было составлено, а военным губернатором утверждено расписание занятий нижнего класса⁵⁸ (рис.).

Нижний класс, таким образом, являл собой языковую школу. Более 70 % учебного времени предназначалось на изучение языков, прежде всего, русского и татарского (более 30 %), а также европейских (более 20 %) и азиатских (персидского и арабского) (более 15 %). Остальное учебное время (около 30 %) было распределено между историей, географией, арифметикой и Законом Божьим. Перечень учебных дисциплин нижнего класса свидетельствует об уникальности и значимости учебного заведения. Его выпускники, владея совокупностью иностранных языков, а также рядом специальных знаний как естественнонаучного, так и гуманитарного профилей, готовились стать связующим звеном в международных отношениях русского народа со среднеазиатскими.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–8.

⁵⁰ Постановление о Неплюевском училище. Гл. I. Общие распоряжения. §§ 9–13. РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 40 об.–42 об.

⁵¹ Рапорт Г. Ф. Генса П. К Эссену. РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–3 об.

⁵² Ведомость о суммах, поступивших на содержание Оренбургского Неплюевского военного училища от правительства и других источников с 1825 по 1840 годы. РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 51. Л. 5.

⁵³ РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 51. Л. 5–10.

⁵⁴ Табель 1 одежды, обуви и белья на содержание одного воспитанника Неплюевского училища. РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–7.

⁵⁵ Табель 2 съестным припасам, потребным на содержание одного воспитанника Неплюевского училища. РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–9 об.

⁵⁶ Рапорт Г. Ф. Генса П. К Эссену. РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 24–24 об.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–33.

⁵⁸ Таблица распределения учебных предметов в Неплюевском училище. 19.10.1824. РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–12 об., 22.

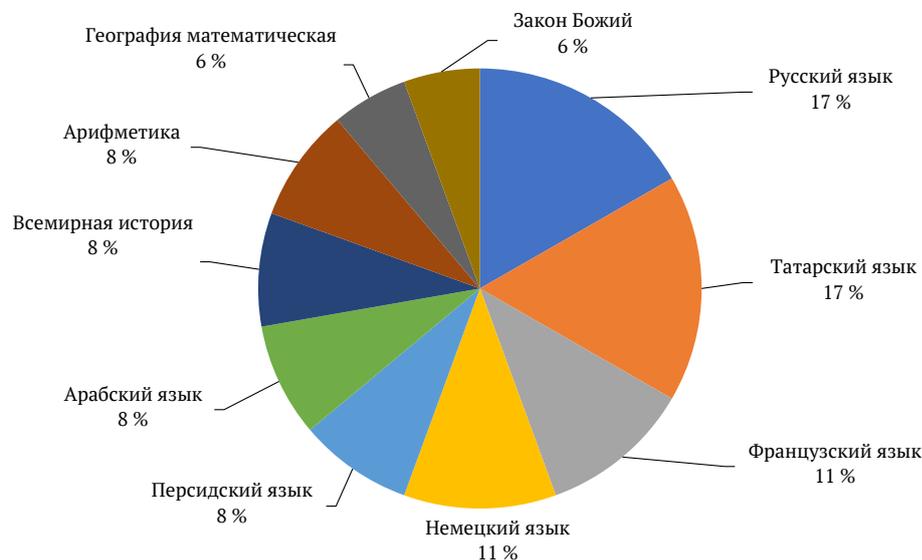

Рис. Объем преподавания учебных дисциплин в нижнем классе училища, %
Fig. First-year curriculum, %

Первый выпуск

Результат работы любого учебного заведения оценивается по успеху его выпускников, и в этом плане, на наш взгляд, Неплюевское училище уже в самом начале своей деятельности оправдало свое предназначение. Выпуск первого набора состоялся через 6 лет, в 1831 г., и составил 9 человек, среди которых были Вернеке Карл, Дынков Михаил, Плотников Лев, Юрасов Александр, башкиры Иванов Мартиниан и Кукляшев Салих Джан, сын покойного муфтия Внутренней Орды Гусейнов Амер Джан, дети султанов Внутренней Орды Шигаев Кучак Галей и Карагулов Ходжа Кумбулсын⁵⁹. Простое перечисление фамилий выпускников уже говорит о многом и прежде всего об интернациональном характере училища. Оно, кроме подготовки казачьих офицерских кадров, претендовало на реализацию важнейшей имперской задачи на юго-восточных рубежах России: интегрировать азиатские народы, в первую очередь башкир и казахов, в российское имперское пространство. В этой связи акцентируем внимание на миссии учебного заведения: *способствовать сближению азиатцев с русскими, внушать первым любовь и доверие к Русскому Правительству*. Уже первый выпуск продемонстрировал целесообразность его основания. Сознательно сконцентрируемся на выпускниках-азиатах и представим судьбы некоторых из них.

Одним из самых талантливых, трудолюбивых и успешных выпускников первого набора следует признать Мартиниана Иванова. Родился в 1812 г. в Стерлитамакском уезде Оренбургской губернии, в 13-летнем возрасте был зачислен воспитанником училища. Известно, что уже во время своего обучения в верхнем классе он занимал в альма-матер должность учителя татарского языка. Окончив училище в 1831 г., он был направлен в Казанский университет. После успешного завершения университетского курса в 1832 г. выдержал экзамен в отделении словесных наук, получив удостоверение учителя восточных языков, в частности письменных тюркского и персидского [Кунафин 2023: 88–89]. С этого же года в должности младшего учителя преподавал в училище восточные языки⁶⁰. Десятилетие спустя с целью совершенствования учебного процесса он издал в Казани учебное пособие для учеников татарского языка и приложение к нему в виде хрестоматии⁶¹. Талантливый просветитель, педагог, переводчик М. Иванов поместил в свою хрестоматию 17 басен, большинство из которых принадлежали авторству И. А. Крылова, язык которого, как он считал, максимально понятен всем народам [Кунафин 2012: 538–539].

Одноклассник М. Иванова, будущий кандидат Казанского университета Салихджан Биктяшев

⁵⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3569. Л. 3.

⁶⁰ Письмо Оренбургского военного губернатора П. П. Сухтелена о присвоении Иванову Мартиниану звания учителя. РГВИА. Ф. 943. Оп. 1. Д. 380. Л. 1–2.

⁶¹ Иванов М. И. Татарская грамматика. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1842. IV+341 с.

Кукляшев избрал аналогичную стезю. Выпустившись в 1831 г., в 1836 г. он был назначен на должность старшего учителя арабского и персидского языков Неплюевского училища с максимальным среди училищных учителей годовым жалованием в размере 1200 руб.⁶² В 1843 г. С. Б. Кукляшев значился в чине коллежского секретаря⁶³. Инспектор Совета о военно-учебных заведениях Н. П. Анненков в отчете по результатам инспекторской проверки 1844 г. отмечал: «[В этом училище] успех в [восточных] языках столь велик, что старшие учителя – из воспитанников этого заведения. Старший учитель татарского языка – Костромитинов, который выдержал экзамен на "отлично" в Санкт-Петербургском университете; персидского и арабского – Кукляшев, выдержавший экзамен на "отлично" в Казанском университете. Младшие учителя восточных языков: Батаринов и Бикчурин – также воспитанники этого заведения»⁶⁴. Полилингвизм С. Б. Кукляшева Н. П. Анненков оценил особо, отметив, что помимо арабского и персидского он знает татарский, латинский, немецкий, французский. К 1850 г. С. Б. Кукляшев дослужился до чина коллежского советника⁶⁵. Его фундаментальная заслуга – не только в обучении «неплюевцев» восточным языкам, но и в составлении «Татарской хрестоматии»⁶⁶ и «Словаря к татарской хрестоматии», которые были изданы в 1859 г. и высоко оцениваются современными специалистами [Кунафин 2012: 539].

Упомянутый инспектором Н. П. Анненковым младший учитель восточных языков Бикчурин также вошел в разряд выдающихся просветителей своего времени и народа⁶⁷. Несмотря на то что он, являясь воспитанником 4-го выпуска (1838 г.), «выбивается» из хронологических рамок статьи, тем не менее о нем нельзя не упомянуть. Дело в том, что именно три указанных деятеля в совокупности «делали первые

шаги по разработке проблем, связанных с историей, языком, литературой и фольклором родного народа, что в определенной мере подготовило благоприятную почву и дало ощутимый толчок для развития просветительских идей в общественной жизни и литературе башкир» [Кунафин 2012: 538].

Окончив Неплюевское училище в 1838 г., уже на следующий год М. М. Бекчурин получил чин коллежского регистратора. В период 1841–1878 гг. он на азиатском отделении училища преподавал восточные языки, являлся членом Оренбургского отдела Русского географического общества. Стал широко известен благодаря изданному в 1869 г. в Казани учебному пособию⁶⁸, в котором впервые на башкирском языке под названием «Сказка о смелом царе» опубликовал один из эпизодов преданий о Петре I. Эту и другие работы современные исследователи квалифицировали как первые попытки создания башкирского национального литературного языка, таким образом, сравнивая М. М. Бекчурина с А. С. Пушкиным. Являясь одним из самых прогрессивных людей своего времени, он ратовал за развитие светской культуры [Кунафин 2012: 539–540]. Помимо просветительской он известен дипломатической деятельностью. К примеру, в 1865/1866 гг. вместе с генералом Н. А. Крыжановским, командовавшим войсками Оренбургского военного округа, он дважды был в Средней Азии в качестве переводчика. Находился рядом с генералом при штурме городов Ура-Тюбе и Джизак и по его поручению вел переговоры со среднеазиатскими властями [Надергулов, Игдавлетов 2020: 1237].

Подготовкой только этих трех представителей башкирской интеллигенции, которые одновременно являлись и учителями, и просветителями, и дипломатами на российской государственной службе, на наш взгляд, можно было бы обосновать необходимость

⁶² Докладная записка исправляющего должность директора Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса полковника Шилова главному начальнику военно-учебных заведений генерал-адъютанту и кавалеру Якову Ивановичу Ростовцеву. 03.05.1849. *РГВИА*. Ф. 257. Оп. 56. Д. 1544. Л. 1; Список учителей Неплюевского училища. 1838 г. *РГВИА*. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 10. Л. 69–69 об.

⁶³ Список штаб-офицерам и обер-офицерам, классным чиновникам и учителям Оренбургского Неплюевского военного училища на 1843 год. *РГВИА*. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 61. Л. 5–6 об.

⁶⁴ Отчет инспектора Совета о военных учебных заведениях Н. П. Анненкова об инспекции Оренбургского Неплюевского военного училища в 1844 г. *РГВИА*. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 68. Л. 54–55.

⁶⁵ Объявление главному начальнику военно-учебных заведений цесаревичу Александру Николаевичу о решении императора. 01.10.1850. *РГВИА*. Ф. 257. Оп. 56. Д. 1544. Л. 17–17 об.

⁶⁶ Кукляшев С. Д. Татарская хрестоматия. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1859. 126 с.

⁶⁷ Выдающиеся просветители Евразии. 2-е изд., доп. Воронеж: АртПринт, 2020. 347 с. <https://elibrary.ru/tjppao>

⁶⁸ Бекчурин М. С. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с кратким объяснением существующих в Оренбургском крае наречий башкир и киргизов и с приложением к нему русско-персидско-татарских слов, разговоров и прописей. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1859. 128 с.

и значимость создания училища. Среди выпускников 1831 г. были султанские дети Кучак Галей Шигаев, Ходжа Кумбулсын Карагулов, сын муфтия Амерджан Гусейнов. По возвращению домой они заняли при хане Внутренней Орды Жангир-Керее различные должности, в той или иной мере, по всей видимости, определяя его пророссийскую политику [Ташпеков 2020: 337–338].

Заключение

Задуманный шефом 1-го кадетского корпуса П. А. Зубовым и поддержанный императором Александром I проект по организации военного училища в Оренбурге ждал своего счастливого часа почти четверть века. Процесс основания учреждения растянулся на весь период правления Александра I. Последовательными усилиями Оренбургских военных губернаторов Н. Н. Бахметева, Г. С. Волконского, П. К. Эссена к окончанию первой четверти XIX в. в Оренбурге было создано русско-азиатское военно-учебное заведение, а его Положение и Штат были утверждены в соответствии с имперскими законодательными нормами. Н. Н. Бахметев, руководствуясь просьбой Александра I, организовал сбор пожертвований с местного дворянства. Г. С. Волконский, как только вступил в должность, продолжил эту деятельность. Наконец, П. К. Эссен, имевший уже достаточно крупный «училищный» капитал, выступил с конкретным проектом создания Азиатского Неплюевского училища.

Таким образом, из задуманных П. А. Зубовым 17 губернских военно-подготовительных учебных заведений было учреждено три: в 1801 г. – в Туле, в 1802 г. – в Тамбове, в 1824/1825 гг. – в Оренбурге [Греков 1910: 10], что следует признать очень значимым событием для восточной части империи. Так было положено начало военному образованию в этом важнейшем с точки зрения безопасности юга Азиатской России, пограничном с казахской степью Южно-Уральском регионе. Выпускники училища отныне станут формировать офицерский, также гражданский, в частности, учительский и чиновничий корпуса региона.

Первый штатный состав училища следует признать вполне удовлетворительным. Его директор Г. Ф. Генс был, с одной стороны, человеком военным, с другой –

ученым, что как нельзя лучше характеризует созданное учреждение. Татарский язык в нем преподавал носитель языка. Русский язык, историю, географию преподавали молодые люди, деятельные и амбициозные; Закон Божий – священнослужители обеих конфессий. Известна проблема кадрового дефицита в российских регионах в рассматриваемый момент времени, но, кажется, в данном случае совместными усилиями начальника и директора его удалось преодолеть. Воспитанники, русские и азиаты совместно, были призваны осваивать русский, азиатские и европейские языки. Треть всей языковой подготовки была посвящена актуальным в регионе восточным языкам: татарскому, арабскому и персидскому. Таким образом, создание Неплюевского военного училища, на наш взгляд, явилось полноценной заявкой на многовекторность геополитики России и синтез в ее среде европейских и азиатских народов. В этой связи его основание следует рассматривать как важнейший фактор становления русского государства в качестве ведущей евразийской державы.

Не следует забывать другую важнейшую функцию училища, связанную с подготовкой офицерских кадров, а потому его последующая история была связана с интеграцией в систему военно-учебных заведений Российской империи. В 1834 г. оно «для единства духа и методы военного воспитания» было подчинено Главному директору всех сухопутных кадетских корпусов⁶⁹. В 1840 г. учебный процесс еще более был интегрирован в систему обучения в кадетских корпусах страны: 6 декабря 1840 г. для него были утверждены новые Положение и Штаты. Все статьи нового Положения соотносили функционирование училища с деятельностью кадетских корпусов. Конкретизировалось, во-первых, что его Комитет должен был руководствоваться «правилами для таких Комитетов в кадетских корпусах предписанными». Во-вторых, учреждению полагалась печать «с Российским гербом». В-третьих, «в отношении нравственного и физического воспитания» учебному заведению было предписано руководствоваться «общими правилами, предписанными для кадетских корпусов»⁷⁰. Для детей чинов Оренбургского казачьего войска ежегодно в столичных корпусах открывалось 10 вакансий: 2 – в 1-м кадетском корпусе (Санкт-Петербург), 3 – во 2-м (Санкт-Петербург),

⁶⁹ РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 9. Л. 23; ПСЗРИ. Собрание II. Т. IX. Ч. 2. Закон 7420 от 02.10.1834. СПб., 1835. С. 45.

⁷⁰ ПСЗРИ. Собрание II. Т. XV. Ч. 1. Закон 14029 от 06.12.1840. СПб., 1841. С. 787–793; ПСЗРИ. Собрание II. Т. XVI. Ч. 1. Закон 14648 от 15.06.1841. СПб., 1841. С. 624.

2 – в Павловском (Санкт-Петербург), 3 – в 1-м Московском (Москва)⁷¹. В 1844 г. Оренбургское училище было переименовано в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, окончательно и бесповоротно интегрировавшись в систему кадетских корпусов Российской империи⁷².

Основание Оренбургского Неплюевского военного училища сложно переоценить. Впоследствии оно станет центром притяжения научно-образовательных и культурных инноваций своего времени. При нем вскоре будет создан «музеум» как один из старейших музеев России⁷³. При нем же будет создано девичье отделение как первое в Азиатской России женское учебное заведение⁷⁴ и т. д. Наконец, сама судьба,

кажется, справедливо распорядилась так, что именно с города Оренбурга началось возрождение системы кадетских учреждений современной России в форме Президентских кадетских училищ, и Оренбургское президентское кадетское училище, созданное в 2010 г., стало первым в ряду таковых.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Авдеев П. И., Полозова В. М. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург: ОКВ, 1904. 183 с. [Avdeev P. I., Polozova V. M. *Historical note on the Orenburg Cossack army*. Orenburg: OKV, 1904, 183. (In Russ.)]
- Алексеев В. В., Германн У., Дариенко В. Н., Земцов В. Н., Зуев А. С., Ивонин А. Р., Ляпин В. А., Мненко Н. А., Нечаева М. Ю., Никитин Н. И., Овчинникова Б. Б., Петров В. И., Побережников И. В. История казачества Азиатской России. Т. 1. XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 316 с. [Alekseev V. V., Hermann U., Darienko V. N., Zemtsov V. N., Zuev A. S., Ivonin A. R., Lyapin V. A., Mnenko N. A., Nechaeva M. Yu., Nikitin N. I., Ovchinnikova B. B., Petrov V. I., Poberezhnikov I. V. *History of the Cossacks of Asian Russia. Vol. 1. XVI – the first half of the XIX century*. Ekaterinburg: Ural Branch of the RAS, 1995, 316. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywcbllw>
- Васильев А. В. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус как первое учебное заведение в истории русского образования киргизов. Оренбург: Типолит. П. Н. Жаринова, 1896. 14 с. [Vasiliev A. V. *Orenburg Neplyuev Cadet School as the first educational department in the history of Russian education of Kyrgyz*. Orenburg: Tipolit. of P. N. Zharinova, 1896, 14. (In Russ.)]
- Глуховский В. Ф. История Оренбуржья. Оренбург: Оренбургский ГАУ, 2010. 391 с. [Glukhovskiy V. F. *History of the Orenburg region*. Orenburg: Orenburg SAU, 2010, 391. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qppanz>
- Годовова Е. В., Избасарова Г. Б. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и распространение российского образования в Казахской Степи. *История*. 2023. Т. 14. № 1. [Godovova E. V., Izbasarova G. B. Orenburg Neplyuev cadet corps and the distribution of Russian education in the Kazakh Steppe. *Istoriya*, 2023, 14(1). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18254/S207987840015864-9>
- Греков Ф. В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910. М.: Тип. Вильде, 1910. 190 с. [Grekov F. V. *A brief historical essay on military educational institutions. 1700–1910*. Moscow: Tip. Wilde, 1910, 190. (In Russ.)]
- Ерофеева И. Величайший знаток народов Востока. *Культурное наследие немцев в Центральной Азии*, ред. и сост. О. Клименко. Алматы: Алматы-Болашак, 2012. С. 112–119. [Erofeeva I. The greatest connoisseur of the peoples of the East. *The cultural heritage of Germans in Central Asia*, ed. and comp. Klimenko O. Almaty: Almaty-Bolashak, 2012, 112–119. (In Russ.)]

⁷¹ ПСЗРИ. Собрание II. Т. XVI. Ч. 2. Закон 15113 от 13.12.1841. СПб., 1842. С. 112.

⁷² ПСЗРИ. Собрание II. Т. XX. Прибавление. Ч. 2. Закон 17962а от 04.06.1844. СПб., 1846. С. 41–43.

⁷³ Управление Оренбургского военного губернатора (Канцелярия) Комитету Неплюевского военного училища 24.11.1830. РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

⁷⁴ Управление Оренбургского военного губернатора (Канцелярия) Комитету Неплюевского военного училища 29.12.1830. РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.

- Зубова И. К. К истории математического образования в Оренбурге: педагоги и методисты конца XIX – начала XX века. *Одиннадцатые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: Всерос. (с Междунар. уч.) науч.-практ. конф. (Оренбург, 31 марта – 2 апреля 2022 г.)* Оренбург: ОГПУ, 2022. Т. 1. С. 222–225. [Zubova I. K. On the history of mathematical education in Orenburg: Teachers and methodologists of the late XIX – early XX centuries. *Eleventh Bolshakov Readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon: Proc. All-Russian (with Intern. participation) Sci.-Prac. Conf., Orenburg, 31 Mar – 2 Apr 2022.* Orenburg: OGPU, 2022, vol. 1, 222–225. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gpkrbd>
- Керсновский А. А. История русской армии. Т. 1. От Нарвы до Парижа. 1700–1814. М.: Голос, 1992. 302 с. [Kersnovskiy A. A. *History of the Russian army. Vol. 1. From Narva to Paris. 1700–1814.* Moscow: Golos, 1992, 302. (In Russ.)]
- Кунафин Г. С. Зачинатель башкирского просветительского движения. *Ватандаш*. 2023. № 7. С. 82–98. [Kunafin G. S. Founder of the Bashkir educational movement. *Vatandash*, 2023, (7): 82–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztyhkd>
- Кунафин Г. С. Об этапах развития башкирского просветительства и особенностях развития просветительских идей в литературе первой половины XIX века. *Вестник Башкирского университета*. 2012. Т. 17. № 1. С. 537–540. [Kunafin G. S. Development stages of Bashkir enlightenment and the peculiarities of the development of educational ideas in the literature of the first half of the XIX century. *Bulletin of the Bashkir University*, 2012, 17(1): 537–540. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pegugd>
- Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. Ч. II. 333 с. [Levshin A. I. *Description of the Kyrgyz-Kaysak or Kyrgyz-Cossack hordes and steppes.* St. Petersburg: Tip. Karla Kray, 1832, 333. (In Russ.)]
- Матвиевская Г. П. К истории образования в Оренбургском крае: Оренбургское девичье училище. *Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: Междунар. науч.-практ. конф. (Оренбург, 1–2 марта 2018 г.)* Оренбург: ОГПУ, 2018. С. 347–350. [Matvievskaya G. P. History of education in the Orenburg region: Orenburg School for Girls. *9th Bolshakov Readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Orenburg, 1–2 Mar 2018.* Orenburg: OGPU, 2018, 347–350. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yttedn>
- Матвиевская Г. П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории. М.: Академия Естествознания, 2016а. 174 с. [Matvievskaya G. P. *Orenburg Neplyuevsky Cadet School. Essay on history.* Moscow: Akademiia Estestvoznaniia, 2016a, 174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wksmon>
- Матвиевская Г. П. Становление Оренбургского Неплюевского военного училища (1825–1832 гг.). *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2016б. № 2. С. 167–186. [Matvievskaya G. P. Neplyuev Orenburg Military School (1825–1832). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*, 2016b, (2): 167–186. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wawmbh>
- Мельницкий Н. Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях сухопутного ведомства в России. СПб.: Тип. Глав. штаба Е.И.В. по воен.-учеб. заведениям, 1857. Т. I. Ч. 2. 128 с. [Melnitskiy N. N. *Collection of information about military educational institutions of the land department in Russia.* St. Petersburg: Tip. Glav. shtaba E.I.V. po voen.-ucheb. zavedeniiam, 1857, vol. I, pt. 2, 128. (In Russ.)]
- Митурич В. П. Материалы для истории общественного воспитания в Оренбургском крае. *Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 год*. Оренбург: Оренбург. Губ. Стат. Каб. 1869. С. 193–216. [Miturich V. P. *Materials for the history of public education in the Orenburg region. Reference book of the Orenburg province for 1870.* Orenburg: Orenburg. Gub. Stat. Kab., 1869, 193–216. (In Russ.)]
- Надергулов М. Х., Игдавлетов И. С. К вопросу присоединения Средней Азии к России (обзор некоторых башкирских письменных источников второй половины XIX в.). *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 5. С. 1234–1242. [Nadergulov M. Kh., Igdavletov I. S. Annexation of Central Asia to Russia revisited: A review of some mid-to-late 19th-century Bashkir written sources. *Oriental Studies*, 2020, 13(5): 1234–1242. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-51-5-1234-1242>

- Попов А. В. Рукописи Г. Ф. Генса. *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Оренбург: Паровая типолит. Тов. «Каримов, Хусаинов и Ко», 1907. Вып. XIX. С. 168–182. [Popov A. V. G. F. Gens. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Orenburg: Parovaia tipolit. Tov. "Karimov, Khusainov i Ko", 1907, iss. XIX, 168–182. (In Russ.)]
- Севастьянов С. Н. Григорий Федорович Генс. *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Оренбург: Паровая типолит. Тов. «Каримов, Хусаинов и Ко», 1907. Вып. XIX. С. 158–167. [Sevastyanov S. N. Grigory Fedorovich Gens. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Orenburg: Parovaia tipolit. Tov. "Karimov, Khusainov i Ko", 1907, iss. XIX, 158–167. (In Russ.)]
- Севастьянов С. Н. Князь Г. С. Волконский как инициатор памятника Неплюеву – кадетского училища, ныне Неплюевского кадетского корпуса. *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Оренбург: Типолит. губернского правления, 1897. Вып. III. С. 1–56. [Sevastyanov S. N. Prince G. S. Volkonsky as the initiator of the monument to Neplyuev: Neplyuev cadet school. *Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission*. Orenburg: Tipolit. gubernskogo pravlniia, 1897, iss. III, 1–56. (In Russ.)]
- Семёнов В. Г., Семёнова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во им. Г. П. Донковцева, 2014. 446 с. [Semenov V. G., Semenova V. P. *Governors of the Orenburg region*. Orenburg: Orenburg. kn. izd-vo im. G. P. Donkovtseva, 2014, 446. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sshfzl>
- Семёнов В. Г., Семёнова В. П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во им. Г. П. Донковцева, 2017. 592 с. [Semenov V. G., Semenova V. P. *Orenburg Neplyuev Cadet School. History in personalities*. Orenburg: Orenburg. kn. izd-vo im. G. P. Donkovtseva, 2017, 592. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zdizrv>
- Семёнова Н. Л. Деятельность оренбургского военного губернатора П. К. Эссена в оценках авторов воспоминаний и современных исследователей. Одиннадцатые Большаковские чтения. *Оренбургский край как историко-культурный феномен: Всерос. (с Междунар. уч.) науч.-практ. конф. (Оренбург, 31 марта – 2 апреля 2022 г.)* Оренбург: ОГПУ, 2022. Т. 1. С. 80–85. [Semenova N. L. The activities of the Orenburg military governor P. K. Essen in the assessments of the authors of memoirs and modern researchers. *Eleventh Bolshakov Readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon: Proc. All-Russian (with Intern. participation) Sci.-Prac. Conf., Orenburg, 31 Mar – 2 Apr 2022*. Orenburg: OSPU, 2022, vol. 1, 80–85. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kfmuta>
- Ташпеков Г. А. Просветительская деятельность хана Джангира во Внутренней (Букеевской орде). *Образование в современном мире*, ред. Ю. Г. Голуб. Саратов: СГУ, 2020. Вып. 15. С. 336–341. [Tashpekov G. A. Educational activities of Khan Jahangir in the Inner (Bukeyev) horde. *Education in the modern world*, ed. Golub Yu. G. Saratov: SSU, 2020, iss. 15, 336–341. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ftmyhy>
- Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М.: Древлехранилище, 2003. 620 с. [Khoroshkevich A. L. *Russia in the system of international relations of the mid-XVI century*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2003, 620. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qouyju>
- Швецов Ю. А. Изменения в военном образовании в России начала XIX века и создание Неплюевского училища в Оренбурге. *Двенадцатые Татищевские чтения: Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19–20 ноября 2019 г.)* Екатеринбург: Квадрат, 2020а. С. 133–139. [Shvetsov Yu. A. Changes in military education in Russia at the beginning of the XIX century and the creation of the Neplyuev School in Orenburg. *12th Tatishchev Readings: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 19–20 Nov 2019*. Ekaterinburg: Kvadrat, 2020a, 133–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pplxscj>
- Швецов Ю. А. Преобразования в Оренбургском Неплюевском военном училище в контексте изменений в военном образовании при Николае I. *Урал индустриальный. Бакунинские чтения: XIV Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г.)* Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2020б. Т. 1. С. 179–186. [Shvetsov Yu. A. Transformations at the Orenburg Neplyuevsk Military School in the context of changes in military education under Nicholas I. *Ural industrial. Bakunin readings: Proc. XIV All-Russian Sci. Conf., Ekaterinburg, 16–17 Nov 2020*. Ekaterinburg: UMTs UPI, 2020b, vol. 1, 179–186. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvvvud>

обзорная статья

<https://elibrary.ru/iqwroq>

Социально-правовой статус административного и профессорско-преподавательского состава Западно-Сибирского учебного округа в 1885–1918 гг. (историографический аспект)

Рагимова Камила Зейдулаховна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5665-2409

<https://orcid.org/0000-0002-3329-0409>

Ragmila1@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена истории исследований социально-правового статуса административного и профессорско-преподавательского состава Западно-Сибирского учебного округа в 1885–1918 гг. Актуальность исследования обусловлена: 1) недостаточной изученностью исследуемого вопроса в отечественной историографии, а также качественной и количественной неравномерностью источников, посвященных анализу статуса чиновников в сфере образования; 2) отсутствием инструментария, выявляющего взаимовлияние социально-правового статуса чиновников и развитие системы образования, неопределенностью методологических и аксиологических позиций, в рамках которых рассматривалась проблема. Цель исследования – определить степень изученности социально-правового статуса административного и профессорско-преподавательского состава Западно-Сибирского учебного округа в 1885–1918 гг. в исторической науке и на этой основе обозначить направления научных исследований в имперской, советской и российской научной литературе. Исследование опирается на принципы объективности, историзма и системности. Историографический анализ основан на проблемно-хронологическом принципе. Обзор работ в зависимости от хронологических рамок, методологических подходов и вопроса сферы исследования разделен на три периода: дореволюционный (1874–1917 гг.), советский (1917 – конец 1980-х гг.) и постсоветский (начало 1990-х гг. – настоящее время). Результат работы состоит: 1) в определении вклада исследователей в изучение истории системы образования Российской империи; 2) в анализе роли как дореволюционных работ, так и исследований советского и постсоветского периодов, рассматривающих систему образования именно Западной Сибири; 3) в раскрытии взглядов ученых на проблему формирования социально-правового статуса административного и профессорско-преподавательского состава Западно-Сибирского учебного округа; 4) в выявлении методологических позиций, с помощью которых авторы исследовали проблему.

Ключевые слова: социально-правовой статус, Западно-Сибирский учебный округ, высшее образование, учебные заведения, система управления образованием, Западная Сибирь

Цитирование: Рагимова К. З. Социально-правовой статус административного и профессорско-преподавательского состава Западно-Сибирского учебного округа в 1885–1918 гг. (историографический аспект). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 362–378. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-362-378>

Поступила в редакцию 05.04.2024. Принята после рецензирования 07.06.2024. Принята в печать 10.06.2024.

review article

Social and Legal Status of Administrative and Academic Staff in West Siberia, 1885–1918: Historiographical Aspect

Kamila Z. Ragimova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

eLibrary Author SPIN: 5665-2409

<https://orcid.org/0000-0002-3329-0409>

Ragmila1@yandex.ru

Abstract: The article covers the social and legal status of the administrative and academic staff in the West Siberian Education District in 1885–1918. This matter remains largely understudied in Russian historiography as the available sources are uneven in quality and quantity. Domestic historiography also lacks methodological and axiological tools that could reveal the correlation between the socio-legal status of education officials and the development of the education system. The research objective was to identify the level of knowledge that historical studies have to offer on the social and legal profile of the administrative and academic staff in West Siberia in 1885–1918. The data obtained made it possible to identify areas of scientific research in Pre-Revolution, Soviet, and Russian scientific literature. The research relied on the principles of objectivity, historicism, and consistency. The historiographic analysis was in line with the problem-chronological principle. The review consisted of three parts, depending on the chronology, methodology, and scope of research: pre-Revolution (1874–1917), Soviet (1917–late 1980s), and post-Soviet (early 1990s–present). The authors determined the contribution of some researchers to the history of the education system of the Russian Empire, as well as analyzed the role of pre-Revolution, Soviet, and post-Soviet studies of the education system in West Siberia. The article introduces the views and methodological standpoints on the development of the social and legal profile of the administrative and academic staff in West Siberia.

Keywords: socio-legal status, West Siberian Educational District, higher education, educational institutions, education management system, Western Siberia

Citation: Ragimova K. Z. Social and Legal Status of Administrative and Academic Staff in West Siberia, 1885–1918: Historiographical Aspect. *SibScript*, 2024, 26(3): 362–378. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-362-378>

Received 5 Apr 2024. Accepted after peer review 7 Jun 2024. Accepted for publication 10 Jun 2024.

Введение

21 февраля 2023 г. президент России Владимир Путин в Послании Федеральному Собранию обозначил назревшую необходимость в существенных изменениях во всех сферах жизни с учетом новых требований к специалистам в экономике и социальных отраслях. Президент отметил: «Необходим синтез всего лучшего, что было в советской системе образования, и опыта последних десятилетий»¹. В. Путин особо подчеркнул, что переход на новую систему должен быть плавным: «Правительству совместно с парламентариями потребуется внести многочисленные

поправки в законодательство об образовании, о рынке труда и т. д. Здесь нужно всё продумать, проработать до мелочей»². Следовательно, по мнению министра науки и высшего образования В. Н. Фалькова, Россию ждет «процедура законотворчества» и «длительного обсуждения» нововведений³.

В связи с этим актуальность при модернизации национальной системы образования приобретает вопрос о социально-правовом статусе административного и профессорско-преподавательского состава образовательных организаций, который должен

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 21.02.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 15.02.2024).

² Там же.

³ Наш вуз хотя и не в болонии. *Коммерсантъ*. 24.05.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5367733?query=валерий%20фальков> (дата обращения: 15.02.2024).

принять активное участие в процессе позитивных улучшений системы высшего образования, основываясь на отечественном опыте и традициях. Интерес к данному вопросу свидетельствует о том, что вновь возникла потребность обратиться к опыту XIX в., когда в Российской империи завершилось формирование эффективной системы управления образованием, оформилась разветвленная сеть учебных заведений, была создана законодательная основа развития системы образования. При этом необходимо адаптировать исторический опыт и традиции к современным российским реалиям: «Нужно взять лучшее, что есть, но не ломать то хорошее, что было сделано»⁴.

Цель исследования – определить степень изученности социально-правового статуса административного и профессорско-преподавательского состава Западно-Сибирского учебного округа в 1885–1918 гг. в исторической науке и на этой основе обозначить направления научных исследований проблемы.

Комплексных исследований социально-правового статуса профессорско-преподавательского и административного аппарата не проводилось как в дореволюционный, так и в советский периоды. Но поскольку служащие учебного ведомства, в том числе и преподаватели, относились к гражданским чинам, мы можем проследить изменение элементов социально-правового статуса чиновников в исследованиях, посвященных истории системы образования Российской империи и истории образования в Западной Сибири.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: 1) установить круг работ, посвященных вопросу социально-правового статуса административного и профессорско-преподавательского состава Западно-Сибирского учебного округа в 1885–1918 гг.; 2) определить концепции и методологические подходы, на основе которых в этих работах проведены исследования; 3) проанализировать результаты исследований данного вопроса в историографии.

Исследование опирается на принципы объективности, историзма и системности. Историографический анализ основан на проблемно-хронологическом принципе. Историографию вопроса в зависимости от хронологических рамок, методологических подходов и вопроса сферы исследования можно поделить на три периода: дореволюционный (1874–1917 гг.), советский (1917 – конец 1980-х гг.) и постсоветский (начало 1990-х гг. – настоящее время).

Результаты

Дореволюционный период (1874–1917 гг.)

Первые шаги по изучению системы народного образования были предприняты М. Ф. Владимирским-Будановым [Владимирский-Буданов 1874]. Опираясь на проблемно-хронологический принцип, он рассмотрел вопросы истории права образования. В частности, подверг анализу процессы XVIII в., предшествующие появлению окружной модели управления образованием (элементарное образование), и сравнил их с процессами формирования профессионального образования, на базе которого строились принципы государственной образовательной политики XIX в. М. Ф. Владимирский-Буданов определил роль государства и личности в деле развития просвещения, проанализировал основополагающие законодательные проекты XVIII в., сделал выводы о сущности и формах профессионального образования, настаивал на обязательности его получения и необходимости управления им на государственном уровне. Автор указал на сословную природу образования, а сословная принадлежность – одна из составляющих социального статуса. М. Ф. Владимирским-Будановым были выделены признаки понятия *сословие*: корпоративность, наследственность, признание со стороны государства и профессия.

В 1902 г. выходит работа С. В. Рождественского, автора трудов по проблемам государства и права России. В исследовании «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 гг.» [Рождественский 1902] автор описал деятельность министерства за столетний период его существования и проанализировал подлинные архивные документы, официальные отчеты и статистические данные, опираясь на междисциплинарный подход. Краткий исторический очерк содержит биографические сведения о лицах, стоявших во главе министерства, обзор законодательства и перечень важнейших административных распоряжений по ведомству Министерства народного просвещения.

В 1912 г. вышла еще одна работа С. В. Рождественского «Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв.» [Рождественский 1912], в которой хронологически были рассмотрены проблемы создания системы народного просвещения как планомерной, органической совокупности средств общего и профессионального образования, низшего,

⁴ «Будут и бакалавриат, и магистратура». *Коммерсантъ*. 02.06.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5381815?query=валерий%20фальков> (дата обращения: 15.02.2024).

среднего и высшего. Труд, основанный на междисциплинарном подходе, состоит из трех очерков, в которых проанализированы задачи и формы профессионального образования, вопросы общего образования в законодательстве, проекты реформ в царствование императрицы Екатерины II, принципы новой системы просвещения в 1760–1770-е гг., характеристика окружного управления образованием и приведение учебной системы Российской империи к единообразию. В третьем очерке автор привел сведения о проекте устава первого российского университета под руководством И. И. Шувалова. Именно в рамках обсуждения этого проекта поднялась дискуссия о чиновничьем производстве по учебной службе между И. И. Шуваловым и комиссией, к которой были обращены его объяснения. Комиссия была против присвоения профессорам чинов, а И. И. Шувалов апеллировал к тому, что чины введены в штат Академии художеств, следовательно, и профессорам университета нельзя отказать в чиновничьем производстве.

Дореволюционная литература, посвященная образованию в Западной Сибири, была преимущественно связана с открытием Императорского Томского университета. В 1889 г. с разрешения попечителя Западно-Сибирского учебного округа В. М. Флоринского была издана книга «Первый университет в Сибири»⁵. В ней содержалось детальное описание торжественного открытия Императорского Томского университета, приводилась вступительная лекция С. И. Коржинского, давалось подробное биографическое описание попечителя учебного округа, первых профессоров, библиотекарей, лаборантов и инспекторов до их прибытия в университет.

В 1898 г. в связи с 10-летием работы Томского университета и открытием юридического факультета был издан «Очерк истории развития и деятельности Томского Императорского университета за первое десятилетие его существования». В этом труде подводились итоги учебной и научной работы университета. В 1912 г. была опубликована книга «Город Томск» со статьей В. В. Сапожникова «Императорский Томский университет» [Сапожников 1912]. В ней на основе историко-краеведческого метода изложены сведения о деятельности университета в первые десятилетия его существования. Большое внимание уделено описанию учебного процесса, научной работы и студенческой жизни, приведены сведения о преподавателях, их количестве и научных сферах деятельности.

В честь 25-летия Императорского Томского университета в 1917 г. профессорами П. П. Авроровым и М. Ф. Поповым был издан фундаментальный труд «Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913)» [Авроров, Попов 1917]. На основе ретроспективного анализа авторы изложили историю основания и открытия вуза, личный состав университета, отразили преподавательскую деятельность в рамках факультетов, численность и состав студентов. Особое внимание уделено медицинскому факультету, его роли в жизни университета, а также просветительской и научной деятельности профессоров, их участию в организации общественных собраний, благотворительных и торжественных мероприятий в регионе.

Осуществление государственной политики в сфере образования тесно связано с социально-правовым статусом чиновников, т. к. именно они выступают проводниками этой политики на центральном и местном уровнях. Однако стоит отметить, что в дореволюционной историографии гражданские чины ведомства Министерства народного просвещения не подверглись отдельному изучению. С. М. Троицкий объяснил причины недостаточной разработки этой проблемы в исторической науке: «Проблема формирования российской бюрократии не стала предметом специального изучения в дореволюционной историографии. Непомерно идеализируя роль государственной власти и считая ее надклассовой силой, дворянские и буржуазные историки главное внимание уделяли истории государства» [Троицкий 1974: 7].

К числу обобщающих исследований социально-правового статуса чиновничества Российской империи необходимо отнести работы [Евреинов 1887; Карнович 1897; Коркунов 1903; Корф 1910; Лазаревский 1910; Нелидов 1874] и др. В трудах указанных авторов с опорой на нормы законодательства содержались сведения историко-правового характера: история создания и развития системы гражданского чиновничества, ее структура и функции, социальный и правовой статус гражданского чиновничества. Ученые проанализировали влияние служащих на политическую и общественную жизнь России, выделили проблемы и недостатки гражданской службы.

В рамках анализа историографии изучаемого вопроса в имперский период необходимо рассмотреть точку зрения П. Н. Милюкова в «Очерках по истории русской культуры» [Милюков 1994], который

⁵ Первый университет в Сибири: с 8 фотогравюрами работы Шерер и Набгольц в Москве. Томск: Тип. «Сиб. вестника», 1889. [4], 93 с.

хронологически выделил периоды образовательной политики России. Автор исследовал православную школу Древней Руси, состояние знаний в допетровскую эпоху, светскую школу при Петре I и императрицах, борьбу за школу и просвещение в XIX в., охарактеризовал школу и просвещение на службе политики СССР. П. Н. Милюков считал, что церковь и общество рассматривали российскую школу как сферу государственной ответственности. Это привело к тому, что школа с момента своего существования являлась «вдвойне правительственной»: как по происхождению, так и по назначению. Образовательная система занималась подготовкой кадров либо для себя, либо для службы. Довольно быстро произошла концентрация общественного образования в руках государственной власти. Но здесь она натолкнулась на сопротивление. Вместо содействия просвещению России общество вступило с властью в постепенно усиливающуюся конфронтацию. Частые реформы школы в XIX в. показали, что вопреки предпринимаемым мерам результаты образовательной политики были подозрительными или не соответствующими ожиданиям государства.

В дореволюционной историографии были подробно изучены вопросы истории права образования, проблемы создания системы народного просвещения Российской империи, определены цели и формы государственной образовательной политики. Внимание к функционированию высшего сибирского образования ограничивалось работами, преимущественно связанными с Томским Императорским университетом, его историей и составом работавших в нем лиц, описанием учебного процесса, научной деятельности и студенческой жизни университета. В этот период социально-правовое положение чиновников учебного ведомства не было изучено в рамках отдельных исследований, но проанализировано в обобщающих работах, посвященных социальному и правовому статусу чиновников Российской империи, в которых отражены структура, функции гражданских служащих, проанализировано их влияние на политическую и общественную жизнь.

Советский период (1917 – конец 1980-х гг.)

Смена государственного строя в 1917 г. привела к перерыву в изучении проблемы. В первое десятилетие существования советского государства количество исследований, посвященных реформированию российской

системы образования XIX – начала XX в., значительно сократилось. Это объяснялось недостаточной разработкой новой методологии и новым принципом оценки, вытекающим из отношения молодой советской власти к действиям предшествующего режима⁶. Советский опыт в сфере образования противопоставлялся дореволюционной практике и признавался уникальным явлением в мировой истории.

В 1920–1940-х гг. система высшего образования, основу которой составляли классические вузы дореволюционного периода, подверглась масштабной перестройке. Сохранением довольно прочной репутации после революции ведущие университеты страны были обязаны квалифицированным педагогам, дореволюционной профессуре, составлявшей костяк преподавательского корпуса вузов. Но это обстоятельство не устраивало новую советскую власть. В. И. Ленин писал: «почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в его, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу»⁷. Так как в стране еще не были подготовлены идеологически подкованные кадры, власть была вынуждена осуществить перестройку преподавания общественных наук в вузах. Постоянные изменения в учебных планах, методической работе и подходах к изучению наук не оставляли времени на исследовательскую деятельность. В эти два десятилетия не выходили труды обобщающего характера, почти не поднимались частные вопросы образования в Российской империи. Внимание ученых было привлечено к истории революционного движения в вузах.

В 1950-е гг., объясняя события начала XX в., историки обратились к проблеме изучения социально-правовых отношений и социально-экономических факторов, влияющих на модернизацию системы образования. Впервые опубликованы исследования А. В. Козырева, Н. Х. Весселя. В своих трудах ученые поднимали вопросы и разрабатывали решения по перестройке российской системы образования. Они считали, что назревшие в условиях формирования капиталистического общества проблемы невозможно устранить традиционным путем, т. е. собиранием мнений и предложений российских и иностранных ученых, что необходимы анализ и обобщение исторического опыта России и Европы, выстраивание стройной системы образования, подчиненной одному

⁶ Настольный календарь на 1919 год, ред. М. Н. Пинегин. Томск: Типо-Литография железной дороги, 1919. С. 89–102.

⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 52.

ведомству, грамотное распределение средств внутри системы и определение единых принципов политики государственного просвещения и кадровой политики [Вессель 1959; Козырев 1948].

В советской историографии законодательная политика Министерства народного просвещения Российской империи в системе образования стала предметом анализа П. А. Зайончковского. В его работе «Российское самодержавие в конце XIX столетия» [Зайончковский 1970] законодательная политика Министерства народного просвещения была представлена как косно-бюрократическая, тормозящая социальное и экономическое развитие страны, направленная на ограничение доступа к образованию для низших слоев населения и находящаяся в состоянии кризиса. Также в книге «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.» [Зайончковский 1978] автор, основываясь на историко-правовом, статистическом и биографическом методах, раскрыл природу самодержавной власти в России и, проанализировав многочисленные источники, выделил все группы чиновничества в России, дав оценку их деятельности.

В 1970–1980-е гг. возросло научное внимание к истории высшей школы России. В это время были опубликованы монографии, статьи, стали защищаться диссертации. Ряд исследований посвящены изучению дореволюционных университетских уставов, общественно-политической деятельности университетов, политике самодержавия в отношении вузов [Савельева 1974; 1975], реакции профессуры на государственные преобразования и общественности на студенческие движения [Щетинина 1976], исследовались методы организации науки, деятельность по управлению правовым положением преподавателей, их материальное обеспечение [Яковлев 1969; 1972]. Большой интерес представляют исследования, в которых рассмотрены основные группы интеллигенции Российской империи в XIX в. В эти группы входили чиновники и профессорско-преподавательские кадры системы образования страны. Исследователи выделили общие тенденции, характерные для интеллигенции того периода: реализация через интеллектуальный труд общественно-политического и культурного облика империи, рост контингента образованных специалистов, постепенная демократизация кадров (не только привилегированное сословие, но и выходцы из мещан и крестьян),

отставание подготовки квалифицированных кадров от потребностей России [Лейкина-Свирская 1971; 1981]. Также в этих работах поднимались вопросы общественно-политического облика преподавателей, их участия в либеральном и революционном движении, анализировались реакции профессоров, руководства университетов и других вузов на студенческие волнения.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в результате либерализации всех сфер общества происходит поворот в сторону изучения целого ряда вопросов: проблем реформирования в области образования, влияния государственной политики, местной и центральной администрации на образование, поднимаются некоторые частные вопросы дореволюционной системы просвещения [Кричевский 1985].

Результатом стало появление целого ряда статей, биографических словарей, в том числе посвященных дореволюционному периоду. Издана монография Е. С. Ляховича и А. С. Ревушкина «Университеты в истории и культуре дореволюционной России». В ней рассматривалось историко-культурное и социально-культурное направления университетов, исследовалось развитие идеи университета и опыт его жизнедеятельности, были выделены характерные для классических университетов проблемы: влияние государства, общества и личностей на цели и процесс жизнедеятельности университета. Отдельный раздел монографии посвящен университетам в провинциальных городах Российской империи, в том числе и Томскому Императорскому университету, их становлению и развитию. В работе подробно исследованы характеристики университетского города, особенности становления научных школ, внутренняя атмосфера университетов, даны оценки роли и места преподавателей в системе дореволюционных университетов России [Ляхович, Ревушкин 1998: 437–454].

В 1920–1930-х гг. отдельных исследований функционирования высшего образования в Сибири дореволюционного периода почти не велось. Редким исключением стал сборник, приуроченный к празднованию 25-летия Томского технологического института⁸. В издании содержался торжественный акт по поводу юбилея, приветственное слово ректора, речь члена правления студентов и приветствия от учреждений и организаций. Во второй части сборника были собраны статьи профессоров и студентов вуза об истории возникновения и развития института, административной

⁸ Томский технологический институт за 25 лет своего существования (1900 – 22 октября 1925), ред. проф. М. И. Евдокимов-Рокотовский. Томск: Сиб. технологич. инст-т (типо-лит. Изд-ва «Красное знамя», 1928. [239] с.

и архитектурной организации, о преподавательском составе и выпускниках учебного заведения.

В 1950-х гг. появился ряд научных статей, авторы которых ставили себе цель улучшения системы народного образования с изучением материалов статистики, с историко-педагогическими обзорами по отдельным учебным заведениям, по Томской губернии и Сибири в целом. Свидетельством особого интереса к заявленной проблеме явился тот факт, что печатались эти статьи как в местной официальной печати, так и в центральных органах, например в Журнале Министерства народного просвещения. Особенно же часто статьи педагогического характера можно было встретить в неофициальной части Томских губернских ведомостей.

В конце 1960-х гг. вышел коллективный труд фундаментального характера «История Сибири»⁹. Ее особенностью является возможность на основе хронологического метода проследить развитие просвещения в рамках социально-экономических, политических, культурных процессов, протекающих в Сибири.

В первые десятилетия существования советского государства вопросы социально-правового положения чиновничества ведомства Министерства народного просвещения также не стали предметом отдельного исследования. Как отмечает А. С. Гапонов, до 1950-х гг. вышло чрезвычайно мало работ, посвященных данному аспекту [Гапонов 2009].

Только после 1960-х гг. стали выходить исследования, в которых отводятся главы некоторым элементам социально-правового статуса служащих учебного ведомства Западно-Сибирского учебного округа. В первую очередь, социально-правовой статус профессорско-преподавательского состава рассматривался в трудах, посвященных функционированию Томского государственного университета, а изучение административного аппарата учебного округа представлено исследованиями, освещающими деятельность попечителей этого округа.

В 1960 г. опубликованы очерки доцента кафедры педагогики П. А. Зайченко «Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева» [Зайченко 1960]. В работе был описан 75-летний период существования Томского Императорского университета с момента его основания. В основу работы автором были положены немногочисленные в то время литературные материалы и газетные статьи. Но главным источником для изучения этапов

истории университета послужили архивные материалы и сообщения живых свидетелей. Исследование было проведено без отрыва от общественного развития страны на основе марксистско-ленинского анализа событий. Очерки представляли особенный интерес в связи с тем, что в них содержалась характеристика социального статуса преподавательского корпуса, профессора в большинстве представлены реакционерами и противниками демократических преобразований. Но основное внимание в исследовании концентрировалось на революционной активности студентов, а учебная и научная деятельность университета отошли на второй план.

Эти недостатки характерны и для других исследований советского периода. В 1980 г. выходит монография «Томский университет, 1880–1980», издание было приурочено к 100-летней годовщине университета. В нем авторы отметили огромную роль вуза в подготовке высококвалифицированных кадров, развитии науки и культуры на востоке России, несмотря на «тяжелые условия царизма и реакции» [Синяев и др. 1980: 403]. Дореволюционный период истории медицинского факультета Томского университета, учебная и научная деятельность его профессоров и преподавателей нашли отражение в коллективной монографии «Томский медицинский институт, 1888–1988» [Медведев и др. 1992]. Издание имело неточности и схематическое изложение сведений, отсутствовал подробный анализ социального статуса и какой-либо анализ правового положения профессорско-преподавательского корпуса.

Анализ историографии советского периода свидетельствует о том, что исследования этого времени по общим вопросам образовательной политики Российской империи освещались довольно подробно только после 1940-х гг., а опыту имперского периода дана критическая оценка как косному и тормозящему развитию страны. Сферой интересов ученых, в отличие от предыдущего периода, стали не государственная политика в области просвещения, а социально-правовые отношения, социально-экономические факторы, общественные процессы, оказавшие влияние на систему образования. Впервые подверглись анализу политический облик профессоров и преподавателей, их роль и место в системе дореволюционных университетов России. В советской историографии после 1950-х гг. резко возрос интерес к государственной политике в области образования в Сибири. Но этот интерес, в отличие от дореволюционной

⁹ История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т., гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л.: Наука, 1968–1969.

историографии, связан не только с историей Томского государственного университета, выделены особенности сибирского образования, дана характеристика типам учебных заведений в регионе. Опубликованы работы, в которых исследовался социально-правовой статус чиновников учебного ведомства. Следует отметить, что в этих трудах довольно часто преподаватели представлены реакционерами и противниками любых преобразований, тем не менее первые ученые подвергли анализу сословно-классовый состав преподавателей, их правовое и материально-бытовое положение, культурно-просветительскую и общественно-политическую деятельность.

Постсоветский период (начало 1990-х гг. – настоящее время)

В начале 2000-х гг. появились работы В. А. Овчинникова, А. А. Ващенко и Е. В. Шилиной, которые были посвящены исследованию образовательной политики Российской империи в XIX – начале XX в. [Ващенко, Шилина 2006; Овчинников 1997; 2002; 2003; 2005; 2006; 2009; 2010; Шилина 2008]. В своих исследованиях авторы осмыслили опыт становления и развития и трансформации отечественного образования в эпоху социально-экономических и общественно-политических преобразований российского общества, таких как попытки либерализации государственного устройства, начало построения рыночной экономики, сравнительной свободы в сфере культуры, науки и духовной жизни. Исследователи установили влияние социально-экономических и общественно-политических факторов на динамику развития учебных заведений, подняли проблемы качества и количества преподавательского корпуса этих учреждений, обозначили причины сложившейся ситуации.

М. В. Богуславский занимался проблемами реформирования российской системы образования [Богуславский 2006; 2010]. Проведя ретроспективный анализ, автор резюмировал, что реформы были незавершенными, поскольку, во-первых, их реализация постоянно наталкивалась на противоречия между государством и обществом, во-вторых, они носили характер догоняющей модернизации по отношению к образовательным технологиям западных стран [Богуславский 2008]. Постоянно меняющиеся политические курсы не позволяли выстроить стабильную государственную политику в сфере образования.

Сравнительный структурный анализ системы образования и образовательного потенциала Российской империи накануне 1917 г. в сопоставлении с СССР,

Российской Федерацией и другими странами был проведен Д. Л. Сапрыкиным [Сапрыкин 2009]. Автор исследовал социальные параметры системы образования, особенности законодательного регулирования сферы науки и образования, характер управления образованием и особенности определяющей ее концепции. На основе междисциплинарного подхода, с теоретико-методологической, социологической, правовой и экономической точек зрения Д. Л. Сапрыкин пришел к выводу, что в последние два десятилетия перед революцией была проведена масштабная реформа образования, которую в литературе предпочитают игнорировать или давать ей негативную оценку, т. к. события 1917 г. не дали увидеть результатов реформ Николая II. Точка зрения автора отличалась от мнения большинства исследователей. Д. Л. Сапрыкин привел конкретные результаты создания школьных сетей, увеличения числа преподавателей и учащихся, создания новой методической базы и механизмов государственно-общественного управления образованием в Российской империи. В заключении автор утверждал, что созданный в то время образовательный потенциал стал важнейшим ресурсом новой власти.

После распада СССР интерес к изучению истории сибирского образования возрос. Изменились подходы к анализу деятельности центрального правительства Российской империи и региональных властей в связи с полным или частичным отказом от марксистской концепции интерпретации исторических процессов. Большее внимание исследователей стали привлекать частные вопросы образовательной политики в Сибири.

В этом ключе вызывают интерес исследования А. В. Блинова о создании и реформировании системы образования в Сибири и ее управлении [Блинов 2018a; 2018b; 2021a; 2021b; 2023a; 2023b]. Особое внимание ученый уделяет народному просвещению в Западной Сибири. В его монографии «Модели управления учебными заведениями министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (1802–1917)» рассматриваются проблемы эволюции моделей управления учебными заведениями Министерства народного просвещения в XIX – начале XX в., а также вопрос формирования устойчивого образовательного пространства и трансформации подходов к организации территориального управления учебными заведениями Западной Сибири [Блинов 2018a].

Этим же вопросам посвящена монография И. Н. Мамкиной и А. В. Блинова «Региональные модели управления образованием в императорской

России: сибирский вариант», в которой авторы пришли к выводу, что несмотря на введение единой окружной системы управления образованием на всей территории империи, Министерство народного просвещения как проводник государственной политики учитывало территориальные, социально-экономические, политические и культурные особенности сибирского региона и практиковало гибкое управление учебными делами. Ученые выделили характерные черты региональной модели управления образованием в Восточной Сибири: строгая подчиненность государственной политике, иерархичность, субординативность, постоянное состояние реформирования, разветвленный низовой бюрократический аппарат [Мамкина, Блинов 2020].

В начале 1990-х гг. проявился интерес исследователей к значимым персоналиям, сыгравшим важную роль в организации системы управления. Благодаря исследованиям Е. В. Ястребова, И. В. Черказьяновой, Е. А. Дегальцевой, С. Б. Иванова, А. А. Сеченовой, Н. А. Качина подробное освещение получила биография, научная и управленческая деятельность первых попечителей сибирского учебного округа – В. М. Флоринского и Л. И. Лаврентьева [Дегальцева 2007; Иванов 2008; Качин 2015; Сеченова 2009; Черказьянова 2003; 2005; Ястребов 1994; 1996]. По-прежнему детально не исследована работа на посту попечителя А. Ф. Гефтмана, Н. И. Тихомирова и А. В. Попова, исполнявшего обязанности попечителя после смерти Л. И. Лаврентьева.

Проблемы социально-правового статуса гражданских служащих по ведомству Министерства народного просвещения исследовал Л. Е. Шепелев [Шепелев 1977; 1999; 2004]. Данные работы посвящены истории возникновения и развития в Российской империи системы сословных и должностных чинов, устройству аппарата государственного управления, организации гражданской службы в XVIII – начале XX в. Сведения, содержащиеся в перечисленных работах, способствовали формированию общей картины представлений о положении гражданского чиновничества до учреждения в России окружной системы и в период ее существования, позволили выявить характерные особенности социально-правового положения служащих, такие как законодательный и нормативный статус, обязанности по отношению к государству, социальное положение в обществе, ответственность и наказание для чиновников. Однако в данных

работах не рассмотрен вопрос положения чиновничества учебного ведомства Министерства народного просвещения в Сибири.

Фундаментальный вклад в изучение истории дореволюционной высшей школы внес А. Е. Иванов, написавший цикл статей и монографий по этой проблеме [Иванов 1976; 1977; 1979; 1983; 1991: 204–245; 1994]. Основное внимание исследователя было посвящено вопросу организации высшего образования в Российской империи в последние десятилетия ее существования [Иванов 1991]. Автор проанализировал университетскую политику самодержавия, государственное руководство высшей школой, сформировал портреты профессорско-преподавательского корпуса и студенчества, систематизировал типы и виды высших учебных заведений, рассмотрел отношение университетской среды к русско-японской войне [Иванов 1973]. А. Е. Иванов задался целью показать, какое место высшая школа занимала в системе самодержавия, как обслуживала его потребности, в какой степени укрепляла, а в какой – способствовала созданию условий для подрыва этой системы. Для достижения данной цели автор решил несколько задач: выявил и проследил динамику формирования сети учебных заведений империи в последние 25 лет ее существования, установил место, которое высшая школа занимала в системе царского самодержавия, исследовал численность, структуру и сферы деятельности подготовленных дипломированных специалистов, провел историко-социологический анализ студенческого состава. Отдельная глава монографии посвящена профессорско-преподавательскому корпусу высшей школы [Иванов 1991]. В ней А. Е. Иванов пришел к выводу, что несмотря на попытки власти создать социально и идеологически однородный корпус чиновников в образовательной сфере, ей это не удалось. Причину неудачи самодержавия в данном вопросе автор видел в двойственности общественного положения преподавателей. С одной стороны, профессура выступала в качестве чиновников, а с другой – происходя из мелкобуржуазной и буржуазной среды, она были генетически связана с капитализмом.

Во второй половине 1990-х гг. под руководством С. Ф. Фоминых был разработан биографический словарь, который содержал сведения о преподавателях¹⁰ и ректорах¹¹, в период 1888–1917 гг. работавших в Томском университете. Через описание

¹⁰ Профессора Томского университета: биографический словарь, отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: ТГУ, 1996. Вып. 1.

¹¹ Ректоры Томского университета: биографический словарь, гл. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: ТГУ, 2003. Т. 5. 188 с.

педагогической, научной и общественной деятельности профессуры прослеживалась история становления и развития сибирского высшего образования. Словарь содержал сведения об имени, дате рождения и смерти, происхождении, социальном положении, образовании, карьере, наградах, научных трудах преподавателей вуза.

Разработкой проблем истории отечественной науки и высшего образования России и Сибири занимался С. А. Некрылов. Ему удалось реконструировать историю создания и развития Томского университета как первого научного центра в азиатской части России в досоветский период [Некрылов 2010а; 2010б]. Ученый определил социальные, экономические, общественно-политические предпосылки открытия вуза и в полной мере проанализировал социально-правовой статус профессорско-преподавательского корпуса Императорского Томского университета. Автор подробно раскрыл историю формирования профессорско-преподавательского состава, систему его подготовки и ротации, определил сословно-классовый состав профессоров, правовое и материально-бытовое положение преподавателей, их культурно-просветительскую и общественно-политическую деятельность.

В постсоветской историографии продолжилось изучение образовательной политики Российской империи, но впервые большее внимание было уделено отдельным вопросам народного образования [Зубов 2008; Климов 2023; Ростовцев, Баринов 2012; Торопкин 2009; Шипилов 2003]. Предметом исследовательского интереса осталась организация системы народного просвещения [Дарчиева 2023; Кобыльсков 2020; Кузьминов, Юдкевич 2021]. Изучена история сибирского образования, к анализу которой изменились подходы в связи с ослаблением или отказом от марксистской концепции интерпретации исторических процессов [Дамешек, Мамкина 2021а; 2021б; Мамкина 2016; 2022а; 2022б; 2023]. Проявлен научный интерес к персоналиям, сыгравшим важную роль в организации функционирования системы образования в Западно-Сибирском учебном округе [Захарко 2020]. Проведено исследование количественного, сословно-классового и национального состава, материального, правового, социального положения, уровня профессиональной подготовки и научных достижений, общественно-политического облика профессорско-преподавательского состава Российской империи и Сибири [Профессорско-преподавательский корпус... 2012].

Заключение

В отечественной исторической науке дореволюционного периода исследованы проблемы истории народного образования в Российской империи, права образования, создания системы народного просвещения Российской империи, определены цели и формы государственной образовательной политики. Особенностью исследований данного периода явилось преувеличение роли государства в деле развития просвещения и отказ от рассмотрения экономических, общественных, географических и демографических факторов, также оказывающих влияние на систему образования. Авторы, рассуждая о развитии образования, как правило, не рассматривали социально-экономические факторы и сосредотачивали внимание на организационных предпосылках. Однако проанализировав законодательную базу, ученые, в основном опираясь на методологический постулат о ведущей роли государства, дали ей либо положительную оценку, либо, в силу либеральных подходов, подвергли незначительной критике. Очень важен тот факт, что именно в дореволюционной историографии была рассмотрена дискуссия о принадлежности преподавателей к гражданскому чиновничеству. Подводя итог специфике изучения истории народного образования в Западной Сибири в дореволюционных трудах, следует отметить, что появление информации о социальном и правовом статусах чинов учебного ведомства было связано с открытием Томского императорского университета и носило преимущественно описательный характер. В изданных работах содержались количественные и биографические сведения о попечителях и профессорах Западно-Сибирского учебного округа, об их образовании, научных интересах, продвижении по службе. В этот период социально-правовое положение чиновников учебного ведомства не изучалось в рамках отдельных исследований, но было проанализировано в обобщающих работах, посвященных социальному и правовому статусу чиновников Российской империи, в которых отражены структура, функции гражданских служащих, проанализировано их влияние на политическую и общественную жизнь.

В советский период факты развития и модернизации дореволюционной системы образования подавались в негативном свете, чтобы на контрасте отразить достоинства курса на построение системы образования социалистического типа. До 1950-х гг. о преподавателях высшей школы и административном составе учебных округов империи не писали вовсе или отмечали их деструктивное влияние на систему

образования России. После 1950-х гг. ученые проявили интерес к законодательной политике Министерства народного просвещения и чиновничьему аппарату учебного ведомства. Возросло научное внимание к истории высшей школы России. Были проанализированы уставы университетов, социально-политическая роль университетов, отношение царского правительства к высшим учебным заведениям. Изучены вопросы юридического статуса и финансового обеспечения преподавателей, рассмотрена интеллигенция Российской империи XIX в., включая государственных служащих и преподавательский состав. Формировался социально-политический портрет преподавателей, обозначалась их роль в либеральных и революционных движениях, изучались реакции академического круга и руководства университетов на студенческие протесты.

После 1960-х гг. в рамках изучения образовательных процессов в Сибири изданы работы, в которых проанализированы элементы социально-правового статуса служащих учебного ведомства Западно-Сибирского учебного округа. Как и в дореволюционной историографии, интерес к административному и преподавательскому составу укладывался в рамки изучения деятельности Томского императорского университета. Впервые на основе данных периодической печати и архивных материалов были опубликованы работы, в которых исследовался социально-правовой статус чиновников учебного ведомства. Следует отметить, что в этих трудах довольно часто преподаватели представлены реакционерами и противниками любых преобразований, тем не менее впервые ученые не просто описали, а подвергли анализу сословно-классовый состав преподавателей, их правовое и материально-бытовое положение, культурно-просветительскую и общественно-политическую деятельность.

В постсоветской историографии сохранился научный интерес к исследованию организации системы народного просвещения, деятельности центральных и местных органов власти по формированию и развитию образования, проблемам реформирования системы образования. Продолжено изучение истории сибирского просвещения, но при этом изменились подходы к ее анализу в связи с ослаблением или отказом от марксистской концепции интерпретации исторических процессов, посвященных созданию, реформированию системы образования в Сибири и ее управлению. Также в данный период были исследованы модели управления учебными округами и учебными заведениями Министерства народного просвещения в Сибири, выявлены методы их управления с учетом региональных особенностей. Впервые проявлен научный интерес к гражданскому чиновничеству не только как к государственным служащим – проводникам имперской политики, но и как к людям, которые благодаря своему социально-правовому статусу формировали лицо этой политики. Проанализированы количественный, сословно-классовый и национальный состав, материальное, правовое, социальное положение, уровень профессиональной подготовки и научных достижений, общественно-политического облика профессорско-преподавательского состава Российской империи и Сибири.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Авроров П. П., Попов М. Ф. Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913) Томск: Типо-лит. Сибирск. Т-ва Печатн. дела, 1917. 544 с. [Avrorov P. P., Popov M. F. *A brief historical sketch of Imperial Tomsk University during its first 25 years (1888–1913)*. Tomsk: Tipo-lit. Sibirsk. T-va Pechatn. dela, 1917, 544. (In Russ.)]
- Блинов А. В. Кузбасс в образовательном пространстве Западно-Сибирского учебного округа (1885–1917 гг.). *СибСкрипт*. 2023а. Т. 25. № 3. С. 357–366. [Blinov A. V. Kuzbass in the West Siberian academic environment (1885–1917). *SibScript*, 2023a, 25(3): 357–366. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-357-366>
- Блинов А. В. Модели управления учебными заведениями министерства народного просвещения на территории Западной Сибири (1802–1917). Кемерово: ИНТ, 2018а. 208 с. [Blinov A. V. *Models of management of education institutions of the Ministry of Public Education in West Siberia (1802–1917)*. Kemerovo: INT, 2018a, 208. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xsydet>

- Блинов А. В. Первый состав института инспекторов народных училищ Западно-Сибирского учебного округа. *Актуальные вопросы истории Сибири*: 14 научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. (Барнаул, 6–7 октября 2023 г.) Барнаул: Азбука, 2023b. С. 44–47. [Blinov A. V. The first composition of the Institute of Inspectors of Public Schools of the West Siberian Educational District. *Topical issues of the history of Siberia*: 14 Sci. Readings in memory of Prof. A. P. Borodavkin, Barnaul, 6–7 Oct 2023. Barnaul: Azbuka, 2023b, 44–47. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/iqawhe>
- Блинов А. В. Профессиональный фактор в повседневности чиновников Западно-Сибирского учебного округа (1885–1917). *Гуманитарный вектор*. 2021a. Т. 16. № 3. С. 79–89. [Blinov A. V. Professional factor in the everyday life of civil servant of the West-Siberian Educational District (1885–1917). *Humanitarian Vector*, 2021a, 16(3): 79–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-3-79-89>
- Блинов А. В. Реформирование Западно-Сибирского учебного округа в рамках проекта 1913 года. *Современная научная мысль*. 2018b. № 3. С. 24–30. [Blinov A. V. Reforming of the West Siberian Educational District within the framework of project of 1913. *Modern scientific thought*, 2018b, (3): 24–30. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xqolit>
- Блинов А. В. Становление коллегиальной формы общественно-государственного попечительства в образовательном пространстве Западно-Сибирского учебного округа (1885–1917). *Актуальные вопросы истории Сибири*: 13 научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. (Барнаул, 7–8 октября 2021 г.) Барнаул: АлтГУ, 2021b. С. 65–70. [Blinov A. V. Developing the collegial form of public-state guardianship in the education environment of the West Siberian Education District (1885–1917). *Topical issues of the history of Siberia*: 13 Sci. Readings in memory of Prof. A. P. Borodavkin, Barnaul, 7–8 Oct 2021. Barnaul: AltSU, 2021b, 65–70. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/bloybc>
- Богуславский М. В. Взаимодействие власти и общества в проведении образовательных реформ XIX–XX вв. *Образование и общество*. 2008. № 5. С. 9–18. [Boguslavsky M. V. Interaction of government and society in the implementation of educational reforms of the XIX–XX centuries. *Obrazovanie i obshchestvo*, 2008, (5): 9–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/leyhll>
- Богуславский М. В. Проблемы реформирования российского образования (историко-педагогический контекст). *Проблемы современного образования*. 2010. № 1. С. 33–44. [Boguslavsky M. V. Problems of reforming Russian education in historical and pedagogical context. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2010, (1): 33–44. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/npvofl>
- Богуславский М. В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект. *Вопросы образования*. 2006. № 3. С. 5–22. [Boguslavsky M. V. Reforms of Russian education of the XIX–XX centuries as a global project. *Voprosy Obrazovaniya*, 2006, (3): 5–22. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jwtasv>
- Вашенко А. А., Шилина Е. В. Развитие и реформирование образования в России X–XIX вв. Волгоград: ПринТерра, 2006. 240 с. [Vashchenko A. A., Shilina E. V. *Development and reform of education in Russia of the X–XIX centuries*. Volgograd: PrinTerra, 2006, 240. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qvpozx>
- Весель Н. Х. Очерки об общем образовании и системе народного образования в России. М.: Учпедгиз, 1959. 320 с. [Vessel N. Kh. *Essays on general education and the system of public education in Russia*. Moscow: Uchpedgiz, 1959, 320. (In Russ.)]
- Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России XVIII века. Ч. 1. Система профессионального образования (от Петра I до Екатерины II). СПб.: Тип. Г. В. Фальк, 1874. 325 с. [Vladimirsky-Budanov M. F. *The state and public education in Russia of the XVIII century. Pt. 1. System of professional education: From Peter I to Catherine II*. St. Petersburg: Tip. G. V. Falk, 1874, 325. (In Russ.)]
- Гапонов А. С. Чиновничество Сибири XIX в. в исследованиях советских ученых в период с октября 1917 г. до середины 50-х гг. XX в. *Исторические исследования в Сибири: проблемы, и перспективы*: III регион. молодеж. науч. конф. (Новосибирск, 19–21 августа 2009 г.) Новосибирск: ИИ СО РАН, 2009. С. 114–119. [Gaponov A. S. The bureaucracy of Siberia in the XIX century in the research of Soviet scientists from October 1917 to mid-1950s. *Historical research in Siberia: problems and prospects*: Proc. III Region. Youth. Sci. Conf. Novosibirsk: ИИ SB RAS, 2009, 114–119. (In Russ.)]
- Дамешек Л. М., Мамкина И. Н. Государственная гражданская служба в Сибири: закон и практика (XVIII – начало XX в.). *Известия Иркутского государственного университета. Серия История*. 2021a. Т. 38. С. 4–20.

- [Dameshek L. M., Mamkina I. N. State civil service in Siberia: Law and practice (18th – early 20th century). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021a, 38: 4–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.4>
- Дамешек Л. М., Мамкина И. Н. Сибирь в системе имперского законодательства XVIII – начала XX века: закон и практика. Чита: ЗабГУ, 2021b. 278 с. [Dameshek L. M., Mamkina I. N. *Siberia in the system of Imperial legislation of the XVIII – early XX century: Law and practice*. Chita: TbsU, 2021b, 278. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/llbqiy>
- Дарчиева С. В. Государственная дума и вопросы высшего образования в России (1906–1917 годы). *Научный диалог*. 2023. Т. 12. № 6. С. 364–382. [Darchieva S. V. State Duma and issues of higher education in Russia (1906–1917). *Nauchnyi Dialog*, 2023, 12(6): 364–382. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-364-382>
- Дегальцева Е. А. В. М. Флоринский в Сибири: сатрап и патриот. *Актуальные вопросы истории Сибири: 6 научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина*. (Барнаул, 5–6 октября 2007 г.) Барнаул: АлтГУ, 2007. Ч. 1. С. 221–227. [Degaltseva E. A. V. M. Florinskiy in Siberia: Satrap and patriot. *Topical issues of the history of Siberia: 6 Sci. Readings in memory of Prof. A. P. Borodavkin*, Barnaul, 5–6 Oct 2007. Barnaul: AltSU, 2007, pt. 1, 221–227. (In Russ.)]
- Евреинов В. А. Гражданское чиновничество в России: исторический очерк. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1887. 87 с. [Evreinov V. A. *Civil officialdom in Russia: Historical essay*. St. Petersburg: Tip. A. S. Suvorina, 1887, 87. (In Russ.)]
- Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с. [Zaionchkovsky P. A. *The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century*. Moscow: Mysl, 1978, 288. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zttwjp>
- Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов. М.: Мысль, 1970. 442 с. [Zaionchkovsky P. A. *Russian autocracy in the late XIX century. Political reaction of 1880s – early 1890s*. Moscow: Mysl, 1970, 442. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ztggvv>
- Зайченко П. А. Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева. *Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955)*. Томск: ТГУ, 1960. 478 с. [Zaichenko P. A. V. V. Kuibyshev Tomsk State University. *Essays on 75 years of the First Siberian university: 1880–1955*. Tomsk: TSU, 1960, 478. (In Russ.)]
- Захарко К. И. Положение преподавателя Санкт-Петербургского университета в системе российского чиновничества в первой половине XIX в. *Вопросы истории*. 2020. № 9. С. 102–115. [Zakharko K. I. The position of a teacher at St. Petersburg University in the system of Russian bureaucracy in the first half of the XIX century. *Voprosy Istorii*, 2020, (9): 102–115. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202009Statyi08>
- Зубов В. Е. Особенности организации материального обеспечения служебной деятельности чиновников в пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX в.). *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 313. С. 66–71. [Zubov V. E. Organizational features of material / technical support for civil servants' functioning in post-reform Russia (second half of XIX century – early period of XX century). *Tomsk State University Journal*, 2008, (313): 66–71. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/juysax>
- Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: АН СССР; ИИ СССР, 1991. 392 с. [Ivanov A. E. *Higher School of Russia in the late XIX – early XX century*. Moscow: AS USSR; IH USSR, 1991, 392. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pxnrmj>
- Иванов А. Е. Первая русская революция и профессура высших учебных заведений. *Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России*, отв. ред. А. В. Ушаков. М., 1977. Вып. 48. С. 102–126. [Ivanov A. E. The First Russian Revolution and the professorship of higher education institutions. *Issues of socio-economic development and the revolutionary movement in Russia*, ed. Ushakov A. V. Moscow, 1977, 102–126. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mvzdzk>
- Иванов А. Е. Российские университеты и русско-японская война. *Проблемы отечественной истории*, отв. ред. А. М. Анфимов. М.: АН СССР; ИИ СССР, 1973. Ч. 1. С. 268–282. [Ivanov A. E. Russian universities and the Russo-Japanese War. *Problems of national history*, ed. Anfimov A. M. Moscow: AS USSR; IH USSR, 1973, pt. 1, 268–282. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zearkd>
- Иванов А. Е. Университетская политика самодержавия в конце XIX – начале XX вв. *Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР*, ред. Н. П. Ерошкин. М., 1979. С. 48–59. [Ivanov A. E. The University policy of autocracy in the late XIX – early XX centuries. *State management of higher education in pre-revolutionary Russia and the USSR*, ed. Eroshkin N. P. Moscow, 1979, 48–59. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/asodny>

- Иванов А. Е. Университеты России в 1905 г. *Исторические записки*, 1976, Т. 88. С. 114–149. [Ivanov A. E. Universities of Russia in 1905. *Istoricheskie zapiski*, 1976, 88: 114–149. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/thlqvz>
- Иванов А. Е. Управление высшей школой России в конце XIX – начале XX в. *Историографические и исторические проблемы русской культуры*, отв. ред. Л. Н. Пушкарев. М.: ИИ СССР, 1983. С. 169–202. [Ivanov A. E. Management of higher education in Russia in the late XIX – early XX century. *Historiographical and historical problems of Russian culture*, ed. Pushkarev L. N. Moscow: IH USSR, 1983, 169–202. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xmokei>
- Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М.: Наука, 1994. 195 с. [Ivanov A. E. *Academic degrees in the Russian Empire of the XVIII century – 1917*. Moscow: Nauka, 1994, 195. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rgmhkr>
- Иванов С. Б. Воспоминания В. М. Флоринского как источник по истории открытия Императорского Томского университета. *Документ в системе социальных коммуникаций: III Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Томск, 25–26 октября 2007 г.)* Томск: ТГУ, 2008. С. 239–243. [Ivanov S. B. Memoirs of V. M. Florinskiy as a source for the opening of the Imperial Tomsk University. *Document in the social communication system: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Tomsk, 25–26 Oct 2007*. Tomsk: TSU, 2008, 239–243. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/cianke>
- Карнович Е. П. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1897. 127 с. [Karnovich E. P. *Russian officials in the past and present*. St. Petersburg: Tip. P. P. Soikina, 1897, 127. (In Russ.)]
- Качин Н. А. В. М. Флоринский: в поисках сибирской модели «классического университета». *Вестник Томского государственного университета. История*, 2015, № 6. С. 11–18. [Kachin N. A. V. M. Florinskiy: In search of a Siberian model of classical university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2015, (6): 11–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/38/2>
- Климов А. Ю. Этапы развития законопроектной деятельности Министерства народного просвещения России в сфере присуждения ученых степеней (1814–1864 гг.). *Философия социальных коммуникаций*, 2023, № 2. С. 23–27. [Klimov A. Yu. Stages of development of legislative activity of the Ministry of National Education of Russia in the field of awarding academic degrees (1814–1864). *Filosofia sotsialnykh kommunikatsii*, 2023, (2): 23–27. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ziqfji>
- Кобыльсков В. А. Образовательные традиции в дореволюционной России в начале XX в. *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*, 2020, № 3. С. 46–50. [Kobylskov V. A. Features and educational tradition in pre-revolutionary Russia of the 20th century. *Bulletin of the Saint-Petersburg State Institute of Culture*, 2020, (3): 46–50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-3-46-50>
- Козырев А. В. Народное образование в России во второй половине XIX века. Ставрополь, 1948. 23 с. [Kozyrev A. V. *Public education in Russia in the second half of the XIX century*. Stavropol, 1948, 23. (In Russ.)]
- Коркунов Н. М. Центральная администрация. In: Коркунов Н. М. *Русское государственное право. Т. 2. Часть особенная*. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. С. 346–413. [Korkunov N. M. Central Administration. In: Korkunov N. M. *Russian state law. Vol. 2. Special part*. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha, 1903, 346–413. (In Russ.)]
- Корф С. А. Административная юстиция в России. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1910. 26 с. [Korf S. A. *Administrative justice in Russia*. St. Petersburg: Tip. Trenke i Fiusno, 1910, 26. (In Russ.)]
- Кричевский Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России. *История СССР*, 1985, № 2. С. 141–153. [Krichevsky G. G. Academic degrees in universities in pre-Revolution Russia. *Istoriia SSSR*, 1985, (2): 141–153. (In Russ.)]
- Кузьминов Я. И., Юдкевич М. М. Исторические основы системы российского высшего образования. In: Кузьминов Я. И., Юдкевич М. М. *Университеты в России: как это работает*. М.: ВШЭ, 2021. С. 25–89. [Kuzminov Ya. I., Yudkevich M. M. Historical foundations of the Russian higher education system. In: Kuzminov Ya. I., Yudkevich M. M. *Universities in Russia: How it works*. Moscow: HSE, 2021, 25–89. (In Russ.)]
- Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. 2-е изд. СПб., 1910. 25 с. [Lazarevsky N. I. *Lectures on Russian State law*. 2nd ed. St. Petersburg, 1910, 25. (In Russ.)]
- Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. 366 с. [Leikina-Svirskaya V. R. *Intelligentsia in Russia in the second half of the XIX century*. Moscow: Mysl, 1971, 366. (In Russ.)]

- Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М.: Мысль, 1981. 283 с. [Leikina-Svirskaya V. R. *Russian intelligentsia in 1900–1917*. Moscow: Mysl, 1981, 283. (In Russ.)]
- Ляхович Е. С., Ревушкин А. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. 2-е изд., испр. и доп. Томск: ТГУ, 1998. 580 с. [Lyakhovich E. S., Revushkin A. S. *Universities in the history and culture of pre-Revolution Russia*. 2nd ed. Tomsk: TSU, 1998, 580. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ynzbyq>
- Мамкина И. Н. Женщины на службе в ведомстве Министерства народного просвещения. *Известия Иркутского государственного университета. Серия История*. 2023. Т. 46. С. 21–28. [Mamkina I. N. Women in the Ministry of Public National Education. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2023, 46: 21–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.46.21>
- Мамкина И. Н. Особенности управления учебными заведениями Восточной Сибири в первой половине XIX в. *Известия Иркутского государственного университета. Серия История*. 2022а. Т. 40. С. 22–31. [Mamkina I. N. Features of the management of educational institutions in Eastern Siberia in the first half of the 19th century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2022a, 40: 22–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.40.22>
- Мамкина И. Н. Правовое регулирование пенсионного обеспечения служащих Министерства народного просвещения в XIX – начале XX вв. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2016. № 4. С. 61–63. [Mamkina I. N. Legal regulation of the pension provision to the employees of the Ministry of National Education in the XIX – the beginning of the XX centuries. *Gosudarstvennaia vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2016, (4): 61–63. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vtynmf>
- Мамкина И. Н. Становление и развитие государственного образования в Восточной Сибири в первой половине XIX в. *Гуманитарные науки в Сибири*. 2022b. Т. 29. № 2. С. 60–67. [Mamkina I. N. Establishment and development of the state education system in Eastern Siberia in the first half of the XIX century. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2022b, 29(2): 60–67. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15372/H5520220208>
- Мамкина И. Н., Блинов А. Б. Региональные модели управления образованием в императорской России: сибирский вариант. Чита: ЗабГУ, 2020. 280 с. [Mamkina I. N., Blinov A. B. *Regional models of education management in Imperial Russia: The Siberian version*. Chita: ZbSU, 2020, 280. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tzpjyl>
- Медведев М. А., Мендрин Г. И., Бова П. А., Рипп Г. Х., Иванов Б. В., Новицкий В. В., Пекарский В. В., Рыжов А. И. Томский медицинский институт, 1888–1988: сто лет со дня основания. Новосибирск: НГУ, 1992. 206 с. [Medvedev M. A., Mendrina G. I., Bova P. A., Ripp G. Kh., Ivanov B. V., Novitsky V. V., Pekarsky V. V., Ryzhov A. I. *Tomsk Medical Institute, 1888–1988: 100th anniversary*. Novosibirsk: NSU, 1992, 206. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sipiqj>
- Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. Искусство, школа, просвещение. М.: Прогресс; Культура, 1994. 496 с. [Milyukov P. N. *Essays on the history of culture. Vol. 2. Pt. 2. Art, school, and enlightenment*. Moscow: Progress; Culture, 1994, 496. (In Russ.)]
- Некрылов С. А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск: ТГУ, 2010а. Т. 1. 514 с. [Nekrylov S. A. *Tomsk University is the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)*. Tomsk: TSU, 2010a, vol. 1, 514. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rutuot>
- Некрылов С. А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск: ТГУ, 2010б. Т. 2. 598 с. [Nekrylov S. A. *Tomsk University is the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)*. Tomsk: TSU, 2010b, vol. 2, 598. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rutupd>
- Нелидов Н. К. Понятие государственной службы и его различные определения. In: Нелидов Н. К. *Юридические и политические основания государственной службы*. Ярославль: Тип. Губ. зем. управы, 1874. С. 1–49. [Nelidov N. K. The concept of public service and its various definitions. In: Nelidov N. K. *The legal and political foundations of public service*. Yaroslavl: Tip. Gub. zem. upravu, 1874, 1–49. (In Russ.)]
- Овчинников А. В. Вопросы народного образования в Государственной думе второго созыва. *Педагогика*. 1997. № 5. С. 93–98. [Ovchinnikov A. V. Issues of public education in the State Duma of the II convocation. *Pedagogika*, 1997, (5): 93–98 (In Russ.)]
- Овчинников А. В. Государственное регулирование в сфере образования. *Педагогические и политико-правовые проблемы образования в России конца XIX – начала XX вв.* М.: ИТОиП РАО, 2002. С. 45–107. [Ovchinnikov A. V. State regulation in the field of education. *Pedagogical, political, and legal problems of education in Russia in the late XIX – early XX centuries*. Moscow: ITHP RCS, 2002, 45–107. (In Russ.)]

- Овчинников А. В. Народное просвещение в годы правления Николая I. *Педагогика*. 2003. № 5. С. 61–67 [Ovchinnikov A. V. National enlightenment during the reign of Nicholas I. *Pedagogika*, 2003, (5): 61–67. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zwwuev>
- Овчинников А. В. Народное просвещение и Государственная дума. *Образование и общество*. 2006. № 4. С. 96–103. [Ovchinnikov A. V. National enlightenment and the State Duma. *Obrazovanie i obshchestvo*, 2006, (4): 96–103. (In Russ.)]
- Овчинников А. В. Образовательное право в дореволюционной России. *Образование и общество*. 2010. № 6. С. 87–91. [Ovchinnikov A. V. Educational law in pre-revolutionary Russia. *Obrazovanie i obshchestvo*, 2010, (6): 87–91. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ocoiuv>
- Овчинников А. В. Политико-правовой процесс в российском образовании XIX–XX века. М., 2009. 258 с. [Ovchinnikov A. V. *The political and legal process in Russian education of the XIX–XX century*. Moscow, 2009, 258. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wchbmp>
- Овчинников А. В. Реформирование школы в царствование Александра II. *Педагогика*. 2005. № 5. С. 79–86. [Ovchinnikov A. V. Reforming the school in the reign of Alexander II. *Pedagogika*, 2005, (5): 79–86. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ncmdat>
- Профессорско-преподавательский корпус российских университетов 1884–1917 гг.: исследования и документы, ред. М. В. Грибовский, С. Ф. Фоминых. Томск: ТГУ, 2012. 368 с. [*The teaching staff of Russian universities in 1884–1917: Research and documents*, eds. Gribovskiy M. V., Fominykh S. F. Tomsk: TSU, 2012, 368. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/studiv>
- Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1912. Т. 1. 680 с. [Rozhdestvensky S. V. *Essays on the history of the public education system in Russia in the XVIII–XIX centuries*. St. Petersburg: Tip. M. A. Aleksandrova, 1912, vol. 1, 680. (In Russ.)]
- Рождественский С. В. Учебные округа. In: Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902. СПб.: М-во нар. просвещения, 1902. С. 608–610. [Rozhdestvensky S. V. Educational districts. In: Rozhdestvensky S. V. *Historical review of the activities of the Ministry of Public Education: 1802–1902*. St. Petersburg: M-vo nar. prosveshcheniia, 1902, 608–610. (In Russ.)]
- Ростовцев Е. А., Баринов Д. А. Преподавательская корпорация 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии. *Профессорско-преподавательский корпус российских университетов 1884–1917 гг.: исследования и документы*, ред. М. В. Грибовский, С. Ф. Фоминых. Томск: ТГУ, 2012. С. 35–51. [Rostovtsev E. A., Barinov D. A. The Teaching Corporation of 1884–1916: the main features and problems of collective biography. *The teaching staff of Russian universities in 1884–1917: Research and documents*, eds. Gribovskiy M. V., Fominykh S. F. Tomsk: TSU, 2012, 35–51. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/studmr>
- Савельева В. Г. Дворянско-клерикальная реакция и провал проекта всеобщего образования в России. *XXVII Герценовские чтения: науч. конф.* (Ленинград, 1–30 апреля 1975 г.) Л.: Наука, 1975. С. 80–84. [Savelieva V. G. Noble-clerical reaction and the failure of the project of universal education in Russia. *XXVII Herzen Readings: Proc. Sci. Conf.*, Leningrad, 1–30 Apr 1975. Leningrad: Nauka, 1975, 80–84. (In Russ.)]
- Савельева В. Г. Положение Совета министров 11 июня 1907 г. *Вспомогательные исторические дисциплины*. 1974. Т. VI. С. 281–294. [Savelieva V. G. Regulations of the Council of Ministers on June 11, 1907. *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny*, 1974, VI: 281–294. (In Russ.)]
- Сапожников В. В. Императорский Томский университет. *Город Томск*. Томск: Сибирское т-во печ. дела, 1912. С. 1–9. [Sapozhnikov V. V. *Imperial Tomsk University. The city of Tomsk*. Tomsk: Sibirskoe t-vo pech. dela, 1912, 1–9. (In Russ.)]
- Сапрыкин Д. Л. Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с. [Saprykin D. L. *The educational potential of the Russian Empire*. Moscow: IHST RAS, 2009, 176. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxvotl>
- Сеченова А. А. Василий Маркович Флоринский – первый попечитель Западно-Сибирского учебного округа. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2009. № 12. С. 139–141. [Sechenova A. A. Vasily Markovich Florinskiy – the first trustee West Siberian Educational District. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2009, (12): 139–141. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/laiahn>

- Синяев В. С., Кирсанова Е. С., Плотникова М. Е. и др. Томский университет, 1880–1980. Очерк истории и деятельности. Томск: ТГУ, 1980. 432 с. [Sinyayev V. S., Kirsanova E. S., Plotnikova M. E., et al. *Tomsk University, 1880–1980. Essay on history and activities*. Tomsk: TSU, 1980, 432. (In Russ.)]
- Торопкин А. И. Становление законодательства о назначении льготных пенсий служащим в инонациональных и отдаленных регионах Российской империи. *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2009. № 1. С. 4–9. [Toropkin A. I. The formation of legislation on the appointment of preferential pensions to employees in foreign and remote regions of the Russian Empire. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2009, (1): 4–9. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kgctah>
- Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 394 с. [Troitskiy S. M. *Russian absolutism and nobility in the XVIII century: Formation of bureaucracy*. Moscow: Nauka, 1974, 394. (In Russ.)]
- Черказьянова И. В. Л. И. Лаврентьев: конфликт убеждений и действий. *Культурологические исследования в Сибири*. 2003. № 3. С. 106–111. [Cherkazyanova I. V. L. I. Lavrentiev: The conflict of beliefs and actions. *Kulturologicheskie issledovaniia v Sibiri*, 2003, (3): 106–111. (In Russ.)]
- Черказьянова И. В. Попечитель учебного округа Л. И. Лаврентьев и Томский университет: сотрудничество и конфликты. *Вестник Томского государственного университета*. 2005. № 289. С. 177–187. [Cherkazyanova I. V. Trustee of the education district L. I. Lavrentiev and Tomsk University: Cooperation and conflicts. *Tomsk State University Journal*, 2005, (289): 177–187. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kgbizt>
- Шепелев Л. Е. Гражданские чин и звания. In: Шепелев Л. Е. *Отмененные историей чины, звания, титулы в Российской империи*. Л.: Наука, 1977. С. 47–101. [Shepelev L. E. Civil ranks and titles. In: Shepelev L. E. *Ranks and titles abolished by history in the Russian Empire*. Leningrad: Nauka, 1977, 47–101. (In Russ.)]
- Шепелев Л. Е. Титулы и форменная одежда чиновников гражданского ведомства. In: Шепелев Л. Е. *Титулы, мундиры, ордена Российской империи*. М.: Центрполиграф, 2004. С. 112–158. [Shepelev L. E. Titles and uniforms of civil servants. In: Shepelev L. E. *Titles, uniforms, and orders in the Russian Empire*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2004, 112–158. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qovacl>
- Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство-СПб., 1999. 479 с. [Shepelev L. E. *The official world of Russia: XVIII – early XX century*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb., 1999, 479. (In Russ.)]
- Шилина Е. В. Совершенствование системы образования в России в XIX веке. *Право и образование*. 2008. № 9. С. 136–145. [Shilina E. V. Improvement of the education system in Russia in the XIX century. *Pravo i obrazovanie*, 2008, (9): 136–145. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jvuhmf>
- Шипилов А. В. Зарплата российского профессора в ее настоящем, прошлом и будущем. *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2003. № 4. С. 33–42. [Shipilov A. V. The salary of a Russian professor today, yesterday, and tomorrow. *Alma Mater (Bulletin of the Higher School)*, 2003, (4): 33–42. (In Russ.)]
- Щетинина Г. И. Университеты России и устав 1884 года. М.: Наука, 1976. 231 с. [Shchetinina G. I. *Universities of Russia and the charter of 1884*. Moscow: Nauka, 1976, 231. (In Russ.)]
- Яковлев В. П. Политика царского правительства в университетском вопросе (1905–1910). *Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература*. 1969. № 2-1. С. 48–56. [Yakovlev V. P. The policy of the Tsarist government in the university issue (1905–1910). *Vestnik Leningradskogo universiteta. Istoriia, iazyk, literatura*, 1969, (2-1): 48–56. (In Russ.)]
- Яковлев В. П. Самодержавие и российские университеты в годы реакции (1907–1911). *Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература*. 1972. № 8-2. С. 42–50. [Yakovlev V. P. Autocracy and Russian Universities in the years of reaction (1907–1911). *Vestnik Leningradskogo universiteta. Istoriia, iazyk, literatura*, 1972, (8-2): 42–50. (In Russ.)]
- Ястребов Е. В. Василий Маркович Флоринский. Томск: ТГУ, 1994. 174 с. [Yastrebov E. V. *Vasily Markovich Florinskiy*. Tomsk: TSU, 1994, 174. (In Russ.)]
- Ястребов Е. В. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. Томск: ТГУ, 1996. 221 с. [Yastrebov E. V. *One hundred unpublished letters of Russian scientists and statesmen to Vasily Markovich Florinskiy*. Tomsk: TSU, 1996, 221. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/itqbir>

Причины возникновения басмаческого движения и его социальная база в оценках партийного руководства и командования Красной армии советского Туркестана (1918–1924 гг.)

Бармин Валерий Анатольевич

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 6543-1199

<https://orcid.org/0009-0002-9043-3725>

Scopus Author ID: 58153659500

valbarmin@mail.ru

Аннотация: Одним из наименее исследованных сюжетов Гражданской войны до настоящего времени остаются события, связанные с борьбой коренного населения Туркестана против советской власти, более известные под названием *басмаческое движение*. Вплоть до распада Советского Союза официальные трактовки причин, определивших зарождение басмачества, факторов, влиявших на формирование его социальной базы и массовость, строились на постулатах борьбы местной родоплеменной аристократии, нарождавшейся буржуазии и имамата за сохранение своего статуса, экономического положения и привилегий. Однако после распада СССР и обретения бывшими советскими среднеазиатскими республиками полного суверенитета прежние оценки и характеристики басмачества претерпели в работах исследователей этих республик, а отчасти и в публикациях российских историков, существенные изменения. Теперь басмачество чаще всего рассматривается как форма национально-освободительного движения коренных народов Туркестана, как борьба против мероприятий советской власти, направленных на ломку сложившихся здесь традиций, обычаев, экономического уклада. В предлагаемой статье автор ставит своей целью показать, что развернувшаяся в последние десятилетия критика существовавших характеристик и оценок басмаческого движения не может претендовать на новизну. В исследовании утверждается, что уже в период активной борьбы с басмачеством целый ряд высокопоставленных партийных и советских деятелей, а также представителей командного состава Красной армии открыто заявляли, что причины его зарождения и массовости лежат в допущенных советскими и партийными органами ошибках в области внутренней политики в регионе, в непонимании существующих здесь особенностей жизненного уклада, конфессиональных устоев и традиций. Эти выводы сделаны автором на основе анализа вновь выявленных в центральных архивах России источников, ряда опубликованных монографий и работ мемуарного характера.

Ключевые слова: басмаческое движение, мусульманское население, борьба, партийные работники, командование Красной армии, Туркестан

Цитирование: Бармин В. А. Причины возникновения басмаческого движения и его социальная база в оценках партийного руководства и командования Красной армии советского Туркестана (1918–1924 гг.). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 379–388. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-379-388>

Поступила в редакцию 05.03.2024. Принята после рецензирования 29.03.2024. Принята в печать 01.04.2024.

full article

Basmachi Movement and Its Supporters in Reports by Party Leaders and Red Army Commanders in Soviet Turkestan, 1918–1924

Valery A. Barmin

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 6543-1199

<https://orcid.org/0009-0002-9043-3725>

Scopus Author ID: 58153659500

valbarmin@mail.ru

Abstract: The Basmachi movement was the struggle of Turkestan indigenous population against the Soviet power, and it remains one of the least studied aspects of the Civil War. Soviet historians explained the reasons behind the movement and its mass character as follows: the local tribal aristocracy, young bourgeoisie, and imams strove to maintain their status, wealth, and privileges. When the former Soviet Central Asian republics became independent, the Basmachi movement and its causes were reconsidered by local historians and, to some extent, by Russian scientists. Now Basmachism is most often viewed as a form of national liberation movement by indigenous peoples of Turkestan. Presumably, it was a reaction to the attempts of the Soviet government to break local traditions, economy, and spiritual life. However, the post-Soviet assessments of the Basmachi movement can hardly claim any novelty. As early as during the Basmachi conflict, some high-ranking party figures and Red Army commanders openly stated that the Soviet government was mistaken in its aggressive internal regional policy and failed to understand the religious foundations that resulted in the Basmachi movement and its mass support. The article relies on some newly-found archival sources, monographs, and memoirs.

Keywords: Basmachi movement, Muslim population, struggle, party members, Red Army command, Turkestan

Citation: Barmin V. A. Basmachi Movement and Its Supporters in Reports by Party Leaders and Red Army Commanders in Soviet Turkestan, 1918–1924. *SibScript*, 2024, 26(3): 379–388. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-379-388>

Received 5 Mar 2024. Accepted after peer review 29 Mar 2024. Accepted for publication 1 Apr 2024.

Введение

Особенности этнического состава населения Туркестана, его традиций и духовной жизни отразились на формах, методах и самом характере борьбы против советской власти в годы Гражданской войны. В качестве главной силы антибольшевистского фронта в этом регионе выступило басмаческое движение. Социальная база движения была представлена родоплеменными вождями, мусульманским духовенством, представителями бывшего чиновничества, незначительной частью проходившего здесь службу офицерства. Однако основную массу басмачей составляло дехканство. Поскольку части белогвардейцев так и не сумели пробиться в центральные районы Туркестана, постольку развернувшееся здесь противоборство оказалось неразрывно связано именно с басмаческим движением.

Распад СССР повлек за собой возникновение в центральноазиатском регионе независимых государств: Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана,

Туркменистана. После этого в них началось создание новых трактовок своей истории. Одним из наиболее сложных сюжетов в концептуальных подходах к формированию исторического прошлого всех этих государств стал период Гражданской войны. История басмачества теперь стала рассматриваться как борьба за освобождение от колониального гнета, за сохранение традиций и основ духовной жизни. Известный этнограф и историк С. Н. Абашин, касаясь этой проблемы, замечает, что в последнее время в исследованиях узбекских историков, посвященных истории басмачества, акцент делается на критике советского империализма и колониализма [Абашин 2007: 174]. Это действительно прослеживается, например, в статье С. Ф. Нарбекова и Р. У. Норбековой, в которой они пишут, что «последствия колонизаторской политики большевистской власти в Туркестане были трагическими, краю нанесен огромный экономический ущерб, погибли

сотни тысяч безвинных людей, что отбросило развитие региона на несколько десятилетий назад» [Нарбеков, Норбекова 2017: 36]. В публикации К. К. Раджабова заявляется, что «разнузданный террор над мирным населением, его грабеж и массовое истребление, издевательства над честью и достоинством народа стали той главной причиной, которая вызвала вооруженное движение против советской власти» [Раджабов 2019а: 27]. Эту же мысль он развивает в статье «Повстанческое движение в Туркестане на фоне Гражданской войны в России (1917–1922 гг.)» [Раджабов 2019b]. Новые оценки басмачества можно видеть в исследованиях Р. И. Раимова и Ж. С. Сыздыковой «Джадизм и басмачество: тенденции и противоречия» [Раимов, Сыздыкова 2021: 2691], таджикского ученого Р. С. Бобохонова «Басмачество – как священный джихад против советской власти (1918–1934)» [Бобохонов 2016: 4], киргизских историков Н. У. Курбановой и Ч. Ж. Карасаровой «Религиозный фактор в басмаческом движении (на примере Кыргызстана в 20-е гг. XX в.)» [Курбанова, Карасарова 2020] и у ряда других авторов.

В целом эту позицию сегодня разделяют многие исследователи новых центральноазиатских республик. Однако, наряду с ростом сторонников новых характеристик басмачества, часть историков продолжают придерживаться при его оценках прежних взглядов и суждений. В качестве примера можно привести статью представителя таджикского научного сообщества, профессора А. Сайфуллаева «Басмачество было вопреки национальным интересам»¹, работы киргизской исследовательницы О. Б. Сайфутдиновой [Сайфутдинова 2022а; 2022b], публикацию казахских ученых С. Ш. Мухамеджановой и Н. Е. Бутаева «"Басмаческое" повстанческое движение в Центральной Азии в 1920–1930-е годы и опыт специальных действий Красной Армии по борьбе с ним» [Мухамеджанова, Бутаев 2020] и труды ряда других авторов. Сравнительно подробный анализ таких подходов дал в своей статье белорусский историк А. А. Максимович [Максимович 2012].

В свою очередь, и в российской историографии появился ряд работ и диссертационных исследований, в которых проблема басмачества рассматривается в формате, отличающемся от прежних подходов и оценок. Так, Л. Е. Бляхер и И. Ф. Ярулин приходят

к парадоксальному выводу, что басмачество является мифологемой, созданной советской пропагандой [Бляхер, Ярулин 2016]. С их работой отчасти переключается статья М. Е. Шушковой, о чем говорит даже ее название: «Басмачество, таким образом, является продуктом "советского производства"» [Шушкова 2021]. Жесткие оценки причинам зарождения басмачества даны в статье Л. А. Молчанова, в которой он, в частности, пишет, что «пришедшие к власти политические силы установили в Туркестане террористический режим, где всех, кто не принадлежал к партии большевиков, считали людьми второго сорта» [Молчанов 2017: 104]. А. Рамазанова в статье «История басмачества и его современная оценка» заявляет, что «масштабы военных преступлений, по всему среднеазиатскому региону в 20-х гг. XX столетия, заставляют пересмотреть оценку как басмаческого движения, так и деятельность самих Советов» [Рамазанова 2018: 64]. Определенной переоценке подверглись причины басмачества в монографии И. Д. Борисовой [Борисова 2006]. Близкие по содержанию суждения можно найти и в других исследованиях.

Между тем отличное от официальных трактовок звучание причин возникновения басмаческого движения и его характера появилось уже в ходе самой Гражданской войны. При этом авторами критики выступали крупные партийные работники и представители командного состава Красной армии. По понятным причинам в публичное пространство они попадали нечасто и уже к середине 1920-х гг. сошли на нет.

В предлагаемой работе предпринята попытка раскрыть причины, которые определили своеобразный скептицизм у части партийных деятелей и представителей командования Красной армии в отношении официальных трактовок и характеристик басмаческого движения, а также показать схожесть части из этих оценок с теми, что появляются в работах современных историков и политологов.

Результаты

В общественном сознании народов среднеазиатских советских республик на протяжении всего периода существования СССР оставалось противоречие между официальными определениями сущности басмаческого движения и тем, каким его сохранила историческая память населения. Тем не менее

¹ Сайфуллаев А. Басмачество было вопреки национальным интересам. *Джумхурият*. 07.06.2011. URL: <https://www.tajmedun.tj/ru/vzglyad-na/borba-s-terrorizmom-i-ekstremizmom-i-korrupsiyey/basmachestvo-bylo-vopreki-natsionalnym-interesam/> (дата обращения: 09.02.2024).

трактовки этого сложного общественно-политического явления были вполне однозначными и практически не менялись. Например, «Большая Советская энциклопедия» определяла басмачество как «вооруженное контрреволюционное националистическое движение в Средней Азии в 1917–26 гг.», которое являлось «формой классовой борьбы феодалов, баев, кулаков, мулл, национальной буржуазии против Советской власти» [Никишов 1970: 29]. Практически это же определение и под тем же авторством давалось движению восемью годами раньше и в «Советской исторической энциклопедии» [Никишов 1962: 158]. В череде официальных трактовок только в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР», вышедшей в более поздний период, в 1983 г., впервые признавалось, что «путем обмана и насилия иногда удавалось втягивать в банды некоторую часть дехканства». При этом «борьба с басмачеством была длительной и трудной»².

Приведенные формулировки закладывались в сотни монографий и статей, посвященных означенной проблеме. Однако многие из этих работ при относительно слабой источниковой базе носят фундаментальный характер и содержат интересный фактический материал. К таким исследованиям с полным правом можно отнести изданную в 1960 г. крупную пятитомную работу, содержащую развернутый материал по борьбе с басмачеством³; монографии Ю. Н. Алескерова «Интервенция и Гражданская война в Средней Азии» [Алескеров 1959] и Ю. А. Полякова и А. И. Чугунова «Борьба с басмачеством в среднеазиатских республиках СССР» [Поляков, Чугунов 1983]; серьезный труд авторского коллектива А. И. Зевелева, Ю. А. Полякова и А. И. Чугунова «Басмачество: возникновение, сущность, крах» [Зевелев и др. 1981].

Знакомство с источниками, хранившимися ранее в спецфондах, позволило не только во многом по-новому увидеть картину зарождения басмаческого движения, но и выяснить, что в партийном руководстве и в командовании Красной армии Туркестана уже в период рассматриваемых событий работали люди, выражавшие открытое несогласие с официальными оценками причин, породивших басмачество, и хорошо осознававшие суть допущенных властью ошибок.

Вопрос формирования советского правительства Туркестана после победы революции рассматривался на проходившем с 15 по 22 ноября 1917 г. в Ташкенте III Краевом съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Именно здесь большевики сумели добиться решения о том, что «Туркестаном должен управлять Совет народных комиссаров, формирующийся из большевиков, левых социалистов-революционеров (без мусульман и представителей городских самоуправлений, поддерживавших Временное правительство)»⁴.

Это решение фактически исключало представительство коренного населения Туркестана не только в Совете народных комиссаров (СНК), но и вообще в каких-либо управленческих структурах. Понятно, что оно вызвало возмущение и неприятие со стороны мусульманских народов края. По мнению лидеров национальных партий «Шура-и-Улема», «Иттифак», «Шура-и-Ислам», принятые на этом съезде «принципы институционального оформления советской власти означали продолжение колониального правления» [Бармин и др. 2018: 71]. В результате они отказались признать решения съезда и двумя неделями позже провели в Коканде IV Всетуркестанский Курултай мусульман. 27 ноября 1917 г. его делегаты приняли резолюцию, провозглашавшую создание Туркестанской автономии – Туркистон мухторияти. В советской историографии она осталась под названием Кокандской автономии⁵. Одновременно делегаты направили СНК Туркестана письмо, в котором призывали «не вмешиваться в наши национальные дела, не ставить препятствий к осуществлению нашего самоопределения, согласно русских же обещаний»⁶.

В то же время лидеры Автономии развили активную деятельность по налаживанию тесных контактов с Бухарским эмиратом и белогвардейцами, начали предпринимать попытки установления своего контроля над отдельными районами края. Эти действия, наряду с тем что в регионе де-факто создавалась ситуация двоевластия, серьезно обеспокоили большевиков. В итоге в Коканд были направлены отряды Красной гвардии, которые 9–10 февраля 1918 г. провели военную операцию по разгрому Автономии.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М.: Сов. Энцикл., 1983. С. 54–55.

³ История Гражданской войны в СССР. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 5. 420 с.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632. Л. 11.

⁵ Более подробно см. [Агзамходжаев 2006].

⁶ РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 24. Л. 6–7.

Крайне негативные последствия этой операции заключались в том, что она явилась по сути карательным походом против мирного населения. Ситуацию усугубило то, что в ней участвовали отряды армянской партии Дашнакцутюн. С одной стороны, бойцы этих отрядов после устроенной турками в 1915–1916 гг. резни армянского населения испытывали ненависть ко всем мусульманам вообще. С другой стороны, весьма своеобразным был состав этих отрядов. Командующий частями Красной армии в Фергане М. Сафонов писал, что в них состояли «почти исключительно бывшие содержатели пивных, домов терпимости и им подобные, которые и под прикрытием красноармейского мундира не прекратили, а, наоборот, смелее продолжали свою прежнюю деятельность»⁷. В результате жертвами «операции» стали тысячи горожан. Позже, оценивая итоги «кокандского похода», ответственный секретарь ЦК КП(б) Туркестана И. Г. Сольц писал, что «Кокандские события фактически были бойней для невооруженных мусульманских масс города (полупролетарских и мелкобуржуазных)»⁸.

По мнению участников этих событий, именно кровавый разгром Кокандской автономии, вызвавший волну возмущения людей, положил начало вооруженному сопротивлению советской власти.

В короткие сроки басмачество охватило практически всю территорию края. В Ферганской долине уже к середине 1919 г. басмаческие отряды насчитывали более 10 тыс. бойцов⁹. Формированию широкой социальной базы басмачества способствовали продолжавшаяся реализация ошибочных решений власти в области социально-экономической политики, вмешательство в духовную жизнь населения края, в сложившиеся межнациональные отношения мусульман. Ситуация усугублялась многочисленными случаями насилия и беззакония со стороны рядового и командного состава Красной армии. Это подталкивало людей к уходу в отряды басмачей. В информации штаба войск Красной армии руководству «О состоянии борьбы с басмачеством за июль-сентябрь 1919 года» сообщалось, что курбаши Мадамин-бек рассылает своих агитаторов, которыми чаще всего являются муллы, по киргизским кишлакам. Их деятельность так успешна, что «если бы хватило у Мадамин-бека оружия, то все

туземное население, живущее в кишлаках, как один взялись бы за него и пошли бы вместе с Мадамин-беком»¹⁰. Борьба с басмачеством в силу специфических условий отличалась большой сложностью, многочисленными жертвами и приобрела затяжной характер. И. И. Стрелкова, автор биографической работы о командующем Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе, писала, что это была война «без линии фронта, которую можно нанести на карту» [Стрелкова 1968: 147]. В своей деятельности басмаческие курбаши практиковали самый жестокий террор. При этом «террор был направлен не только против партийных и советских работников, но и против мирного населения, заподозренного хоть в каком-то сочувствии к новой власти» [Лысенко и др. 2017: 289]. Например, курбаши Курширмат «беспощадно вырезал всё европейское население, а иногда ради забавы уничтожал и узбекские кишлаки» [Магомедханов, Сандалов 2020: 62].

Однако все попытки советского руководства Туркестана подавить басмаческое движение с помощью военной силы не приносили успеха. Председатель Совнаркома республики К. Атабаев позже писал: «В одно время в Фергану было переброшено до 30 тысяч войск, и все крупные кишлаки были заняты гарнизонами из красноармейцев. Население оставалось враждебным к нам, басмачи легко справлялись с нашими гарнизонами, и мы, наконец, вынуждены были убрать войска из кишлаков» [по: Бармин 2022: 98].

Уже к середине 1919 г. многим партийным деятелям и командному составу Красной армии Туркестана стало ясно, что в работе с коренным населением края допущены серьезные ошибки и без их исправления разгромить басмаческое движение не удастся. Сложившаяся в крае ситуация серьезно тревожила и Москву. Для помощи в решении возникших проблем 8 февраля 1919 г. ВЦИК и СНК РСФСР образовали и направили в Ташкент Комиссию по делам Туркестана. В эту комиссию были включены известные и авторитетные в партии и правительстве деятели: В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе, Ш. З. Элиава и ряд других. В первую очередь комиссия должна была помочь «преодолеть созданное многолетним господством русского царизма недоверие туземных трудящихся масс Туркестана к рабочим и крестьянам России»¹¹.

⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 74.

⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527. Л. 97.

⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 78.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1525. Л. 1.

¹¹ Советское содружество народов. (Объединительное движение и образование СССР): сб. док. 1917–1922. М.: Политиздат, 1972. С. 102–104.

Именно в этот период на страницах газет Туркестана появились первые примеры критики пропагандистских стереотипов, практикуемых партийными и советскими органами при объяснениях причин, породивших басмачество. Так, 6 декабря 1919 г. в центральном органе ЦК КПТ и ЦИК Туркестанской республики, газете «Известия», была опубликована статья командующего войсками Ферганского фронта М. В. Сафонова. Весьма характерно звучало само название его статьи – «Какова же действительность?»¹². Она являлась откликом на публикацию в той же газете «Известия» статьи о борьбе с басмачеством под авторством некоей Нелли-Ленталь. В этой статье автор живописала, что после митинга, проведенного представителями советской власти в одном из кишлаков, все его население вышло навстречу басмачам и заявило: «через наши трупы вы войдете в кишлак»¹³.

Отклик командарма на этот материал, по сути, представлял собой развернутый обзор реального состояния дел в борьбе с басмачеством и содержал анализ причин, которые на самом деле породили массовое сопротивление населения советской власти. Автор также предлагал ряд мер, направленных на исправление допущенных ошибок и просчетов. М. В. Сафонов полагал, что необходимо изменить формы и методы работы с коренным населением, поскольку «Фергана – страна мусульманская, живущая по шариаду»¹⁴. Далее он указывал на необходимость срочного решения кадрового вопроса, т. е. сразу после революции на ответственных постах в Фергане «оказалась авантюристически-хищная толпа из разных бывших людей, учувявших, что под прикрытием новых слов можно тоже хорошо пожить». При этом «именно эти люди возвестили... якобы советскую программу: раньше богачи нас грабили, теперь мы будем грабить богачей». Командарм заявлял: «делетка конфискованного привела к разращению и Красной армии, и советских работников, и партии... так как из идейных борцов за новое трудовое государство превращала их просто в дольщиков при дележе добычи» [по: Бармин 2017: 23]. Наконец, автор

подробно останавливался на вопросе слабой дисциплины в частях Красной армии. Он отмечал, что «грабительством были поражены все Ферганские гарнизоны» [по: Бармин 2017: 24].

По итогам анализа сложившейся ситуации М. В. Сафонов сделал выводы, что причинами зарождения и массовости басмачества явились действия самой советской власти. Он также подчеркивал, что дальнейшее закрепление и развитие советских форм среди мусульманства возможно только после «подготовки кадров ответственных работников из собственной среды местного трудового мусульманства»¹⁵.

В это же время, 7 ноября 1919 г., к коммунистам Туркестана с письмом обратился председатель Совнаркома В. И. Ленин. Он призывал направить все усилия на «установление правильных отношений с народами Туркестана, поскольку это имеет теперь для РСФСР значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое»¹⁶. Текст письма свидетельствовал, что Владимир Ильич хорошо понимал опасность развивавшихся в Туркестане процессов и всю пагубность их последствий.

Ответ В. И. Ленину направили участники V краевой партийной конференции компартии Туркестана. Они заверяли вождя, что «будут точно руководствоваться всеми указаниями ЦК РКП(б), строго соблюдая все его директивы»¹⁷. Однако, несмотря на эти заверения, на деле исправление ошибок шло крайне медленно. Серьезной проблемой оставалось почти полное отсутствие в административных учреждениях и в командном составе Красной армии представителей коренных народов республики. Тот же М. В. Сафонов, касаясь в статье этой проблемы, писал, что «в настоящий момент эти силы [кадры ответственных работников из среды мусульман] количественно и особенно качественно настолько ничтожны, что было бы правильно считать их просто не существующими»¹⁸.

Важной вехой в полемике явилась опубликованная в № 16 от 25 января 1921 г. газеты «Известия» статья «К борьбе с басмачеством» уже упоминавшегося выше секретаря ЦК КП(б) Туркестана И. Г. Сольца. В ней он не только открыто заявлял, что басмаческое

¹² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 68–95.

¹³ Там же. Л. 69.

¹⁴ Там же. Л. 70.

¹⁵ Там же. Л. 94–95.

¹⁶ Советское содружество народов... С. 97–98.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1503. Л. 13–15.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 95.

движение стало результатом разгрома Кокандской автономии, но, пожалуй, впервые квалифицировал его как «широкое национальное движение, направленное против русской власти»¹⁹. Далее он столь же прямо говорил, что «политика туркестанской советской власти в течение всего 1918-го и отчасти 1919 г., носившая ярко колонизаторский характер..., подливала еще больше горючего материала в разгоравшийся костер басмачества»²⁰. Неудивительно, констатировал секретарь ЦК, что к началу 1919 г. движение достигло огромных размеров, грозило перекинуться из Ферганы в Сыр-Дарью и Семиречье. Для исправления ситуации он предлагал улучшить снабжение Красной армии и укрепить в ней политработу, чтобы исключить мародерство, перейти от ревкомов к исполкомам, провести «в ударном порядке» земельную реформу, осуществить правильную постановку вопроса о национальном самоопределении, «перевести продовольственную разверстку на классовые рельсы»²¹.

Очень важной представляется характеристика басмачества, которую дал прибывший в Туркестан со специальным заданием видный член партии Г. К. Орджоникидзе. В письме от 13 мая 1922 г. к комиссару по делам национальностей И. В. Сталину он отмечал, что «политика попытки насильственного расслоения туркестанского патриархально-родового быта, неумелая и безответственная борьба с шариатом, такое же поведение карательных органов вообще и ряд других причин привели к настоящему кризису»²² [по: Густерин 2018]. А далее подчеркивал, что он не верит, «будто басмачество – это шайка грабителей, оторванная и преследуемая населением... Необходимо в корне пересмотреть нашу политику в Туркестане, решительно отказываясь от каких бы то ни было коммунистических экспериментов... Привлечь мусульманскую интеллигенцию, бросить игру левых коммунистов»²³ [по: Густерин 2018].

Однако приведенные высказывания не выражали общего мнения руководителей Туркестанской республики и членов Турккомиссии. Например, М. В. Фрунзе в письме, направленном в мае 1920 г. В. И. Ленину, продолжал утверждать, что басмачество объединяет

тех, кто «привык к грабежам и насилиям... кто... мечтает стать властителями края, новыми ханами»²⁴. Именно такие оценки в конечном счете были заложены в официальные трактовки содержания басмаческого движения. Тем не менее появившаяся в рассматриваемый период критика официальных пропагандистских оценок и характеристик басмаческого движения позитивно отразилась на изменении форм и методов работы советских и партийных органов с коренным населением края.

Заключение

Материалы предпринятого исследования позволяют сделать вывод, что появившиеся в последние годы в ряде работ новые оценки и определения причин, породивших в Туркестане басмаческое движение, а также современные подходы к анализу его целей, задач и социальной базы на самом деле имели место и были озвучены уже в период борьбы с басмачеством. При этом принадлежали они представителям партийного руководства и командования Красной армией Туркестанской советской республики. Однако совершенно очевидно, что осознание допущенных просчетов и ошибок в работе с коренным населением края запоздало и предопределило возникновение массового протестного движения народов Туркестана против советской власти. Тем не менее именно публичная критика сложившегося положения дел со стороны весьма авторитетных деятелей партии и советского правительства, командования Красной армии, а также настойчивая работа, направленная на устранение допущенных просчетов, помогли во многом исправить ситуацию. К сожалению, принципы открытой полемики и дискуссии по вопросам, касавшимся важнейших проблем внутренней политики в молодом советском государстве, вскоре оказались под запретом и были забыты. Это обстоятельство, разумеется, коснулось и проблем басмаческого движения. Сегодня именно этот фактор позволяет многим исследователям, занимающимся историей Гражданской войны в Средней Азии, подавать свои выводы и характеристики басмачества как элементы открытий и новых оценочных суждений.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527. Л. 97.

²⁰ Там же. Л. 97 об.

²¹ Там же. Л. 101.

²² РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23181. Л. 6.

²³ Там же.

²⁴ Советское содружество народов... С. 308–335.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Абашин С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алтейя, 2007. 302 с. [Abashin S. N. *Nationalisms in Central Asia: In search of identity*. St. Petersburg: Alteia, 2007, 302. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qphnrb>
- Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент: Тотикент ислом университета, 2006. 268 с. [Agzamkhodzhaev S. *History of Turkestan Autonomy: Turkiston Mukhtoriyati*. Tashkent: Totikent Islam University, 2006, 268. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qpityr>
- Алескеров Ю. Н. Интервенция и Гражданская война в Средней Азии. Ташкент: Госиздат УзССР, 1959. 234 с. [Aleskerov Yu. N. *Intervention and Civil War in Central Asia*. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1959, 234. (In Russ.)]
- Бармин В. А. Деятельность частей Красной армии, советских и партийных органов как фактор возникновения и развития басмаческого движения в Туркестане в 1918–1922 гг. *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2017. № 1. С. 21–25. [Barmin V. A. Activities of the Red Army, Soviet and party organs as a factor of development and movement of Basmach in Turkestan in the years 1918–1922. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2017, (1): 21–25. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yudyqh>
- Бармин В. А. Социально-политические и этно-конфессиональные условия зарождения басмаческого движения в Туркестане (1917–1918 гг.). *Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: XXI Междунар. науч.-практ. конф. (Усть-Каменогорск, 3–4 октября 2022 г.)* Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2022. С. 68–79. [Barmin V. A. Socio-political and ethno-confessional conditions for the emergence of the Basmachi movement in Turkestan (1917–1918). *Ethnodemographic processes in Kazakhstan and adjacent territories: Proc. XXI Intern. Sci.-Prac. Conf., Ust-Kamenogorsk, 3–4 Oct 2022*. Ust-Kamenogorsk: Media-Alyans, 2022, 68–79. (In Russ.)]
- Бармин В. А., Лысенко Ю. Н., Анисимова И. В., Бочкарева И. Б., Тарасова Е. В., Гончарова Н. П. Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии. Барнаул: АлтГУ, 2018. 384 с. [Barmin V. A., Lysenko Yu. N., Anisimova I. V., Bochkareva I. B., Tarasova E. V., Goncharova N. P. *The civil war in the Steppe region and Turkestan (1918–1921) and the reflection of these events in the historical memory of the population of post-Soviet Central Asia*. Barnaul: ASU, 2018, 384. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zunwiq>
- Бляхер Л. Е., Ярулин И. Ф. Кто такие басмачи? (Советское миротворчество и стигматизация Гражданской войны в Средней Азии). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2016. № 2. С. 109–123. [Blyakher L. E., Yaruln I. F. What are the Basmachi? Soviet peacekeeping and stigmatization of the Civil War in Central Asia. *Politeia – Journal of political theory political philosophy and sociology of politics*, 2016, (2): 109–123. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xqzsed>
- Бобохонов Р. С. Басмачество – как священный джихад против советской власти (1918–1934). *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2016. № 9. С. 3–7. [Bobokhonov R. S. Basmachis – as jihad against Soviet rule (1918–1934). *Sovremennaiia nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Serii: Gumanitarnye nauki*, 2016, (9): 3–7. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wyrlvj>
- Борисова И. Д. Правовая политика Советской России 1917–1929 гг. в Центрально-Азиатском и Кавказском регионах. Владимир: ВГПУ, 2006. 363 с. [Borisova I. D. *Legal policy of Soviet Russia 1917–1929 in the Central Asian and Caucasian regions*. Vladimir: VSPU, 2006, 363. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxdpah>
- Густерин П. В. Из истории борьбы советской власти с басмачеством. 03.04.2018. [Gusterin P. V. *From the history of the struggle of Soviet power against the Basmachi*. 3 Apr 2018. (In Russ.)] URL: <https://statehistory.ru/5774/Iz-istorii-borby-sovetskoj-vlasti-s-basmachestvom> (дата обращения: 25.02.2024).

- Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М.: Наука, 1981. 244 с. [Zevelev A. I., Polyakov Yu. A., Chugunov A. I. *Basmachism: Emergence, essence, and collapse*. Moscow: Nauka, 1981, 244. (In Russ.)]
- Курбанова Н. У., Карасарова Ч. Ж. Религиозный фактор в басмаческом движении (на примере Кыргызстана в 20-е гг. XX в.). *Вестник общественных и гуманитарных наук*. 2020. Т. 1. № 1. С. 6–12. [Kurbanova N. U., Karasarova Ch. Zh. Religious factor in the Basmachi movement (on the example of Kyrgyzstan in the 20s of the XX century). *Humanities and Social Sciences Bulletin*, 2020, 1(1): 6–12. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/Inlcva>
- Лысенко Ю. А., Бармин В. А., Анисимова И. В., Бочкарева И. Б., Тарасова Е. В., Олиндер Н. В., Стурова М. В. Этнополитические процессы в Центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. Барнаул: АлтГУ, 2017. 384 с. [Lysenko Yu. A., Barmin V. A., Anisimova I. V., Bochkareva I. B., Tarasova E. V., Olinder N. V., Sturova M. V. *Ethnopolitical processes in the Central Asian outskirts of Russia during the revolutions of 1917*. Barnaul: ASU, 2017, 384. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nzuwip>
- Магомедханов В. М., Сандалов И. А. Войска ОГПУ-НКВД в борьбе с басмаческим движением на советско-персидской и советско-афганской границах в 1920–1930-х гг. *История и историческая память*. 2020. № 20. С. 60–72. [Magomedkhanov V. M., Sandalov I. A. OGPU-NKVD troops in the fight against the Basmachi movement on the Soviet-Persian and Soviet-Afghan borders in the 1920's–1930's. *Istoriia i istoricheskaja pamiat*, 2020, (20): 60–72. (In Russ.)]
- Максимович А. А. Центральноазиатская борьба 1920–1930-х гг. против советской власти в фокусе современных российских и узбекских исследователей. *Российские и славянские исследования*, отв. ред. А. П. Сальков, О. А. Яновский. Мн.: БГУ, 2012. Вып. 7. С. 263–267. [Maksimovich A. A. Central-Asian struggle in 1920s–1930s against Soviet power as the focus of modern Russian and Uzbek research. *Russian and Slavic Studies*, eds. Salkov A. P., Yanovskiy O. A. Minsk: BSU, 2012, iss. 7, 263–267. (In Russ.)]
- Молчанов Л. А. «В Туркестане советская власть установила небывалый до сих пор национальный гнет». *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2017. № 3. С. 101–124. [Molchanov L. A. "The Soviet government established an unprecedented national oppression in Turkestan". *RSUH / RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, 2017, (3): 101–124. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zdugcn>
- Мухамеджанова С. Ш., Бутаев Н. Е. «Басмаческое» повстанческое движение в Центральной Азии в 1920–1930-е годы и опыт специальных действий Красной Армии по борьбе с ним. *75-летие Великой Победы: исторический опыт и современные проблемы военной безопасности России: 5 Междунар. науч.-практ. конф. научного отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук*. (Москва, 12 марта 2020 г.) М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2020. Т. 2. С. 466–476. [Mukhamedzhanova S. Sh., Butaev N. E. The "Basma" insurgency in Central Asia in the 1920s and 1930s and the experience of special actions of the Red Army to combat it. *75th anniversary of the Great Victory: historical experience and modern problems of military security of Russia: Proc. 5 Intern. Sci.-Prac. Conf. Scientific Department No. 10 of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences*, Moscow, 12 Mar 2020. Moscow: BMSTU, 2020, vol. 2, 466–476. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/dzilai>
- Нарбеков С. Ф., Норбекова Р. У. Вооруженное восстание народов Туркестана против советского режима, его причины и последствия. *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2017. № 1-4. С. 34–40. [Narbekov S. F., Norbekova R. U. The armed uprising of the peoples of Turkestan against the Soviet regime, its causes and consequences. *Aktualnye nauchnye issledovaniia v sovremennom mire*, 2017, (1-4): 34–40. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xxledz>
- Никишов П. П. Басмачество. *Большая Советская энциклопедия*. Т. 3. *Бари–Браслет*. М.: Сов. энцикл., 1970. С. 29–30. [Nikishov P. P. Basmachi movement. *Great Soviet Encyclopedia*. Vol. 3. *Bari–Braslet*. Moscow: Sov. entsikl., 1970, 29–30. (In Russ.)]
- Никишов П. П. Басмачество. *Советская историческая энциклопедия*. Т. 2. *Баал–Вашингтон*. М.: Сов. энцикл., 1962. Стлб. 157–159. [Nikishov P. P. Basmachi movement. *Soviet Historical Encyclopedia*. Vol. 2. *Baal–Washington*. Moscow: Sov. entsikl., 1962, 157–159. (In Russ.)]
- Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Борьба с басмачеством в среднеазиатских республиках СССР: Перевод на язык дари. М.: Прогресс, 1983. 279 с. [Polyakov Yu. A., Chugunov A. I. *The fight against Basmachism in Central Asian republics of the USSR: Translation into the Dari language*. Moscow: Progress, 1983, 279. (In Russ.)]

- Раджабов К. К. Вооруженное движение против советской власти в Туркестане (1918–1935 гг.). *Единство. Гражданственность. Патриотизм*: конф. (Уфа, 22–23 марта 2019 г.) Уфа: Мир Печати, 2019а. Ч. 2. С. 27–31. [Radzhabov K. K. Armed movement against Soviet power in Turkestan (1918–1935). *Unity. Citizenship. Patriotism*: Proc. Conf., Ufa, 22–23 Mar 2019. Ufa: Mir Pechati, 2019a, pt. 2, 27–31. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/knmlsv>
- Раджабов К. К. Повстанческое движение в Туркестане на фоне Гражданской войны в России (1917–1922 гг.). *Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.)*: Всерос. науч. конф. с Междунар. уч. (Новосибирск, 18–20 ноября 2019 г.) Новосибирск: СО РАН, 2019b. С. 196–205. [Radzhabov K. K. The insurgency in Turkestan during the Russian Civil War (1917–1922). *Civil war in eastern Russia (November 1917 – December 1922)*: Proc. All-Russian Sci. Conf. with Intern. participation, Novosibirsk, 18–20 Nov 2019. Novosibirsk: SB RAS, 2019b, 196–205. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31518/978-5-7692-1664-0-196-205>
- Раимов Р. И., Сыздыкова Ж. С. Джадидизм и басмачество: тенденции и противоречия. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2021. Т. 11. № 10. С. 2688–2693. [Raimov R. I., Syzdykova Zh. S. Jadidism and Basmatism: Trends and contradictions. *Issues of National and Federative Relations*, 2021, 11(10): 2688–2693. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pspclu>
- Рамазанова А. История басмачества и его современная оценка. *Современные тенденции в науке и образовании*: Междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. (Астана, 15 мая 2018 г.) Нефтекамск: Мир науки, 2018. С. 62–70. [Ramazanova A. History of Basmachism and its modern assessment. *Modern trends in science and education*: Proc. Intern. (correspondence) Sci.-Prac. Conf., Astana, 15 May 2018. Neftekamsk: Mir nauki, 2018, 62–70. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rqfbpt>
- Сайфутдинова О. Б. Борьба народов Центральной Азии против белогвардейцев и басмачества. *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. 2022а. № 6. С. 220–223. [Saifutdinova O. B. The struggle the peoples of Central Asia against the White Guards and Basmachism. *Science, New technologies and Innovations in Kyrgyzstan*, 2022а, (6): 220–223. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lldduk>
- Сайфутдинова О. Б. Роль освободительного движения народов Средней Азии в Гражданской войне. *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. 2022b. № 6. С. 224–227. [Saifutdinova O. B. The role of the liberation movement of the peoples of Central Asia in the Civil War. *Science, New technologies and Innovations in Kyrgyzstan*, 2022b, (6): 224–227. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kyrvsa>
- Стрелкова И. И. Меч полководца (Повесть о Михаиле Фрунзе). М.: Молодая гвардия, 1968. 192 с. [Strelkova I. I. *The commander's sword: Mikhail Frunze's story*. Moscow: Molodaia gvardiia, 1968, 192. (In Russ.)]
- Шушкова М. Е. «Басмачество, таким образом, является продуктом "советского производства"»: по материалам российских архивов. *Ноябрьские историко-архивные чтения в Пермском партархиве 2021*: конф. (Пермь, 30 ноября – 1 декабря 2021 г.) Пермь: Уральский Рабочий, 2021. С. 216–226. [Shushkova M. E. "Basmacy, thus, is a product of "Soviet production"": On the materials of the Russian archives. *November historical and archival readings in the Perm Party Archive 2021*: Proc. Conf., Perm, 30 Nov – 1 Dec 2021. Perm: Uralskii Rabochii, 2021, 216–226. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mabbwd>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/nfkelz>

Административно-территориальный раздел бывшего Алтайского округа в 1917–1919 гг.

Калашников Андрей Алексеевич

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, Барнаул

Алтайская академия гостеприимства, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 2506-4205

<https://orcid.org/0000-0002-4314-7219>astralnykeks@gmail.com

Аннотация: Алтайский округ обладал колоссальными запасами полезных ископаемых, древесного и минерального топлива, а потому имел критически важное значение в условиях Гражданской войны. В статье рассматривается процесс административно-территориального раздела бывшего Алтайского округа после Февральской революции. На основе неопубликованных документов центрального и региональных архивов, а также материалов периодической печати автор впервые реконструирует процесс распада алтайского хозяйственно-территориального комплекса в 1917–1919 гг. В основу работы положена модернизационная парадигма, применяются историко-генетический и историко-системный методы. В работе показано, как в течение 1917–1919 гг. происходило уменьшение территории земельно-лесного и горнозаводского хозяйства бывшего Алтайского округа. Автор отмечает, что разработка первых планов раздела Алтайского округа относится к осени 1917 г., но сам процесс передачи лесничеств и арендных районов в ведение соседних губернских учреждений начался весной 1918 г. и был завершён только к концу 1919 г. К этому времени в ведение соседних управлений земледелия и государственных имуществ перешла треть административно-хозяйственных единиц бывшего кабинетского округа, были уменьшены границы Алтайского горного округа. Сделан вывод, что несмотря на неоднократную смену власти в регионе, в целом процесс распада алтайского хозяйственно-территориального комплекса характеризуется общей преемственностью курса разных правительств на сокращение подведомственного пространства, стремлением к сближению хозяйственных и административных границ губерний. Однако неоднократная смена власти, широко-масштабное партизанское движение и аграрные беспорядки на территории региона значительно увеличили длительность данного процесса. Основным импульсом преобразовательной деятельности оставалась местная инициатива, административный аппарат центрального правительства в должной мере не был осведомлен о реальной ситуации на местах.

Ключевые слова: административно-территориальное деление, земельно-лесное хозяйство, горнозаводское хозяйство, границы, революция, Гражданская война, Алтайский округ

Цитирование: Калашников А. А. Административно-территориальный раздел бывшего Алтайского округа в 1917–1919 гг. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 389–403. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-389-403>

Поступила в редакцию 24.03.2024. Принята после рецензирования 24.04.2024. Принята в печать 06.05.2024.

full article

Administrative and Territorial Division of the Former Altai Region in 1917–1919

Andrey A. Kalashnikov

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

Altai Academy of Hospitality, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 2506-4205

<https://orcid.org/0000-0002-4314-7219>

astalnykeks@gmail.com

Abstract: The Altai Region with its enormous reserves of minerals, timber, and fossil fuels played a major role in the Civil War in Russia. The article describes its administrative and territorial division after the February Revolution of 1917. The author used unpublished archival documents and newspaper publications to reconstruct the process of disintegration that the Altai economic and territorial complex underwent in 1917–1919. The historical-genetic and historical-systemic methods made it possible to describe how the forest and mining territories dwindled during the abovementioned period. Although the first division plans dated back to the autumn of 1917, the actual transfer of forestry and lease areas to the neighboring provinces began as late as in the spring of 1918 and was completed in late 1919. As a result, one third of the administrative and economic units of the former Altai Region went to the neighboring departments of agriculture and state property, and the boundaries of the Altai mining district shrank significantly. Despite the fact that the region changed hands several times during the Civil War, every new government followed the same course on reducing the subordinate area in order to converge the economic and administrative boundaries of the provinces. However, the changes in power, partisan war, and rural disturbances slowed this process down. The transformations depended mainly on local initiatives while the central government was aware of the real situation in the districts.

Keywords: administrative-territorial division, land and forestry economy, mining economy, borders, revolution, Civil War, Altai District

Citation: Kalashnikov A. A. Administrative and Territorial Division of the Former Altai Region in 1917–1919. *SibScript*, 2024, 26(3): 389–403. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-389-403>

Received 24 Mar 2024. Accepted after peer review 24 Apr 2024. Accepted for publication 6 May 2024.

Введение

В дореволюционный период Алтайский округ представлял собой огромный ведомственный хозяйственно-территориальный комплекс, являвшийся собственностью правящего монарха. Управление округом осуществляли региональные структуры Кабинета его императорского величества (далее – Кабинет е.и.в.). Февральская революция и падение российской монархии поставили вопрос о судьбе бывшей императорской собственности. По постановлению Временного правительства от 27 марта 1917 г. земли и недра Кабинета е.и.в. объявлялись государственными, управление земельно-лесным хозяйством Алтайского округа было передано Министерству земледелия, а горным – Министерству

торговли и промышленности. Округу предстоял долгий и сложный процесс преобразования уникальной ведомственной экономической модели по образцу государственных хозяйственных учреждений. Реорганизация управления Алтайским округом, общая площадь казенных земель и лесов которого достигала 17 млн дес.¹, была невозможна при сохранении единого хозяйственного пространства, значительно превышавшего масштабы казенных управлений земледелия и государственных имуществ (далее – УЗиГИ).

В последние годы появляется все больше исследований, посвященных административно-территориальным преобразованиям регионов в годы

¹ Десятина – русская единица земельной площади, равная 1,09 гектара. Была основной русской земельной мерой и применялась до введения метрической системы.

революции и Гражданской войны. В. Б. Лобанов обращает внимание на взаимосвязь проблем административно-территориального устройства с вопросами национального-государственного строительства в 1917–1920 гг. на Северном Кавказе [Лобанов 2021]. Н. П. Головченко на примере одного из уездов Центральной России заметил, что процессы административно-территориального переустройства, начатые в революционный период, могли растягиваться на десятилетия [Головченко 2022]. Следует отметить работы В. И. Шабельникова, посвященные эволюции административно-территориального устройства Донбасса, который, как и Кузбасс в составе Алтайского округа, являлся одной из главных топливных баз раздираемой войной страны. Автор показал, что до 1917 г. Донбасс не составлял единого административного формирования, а выделение Донецкого бассейна в единый административно-экономический регион было обусловлено экономическими и военнополитическими причинами [Шабельников 2020: 57–59; 2021: 77–79]. Н. В. Мишина и В. В. Ермошин обратили внимание на то, что после Февральской революции, несмотря на ликвидацию Приамурского генерал-губернаторства и царских органов местной государственной власти, территориальное деление Приморской и Амурской областей на уезды в 1918–1919 гг. не изменилось и оставалось прежним вплоть до последующего создания Дальневосточной республики [Мишина, Ермошин 2021: 56]. Значительная часть современных работ, в первую очередь, касается окраинных регионов государства, ставших аренной гражданской противостояния и столкнувшихся с неоднократной сменой власти. Общей чертой всех работ является констатация незавершенности решения проблемы административно-территориального устройства в годы революции и Гражданской войны.

Окраинной территорией был и Алтайский округ. Округ являлся автономной ведомственной хозяйственной единицей и до революции был достаточно слабо связан с губернскими органами хозяйственного управления. Историки, затрагивавшие в своих работах процесс реорганизации управления Алтайским округом в революционный период, отмечали, что после выделения Алтайской губернии, состоявшегося 17 июня 1917 г., произошел распад единого хозяйственного

пространства и, как следствие, ликвидация Алтайского округа как хозяйственно-территориального комплекса [Соболева 2003: 264]. В связи с этим процесс административно-хозяйственного размежевания территории округа не нашел отражения в работах исследователей. Исключение составляет монография М. О. Тяпкина, где кратко были отмечены итоги раздела округа [Тяпкин 2019: 249]. Процесс распада Алтайского округа нашел отражение в работах, посвященных административно-территориальным изменениям в регионе [Андреев 2005: 57–58; Гергилев 2017: 54–55; Жидких 2010: 83–85; Казарин 2013: 66–68, 74–75; Кокшаров, Тиханова 2012: 24–25, 44, 119–123, 132–137, 165; Корженевский 2019: 142–144; 2021: 373; Майдунова 2010а; 2010б; Разгон 2002; Садыков, Малышева 2010: 66, 88, 95–101; Соболева 1998; Сулькевич 1926: 170–172, 223–233, 239–241; Шиловский, Шиловский 2018: 63, 85–98, 105–106]. Авторы одной из них, В. Б. Бородаев и А. В. Контев, отмечают, что к весне 1918 г. округ перестал существовать [Бородаев, Контев 2007: 136–137].

Нельзя согласиться с Н. И. Разгон, утверждавшей (со ссылкой на Т. Н. Соболеву), что после выделения Алтайской губернии и передачи государству земель, лесов и недр Кабинета «проблема административного единства Алтайского хозяйственно-территориального комплекса полностью утратила актуальность» [Разгон 2007: 75]. Проблемы административной и хозяйственной подчиненности лесничеств и арендных районов Алтайского округа после выделения Алтайской губернии были рассмотрены автором статьи [Калашников 2019]. После Февральской революции процесс реорганизации управления и территориальной структуры также происходил на бывших землях Кабинета е.и.в. в Восточной Сибири – Нерчинском горном округе². И хотя тема не была предметом специального исследования, данные вопросы затрагивал в своих работах А. В. Мясников [Мясников 2017; 2021: 69].

Таким образом, проблема административно-территориального раздела Алтайского округа в 1917–1919 гг. не была предметом специального исследования. Не освещены ход раздела, причины растянутости данного процесса, без внимания историков остаются вопросы реорганизации управления горным хозяйством бывшего Алтайского округа.

² После упадка горнозаводского производства в последней трети XIX в. *Алтайский горный округ* был переориентирован на эксплуатацию земельно-лесных ресурсов региона и в 1896 г. был переименован в *Алтайский округ*, горное хозяйство стало играть вспомогательную роль. Нерчинский округ, напротив, продолжал специализироваться на эксплуатации рудных богатств региона и в начале XX в. сохранил за собой наименование *горный*.

Целью настоящей статьи является исследование процесса административно-территориального раздела Алтайского округа в 1917–1919 гг.

Методы и материалы

Источниковую базу исследования составили документы фондов Государственного архива Российской Федерации, государственных архивов Алтайского края и Томской области, материалы периодической печати.

В основу работы положена модернизационная парадигма. Распад алтайского хозяйственно-территориального комплекса представлял собой синтез эндогенной и экзогенной модернизации, происходившей в результате смены подведомственности регионального хозяйства и его вхождения в общегосударственную хозяйственную систему. В исследовании применяются историко-генетический и историко-системный методы. Благодаря историко-генетическому методу процесс раздела Алтайского округа исследуется в развитии. С помощью историко-системного метода округ одновременно рассматривается и как часть государственной хозяйственной системы, и как самостоятельный хозяйственно-территориальный комплекс, оценивается влияние смены центральной и региональной власти на процесс раздела округа. Исследование регионального опыта экономической модернизации в период социальных катаклизмов дает возможность оценить методы административных преобразований центральной власти, что особенно актуально для современной России, стоящей на пути интеграции новых регионов в общегосударственную систему.

Результаты

Начиная с 1917 г. территория Алтайского округа относилась сразу к трем административным образованиям: Алтайской и Томской губерниям, а также к Семипалатинской области (с мая 1918 г. – губернии). Разработка первых планов предстоящего раздела Алтайского округа относится к осени 1917 г. Согласно проекту Управления Алтайского округа (далее – УАО), из состава округа предстояло выделить четыре лесничества и один арендный район как тяготеющие к соседним управлениям земледелия и государственных имуществ. На оставшейся территории округа следовало образовать два новых самостоятельных управления земледелия и государственных имуществ:

Бийское (юго-восточная часть округа (11,4 млн дес.)) и Барнаульское (северо-западная часть округа (3,7 млн дес.)). К сожалению, никакие детали данного проекта, включая распределение административно-хозяйственных единиц между новообразованными управлениями, наименования лесничеств и района, подлежащих передаче, не сохранились³.

Летом 1917 г. производилась реорганизация другого бывшего кабинетского округа – Нерчинского. С 1 июля леса и земли Нерчинского горного округа были переданы в ведение министерства земледелия и был образован Нерчинский земельно-лесной округ, Нерчинский горный округ оставался в ведении министерства торговли и промышленности. В результате этого ликвидировался комплексный характер ведения хозяйства бывшего кабинетского округа. По проекту начальника Нерчинского горного округа К. Н. Тульчинского, подписанному 21 июля 1917 г., дореволюционное управление горным хозяйством Нерчинского округа следовало подвергнуть реорганизации. Его предстояло преобразовать в Забайкальское горное управление, сформированное из Нерчинского, Западно-Забайкальского и Восточно-Забайкальского горных округов [Мясников 2017: 268]. Предполагалась административно-территориальная реструктуризация управления бывшего императорского округа с существенным сокращением подведомственных пространств. Однако по замыслу алтайских чиновников раздел территории Алтайского округа предстоял между принципиально новыми равными административными субъектами, возникающими на базе бывших кабинетских структур, была необходима передача отдаленных частей округа в ведение соседних управлений. По проекту К. Н. Тульчинского границы Нерчинского округа следовало оставить без изменений, менялось его наименование и внутренняя структура управления в соответствии с нормами казенного ведения хозяйства, вся территория округа продолжала подчиняться единому центру. Как отмечает А. В. Мясников, реализация последнего проекта была отложена на будущее, планы так и не были реализованы [Мясников 2021: 69].

Вопрос о распределении лесничеств между Томской и Алтайской губерниями был поднят на заседании Томского губернского земельного комитета 9 октября 1917 г. Комитетом было постановлено «признать необходимым разделением лесничеств применительно

³ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 229. Оп. 1. Д. 33. Л. 6–6 об.

к уездам, а распределение всех лесных дач и оброчных земельных статей применительно к волостям»⁴. 6 ноября 1917 г. Томский губземком обратился к УАО с предложением подготовить заключение в отношении бывших кабинетских земель и лесов с учетом указанного постановления губземкома. По заключению заведующего Чертежной УАО от 5 января 1918 г. распределение лесничеств, а также кабинетских земельных и лесных дач было осуществлено на карте Алтайского округа после нанесения границ новых уездов. На основе данной карты Томским переселенческим управлением был составлен полный список дач Алтайского округа, подлежащих передаче Томской губернии. Как отмечал заведующий Чертежной, требуемое Томским губземкомом распределение лесных дач по волостям являлось невозможным по нескольким причинам. Во-первых, каждая дача окружена большим количеством волостей и отнесение дачи к какой-либо из них будет произвольным. Во-вторых, по закону о разделении Томской губернии лесные массивы не подлежали разделению по волостям⁵.

Переговоры о размежевании административно-хозяйственных единиц Алтайского округа были возобновлены весной 1918 г. В планы Алтайского губземкома входило административно-территориальное размежевание Алтайского округа между разделявшими его губерниями, границы бывшего округа следовало привести в соответствие с границами губерний. В марте Алтайская губернская земельная управа, основываясь на заключении Чертежной УАО, подготовила проект раздела лесничеств между двумя губерниями, в котором были выделены конкретные земельные и лесные дачи 6 пограничных лесничеств, которые предполагались к передаче (граница Томской и Алтайской губерний разделяла Караканское, Талицкое, Егорьевское, Аламбайское, Тогульское и Сузунское). Согласно отношению Томского губземкома от 4/5 марта 1918 г., распределение лесничеств не представляло существенных неудобств для лесного хозяйства, т. к. практически все лесные дачи оставались в какой-либо одной губернии. «Серьезные неудобства надзора и эксплуатации вносит этот раздел лишь в арендное хозяйство, но, принимая

во внимание близость его неизбежной ликвидации, это обстоятельство в настоящее время едва ли может служить достаточным мотивом возражений против раздела»⁶, – отмечал председатель Алтайской губернской земельной управы И. К. Петров.

Несмотря на то что администрация Алтайского округа неоднократно отмечала, что было далеко до решения вопроса административно-территориального разграничения и он находился «пока еще в стадии предварительных переговоров»⁷, хозяйственные учреждения Томской губернии предпринимали попытки ускорить данный процесс. Весной 1918 г. Новониколаевский совдеп попытался взять под контроль лесопильный завод бывшего Алтайского округа, но заведующий заводом отказался подчиниться его требованиям. В апреле Земельный отдел Новониколаевского совдепа обратился к Алтайскому губернскому отделу с просьбой о передаче Новониколаевского лесопильного завода и лесного склада бывшего Алтайского округа. В планах совдепа было возобновление деятельности предприятия, однако вскоре был получен категорический отказ из Барнаула, в котором все предшествующие действия совдепа были подвергнуты осуждению. Мотивирован отказ от передачи был тем, что «завод и склад не могут существовать без лесных материалов Алтайского округа»⁸.

С 1 апреля 1918 г. по постановлению Отдела по управлению имуществом республики Алтайского губсовдепа в ведение Томского губисполкома были переданы лесничества и арендные районы, входившие в пределы Томской губернии. Следует отметить, что фактическое переподчинение административно-хозяйственных единиц началось несколько месяцев ранее⁹. С постановлением Отдела были официально начаты предварительные мероприятия по подготовке документальных материалов на передаваемые административно-хозяйственные единицы¹⁰. Однако к лету эта работа осталась незавершенной.

После падения советской власти по решению Временного Сибирского правительства территория Алтайского округа в полном объеме временно

⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4778. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 12–12 об.

⁶ Там же. Л. 17 об.

⁷ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 540. Л. 143.

⁸ ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 60. Л. 27–28 об.

⁹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 558. Л. 206..

¹⁰ ГААК. Ф. 50. Оп. 20. Д. 21. Л. 64–64 об.; ГААК. Ф. 50. Оп. 20. Д. 19. Л. 15 об.; ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 89. Л. 283.

была оставлена в ведении Алтайского УЗиГИ. Все ранее переданные административно-хозяйственные единицы остались в ведении Алтайского УЗиГИ «до разрешения вопроса в законодательном порядке»¹¹. 20 июня 1918 г. начальник Томского УЗиГИ посетил Омск и получил личное распоряжение управляющего министерством земледелия и колонизации Н. И. Петрова о необходимости разработки проекта передачи государственных имуществ Алтайского округа, находившихся на территории Томской губернии, в ведение Томского УЗиГИ. Лесничества и арендные районы, тяготеющие «по своим хозяйственным и естественно-историческим условиям к центрам, находящимся вне границ Алтайского округа»¹², должны были быть переданы в ведение соседних управлений земледелия и государственных имуществ. Инициативу управляющего министерством поддержали томский отдел Всероссийского союза лесоводов, Томская губернская земельная и земская управы. По предложению Томского УЗиГИ на 25 июля 1918 г. была созвана особая комиссия с участием чиновников Алтайского округа для выработки законопроекта о передаче государственных имуществ¹³.

Томское совещание по вопросу раздела Алтайского округа проходило с 25 по 29 июля 1918 г. Во время его работы алтайские чиновники отстаивали идею раздела округа с учетом «естественного, экономического тяготения и географических условий каждого спорного района»¹⁴. Томичи, в свою очередь, придерживались административно-территориального принципа раздела по существующим границам губерний. По решению совещания передаче Томскому УЗиГИ подлежали четыре северных лесничества и два арендных района Алтайского округа. Представители Алтайского УЗиГИ выступали категорически против передачи Ново-Николаевского лесничества, но в ходе общего голосования они оказались в меньшинстве. На наш взгляд, нежелание передачи данной административно-хозяйственной единицы связано не столько с нарушением принципа

естественно-экономического тяготения, сколько с попыткой сохранения за Алтайским УЗиГИ расположенных в лесничестве лесопильного завода, склада и других производственных фондов, которые могли быть использованы для коммерческих лесных операций. Также на совещании был поднят вопрос о передаче лесничеств Кузнецкого уезда, однако он был отложен на будущее до завершения реорганизации управления Алтайским округом (выделения Горной части) и окончательного установления губернских и уездных границ.

Передача административно-хозяйственных единиц Алтайского округа началась осенью 1918 г. Передаче подлежал весь штат административно-хозяйственных единиц, делопроизводство. В соответствии с приказами Министерства земледелия и колонизации от 5 сентября и 25 октября 1918 г. в Томское УЗиГИ было передано 4 северных лесничества и 2 арендных района общей площадью 581054 дес. Этими же приказами Томское УЗиГИ передавало в ведение Алтайского УЗиГИ Ирменское, Шарапское и Усть-Чемское отборки, оброчные статьи Андреевской волости Юдинского лесничества. В ведении Алтайского УЗиГИ оставались земли с выходом месторождений камня, охры и других горных пород в составе Сузунского лесничества¹⁵. Следует отметить, что в дальнейшем планировалась передача всех лесничеств Алтайского УЗиГИ, расположенных в Томской губернии, исходя «из соображений удобств сношений»¹⁶. Приказом Министерства земледелия от 18 ноября 1918 г. округ лишился еще 895156 дес. – в Енисейское УЗиГИ было причислено Абаканское лесничество, находившееся на востоке округа. После образования Семипалатинского управления земледелия и государственных имуществ постановлением Совета министров от 28 ноября 1918 г. в его ведение было передано 11 южных лесничеств и арендный район Алтайского округа. Полный список переданных административно-хозяйственных единиц представлен в таблице¹⁷.

¹¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 558. Л. 209.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1175. Л. 2 об.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 245. Л. 24–24 об.

¹⁴ Совещание в Томске алтайских и томских представителей управлений земледелия по вопросу о разделе Алтайского округа. *Народная свобода*. 17.08.1918. С. 3.

¹⁵ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5573. Л. 243.

¹⁶ ГААК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 22. Л. 74, 84, 93.

¹⁷ Сост. по: ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1175. Л. 2 об.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1202. Л. 8; Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 240. Оп. 1. Д. 887. Л. 31; ГААК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 26а. Л. 7–8, 22, 41–42; ГААК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 17. Л. 29; ГААК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 26. Л. 19–19 об.; ГААК. Ф. 50. Оп. 20. Д. 20. Л. 37, 39.

Табл. Хозяйственно-территориальное размежевание Алтайского округа в 1918–1919 гг.

Tab. Economic and territorial division of the Altai REGION in 1918–1919

Учреждение, которому осуществлена передача	Дата передачи	Переданные административно-хозяйственные единицы			Общая площадь, дес.
		Общее количество	Наименование	Площадь, дес.	
Томское УЗиГИ	с 1 октября 1918 г.	6	Калтайское лесничество	125738	470859 ¹⁸
			Таежное лесничество	63194	
			Нижне-Обское лесничество	155837	
			Ново-Николаевское лесничество	55316 ¹⁹	
			Суминский арендный район	23471	
			Лянинский арендный район	47303	
Енисейское УЗиГИ	с 1 января 1919 г. ²⁰	1	Абаканское лесничество	895156	895156
Семипалатинское УЗиГИ	с 1 июня 1919 г.	10	Шульбинское лесничество	135664	3548543 ²¹
			Тополинское лесничество	115917	
			Локтевское лесничество	194742	
			Гатское лесничество	123626	
			Соляно-Озерное лесничество	133524	
			Ключевское лесничество	205018	
			Убинское лесничество	393318	
			Риддерское (Ульбинское) лесничество	391175	
			Зыряновское лесничество	437572	
			Верхне-Бухтарминский арендный район	1167435	
	с 1 ноября 1919 г.	2	Коростелевское лесничество	153024	
Солоновское лесничество			97528		
Всего передано из ведения Алтайского УЗиГИ		19	–	–	4914558

В итоге в ведении Алтайского УЗиГИ остались 41 лесничество и 1 арендный район, площадь которых, по сведениям Министерства земледелия, составила 13329778 дес.²² Как отмечает М. О. Тяпкин, «всего у бывшего Алтайского округа было "изъято" более 3,5 млн дес. земельно-лесных угодий» [Тяпкин 2019: 249]. Исследователь, вероятно,

в подсчетах опирался на приказы Министерства земледелия либо на доклад министра Н. И. Петрова о преобразовании Алтайского УЗиГИ Совету министров от 30 апреля 1919 г. Однако произведенные нами подсчеты на основе низовой делопроизводительной документации позволяют утверждать, что территория Алтайского управления была

¹⁸ По данным Министерства земледелия – 581054 дес. (ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1175. Л. 2 об.).

¹⁹ В приказе начальника Алтайского УЗиГИ от 24 сентября 1918 г. допущена ошибка и площадь Ново-Николаевского лесничества указана в 95511 дес.

²⁰ Дата передачи не определена в приказе по Министерству земледелия от 18 ноября 1918 г., передача была осуществлена не позднее марта 1919 г., дата указана условно (ГААК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 15. Л. 1 об.).

²¹ По данным Министерства земледелия – 2046000 дес. (ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1175. Л. 2 об.).

²² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1175. Л. 2 об.

уменьшена еще на 1,4 млн дес. (табл.). Таким образом, к концу 1919 г. территория бывшего Алтайского округа была сокращена почти на треть (рис.).

Передача лесничеств и арендных районов Томскому УЗиГИ была назначена на 1 октября 1918 г., поэтому осенью административные преобразования затронули и данное учреждение. В октябре был увеличен штат Томского УЗиГИ, в декабре учрежден новый, седьмой ревизорский район²³. С октября рапорты, протоколы и другая документация, получаемая Алтайским УЗиГИ от лесничеств, передаваемых Томскому УЗиГИ, перенаправлялась в Томск²⁴.

К началу октября Чертежной Алтайского УЗиГИ были подготовлены 161 план и 6 инвентарей передаваемых административно-хозяйственных единиц²⁵. В Томск производилась высылка документов о личном составе передаваемых административно-хозяйственных единиц, различные сметные и отчетные материалы Алтайского УЗиГИ, планы и описи имущества, лесохозяйственные планы и другие документы. На местах производилась приемка делопроизводства и имущества лесничеств и арендных районов. В свою очередь Томским УЗиГИ осуществлялась рассылка табелей срочных донесений, циркуляров, инструкций и других

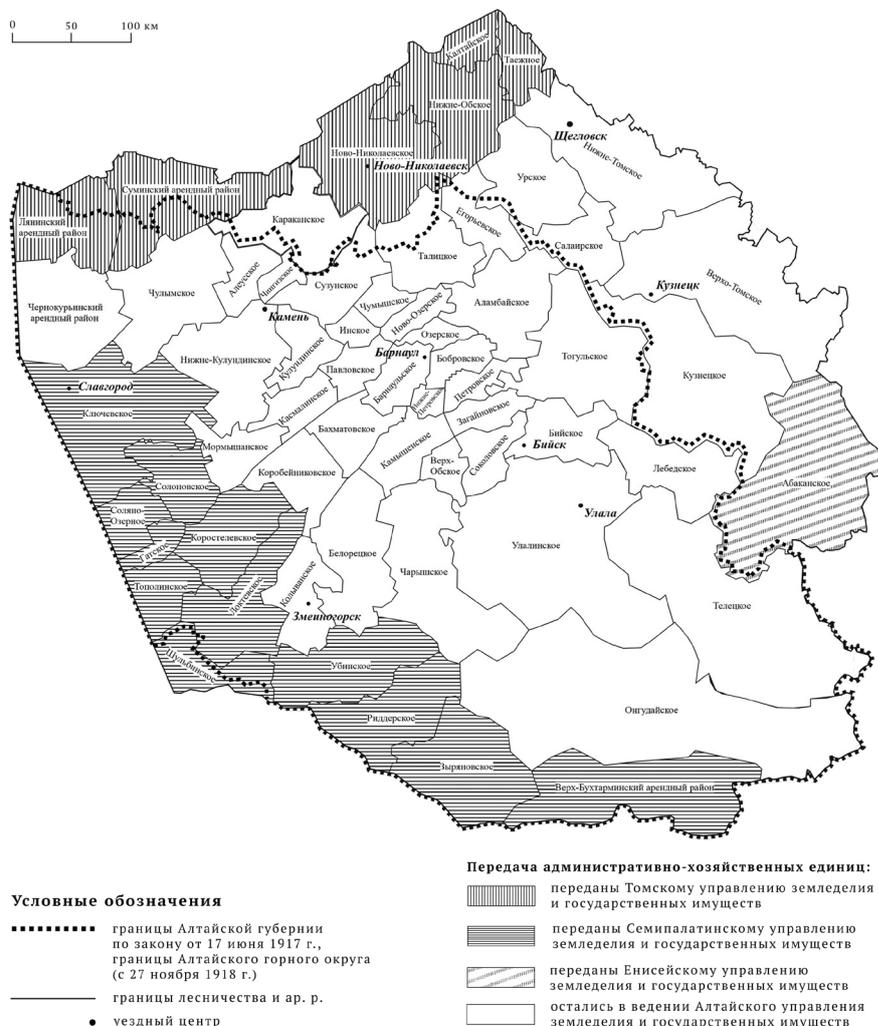

Рис. Административно-территориальный раздел бывшего Алтайского округа в 1918–1919 гг.
Fig. Administrative and territorial division of the former Altai Region in 1918–1919

²³ Действия и распоряжения правительства. *Правительственный вестник*. 16.01.1919. С. 1.

²⁴ ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 199. Л. 82.

²⁵ ГААК. Ф. 50. Оп. 20. Д. 20. Л. 39–44.

документов в новые административно-хозяйственные единицы²⁶. Впрочем, лесной ревизор Томской губернии Н. Будберг в рапорте начальнику Томского УЗиГИ от 10 декабря 1918 г. отмечал, что бывшие алтайские лесничие были не знакомы с принятыми в Томском УЗиГИ формами ведения хозяйства и отчетности и продолжали руководствоваться правилами и инструкцией по лесной части Алтайского округа²⁷. Окончательно включить переданные лесничества в работу Томского УЗиГИ удалось только в 1919 г.

Образование Семипалатинского УЗиГИ было задумано еще до революции. Акмолинско-Семипалатинское УЗиГИ с центром в Омске заведовало казенными лесами на территории в 100 млн дес. В докладе управляющего Министерством земледелия и колонизации перед Советом министров было отмечено, что «оторванность лесов Семипалатинской области от Омска, как центра лесохозяйственной жизни, ощущалась давно и вредно отражалась на развитии в них лесного хозяйства»²⁸. К тому же к Семипалатинску как центру тяготел ряд территорий Семипалатинской области и юга Алтайской губернии. Располагавшиеся там лесничества характеризовались «сходностью как экономических, так и естественно-исторических условий»²⁹. Кроме того, выделение нового управления земледелия и государственных имуществ было обусловлено необходимостью интенсивного развития лесохозяйственной и лесозаготовительной деятельности в интересах Российского правительства: в условиях отсутствия минерального топлива работа железных дорог и пароходства обеспечивалась лесными материалами.

Постановлением Совета министров от 28 ноября 1918 г. с 1 января 1919 г. было образовано Семипалатинское УЗиГИ. В него вошли 14 лесничеств Семипалатинской области и 11 лесничеств и 1 арендный район Алтайской губернии³⁰. В соответствии с приказами начальника Алтайского УЗиГИ от 25 марта и 31 мая 1919 г. подготовка к передаче административно-хозяйственных единиц округа началась 1 апреля, а фактическая передача осуществлялась с 1 июня. В целом порядок передачи

лесничеств в ведение Семипалатинского УЗиГИ происходил по тому же сценарию, как ранее – Томского. Первоначально Алтайское УЗиГИ отказалось передать Коростелевское и Солоновское лесничества и возбудило соответствующее ходатайство перед Министерством земледелия³¹. Тем не менее к осени вопрос спорных лесничеств решился. По распоряжению Лесного департамента от 13 октября 1919 г. и приказу начальника Алтайского УЗиГИ от 23 октября 1919 г. Солоновское и Коростелевское лесничества были переданы в ведение Семипалатинского управления. Кроме того, в январе 1919 г. комиссия, состоявшая из чиновников Алтайского УЗиГИ, выдвигала идею передать Семипалатинскому управлению Чернокурьянский арендный район с включением в него оброчных статей Чулымского лесничества. Причины передачи были названы следующие: «Во-первых, в целях спрямления границы по смежеству Алтайского управления с Семипалатинским, во-вторых, эта граница будет совпадать тогда с границей уезда»³². Однако район остался в составе Алтайского УЗиГИ.

На территории передаваемых лесничеств располагалось имущество Алтайского УЗиГИ, не подлежащее передаче. В соответствии с приказом начальника Алтайского УЗиГИ от 24 сентября 1918 г. в Новониколаевском лесничестве в ведении Управления оставалась оброчная статья со всеми постройками, используемыми для хозяйственных заготовок. Не подлежали передаче лесоматериалы, заготовленные в лесничествах, а также хранящиеся на Новониколаевском лесном складе, временно в ведении Алтайского УЗиГИ оставался личный состав упомянутого склада. Имущество склада начальник Алтайского УЗиГИ Л. Л. Маслов планировал перевезти в Барнаул для нужд лесопильного завода³³. То же касалось и имущества Новониколаевского лесопильного завода: Томскому УЗиГИ было передано все имущество «за исключением необходимого для нужд Алтайского управления»³⁴. В Нижне-Обском лесничестве располагались караульные избышки и бараки, принадлежавшие Коммерческой организации Алтайского

²⁶ ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 887. Л. 7.

²⁷ Там же. Л. 29.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1202. Л. 7.

²⁹ Там же.

³⁰ Действия и распоряжения правительства. *Правительственный вестник*. 16.01.1919. С. 1.

³¹ ГААК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 26а. Л. 41.

³² ГААК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 15. Л. 2 об.

³³ ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 887. Л. 32.

³⁴ Передача лесопильного завода. *Правительственный вестник*. 21.11.1918. С. 4.

округа и также использовавшиеся для хозяйственной лесозаготовки. Однако вместо передачи Томскому управлению Алтайское планировало продать их на торгах³⁵. После передачи лесничества в ведение нового управления земледелия и государственных имуществ лесничество уже не могло приступить к хозяйственной лесозаготовке, используя имевшиеся в нем средства производства. Уже весной 1919 г. нижеобский лесничий констатировал, что в хозяйственную операцию 1918–1919 г. в лесничестве будет заготовлено «ничтожное количество» лесоматериалов³⁶. Также Томскому УЗиГИ не был передан весь наличный состав работников административно-хозяйственных единиц бывшего Алтайского округа³⁷.

Несмотря на произошедшее хозяйственно-территориальное размежевание, границы Алтайского и Томского УЗиГИ не совпадали с границами губерний. Значительная часть территории Томской губернии продолжала оставаться в ведении Алтайского УЗиГИ (Щегловский и Кузнецкий уезды, часть Ново-Николаевского уезда – Караканское лесничество). При этом Алтайское УЗиГИ занималось распределением земель для аренды в подведомственных лесничествах Томской губернии совместно с Земельным отделом Томской губернской земской управы³⁸. Неудобство сложившегося положения неоднократно отмечал заведующий земельным отделом томской губернской земской управы Н. Л. Пиглевский³⁹. Неслучайно начальник Алтайского УЗиГИ имел место с правом решающего голоса не только в Алтайском, но и в Томском губернском по земельным делам совете.

Существенной проблемой на пути территориального размежевания Алтайского округа стало разрушение традиционных хозяйственных связей, сложившихся внутри хозяйственно-территориального комплекса. Хозяйственная заготовка в наиболее лесистых районах округа обеспечивала потребности населения в безлесных районах, что осознавалось руководством округа и служило тормозом в деле административно-территориального размежевания. В период временного установления советской власти

в постановлении Алтайского губернского съезда земельных комитетов от 30 (17) марта 1918 г. было отмечено, что леса Салаирской черни Кузнецкого уезда Томской губернии должны удовлетворять лесным материалом Барнаульский и Бийский уезды, как это было до выделения Алтайской губернии⁴⁰. Согласно справочному «Положению лесного хозяйства в Алтайском округе» от 12 февраля 1919 г., потребности Алтайской губернии составляли 225750 таксовых сажень (хвойный строевой лес для местного населения, городов, железных дорог и частных предприятий), однако по состоянию насаждения дач и согласно лесотопускным сметам Алтайское УЗиГИ было в состоянии удовлетворить только 74,6 % от местных запросов⁴¹. Причем если население Славгородского уезда и степной части Змеиногорского уезда было практически не обеспечено лесоматериалами (сельское население там недополучало более 15,5 тыс. таксовых сажень), то в Кузнецком и Щегловском уездах предложение превышало спрос в несколько раз. Тесные экономические связи Щегловского и Кузнецкого уездов с Бийском и Барнаулом стали причиной того, что Алтайское УЗиГИ выступало категорически против дальнейшего «разделения Управления по административно-территориальному принципу» с передачей Томску лесничеств Кузнецкого и Щегловского уездов⁴².

Еще одним тормозом на пути дальнейшей передачи административно-хозяйственных единиц и размежевания Алтайского УЗиГИ по административно-территориальному принципу было незавершенное пограничное разделение Алтайской и Томской губерний. Новая губернская граница не устраивала ряд волостей вдоль нее. Волости, расположенные в южной части Ново-Николаевского уезда, неоднократно заявляли о тяготении к Барнаульскому уезду. В качестве одной из причин они называли несправедливое распределение лесов между Томской и Алтайской губерниями, в результате которого волости были лишены лесного фонда, которым пользовались несколько поколений жителей⁴³.

³⁵ ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 887. Л. 2.

³⁶ ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 899. Л. 21.

³⁷ ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 887. Л. 30 об.

³⁸ ГААК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 22. Л. 69.

³⁹ ГААК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 28. Л. 3–3 об.

⁴⁰ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4771. Л. 47 об.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 436. Л. 13 об.–14.

⁴² ГААК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 22. Л. 83–84.

⁴³ Тяготение к Барнаульскому уезду. *Новый алтайский луч*. 22.12.1918. С. 2.

Многие пограничные территории оставались в подвешенном состоянии, отличались их фактическая и юридическая административная принадлежность. В этой связи примечателен случай 8 волостей Кузнецкого уезда, которые с осени 1917 г. фактически входили в состав Бийского уезда⁴⁴. С начала 1918 г. Бийское уездное земство вело за свой счет все расходы по содержанию земского хозяйства в данных волостях. В свою очередь, в течение 1918–1919 гг. волости платили земские сборы в счет Алтайского губернского и Бийского уездного земства, но поступали эти деньги на счет томских учреждений. Причиной этому стало отсутствие официальных законодательных постановлений о причислении волостей к Бийскому уезду. Поднят и окончательно решен указанный вопрос был только в октябре 1919 г. Иной раз у Алтайского УЗиГИ не было точных сведений ни о наименовании, ни о местоположении, ни о границах подведомственных волостей⁴⁵. Пограничное разделение губерний и административно-территориальное размежевание Алтайского УЗиГИ представляли собой взаимообусловленный процесс. Окончательный раздел губерний и установление административных границ были возможны только с разграничением казенных земельно-лесных дач и установлением границ волостей.

Смена подведомственности административно-хозяйственных единиц также затрагивала интересы Переселенческого ведомства. Несмотря на передачу южной части Змеиногорского уезда Семипалатинскому УЗиГИ, территория оставалась в ведении Алтайского переселенческого района, что создавало дополнительные трудности в ходе производимых работ.

Осложняли процесс административно-территориального раздела бывшего округа реалии Гражданской войны. Юг Западной Сибири стал одним из крупнейших центров партизанского движения на востоке России. Летом 1919 г. в Алтайском округе развернулась полномасштабная Гражданская война. Наряду с партизанами, систематически нападавшими на государственные учреждения, в регионе действовали многочисленные

шайки бандитов. Повсеместно происходили ограбления канцелярий лесничеств, соляных промыслов и золотых приисков, многочисленные убийства служащих Алтайского УЗиГИ, уничтожение документации административно-хозяйственных единиц⁴⁶. При этом, несмотря на нападения партизанских отрядов на правительственные учреждения и их работников, в августе 1919 г. продолжалась выемка самовольно нарубленного леса у населения, для чего создавались специализированные учетно-лесные комиссии⁴⁷. Для защиты служащих и имущества Алтайское УЗиГИ ходатайствовало перед Лесным департаментом о дополнительном вооружении чинов лесного ведомства⁴⁸. Тем не менее в результате многократных грабежей канцелярий, смен власти в регионе, изъятия касс и делопроизводства со стороны новообразованных органов власти и различных энтузиастов из числа представителей революционной демократии на протяжении 1917–1919 гг. значительная часть учреждений оставалась неподготовленной к последующей передаче.

Административно-территориальный раздел затронул и горное хозяйство Алтайского округа. До начала XX в. горная промышленность Алтая входила в состав Томского горного округа, однако в 1903 г. Томский горный округ был разделен на два: Томский и Алтайский. Алтайский горный округ был образован из земель Алтайского округа Томской губернии. Таким образом, границы горного и земельно-лесного хозяйства Кабинета е.и.в. на Алтае совпали. После выделения Алтайской губернии из состава Томской в июне 1917 г. горное хозяйство, как и земельно-лесное, столкнулось с проблемой несоответствия бывших ведомственных и новых административных границ. Тем не менее вопрос об изменении границ округов был впервые поднят только в марте 1918 г. в период временного установления советской власти в Томской и Алтайской губерниях. 29 марта 1918 г. Томское горное управление обратилось в Высший совет народного хозяйства с просьбой об изменении границ Алтайского и Томского горных округов в соответствии с административными границами губерний⁴⁹. Тогда же окружным инженером Алтайского горного округа была

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 452. Л. 1–2 об.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 302. Л. 2–4 об.

⁴⁵ ГААК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 25. Л. 49.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 368. Л. 1–4; ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 436. Л. 17; ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 16. Л. 17, 21, 28, 37, 58–58 об.; ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 571. Л. 544, 572; ГААК. Ф. 160. Оп. 5. Д. 140. Л. 295.

⁴⁷ ГААК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 26а. Л. 53.

⁴⁸ Алтайские губернские ведомости. 13.09.1919. С. 4.

⁴⁹ ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 571. Л. 143–143 об.

начата подготовка к передаче делопроизводства всех горнопромышленных и золотопромышленных предприятий, находившихся на землях бывшего Алтайского округа в пределах Томской губернии. Согласно приказу по горному ведомству № 5 от 23 мая 1918 г. предложение Томского горного управления было удовлетворено, и границами горных округов были объявлены границы губерний⁵⁰. Однако в это же время, в конце мая 1918 г., советская власть в Сибири пала, а само Томское горное управление было осведомлено о решении центральной власти только в конце июля 1918 г.

После падения советской власти по решению Временного Сибирского правительства все предшествующие административные преобразования советской власти были отменены. Так как проблема осталась нерешенной, то летом Томское горное управление обратилось с той же просьбой к уже новой власти в Томский губернский комиссариат, а тот – в Министерство торговли и промышленности⁵¹. Однако по прошествии трех месяцев ответа на запрос не последовало. Вопрос был решен только в конце ноября. По постановлению министра торговли и промышленности Всероссийского правительства от 27 ноября 1918 г. в ответ на очередное донесение Томского горного управления от 19 ноября 1918 г. границы Томского и Алтайского горных округов были приведены в соответствие с административными границами губерний, утвержденными 17 июня 1917 г.⁵² Тем не менее в течение 1919 г. границы Алтайского горного округа фактически так и не были изменены, сокращение подведомственного пространства произошло исключительно на бумаге.

Алтайский горный округ как одна из главных баз минерального топлива, источник золота и других полезных ископаемых имел стратегическое значение как для советской власти, так и антибольшевистских сил. Сохранение единства территории Алтайского горного округа следует связывать с издержками работы административного аппарата в годы Гражданской войны, невозможностью перераспределения властных полномочий в регионе в условиях регулярных боестолкновений с партизанскими отрядами, а также с опасностью нарушить текущий ход работы тех хозяйственных учреждений, которые были слабо затронуты разрушительной революционной стихией.

Заключение

Распад алтайского хозяйственно-территориального комплекса был завершён к концу 1919 г. Административно-территориальное размежевание затронуло как земельно-лесное, так и горное хозяйство бывшего Алтайского округа, и следовательно, был окончательно ликвидирован комплексный характер хозяйственной деятельности, присущий кабинетской экономической модели. Если границы Алтайского горного округа были формально приведены в соответствие с границами Алтайской губернии, то границы Алтайского УЗиГИ продолжили включать в свой состав часть Томской губернии.

Несмотря на неоднократную смену власти в регионе, в целом процесс распада алтайского хозяйственно-территориального комплекса характеризуется общей преемственностью курса на сокращение подведомственного пространства, стремлением к сближению хозяйственных и административных границ губерний. Потребность в сокращении территории Алтайского округа ощущалась как центральной, так и региональной властью, однако процесс территориального размежевания бывшего кабинетского округа растянулся почти на три года. Одной из главных причин длительности процесса стала смена власти: новое правительство отказывалось признавать административные преобразования своих предшественников, и в итоге начатые мероприятия сворачивались, а по прошествии времени прерванная ранее работа возобновлялась без существенных изменений. Еще одной проблемой стали издержки работы административного аппарата центрального правительства, в должной мере не осведомленного о реальной ситуации на местах. Основным импульсом преобразовательной деятельности на протяжении всего периода революции и Гражданской войны оставалась местная инициатива. В реалиях братоубийственной войны вопросы административно-хозяйственных границ становились второстепенными для центральных ведомств.

После окончательного установления советской власти перераспределение административно-хозяйственных единиц бывшего Алтайского округа продолжилось. Хозяйственные границы требовалось привести в соответствие с измененными в начале 1920-х гг. границами губерний.

⁵⁰ Там же. Л. 387.

⁵¹ Там же. Л. 249–249 об., 251, 399.

⁵² ГАТО. Ф. 428. Оп. 1. Д. 3229. Л. 14–14 об.; ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 571. Л. 459–459 об.; ГААК. Ф. 160. Оп. 5. Д. 115. Л. 3–3 об.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Андреев Н. А. Районирование Томской губернии (1917–1925 гг.). *Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска)*, науч. ред. В. П. Зиновьев, С. Ф. Фоминых, Э. И. Черняк. Томск: ТГУ, 2005. С. 57–61. [Andreev N. A. Zoning the Tomsk province in 1917–1925. *The fate of the regional center in Russia: 400th anniversary of Tomsk*, eds. Zinoviev V. P., Fominykh S. F., Chernyak E. I. Tomsk: TSU, 57–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/trxokb>
- Бородаев В. Б., Контев А. В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века). Барнаул: Азбука, 2007. 216 с. [Borodaev V. B., Kontev A. V. *Historical Atlas of the Altai Krai: Cartographic materials on the history of the Upper Ob and Irtysh areas from antiquity to the early XXI century*. Barnaul: Azbuka, 2007, 216. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpftxv>
- Гергилев Д. Н. Административно-территориальное деление России как фактор сохранения государственности (на примере Сибири в 1917–1923 гг.). *Общество: философия, история, культура*. 2017. № 9. С. 53–56. [Gergilev D. N. Administrative and territorial structure of Russia as a factor of statehood preservation (a case study of Siberia in 1917–1923). *Society: Philosophy, History, Culture*, 2017, (9): 53–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zfmljh>
- Головченко Н. П. Из исторической хроники территории региона (административно-территориальное деление Алатырского уезда). *Мордва в Чувашии: история и современность*: межрегион. науч.-практ. конф. (с. Полорецкое, 3 декабря 2021 г.) Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 127–136. [Golovchenko N. P. From the historical chronicle of the territory of the region (administrative-territorial division of Alatyrsky district). *Mordva in Chuvashia: History and modernity*: Proc. Interregional Sci.-Prac. Conf., Poloretskoe, 3 Dec 2021. Cheboksary: ChSIH, 2022. 127–136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ghedca>
- Жидких А. А. Краткий обзор видов территориального устройства Алтайского края. *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2010. № 5. С. 82–91. [Zhidkikh A. A. Brief overview of the types of territorial organization of Altai Krai. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2010, (5): 82–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mbmfef>
- Казарин В. Н. Административно-территориальные преобразования в период «Сибревкомовской Сибири». *Иркутский историко-экономический ежегодник*, отв. ред. Г. А. Цыкунов. Иркутск: ИГЭА, 2013. С. 67–78. [Kazarin V. N. The administrative-territorial reorganization during the "Sibrevkom (Siberian revolutionary committee Siberia) period". *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*, ed. Tsykunov G. A. Irkutsk: ISEA, 2013, 67–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raojqd>
- Калашников А. А. «Осколки» округа: создание Алтайской губернии и проблемы административной и хозяйственной подчиненности лесничеств Алтайского округа в 1917–1918 гг. *Вопросы истории Сибири*: Третья Междунар. науч. конф. (Омск, 26–28 октября 2019 г.) Омск: ОмГПУ, 2019. Вып. 16. С. 83–89. [Kalashnikov A. A. "Fragments" of the district: The creation of the Altai gubernia and the problems of the administrative and economic subordination of the forest districts of the Altai district in 1917–1918. *Issues of Siberian history*: Proc. Third Intern. Sci. Conf., Omsk, 26–28 Oct 2019. Omsk: OmSPU, 2019, 83–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/epxahx>
- Кокшаров В. А., Тиханова Е. В. Юго-восточная граница России: исторический путь к согласию. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2012. 259 с. [Koksharov V. A., Tikhanova E. V. *Russia's south-eastern border: The historical path to consent*. Ekaterinburg: Ural University, 2012, 259. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tnehzl>
- Корженевский К. Б. Территориальное разграничение между Алтайской, Омской и Семипалатинской губерниями в 1925 году. *Научный диалог*. 2021. № 5. С. 371–383. [Korzhenevskiy K. B. Territorial delimitation between Altai, Omsk and Semipalatinsk provinces in 1925. *Nauchnyi Dialog*, 2021, (5): 371–383. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-371-383>
- Корженевский К. Б. Формирование административно-территориальной системы РСФСР в первой половине 1920-х гг. (на примере районирования западносибирских губерний). *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 439. С. 142–146. [Korzhenevskiy K. B. Formation of the administrative and territorial

- system of the RSFSR in the first half of the 1920s (On the example of zoning of the West Siberian provinces). *Tomsk State University Journal*, 2019, (439): 142–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/439/18>
- Лобанов В. Б. Административно-территориальное деление Терека и Дагестана в период революции и гражданской войны, 1917–1920 гг. *Кавказология*. 2021. № 1. С. 67–80. [Lobanov V. B. Administrative-territorial division of the Terek region and Dagestan during the revolution and Civil War, 1917–1920. *Caucasology*, 2021, (1): 67–80. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2021-1-67-80>
- Майдурова Н. А. Административные преобразования в Горном Алтае (июнь 1918 – июнь 1922). *Исторический вестник*, ред. Т. С. Пустогачева. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010а. Вып. 4. С. 57–62. [Maidurova N. A. Administrative transformations in the Altai Mountains in June 1918 – June 1922. *Historical Bulletin*, ed. Pustogacheva T. S. Gorno-Altaysk: GASU, 2010a, iss. 4, 57–62. (In Russ.)]
- Майдурова Н. А. Из истории административных преобразований на территории Горного Алтая в первой четверти XX в. *Этносоциальные проблемы регионов Сибири*, отв. ред. О. А. Гончарова. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010б. Вып. 15. С. 61–63. [Maydurova N. A. From the history of administrative transformations on the territory of the Altai Mountains in the first quarter of the XX century. *Ethnosocial Issues of Siberian Regions*, ed. Goncharova O. A. Gorno-Altaysk: GASU, 2010b, 61–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwthid>
- Мишина Н. В., Ермошин В. В. Административно-территориальное деление юга Дальнего Востока России в досоветский период (1855–1922 гг.): историко-географический аспект. *Тихоокеанская география*. 2021. № 1. С. 49–62. [Mishina N. V., Ermoshin V. V. Administrative-territorial division of the South of the Russian Far East in the pre-Soviet period (1855–1922): Historico-geographical aspect. *Pacific Geography*, 2021, (1): 49–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35735/tig.2021.5.1.005>
- Мясников А. В. Деятельность начальника Нерчинского округа К. Н. Тульчинского по реорганизации горной промышленности Забайкалья в 1917 г. *Тармахановские чтения: Российская революция 1917 г.: Всерос. науч. конф.* (Улан-Удэ, 24–25 октября 2017 г.) Улан-Удэ: БГУ, 2017. С. 263–270. [Myasnikov A. V. Activity by of the head of the Nerchinsk district K. N. Tulchinsky for the reorganization of mining industry of Transbaikalia in 1917. *Tarmakhanov Readings: The Russian Revolution of 1917: Proc. All-Russian Sci. Conf.*, Ulan-Ude, 24–25 Oct 2017. Ulan-Ude: BSU, 2017, 263–270. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xokrpu>
- Мясников А. В. К вопросу о судьбе Минерального кабинета Нерчинского горного округа. *Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: Междунар. науч.-прак. конф.* (Чита, 17 сентября 2021 г.) Чита: ЗабГУ, 2021. С. 68–71. [Myasnikov A. V. On the question of the fate of the Mineral cabinet of the Nerchinsk mining district. *Border region in historical development: Partnership and cooperation: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Chita, 17 Sep 2021. Chita: Tbsu, 2021, 68–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfjwuv>
- Разгон Н. И. Бухтарминский вопрос в территориальном размежевании Алтайской губернии и Семипалатинской области (1917–1921 гг.). *Актуальные вопросы истории Сибири: III научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина.* (Барнаул, 5–6 октября 2001 г.) Барнаул: АлтГУ, 2002. С. 457–464. [Razgon N. I. Bukhtarminsky issue in the territorial division of the Altai province and Semipalatinsk region (1917–1921). *Relevant issues of Siberian history: Third Sci. readings in memory of Prof. Borodavkin A. P.*, Barnaul, 5–6 Oct 2001. Barnaul: AltSU, 2002, 457–464. (In Russ.)]
- Разгон Н. И. К вопросу об образовании Алтайской губернии (1917–1919 гг.). *Краеведческие записки.* Барнаул: Алт. кн. изд-во, 2007. Вып. 7. С. 71–81. [Razgon N. I. Formation of the Altai province (1917–1919). *Local lore notes.* Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 2007, iss. 7, 71–81. (In Russ.)]
- Садыков Е. Б., Малышева М. П. Сибирь и Казахстан (Национально-территориально размежевание Сибири и Казахстана. 1919–1922 гг.). Семей: СГУ им. Шакарима; Алаштану, 2010. 390 с. [Sadykov E. B., Malysheva M. P. *Siberia and Kazakhstan: National-territorial division of Siberia and Kazakhstan in 1919–1922.* Semey: Shakarim SSU; Alashtana, 2010, 390. (In Russ.)]
- Соболева Т. Н. Административно-территориальное устройство Алтайского округа в 1856–1917 годах. *Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – начала XX веков: III регион. научн. конф.* (Новосибирск, 19–20 ноября 1998 г.) Новосибирск: ИИ СО РАН, 1998. С. 56–60. [Soboleva T. N. Administrative and territorial structure of the Altai District in 1856–1917. *Problems of the history of local government in Siberia in the late XVI – early XX centuries: Proc. III Regional Sci. Conf.*, Novosibirsk, 19–20 Nov 1998. Novosibirsk: II SB RAS, 1998, 56–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vktsfb>

- Соболева Т. Н. Управление Алтайского (горного) округа и Змеиногорского края в 1861–1917 гг. *Серебряный венец России. Очерки истории Змеиногорска*, ред. В. Б. Бородаев. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2003. С. 233–268. [Soboleva T. N. Administration of the Altai (mining) district and the Zmeinogorsk region in 1861–1917. *Silver Crown of Russia. Essays on the History of Zmeinogorsk*, ed. Borodaev V. B. Barnaul: Altaiskii poligraficheskii kombinat, 2003, 233–268. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uywvhs>
- Сулкевич С. И. Административно-политическое строение Союза ССР: (материалы о территориальных преобразованиях с 1917 по 1 июля 1925 г.). Л.: Гос. изд-во, 1926. XX+300 с. [Sulkevich S. I. *Administrative and political structure of the Union of Soviet Socialist Republics: materials on territorial transformations from 1917 to 1 July 1925*. Leningrad: Gos. izd-vo, 1926, XX+300. (In Russ.)]
- Тяпкин М. О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. 496 с. [Tyapkin M. O. *State forest protection policy in Western Siberia in the XVIII – early XX centuries*. Barnaul: Buys Russian Interior Ministry, 2019, 496. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvkptv>
- Шабельников В. И. Теоретические и практические аспекты советской политики административно-территориального деления и ее особенности в Донбассе (1917–1991 гг.). *Вестник ДонНУ. Сер. Б: Гуманитарные науки*. 2021. № 3. С. 76–87. [Shabelnikov V. I. Theoretical and practical aspects of the Soviet policy of administrative-territorial division and its features in Donbass (1917–1991). *Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities*, 2021, (3): 76–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vcslqn>
- Шабельников В. И. Эволюция административно-территориального устройства Донбасса в 1919–1938 гг. *Вестник ДонНУ. Сер. Б: Гуманитарные науки*. 2020. № 2. С. 56–64. [Shabelnikov V. I. The evolution of the administrative territorial structure of Donbass in 1919–1938. *Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities*, 2020, (2): 56–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zymzfp>
- Шиловский Д. М., Шиловский М. В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.). Новосибирск: НГУЭУ, 2018. 347 с. [Shilovskiy D. M., Shilovskiy M. V. *Administrative and territorial structure and administrative apparatus of Asian Russia in late XVI – early XXI century*. Novosibirsk: NSUEM, 2018, 347. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ycegqp>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/losugy>

«В камлания пустились даже дети-подростки»: шаманство в повседневности якутов 1920-х гг. (по материалам газеты «Автономная Якутия»)

Тихомиров Никита Вадимович

Российский государственный гуманитарный университет, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5925-9214

<https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>

tikhomirov_n@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме шаманства и его месту в повседневной жизни населения Якутии в 1920-е гг. Раскрывается информационный потенциал периодической печати как ценного источника для изучения региональной истории, в данном случае истории Якутии в первое послереволюционное десятилетие, чем определяется актуальность и новизна исследования. Цель – выявить особенности бытования шаманства на территории Якутской АССР в 1920-е гг. Впервые в практике изучения якутского шаманизма как социально-культурного феномена осуществлен комплексный анализ региональной прессы – публикаций газеты «Автономная Якутия». Работа построена на принципах историко-антропологической методологии, использован комплексный подход с применением системного, историко-сравнительного и контент-аналитического методов. Материалы периодической печати содержат сведения об особенностях поведения шаманов, отношении к ним населения, трудностях и успехах в борьбе с данным явлением. Письма, поступавшие в редакцию, отразили во множестве черты обыденности якутов, их отношение к традиционным верованиям и мероприятиям советской модернизации. При анализе газетных заметок представляют интерес как данные, предоставленные селькорами, так и письма медицинских работников, а также обращения самих шаманов с открытым обличением их прежнего ремесла. Результаты способствуют углублению научных представлений о природе якутского шаманства и особенностях его исторического развития, служат расширению источниковой базы в области региональной повседневности. Выводы могут быть использованы для дальнейшего исследования якутского шаманства в XX в. и методологического освоения региональной прессы как источника по истории повседневности.

Ключевые слова: газеты, история повседневности, периодическая печать, шаманизм, Якутия

Цитирование: Тихомиров Н. В. «В камлания пустились даже дети-подростки»: шаманство в повседневности якутов 1920-х гг. (по материалам газеты «Автономная Якутия»). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 404–414. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-404-414>

Поступила в редакцию 08.01.2024. Принята после рецензирования 02.02.2024. Принята в печать 05.02.2024.

full article

"Even Teenagers Practiced Shamanism": Routine of Shamanism in Yakutia in 1920s as Described in the Autonomous Yakutia Newspaper

Nikita V. Tikhomirov

Russian State University for the Humanities, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5925-9214

<https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>

tikhomirov_n@rambler.ru

Abstract: The article describes the social role of shamanism in Yakutia in the 1920s. The newspaper of Autonomous Yakutia served as the main source. The research is the first-of-its-kind attempt to study Yakut shamanism

as a socio-cultural phenomenon based on a comprehensive analysis of local mass media. The newspaper described the shamanic practices, people's attitude, and anti-shamanism measures. The editorial office received many letters from villagers and medical workers that described the everyday life of the Yakuts, as well as their attitude to traditions and Soviet modernization. Some letters came from former shamans themselves and contained a public denunciation of the craft. The research relied on the historical-anthropological methodology as an integrated approach that united systematic, historical-comparative, and content-analytical methods. The information potential of the periodical press proved to be a valuable source for regional historical studies, e.g., the history of Yakutia in the first decade after the Revolution of 1917. The results develop the scientific ideas about the nature of Yakut shamanism and its historical development, thus expanding the research source base in the field of regional everyday-life history. The obtained conclusions can be used for further research of Yakut shamanism in the XX century and regional mass media as a source on everyday history.

Keywords: newspapers, history of everyday life, periodicals, shamanism, Yakutia

Citation: Tikhomirov N. V. "Even Teenagers Practiced Shamanism": Routine of Shamanism in Yakutia in 1920s as Described in the Autonomous Yakutia Newspaper. *SibScript*, 2024, 26(3): 404–414. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-404-414>

Received 8 Jan 2024. Accepted after peer review 2 Feb 2024. Accepted for publication 5 Feb 2024.

Введение

Данная статья посвящена исследованию социально-культурных особенностей бытования шаманства в повседневной жизни обывателей Якутской АССР в первое послереволюционное десятилетие. Шаманство как явление традиционной культуры народов Сибири давно является объектом внимания исследователей – историков, этнографов, социологов и др. За минувшие полтора столетия ими создан обширный корпус литературы. Ранние труды в этой области принадлежат российским дореволюционным исследователям [Анучин 1914; Затопляев и др. 1890; Катанов 1889]. В советский период произошло существенное приращение знания о природе шаманства, его особенностях в разных регионах [Долотов 1930; Зеленин 1935; Из архива... 2018; Ксенофонтов 1992]. Названная проблематика получила развитие и в новейшей историографии. Заслуживают упоминания труды, раскрывающие особенности шаманской культуры в условиях советского культурного строительства [Васильева 2000; Ильяхов 1995].

В XX в. антропологический поворот в гуманитарных науках расширил перспективы познания прошлого. Значительные успехи достигнуты в области истории повседневности, которую современные авторы справедливо характеризуют как новую исследовательскую программу [Журавлев 2010]. За последние годы появилось много работ, посвященных истории российской, в частности советской, повседневности [Лебина 2018; Леонтьева 2022; Орлов 2010; Тихомиров 2023а; 2023б]. Антропологический подход активно

применяется в изучении жизни населения Якутской АССР [Брагина 2016; Винокурова 2019; Винокурова и др. 2023; Иванова 2015; Яковлев 2022].

Цель – выявить особенности бытования шаманства на территории Якутской АССР в 1920-е гг. Задачи: 1) на примере газеты «Автономная Якутия» показать потенциал советской периодической печати 1920-х гг. в исследовании региональной повседневности; 2) на основе газетных сообщений выявить особенности шаманской практики в Якутии в указанный период; 3) установить мотивы людей, занимавшихся данным ремеслом; 4) выяснить успехи и проблемы советских просветителей в борьбе с шаманством.

Методы и материалы

Источниковую базу исследования составили материалы публикаций газеты «Автономная Якутия» за 1920-е гг. В указанный период издание выступало органом революционного комитета Якутской АССР (1922) и Якутского ЦИК Советов и Якутского Обкома РКП (с 1923 г.). Периодика СССР сравнительно редко привлекается в качестве исторического источника. Тем не менее продолжается освоение ее эвристического потенциала [Дианова 2021; Кискидосова 2020; Тихомиров 2023а; 2023б]. Значительным информационным потенциалом обладает и указанное издание.

Сведениями о шаманстве редакцию снабжали преимущественно селькоры, освещавшие обстановку в улусах и наслегах. Любопытная информация изложена в письмах работников на местах и обращениях

самых шаманов (удаганов, ойунов). Авторы опирались на личный опыт и наблюдения, т. к. жили и работали там, где практиковали шаманы, видели последствия их деятельности. Заметкам в печати свойственна субъективность. Но нередко они содержат уникальные сведения, позволяющие точнее и глубже понять историческую действительность. Зачастую такая информация не находила отражения в официальной документации – Якутия 1920-х гг. оставалась крайне слабо охваченной государственным учетом и контролем. Наблюдатели подмечали факты обыденной жизни, по-своему показательные, раскрывающие сущность шаманства в его конкретных проявлениях. В этом газетные материалы обладают значительной репрезентативностью и заслуживают пристального внимания и дальнейшей методологической разработки.

Тема шаманизма на страницах «Автономной Якутии» раскрывается в критическом ключе как вредное, предосудительное занятие, дурное наследие времен культурной неразвитости якутов. Советские просвещенцы последовательно искореняли традиционные верования и представления жителей республики о сверхъестественном. Их главным противником в этой борьбе выступали шаманы, распространявшие и поддерживавшие среди населения разнообразные суеверия и предрассудки. Взгляд советской печати на шаманство принципиально отличается от того, как это явление представлялось дореволюционным этнографам. Последних оно привлекало как экзотическая составляющая туземного быта, но творцами культурной революции 1920-х гг. воспринималось как препятствие на пути к построению нового общества. Потому в газетных публикациях делался упор на изобличение деструктивной роли шаманства в жизни якутского общества, его пагубном влиянии на благополучие коренного населения. Такие сведения дополняют и уточняют представления о месте и значении шаманства в истории якутского региона, позволяют полнее понять его социальную сущность.

Основным занятием шаманов было целительство. В них видели посредников между людьми и злыми духами, якобы насылавшими болезни. Различные недуги были широко распространены среди якутов, чему способствовали плохое питание, скверные бытовые условия, отсталые представления о гигиене. Человек мог справиться с хворью за счет собственного иммунитета, но обывательское сознание видело в этом

подтверждение могущества целителя. Услуги шаманов были постоянно востребованы, а невежественное население не скупилось платить за них даже высокую цену.

Одной из форм борьбы с шаманством стало обращение в газету. Просвещенцы, работники (в основном врачи) и селькоры слали заметки в редакции «Кыым» (выходила на якутском языке) и «Автономной Якутии». Противодействие шаманству не было массовой политической кампанией. Республиканские газеты не давали соответствующих призывов и не руководили в этом отношении деятельностью корреспондентов (последнее вообще было едва ли возможно в условиях плохой связности территории). Анализ массива публикаций за 1920-е гг. не показывает роста обращений к теме шаманства в отдельные периоды. Судя по содержанию материалов, шаманам уделяли внимание потому, что те причиняли явный вред общественному благополучию – их критиковали в основном предметно, вне отвлеченно догматической фразеологии. Такая критика носила, по существу, рутинный характер. Похожим образом борьбу с шаманами вели, например, алтайские газетчики в издании «Ойротский край» [Тихомиров 2023а: 17].

Работа построена на принципах историко-антропологической методологии, предполагающей сосредоточение на жизненных проявлениях человека в их многообразии. Анализ газетных публикаций выполнен с использованием комплексного подхода и с применением системного, историко-сравнительного и контент-аналитического методов.

Результаты

Заметки в газете «Автономная Якутия» свидетельствуют, что влияние шаманов заметно возросло с начала 1920-х гг. Сельские жители легко воспринимали сообщения о сверхъестественных явлениях. Так, весной 1927 г. по Намскому улусу был пущен слух о появлении злого духа, который разнесся далеко за пределы улуса, «вызывая массовое суеверие среди населения». Рассказывали, что в одной из юрт поселился дьявол, погубивший ее хозяина и не дающий покоя остальным жильцам и всем проходящим мимо¹. Автор одного из писем отмечал: «тьма, суеверие, невежество царят повсюду». Он сообщал о случае на одной из станций, где ямщики уверяли его, будто в момент лунного затмения «видели своими глазами, как какой-то человек юркнул в самую серединку луны»².

¹ Удар по невежеству. *Автономная Якутия*. 27.05.1927. С. 3.

² По пути к Вилуйску. *Автономная Якутия*. 28.03.1924. С. 2.

Присутствие шаманов не было повсеместным: в некоторых улусах и наслегах их не было вовсе; где-то, наоборот, наблюдалось их засилье. В отдельные годы обстановка могла меняться. Например, после смерти местного шамана в одном из улусов на протяжении 6 лет его дело никто не продолжал, и граждане стали «отвыкать от камланий». Однако затем из соседнего улуса прибыл новый шаман, быстро завоевавший расположение населения. «Культурных сел у нас мало»³, – сетовал по этому поводу селькор.

Весной 1925 г. в 3-м Бордонском наслеге поселился некий Семен, выходец из Тунгусской земли, кочевий тунгусов в Хочинском улусе. Там он занялся знахарством и шаманством и, похоже, имел успех. Слава о нем разнеслась по наслегу, и местные жители начали обращаться к Семену за помощью. Его камлания могли длиться ночь напролет, причем вместо обычного в таком деле бубна он использовал белую лошадиную гриву. В итоге новоявленный шаман имел хороший доход, получая за свои услуги масло, мясо, жертвенных лошадей и другое добро⁴.

Прибыльный промысел привлекал людей разного пола, возраста и общественного состояния. В Одейском наслеге гражданка Екатерина Устинова с 1926 г. «заделалась большой удаганкой». К ней стали стекаться больные из многих наслегов, особенно из двух соседних. Люди звали к себе целительницу днем и ночью⁵. В отдельных местностях число шаманов достигало пяти и более человек. Наблюдатель в 1924 г. отмечал, что «в камлания пустились даже дети-подростки». В одном районе больше года с успехом практиковал 14-летний ойун, по мнению местных жителей, подававший в этой области большие надежды⁶.

Переход в шаманство осуществляли как самостоятельно, так и при участии другого ойуна, обладавшего известным авторитетом. Так, в январе 1924 г. в одном из поселений при значительном скоплении жителей «большой шаман» посвятил в тайну шаманства местного юношу. Тому пришлось издержаться: для обязательного жертвоприношения духам он обменял свою лучшую корову на бычка нужной масти, преподнес

шаману 2 бутылки водки, по 20 фунтов масла и свинины, а также обязался осенью «пожертвовать духам пятитравную кобылу соответствующей масти»⁷. Такие расходы были обременительны, но могли рассматриваться как выгодное вложение, открывавшее путь к достатку и почету.

Устойчивый спрос на лечение заболеваний вкупе с готовностью суеверных селян отдать последнее за избавление от злых духов благоприятствовало росту влияния целителей. Селькоры время от времени писали об участвовавших камланиях и о том, что шаманов звали лечить буквально все хвори. «Шаманы прочно свили свое гнездо, население приглашает их с большой охотой»⁸, – замечал один из авторов.

Можно предположить наличие причинно-следственной связи между распространением шаманства в 1920-е гг. и начавшейся тогда же золотодобычей в бассейне Алдана [Хатылаев 1972: 31]. Жители Якутии массово ехали на прииски за наживой. Потому в некоторых местностях наблюдался приток больших денег, которые тамошние обыватели заработали на золотоносных месторождениях. В частности, такое положение наблюдалось в Западно-Кангаласском улусе, расположенном сравнительно близко к промысловому району. Там же в 1926 г. отмечали быстрый рост численности ойунов. Один из авторов так писал об обстановке в регионе: «Шаманство опередило "довоенную норму" – 10 процентов населения шаманы»⁹. Ему вторил другой корреспондент: «По Западно-Кангаласскому улусу – полное царство шаманов. Число шаманов неудержимо растет, деятельность их расширяется»¹⁰.

Таким образом, золотая лихорадка подстегнула процессы социальной дифференциации в части якутского общества. Увеличение числа отходников-старателей опосредованно привело к росту желающих заняться шаманством: появление у граждан денег и материальных благ создавало обеспеченный спрос на услуги ойунов и удаганов. Этому способствовали и болезни, постоянно поражавшие население, как, например, возникшая в 1926 г. эпидемия «испанки». Шаманы, сознавая возможность хорошо заработать

³ Следует удалить шамана. *Автономная Якутия*. 04.01.1925. С. 2.

⁴ И других не вылечил, и сам заболел чахоткой. *Автономная Якутия*. 19.10.1926. С. 2.

⁵ Одейская удаганка. *Автономная Якутия*. 10.06.1927. С. 3.

⁶ Из жизни Мегинского улуса. *Автономная Якутия*. 26.02.1924. С. 2.

⁷ Два врача. *Автономная Якутия*. 01.03.1924. С. 2.

⁸ По пути к Вилюйску. *Автономная Якутия*. 28.03.1924. С. 2.

⁹ Конские бега, карты и шаманы. *Автономная Якутия*. 13.05.1926. С. 4.

¹⁰ Засилье шаманов. *Автономная Якутия*. 04.09.1926. С. 2.

в этих условиях, действовали порой нагло и грубо: насильно входили в дома и камлали, требуя у хозяина платы под угрозой «быть съеденным шаманом». Люди были вынуждены откупаться, считая, что «слово шамана непреложно»¹¹.

Такое поведение было присуще шаманам в разных частях Якутии. Селькор описывал случай в Средневилюйском улусе, где «большой шаман» взял на излечение сына вдовы-беднячки, страдавшего обморочными припадками. Женщина отдала за это «двух последних коров, одну пилу, медный котел, топор, деревянную чашку и икону», себе оставив одного коня. Сын умер, пробыв месяц у целителя; тот ничего из полученного не вернул. «Шаманы вообще обнаглели»¹², – заключал автор.

Ойуны подчас не ограничивались платой за камлания, но требовали себе и других благ. Некий шаман из-под Вилюйска, проживавший в Западно-Кангаласском улусе, женился в начале 1920-х гг. на 10-летней девочке. Та рассказывала, что «шаман слишком пристал и угрожал», поэтому мать выдала ее насильно. Но даже повзрослев, она не решалась на развод, испытывая «страх перед неведомой силой»¹³.

Проблема обирания шаманами населения усугублялась другой, более грозной проблемой, вызванной тем, что целители в ходе общения с больными сами делались разносчиками заразы. Этому способствовали приемы лечения, применявшиеся шаманами. Так, в Верхневилюйском уезде шаман лечил больных глазами, вылизывая им глазной гной. Как позже выяснилось, целитель был заражен сифилисом¹⁴. Другой шаман в Кангаласском наслеге лечил чахотку (туберкулез) высасыванием крови из больного, после чего заболел сам¹⁵. В 1926 г. ойун, известный в 1-м Бологурском наслеге, кочевал между двух улусов, занимаясь излечением сифилиса, и в итоге заразил многих людей¹⁶.

Следы шаманских обрядов наблюдались в виде разбросанных по берегам рек остатков жертвоприношений. Еще в конце 1920-х гг. по течению Вилюя

встречались порой выброшенные на берег «маленькие флоты». Шаманы отправляли их в дар северным духам, нагружая шкурками горностая, хорька, иногда бутылкой водки «сомнительной чистоты – от гнойных больных»¹⁷. Такой обычай наряду с привычкой населения выбрасывать трупы больного скота способствовал распространению вдоль течения реки эпизоотических заболеваний.

Некоторые шаманы проявляли предприимчивость: не довольствуясь возможностями своего наслеге, они пускались в разъезды, чтобы увеличить прибыль за счет жителей других местностей. Например, в 1924 г. заезжие знахари посещали Вилюйский округ. В марте там побывал шаман из Якутского округа, за одну ночь своей «работы» бравший от 10 до 30 руб. Почти тогда же из Матахского уезда¹⁸ явился другой шаман с такими же расценками. Как обычно, знахари брались исцелять самых тяжелых больных, даже страдавших туберкулезом. Совершив обряд и получив вознаграждение, они устанавливали срок выздоровления от 15 до 40 суток, после чего быстро покидали место. Большим спросом пользовались услуги некоего Афанасия, после стараний которого якобы поправился «больной инфлюэнцией». За это шаман взял с отца больного единственного коня и заячье одеяло¹⁹.

Для заработка шаманы выбирали районы, где конкуренты либо отсутствовали, либо были малочисленны. В Олекминском округе в первые послереволюционные годы действовали только 2–3 шамана, да и те не пользовались «большим влиянием среди населения». Однако позже в округ потянулись дельцы из других частей республики – «специально для "заработка"». Со слов корреспондента, шаманили в каждой деревне, забирая «целыми возами» хлеб и прочее добро, полученное за услуги²⁰.

Служители культа поддерживали среди населения убежденность, что их деятельность не противоречила политике советской власти. Учитывая разобщенность населения и повсеместное невежество, сделать это не представляло труда. К тому же советские органы

¹¹ Там же.

¹² «Вылечил». *Автономная Якутия*. 04.04.1924. С. 2.

¹³ Прodelки шамана. *Автономная Якутия*. 14.05.1927. С. 2.

¹⁴ По пути к Вилюйску. *Автономная Якутия*. 28.03.1924. С. 2.

¹⁵ И других не вылечил, и сам заболел чахоткой. *Автономная Якутия*. 19.10.1926. С. 2.

¹⁶ Распространитель сифилиса. *Автономная Якутия*. 19.11.1926. С. 4.

¹⁷ Шаманы распространяют болезни. *Автономная Якутия*. 22.03.1929. С. 2.

¹⁸ Административно-территориальная единица в Якутии до реформы 1926 г.

¹⁹ Шаманы. *Автономная Якутия*. 12.08.1924. С. 2.

²⁰ Шаманизм. *Автономная Якутия*. 06.03.1924. С. 2.

на местах бывали слабы и малоактивны. На Якутском окружном съезде советов в начале 1929 г. делегат от Западно-Кангаласского улуса сообщал, что в горных малоразвитых наслегах «попы и шаманы делают агитационные походы (объезды) среди населения и распространяют слухи о том, что в центре функционируют религиозные заведения, что религиозные дела развиваются»²¹.

Организованная борьба с шаманством все же имела место в некоторых частях республики: улусные исполкомы вели учет шаманов, общественники пытались просвещать население. Но подчас дело упиралось в отсутствие решительных административных мер. В этой связи активисты призывали усилить судебно-следственную работу с шаманами²². Однако препятствия здесь порой создавали сами представители местной власти. Пример: в 1926 г. сообщали о председателе сельсовета в Мочусинском наслеге Сантарского улуса, чья супруга заделалась шаманкой. Указанный гражданин являлся большим авторитетом среди местного населения, был избираем в председатели совета наслега, народные заседатели, делегатом и т.д. При этом давал своей жене «волю камлать», чем как бы подтверждал населению существование «дьявола», который якобы избавляет от всякой болезни²³.

О проблеме «засилья шаманов», поддерживаемых ответственными лицами, писал фельдшер из Нерюктейского наслега. Он отмечал, что целители «сойдут со сцены тогда, когда сами интеллигентные лица» не будут приглашать их к себе, показывая пример невежественному населению²⁴. Не вполне ясно, кто именно подразумевался автором в этом рассуждении. Но опираясь на подобные сообщения, можно заключить, что советский актив и общественные работники на местах зачастую не обладали уровнем образованности, который позволял бы им уверенно и успешно противодействовать шаманскому промыслу.

Огромная территория Якутии имела плохую связность и оставалась плохо обеспеченной социальными учреждениями. Отдаленность врачебного

пункта и вообще культурного центра способствовала успехам шаманства в той или иной местности. Авторы заметок отмечали, что сельские жители «к фельдшеру обращаются только в крайнем случае»²⁵. Показателен случай жителя Кильдемского наслега, у которого заболели глаза. Он обратился последовательно к двум шаманам, но те оказались бессильны. Тогда больной пошел к священнику, который «охотно отслужил молебен», не принеся облегчения. И только после этого гражданин поехал в Якутск, где получил врачебную помощь²⁶.

Такое поведение было обусловлено не только неразвитостью и силой привычки, но и отсутствием у многих возможности получить квалифицированную врачебную поддержку. Система здравоохранения в республике была развита крайне слабо, многие наслеги не имели штатных медработников. Большой проблемой для больного становилось расстояние, которое требовалось преодолеть, отправляясь за медицинской помощью. К тому же якуты часто воспринимали врача и шамана равнозначно и при возможности пытались обратиться к обоим, увеличивая возможность успеха.

Примечательна история женщины, работавшей врачом в одном из улусов. Как-то среди ночи к ней приехал якут, живший за 8 верст, и просил помочь его жене, у которой открылось сильное кровотечение. Войдя в юрту, врач обнаружила, что больную, по местному обычаю, «заложили конским свежим навозом». Дальше гостя наблюдала такую картину: «открывается шумно дверь, входит развязными, немного шатающимися шагами с громким голосом человек в больших черных очках, с палкой в руках. Входит уверенно, чувствует себя желанным гостем». Хозяин дома уверял, что это не шаман, и всю надежду он возлагает лишь на врача. Утром же, поговорив с местным населением, женщина подтвердила свою догадку. «Итак, назем²⁷, шаман и врач»²⁸, – завершала она письмо.

Другой медик рассказывал, как по распоряжению Якутского окружного исполнительного комитета ездил к больным в Ат-Дабан и далее в Исит, расположенный в 326 км от Якутска вверх по течению Лены. На всем

²¹ Горные наслеги культурно отстали (попы наступают). *Автономная Якутия*. 04.01.1929. С. 3.

²² Одейская удаганка. *Автономная Якутия*. 10.06.1927. С. 3.

²³ Сам председатель совета, а жена – шаманка. *Автономная Якутия*. 01.10.1926. С. 2.

²⁴ На заметку «Фельдшер и шаманы». *Автономная Якутия*. 12.07.1924. С. 2.

²⁵ Из жизни Мегинского улуса. *Автономная Якутия*. 26.02.1924. С. 2.

²⁶ Примерные лекари. *Автономная Якутия*. 21.03.1924. С. 2.

²⁷ То же, что навоз.

²⁸ Из улусной действительности. *Автономная Якутия*. 16.05.1924. С. 1.

пути он не встретил ни единого медпункта и медработника, а по прибытии к больным, один из которых страдал сифилисом, обнаружил, что их уже успел посетить шаман²⁹.

Описанные проблемы имели место и при лечении животных. Нужные работники в регионе были редки. Один из ветфельдшеров делился своими впечатлениями о положении вещей: будучи проездом по деревням и улусам, он слышал много жалоб «на коновалов, шаманов, знахарей и прочих». Он признавал, что население, не будучи охвачено ветеринарным обслуживанием, вынуждено было обращаться к ним по своей темноте и несознательности. Так, в деревне Батабай в 210 верстах от Якутска лошадь заболела ринитом (воспалением слизистой оболочки носа). Коновал велел хозяину растолочь табаку-самосадки, высушить, дать лошади понюхать, а когда та чихнет, сказать ей: «Будь здорова!».

Автор отмечал, что даже среди работников советских учреждений встречались такие, кто с охотой прибегали к услугам проходимцев. Так, в конце 1925 г. лошадь, принадлежавшая НКПЗ³⁰, была доставлена в ветеринарную амбулаторию Якутска с тромбоэмболическими коликами. Там ей оказали первичную помощь. Но затем ответственный работник отвез животное к коновалу, и тот «вылечил» уже почти выздоровевшую лошадь, за что получил от наркомата 20 руб.³¹

Тем не менее немногочисленные активисты продолжали последовательную борьбу с шаманством в основном средствами пропаганды и агитации. В 1920-е гг. общественники значительно нарастили свои усилия [Боякова и др. 2021: 210]. К примеру, 19 декабря 1924 г. на общем собрании Хомустахского наслега Намского улуса был заслушан доклад о вреде шаманизма, после чего собрание постановило категорически запретить камлание в пределах наслега. Произошло это на фоне случившейся в улусе эпидемии скарлатины, и просвещенцы, видимо, упирали на положение о шаманах как разносчиках заразы³². Подобным образом собрание граждан Октёмского наслега Западно-Кангаласского улуса в 1925 г. после

доклада заведующего избой-читальней вынесло резолюцию, провозглашавшую: «несем проклятие шаманам-обманщикам якутского темного народа. Долой шаманов, да здравствует свет – грамота!»³³.

Надо полагать, что мероприятия такого рода проходили повсеместно, где имелись деятельные кадры культработников. Однако трудно судить о действительности решений, подобных описанным. Полагаем, что обыватели в основном не были готовы строго следовать выдвинутым лозунгам, отчасти в силу инертности традиционного мышления, отчасти – из-за отсутствия альтернатив, о чем упоминалось выше. Так, осенью 1926 г. селькор из Усть-Таттинского района Баяганского улуса указывал, что случаев камлания там не встречалось ввиду отсутствия шаманов. Он сообщал о постепенном изживании религиозных предрассудков среди молодежи, но добавлял, что к больным изредка звали священников³⁴. Из этого явствует, что автор выдавал желаемое за действительное, и предрассудки среди населения не столько изживались, сколько не находили путей для воплощения.

Намного действеннее пропаганды на умы обывателей влияло поведение самих ойунов. В послереволюционные годы отмечалось не только обращение якутов к занятию шаманством, но и отказ от оногo. Газетные публикации сообщали о таких случаях. Летом 1924 г. двое молодых людей в Баягантайском улусе бросили шаманить, о чем дали подписки народному судье Якутского округа³⁵. В начале 1925 г. в Якутский окружной комитет РКП(б) поступило заявление следующего содержания: «Я во время царизма, когда был умалишенным, находясь в религиозном предрассудке, имел специальность шаманить. Я действительно отрываюсь и говорю всю правду, что во время моего шаманства не было замечено, что существует черт или какая-нибудь темная таинственная сила. А потому слово "черт" совершенно не могло быть, и оно говорилось среди темной массы только лишь для обмана и лжи. В виду чего с сего числа категорически заявляю, что никогда и никому не буду шаманить <...> призываю и всех других шаманов следовать моему примеру»³⁶.

²⁹ Шаман на шамане. *Автономная Якутия*. 08.03.1929. С. 4.

³⁰ Объединенный народный комиссариат просвещения, здравоохранения и социального обеспечения.

³¹ Надо с этим покончить. *Автономная Якутия*. 05.03.1926. С. 2.

³² Долой шаманов. *Автономная Якутия*. 25.01.1925. С. 2.

³³ Убеждаются в обмане шамана. *Автономная Якутия*. 27.02.1925. С. 3.

³⁴ Усть-Таттинский район. *Автономная Якутия*. 21.10.1926. С. 2.

³⁵ Еще два шамана бросили шаманить. *Автономная Якутия*. 24.07.1924. С. 3.

³⁶ Разоблачение шаманства. *Автономная Якутия*. 30.01.1925. С. 2.

Схожим образом поступил в 1926 г. некий шаман Михаил из Олёкминска. Он подал в местный обком заявление об отказе от камланий, в котором писал: «Ныне я действительно признаю старые ошибки и заявляю, что никаких богов и дьяволов нет и быть не может. Поэтому по личному своему желанию снимаю сан шамана и добровольно сдаю свой шаманский костюм»³⁷. Шаман Василий Батамыгин обратился с заявлением в Булунский окрисполком: «Я по неосознанности и неграмотности некоторое время занимался шаманизмом, но по восстановлению Советской власти и разъяснении я понял, что шаманизм – это есть обман темных, ничего не понимающих якутов. Потому, поняв все это, ныне отрекаюсь от шаманизма и снимаю с себя название шамана»³⁸.

Шаманы, по советскому законодательству, были ограничены в правах как служители культа. Это обстоятельство побуждало некоторых из них расстаться со своим промыслом. В январе 1925 г. редакция «Автономной Якутии» получила письмо следующего содержания: «Убедившись в ложности шаманизма и желая снять с себя позорное звание шамана, я весной 1924 г. отдал местной организации РКП(б) свой шаманский плащ и бубен, а теперь вовсе отрекаюсь от шаманизма и прошу органы власти восстановить меня в избирательных правах. С надеждою на милость Советской власти, шаман Егор Иванович Потапов»³⁹. В том же году некий шаман Попов, который в Олёкминском округе слыл «искусным знатоком своего дела», обратился к уполномоченному Государственного политического управления, сообщая, что отказался от прежнего дела и просил восстановления «в правах гражданства»⁴⁰. Полугодом ранее Президиум Якутского ЦИК восстановил в избирательных правах двоих граждан, отказавшихся от занятий шаманством⁴¹.

Трудно судить, в какой мере желание вернуть избирательные права влияло на отказ от шаманства. Не исключено, что основным поводом к такому шагу становилась угроза имущественному благополучию: падение спроса на камлания в связи с обнищанием

населения, возросшая конкуренция, суровые меры со стороны органов власти и др.

Осенью 1924 г. газета писала о некоем шамане, страдавшем сифилисом. Он перепробовал разные народные средства, но облегчение испытал только после обращения в больницу, после чего «торжественно отрекся от своего ремесла» и пообещал всем говорить о пользе больниц⁴². Торжественность отречения была обусловлена, вероятно, тем, что оно происходило публично. Такие мероприятия практиковались в разное время в разных местах. Например, в январе 1929 г. в образцовой избе-читальне Чурапчинского улуса при большом скоплении народа состоялось разоблачительное выступление шамана, некоего бедняка 28 лет, который признал «лживость, обман и социально-бытовую вредность шаманизма», а свое занятие шаманством объяснил бедностью и желанием «подзаработать». Он категорически отрекся от прежнего звания и призвал сограждан не верить шаманам, а для убедительности «импровизировал шаманский обряд»⁴³. Схожим образом в декабре 1928 г. произошло отречение «знаменитого шамана» в одном из наслегов Западно-Кангаласского улуса. Тот выступил перед молодежью и заявил, что за 30 лет шаманства приносил только вред и камлал «с целью нахождения средств для существования». По словам селькора, население наслега было очень удивлено таким поворотом, поскольку прежде относилось к шаману с большим доверием⁴⁴.

Наиболее восприимчивой к новым светским идеям была молодежь, в особенности охваченная систематическим образованием. В среде учащихся последовательно насаждались и развивались идеи о борьбе с традиционными пережитками. Например, в январе 1926 г. в педагогическом техникуме Якутска состоялся постановочный литературный суд над шаманом, по его итогам участники провели оживленные прения и приняли решение вести антирелигиозную агитацию среди населения⁴⁵.

Примечательно, что отношение красных просветителей к шаманам было более снисходительным,

³⁷ Отрекся от шаманизма. *Автономная Якутия*. 29.07.1926. С. 2.

³⁸ Отречение от шаманизма. *Автономная Якутия*. 28.03.1925. С. 1.

³⁹ Письмо в редакцию. Отречение от шаманизма. *Автономная Якутия*. 04.01.1925. С. 2.

⁴⁰ Отречение от шаманизма. *Автономная Якутия*. 28.03.1925. С. 1.

⁴¹ Восстановление в правах бывших шаманов. *Автономная Якутия*. 08.10.1924. С. 2.

⁴² Шаман и больница. *Автономная Якутия*. 10.02.1925. С. 2.

⁴³ Не верьте шаманам. *Автономная Якутия*. 11.01.1929. С. 3.

⁴⁴ Отшаманил. *Автономная Якутия*. 02.02.1929. С. 3.

⁴⁵ Литсуд над шаманом. *Автономная Якутия*. 13.01.1926. С. 4.

нежели к представителям иных культов, в частности к православным священникам. Примером служит инсценировка политического суда над попом и шаманом, устроенная в 1924 г. накануне Пасхи силами Российского коммунистического союза молодежи и местной интеллигенции в доме Советов Якутска. Граждане проявили большой интерес к постановке – собрался полный зал. Актеры, исполнявшие роли подсудимых, были «хорошо загримированы, достаточно типичны». Шаман обвинялся в «контактной работе с попом», «собрании за обряды путем всевозможных устрашений именем злого духа», эксплуатации больных женщин во имя излечения и распространении венерических заболеваний. Показателен «приговор» постановочного суда: попа расстрелять, а шамана лишить свободы на 10 лет со строгой изоляцией⁴⁶. Хотя общественники представляли и шаманов, и церковников как ярых врагов советского общества, степень опасности последних представлялась ими более высокой. Показная суровость в отношении русского попа была вызвана тем, что в нем видели пособника класса угнетателей, а в прошлом – проводника интересов царской власти. Шамана же воспринимали, скорее, как представителя темных низов общества, занявшегося предосудительным промыслом по собственному невежеству.

Заключение

Анализ публикаций в газете «Автономная Якутия» за 1920-е гг. выявляет ряд противоречий, присущих обыденной жизни региона в указанный период. Повседневность населения характеризовали разнонаправленные процессы. С одной стороны, шла советская модернизация, утверждавшая новые формы быта и общественного сознания; с другой – нередко давали о себе знать пережитки прошлого. Материалы печати показывают, что отношение туземного населения к шаманству было различным: наиболее отсталые селяне воспринимали его как полезную практику; другие, включая самих шаманов, усматривали в нем лишь возможность легкого обогащения за счет невежества сограждан. Выявленные черты рутинного поведения шаманов позволяют рассматривать последних в качестве специфической социальной группы, воспроизводившей своего рода «коллективный жизненный порядок» [Досина 2020: 134] в общей структуре региональной обыденности.

Часто общественники и просто сознательные граждане оставались бессильными наблюдателями разгула вредных тенденций. На местах не хватало средств и возможностей, чтобы действительно искоренять шаманство, проявления которого достигали порой небывалого размаха. Просматриваются несколько взаимосвязанных причин востребованности шаманства якутским населением в 1920-е гг. Слабость материальной базы во многих наслегах не позволяла развернуть там полноценную культурно-просветительскую работу. Отсутствие лечебных учреждений и врачей лишало советских деятелей возможности соперничать с шаманами в части их главного занятия – врачевания. Одновременно слабая постановка дела медицинского обслуживания в сельской местности создавала благоприятные условия для укрепления общественного положения ойунов: без профилактики заболеваний и квалифицированной врачебной помощи население непрерывно страдало от разных эпидемий. Наконец, играла свою роль растущая золотодобыча в южных районах Якутии: обыватели обогащались на Алданских приисках и, возвращаясь домой, создавали хорошо обеспеченный спрос на услуги целителей.

В этих условиях перед советской властью в республике стояла комплексная задача, требовавшая для своего решения не только усиленной агитационно-пропагандистской работы, но и последовательного улучшения бытовых условий улусного населения. Успехи такой работы, пусть и скромные, заметны уже в первое послереволюционное десятилетие. Газетные заметки позволяют обнаружить наметившиеся изменения в сознании якутских обывателей. Обращение к врачу, где это было возможно, входило в привычку, хотя медработники зачастую еще воспринимались как равнозначная замена знахарям, священникам и шаманам. Те же старались удержать влияние на людей, прибегая даже к подлогам и запугиванию.

Публикации в газете «Автономная Якутия» подтверждают общественный вред шаманства в том виде, как оно бытовало в рассматриваемый период. В новых культурных условиях ремесло шамана обрело вид сугубого стяжательства, а сами шаманы окончательно превратились в сообщество социальных паразитов. Наряду с этим в якутском обществе продолжали существовать и воспроизводиться соответствующие структуры повседневности, в ряде местностей не поколебленные культурной революцией.

⁴⁶ Вместо пасхи политсуд. *Автономная Якутия*. 20.05.1924. С. 2.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков: (Доложено на заседании Историко-филологического отделения 11 мая 1911 г.). СПб.: Тип. Имп. АН, 1914. 90 с. [Anuchin V. I. *An essay on shamanism among the Yenisei Ostyaks: Reported at a meeting of the Historical and Philological Department on May 11, 1911*. St. Petersburg: Tip. Imp. AN, 1914, 90. (In Russ.)]
- Боякова С. И., Антонов Е. П., Бурнашева Н. И., Васильева Н. Д., Винокурова Л. И., Григорьев С. А., Грязнухина М. Э., Ермолаева Ю. Н., Иванова Т. С., Игнатъева В. Б., Мрякянова Э. Т., Никитина С. Е., Романова Л. Н., Санникова Я. М., Сивцева С. И., Сулейманов А. А., Толстых Г. В., Федоров В. И., Филиппова В. В., Хатылаев М. М. История Якутии. Новосибирск: Наука, 2021. Т. 3. 592 с. [Boyakova S. I., Antonov E. P., Burnasheva N. I., Vasilyeva N. D., Vinokurova L. I., Grigoriev S. A., Gryaznukhina M. E., Yermolaeva Yu. N., Ivanova T. S., Ignatieva V. B., Myarikyayanova E. T., Nikitina S. E., Romanova L. N., Sannikova Ya. M., Sivtseva S. I., Suleymanov A. A., Tolstykh G. V., Fedorov V. I., Filippova V. V., Khatylyayev M. M. *History of Yakutia*. Novosibirsk: Nauka, 2021, vol. III, 592. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/aazxxu>
- Брагина Д. Г. Трансформация традиционной культуры якутов (конец XX – начало XXI в.). Новосибирск: Наука, 2016. 120 с. [Bragina D. G. *Transformation of the traditional culture of the Yakuts in the late XX – early XXI century*. Novosibirsk: Nauka, 2016, 120. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vusphb>
- Васильева Н. Д. Якутское шаманство. 1920–1930-е гг. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2000. 141 с. [Vasilyeva N. D. *Yakut shamanism. 1920s–1930s*. Yakutsk: IHR AS RS(Ya), 2000, 141. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nvqmyk>
- Винокурова Л. И. Женщины севера: социальная активность в повседневной жизни местных сообществ в Якутии. *Теория и практика общественного развития*. 2019. № 1. С. 36–39. [Vinokurova L. I. Women of the North: Social activity in everyday life of local communities of Yakutia. *Theory and Practice of Social Development*, 2019, (1): 36–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/tpor.2019.1.6>
- Винокурова Л. И., Санникова Я. М., Филиппова В. В. Антропология традиционного образа жизни: к стратегиям исследования коренного населения сельской Якутии. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2023. № 2. С. 10–23. [Vinokurova L. I., Sannikova Ya. M., Filippova V. V. Anthropology of the traditional lifestyle: Strategies for researching the indigenous population of rural Yakutia. *North-Eastern Journal of Humanities*, 2023, (2): 10–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25693/SVGV.2023.43.2.001>
- Дианова Е. В. Эволюция практики имянаречения в первые десятилетия советской власти. *История повседневности*. 2021. № 1. С. 76–103. [Diana E. V. Evolution of the practice of naming in the first decades of Soviet power. *History of Everyday Life*, 2021, (1): 76–103. (In Russ.)] https://doi.org/10.35231/25422375_2021_1_76
- Долотов А. С. Шаманская вера. М.: Безбожник, 1930. 80 с. [Dolotov A. S. *Shamanic faith*. Moscow: Bezbozhnik, 1930, 80. (In Russ.)]
- Досина Н. В. Социальное согласие: интерпретация в исследованиях повседневности. *История повседневности*. 2020. № 1. С. 133–143. [Dosina N. V. Social consent: Interpretation in the study of everyday life. *History of Everyday Life*, 2020, (1): 133–143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxndti>
- Журавлев С. В. Предисловие: История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки. In: Людтке А. *История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 3–27. [Zhuravlev S. V. Preface: The history of everyday life is a new research program for Russian historical science. In: Lüdtke A. *The history of everyday life in Germany: New approaches to the study of labor, war, and power*. Moscow: ROSSPEN, 2010, 3–27. (In Russ.)]
- Затопляев Н. И., Батаров П. И., Хангалов М. Н., Клеменц Д., Виташевский Н., Припузов Н. Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1890. 65 с. [Zatoplyayev N. I., Batarov P. I., Khangalov M. N., Klements D., Vitashevsky N., Pripuzov N. *Shamanic beliefs of the foreigners of Eastern Siberia*. Irkutsk: Tip. K. I. Vitkovskoi, 1890, 65. (In Russ.)]

- Зеленин Д. К. Идеология сибирского шаманства. *Известия АН СССР по Отделению общественных наук*. 1935. № 8. С. 709–743. [Zelenin D. K. Ideology of Siberian shamanism. *Izvestiia AN SSSR po Otdeleniiu obshchestvennykh nauk*, 1935, (8): 709–743. (In Russ.)]
- Иванова Л. Т. История повседневности: один зимний день якутской женщины в 20-е гг. XX вв. *Общество: философия, история культура*. 2015. № 6. С. 99–101. [Ivanova L. T. History of everyday life: One winter day of a Yakut woman in the 1920-s. *Society: philosophy, history and culture*, 2015, (6): 99–101. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vcgygf>
- Из архива. Избранные труды В. Г. Богораза по шаманству (1934–1936 гг.), подгот. М. М. Шахнович, Е. А. Терюкова. СПб.: СПбГУ, 2018. 464 с. [From the archive. *Selected works on shamanism by V. G. Bogoraz (1934–1936)*, prep. Shakhnovich M. M., Teryukova E. A. St. Petersburg: SPbSU, 2018, 464. (In Russ.)]
- Ильяхов П. Н. Борьба с шаманизмом в Якутии (1920–1930). Якутск: РДНТ, 1995. 114 с. [Ilyakhov P. N. *The struggle against shamanism in Yakutia (1920–1930)*. Yakutsk: RDNT, 1995, 114. (In Russ.)]
- Катанов Н. Ф. Шаманский бубен и его значение. *Енисейские епархиальные ведомости*. 16.03.1889. № 6. С. 112–114. [Katanov N. F. Shaman's tambourine and its meaning. *Yenisei Diocesan Vedomosti*, 16 Mar 1889, (6): 112–114. (In Russ.)]
- Кискидосова Т. А. «Городская повседневность» в региональной периодике второй половины XIX – начала XX века: обзор современной историографии. *Гуманитарный вектор*. 2020. Т. 15. № 3. С. 73–81. [Kiskidosova T. A. "The urban everyday life" in the regional periodicals of the second half on the XIXth – early XXth centuries: Review of modern historiography. *Humanitarian Vector*, 2020, 15(3): 73–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-3-73-81>
- Ксенофонтов Г. В. Шаманизм. Избранные труды. Якутск: Север-Юг, 1992. 318 с. [Ksenofontov G. V. *Shamanism. Selected works*. Yakutsk: Sever-Iug, 1992, 318. (In Russ.)]
- Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю. 3-е изд. М.: НЛЮ, 2018. 482 с. [Lebina N. *Soviet everyday life: Norms and anomalies: From War Communism to the Grand Style*. 3rd ed. Moscow: NLO, 2018, 482. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ijgann>
- Леонтьева О. Г. Повседневная жизнь в СССР 1940–1950-е гг.: источниковая база и перспективы исследования. *История повседневности*. 2022. № 1. С. 20–29. [Leontieva O. G. Everyday life in the USSR in the 1940s–1950s: Source base and research prospects. *History of Everyday Life*, 2022, (1): 20–29. (In Russ.)] https://doi.org/10.35231/25422375_2022_1_20
- Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: ВШЭ, 2010. 317 с. [Orlov I. B. *Soviet everyday life: Historical and sociological aspects of formation*. Moscow: HSE, 2010, 317. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygdnp>
- Тихомиров Н. В. Повседневность Горного Алтая в условиях советской модернизации 1920-х гг. (по материалам газеты «Ойротский край»). *История повседневности*. 2023а. № 4. С. 8–27. [Tikhomirov N. V. Everyday life of the Altai mountains in the conditions of Soviet modernization of the 1920s (based on the newspaper "Oiroi Region" materials). *History of Everyday Life*, 2023a, (4): 8–27. (In Russ.)] https://doi.org/10.35231/25422375_2023_4_8
- Тихомиров Н. В. Повседневность провинциальной школы 1930-х гг. по материалам газеты «Сталинский путь» (г. Тайга). *СибСкрипт*. 2023б. Т. 25. № 3. С. 297–306. [Tikhomirov N. V. Everyday life at a provincial school in the 1930s: The Stalinist Way newspaper in the town of Taiga, West Siberia. *SibScript*, 2023b, 25(3): 297–306. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-3-297-306>
- Хатылаев М. М. Золотопромышленность Якутии (1923–1937 гг.). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1972. 212 с. [Khatylaev M. M. *Gold industry in Yakutia (1923–1937)*. Yakutsk: Iakutsk. kn. izd-vo, 1972, 212. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yppsgb>
- Яковлев А. И. Ритмы повседневности якутского села. *Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР*: VI Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Владивосток, 10–11 ноября 2022 г.) Владивосток: ДВФУ, 2022. С. 114–117. [Yakovlev A. I. Rhythms of everyday life of the Yakut village. *Problems of modeling social processes: Russia and the countries of the Asia-Pacific region*: Proc. VI All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Vladivostok, 10–11 Nov 2022. Vladivostok: FEFU, 2022, 114–117. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rfujjp>

Динамика подготовки научных кадров в системе аспирантуры Красноярского края в 1949–1988 гг.

Гергилев Денис Николаевич

Красноярский научный центр СО РАН, Россия, Красноярск
Сибирский Федеральный университет, Россия, Красноярск
eLibrary Author SPIN: 8337-1320
<https://orcid.org/0000-0003-4913-4803>
Scopus Author ID: 57193927755

Кузьменко Александра Сергеевна

Сибирский Федеральный университет, Россия, Красноярск
Красноярский научный центр СО РАН, Россия, Красноярск
eLibrary Author SPIN: 5270-0248
<https://orcid.org/0000-0002-0362-2126>
Scopus Author ID: 57221790191

Павлюкевич Руслан Витальевич

Красноярский научный центр СО РАН, Россия, Красноярск
Красноярский государственный аграрный университет,
Россия, Красноярск
eLibrary Author SPIN: 6951-3403
<https://orcid.org/0000-0003-3537-7118>
Scopus Author ID: 57221564231
autocrator@yandex.ru

Аннотация: С переходом общества на постиндустриальную фазу развития происходит повышение роли и значения науки и образования, в этих условиях важно учитывать опыт прошлого. Во второй половине XX в. Красноярский край проходил двойной переход. С одной стороны, он переживал очередной виток индустриальной модернизации, с другой – под влиянием различных факторов превращался из ресурсной периферии в развитый полупериферийный район советской экономической системы. Важным элементом обоих переходов выступало развитие местной системы подготовки кадров науки и высшей школы. До 1949 г. в Красноярском крае отсутствовала собственная база подготовки аспирантов. Цель данной статьи – реконструкция динамики развития системы аспирантской подготовки в 1949–1988 гг. Выбранные хронологические рамки обусловлены первым набором аспирантов в крае и одними из последних наборов, осуществленных в Советскую эпоху. С начала 1950-х гг. здесь происходит формирование новых вузов и научных учреждений с собственной программой подготовки высших кадров науки. Фактически ранее не делалось попыток дать комплексный анализ количественных характеристик подготовки аспирантов в регионе. Методологической основой исследования выступает симбиоз адаптированного мир-системного подхода и модернизационной теории, позволивший проанализировать значения количественных изменений в системе аспирантуры края за сорокалетний период в рамках процессов развития самого региона. Экономические нужды и народно-хозяйственный профиль Красноярского края в условиях позднеиндустриальной модернизации потребовали роста количества научных кадров, обеспечивающих попытки перехода на интенсивный путь развития. В результате материалы показали, что с 1949 г. до конца 1960-х гг. рост числа аспирантов в крае превысил 9000 %, после чего дальнейшие показатели набора и выпуска стабилизировались. Одновременно с этим происходили изменения и самой системы подготовки, росло число специальностей. Набор направлений подготовки и их пропорции в первую очередь были обусловлены планами хозяйственного освоения региона. Достижение пиковых показателей численности аспирантов совпадало с завершением формирования новой индустриальной базы хозяйственного освоения и развития региона. Край из периферии превращался в полупериферию экономической системы СССР. Развитие системы аспирантуры Красноярского края в рассматриваемые годы было отражением экономического профиля региона. Наибольшую долю в разрезе специальностей подготовки аспирантуры составляли точные и естественные науки. Более трети от всех прошедших в Красноярском крае аспирантов готовились по техническим специальностям, следом шли физико-математические и сельскохозяйственные науки. Рост численности подготовки по этим направлениям продолжался вплоть до конца 1960-х гг., после чего динамика их численности начала даже несколько падать на фоне роста численности аспирантов по социально ориентированным наукам. Это в свою очередь было отражением изменений в экономическом и социальном развитии Красноярского края.

Ключевые слова: аспирантура, история науки и техники, академия наук, научные институты, высшие учебные заведения, Красноярский край

Цитирование: Гергилев Д. Н., Павлюкевич Р. В., Кузьменко А. С. Динамика подготовки научных кадров в системе аспирантуры Красноярского края в 1949–1988 гг. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 415–428. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-415-428>

Поступила в редакцию 11.02.2024. Принята после рецензирования 14.03.2024. Принята в печать 18.03.2024.

full article

Academic Personnel Training in Postgraduate Education in Krasnoyarsk Region in 1949–1988

Denis N. Gergilev

Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Krasnoyarsk
Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk
eLibrary Author SPIN: 8337-1320
<https://orcid.org/0000-0003-4913-4803>
Scopus Author ID: 57193927755

Alexandra S. Kuzmenko

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk
Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Krasnoyarsk
eLibrary Author SPIN: 5270-0248
<https://orcid.org/0000-0002-0362-2126>
Scopus Author ID: 57221790191

Ruslan V. Pavlyukevich

Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Krasnoyarsk
Krasnoyarsk State Agricultural University, Russia, Krasnoyarsk
eLibrary Author SPIN: 6951-3403
<https://orcid.org/0000-0003-3537-7118>
Scopus Author ID: 57221564231
autocrator@yandex.ru

Abstract: Science and education are especially important in the post-industrial society. Past experience makes it possible to develop these spheres. In the second half of the XX century, the Krasnoyarsk Region was undergoing a double transition. On the one hand, it was experiencing industrial modernization; on the other hand, it was turning from a resource region into a developed semi-peripheral region. Both transitions required a local system of academic personnel training. This article reconstructs the development of the postgraduate training system in the Krasnoyarsk Region in 1949–1988, from the first to the last postgraduate cohort in the Soviet Russia. Until 1949, the Krasnoyarsk Region had no postgraduate education of its own. Methodologically, the research relied on the symbiosis of an adapted world-system approach and modernization theory, which made it possible to analyze the quantitative changes in the local postgraduate education over a forty-year period as part of the regional development. The early 1950s saw new universities and scientific institutions with their own programs for training senior research personnel. The economic profile of the Krasnoyarsk Region required a sharp increase in scientific personnel to implement the industrialization and ensure the transition to intensive development. Between 1949 and the late 1960s, the number of postgraduate students in the region grew by 9,000%, after which the enrollment and graduation rates reached plateau. The curricula were changing as well, and the number of specialties was increasing. The areas of training and their proportions depended on the economic development plans. The number of graduate students peaked when the new industrial base was completed. The region turned from a periphery into a semi-periphery of the Soviet economy. The postgraduate education in the Krasnoyarsk Region reflected its economic profile in the period under study. Exact and natural sciences had the largest share: more than a third of all postgraduate students were trained in technical specialties, followed by physics, mathematics, and agricultural sciences. Their numbers continued to grow until the end of the 1960s, after which they gave leadership to social sciences, thus reflecting the changes in the local economic and social development.

Keywords: postgraduate studies, history of science and technology, Academy of Sciences, scientific institutes, higher educational institutions, Krasnoyarsk Territory

Citation: Gergilev D. N., Pavlyukevich R. V., Kuzmenko A. S. Academic Personnel Training in Postgraduate Education in Krasnoyarsk Region in 1949–1988. *SibScript*, 2024, 26(3): 415–428. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-415-428>

Received 11 Feb 2024. Accepted after peer review 14 Mar 2024. Accepted for publication 18 Mar 2024.

Введение

В России сегодня уделяется особое внимание развитию науки, в том числе и подготовке научных кадров. Это стало особенно актуально из-за недружественных действий почти всех европейских государств и США. Достижения отечественных ученых стали основой для замещения выпадающих технологических цепочек на производстве. Экономика страны выстояла. В России очень быстро нашли альтернативы западным технологиям благодаря сохранению и развитию научных школ. В современных условиях научные решения – это основа технологического развития общества. Красноярский край является одним из передовых регионов в новом индустриальном освоении. В этой связи исторический опыт подготовки научных кадров в Красноярском крае представляется актуальным и востребованным.

После окончания Великой Отечественной войны и смерти И. В. Сталина в стране начался поиск путей дальнейшего экономического и социального развития. Существовавший ранее принцип управления и развития народно-хозяйственного комплекса страны базировался преимущественно на жесткой централизации, мобилизации имеющихся людских и материальных ресурсов и обращении, как правило, к экстенсивным путям развития. Хотя следует признать, что в ходе первых пятилеток резкий рост количественных показателей позволил получить качественные изменения в жизни советского общества. В 1930–1940-е гг. в западной части страны уже сформировалось индустриальное общество, а на востоке были заложены только его основы.

Тем не менее уже в середине 1950-х гг. у руководства страны, как отмечают ведущие новосибирские историки, было понимание необходимости изменений, перенаправление страны на путь интенсификации сельского хозяйства, которые вместе с провалом хрущевских преобразований превратились в убежденность [Ильиных др. 2015: 76]. Но необходимость интенсификации касалась не только сельского хозяйства, но и всех отраслей жизни страны.

К началу 1950-х гг. уже сложились основы индустриального общества, требовалась дальнейшая модернизация всей страны. Развитие позднеиндустриального общества требовало активного развития науки, превращения ее в производящую силу. Особенно актуально это было для Сибири, в которой специфические черты российской модернизации всегда имели более ярко выраженный характер [Ильиных и др. 2015: 7].

К тому же здесь процессы очередного витка индустриальной модернизации накладывались на процессы трансформации Красноярского края из сырьевой периферии, полностью подконтрольной ведомственным империям центра экономической системы СССР, в ее же полупериферию. Этот процесс сопровождался изменением не только экономического профиля края, но и изменением его значения для страны. Из поставщика ресурсов, зависимого от других регионов, он превращался в самодостаточный регион, встроенный в единую систему. Уже в первой половине 1950-х гг. были разработаны новые проекты экономического развития Красноярского края, в центре которых было строительство Красноярской ГЭС. Гидроэлектростанция должна была обеспечить дешевой электроэнергией, что в сочетании с доступностью многочисленных полезных ископаемых и других ресурсов позволяло развивать в крае наукоемкие и энергозатратные отрасли промышленности. Это в свою очередь требовало роста численности населения Красноярского края, а соответственно и роста требований к их обеспечению. Все вместе эти факторы определяли необходимость наличия в крае огромного количества высокообразованных специалистов, знакомых с местной спецификой. Планы и проекты развития края требовали высших учебных заведений, научных учреждений и, конечно же, научных кадров.

Целью статьи выступает реконструкция динамики развития системы подготовки научных кадров Красноярского края через местную аспирантуру в период 1949–1988 гг. Хронологические рамки обусловлены тем, что в 1949 г. были набраны первые

аспиранты для обучения непосредственно в местной аспирантуре¹, а в 1988 г. был подготовлен последний отчет по подготовке аспирантов в крае Красноярской государственной статистической комиссией².

До 1950-х гг. Красноярского края не было на «научной карте» СССР. До этого периода в крае работали три узкоспециализированных учебных заведения и один научно-исследовательский институт, работавший вне рамок режимных организаций страны. Это были Сибирский лесотехнический институт, основанный в 1930 г. (при этом заметим, что в 1952 г. профиль учебного заведения был расширен, и он стал Сибирским технологическим институтом), основанный на два года позже Красноярский государственный педагогический институт и Красноярский государственный медицинский институт, основанный в годы Великой Отечественной войны. Из научных учреждений следует выделить Сибирский научно-исследовательский институт лесной промышленности (СибНИИЛП) Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР, возникший в 1931 г.

В 1950-е гг. помимо расширения профиля Сибирского технологического института были созданы новые учебные заведения и научные учреждения. Так, в 1953 г. был основан Красноярский сельскохозяйственный институт. Три года спустя появился Красноярский Политехнический институт, а в 1958 г. из Москвы в край был переведен Институт цветных металлов им. Калинина. Из научных учреждений в 1956 г. по инициативе Л. В. Киренского в Красноярске был основан Институт физики СО АН, а в 1957 г. из г. Ленинград в г. Норильск был перебазирован НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера, двумя годами позже из г. Москва в краевой центр был перевезен Институт леса и древесины.

В 1960–1970 гг. эти процессы продолжились, уже в 1963 г. был основан Красноярский государственный университет как филиал Новосибирского государственного университета, получивший самостоятельность в 1969 г. Среди научных учреждений появились Красноярский институт медицинских проблем Севера (основан в 1976 г.) и Красноярский вычислительный центр (конец 1970-х гг.).

Таким образом, в 1950–1960 гг. в Красноярском крае сложилась необходимая база для развития собственных школ подготовки научных кадров для нужд и потребностей региона.

Методы и материалы

В основе исследования лежит методологическая концепция модернизации и элементы мир-системного анализа. Теория модернизации сосредотачивает внимание исследования на процессе перехода общества с одной стадии развития на следующую, более высокую. Данная концепция имеет особую актуальность для России, т. к. процессы модернизации в нашей стране шли преимущественно под контролем государства, выбиравшего и утверждавшего ее векторы. Она имела при этом догоняющий и мобилизационный характер. В Сибири черты российской модернизации всегда приобретали более ярко выраженный характер. Это было вызвано тем, что Россия с момента присоединения сибирского региона представляла собой сложную экономическую систему, подобную той, что описывали Ф. Бродель [Бродель 2023] и И. Валлерстайн [Wallerstein 2011]. Сама Сибирь изначально представляла собой абсолютную периферию экономической системы и в какой-то степени социальную, культурную окраину страны. По мере развития страны происходила дифференциация и сибирского региона. Часть его, Западная Сибирь, перешла на новый уровень развития раньше, превратившись в опорную полупериферию советской экономической системы. Красноярский край в силу ряда особенностей своего развития дольше оставался ресурсной периферией. С 1950-х гг. здесь начались процессы двойного перехода, как нового витка модернизации, так и его выход на полупериферийный статус, что отражалось в том числе и в процессах развития местной науки.

В статье также используются общеисторические методы, такие как хронологический и историко-генетический. Хронологический метод позволил сделать вывод об изменении процессов, происходящих внутри системы аспирантской подготовки Красноярского края, о влиянии развития края на нее. Историко-генетический метод позволил выявить закономерности развития системы подготовки научных кадров Красноярского края в 1950–1980-х гг. Кроме того, авторы использовали статистические методы исследования, что было вызвано спецификой источниковой базы, в основе которой лежат материалы Красноярской статистической комиссии, представленные фондом 1300 Государственного архива Красноярского края (Ф.Р. 1300, опись 2: дела 2232, 4246, 4253, 8006, 9961, опись 5: дела 1075,

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р. 1300. Оп. 2. Д. 2232. Л. 15.

² ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 5. Д. 4717.

1532, 2560, 2618). Данные документы представляют собой табличные массивы данных, срезы данных за разные года. Красноярская статистическая комиссия выполняла одну из главных вспомогательных ролей при Красноярской плановой комиссии, обеспечивая ее необходимыми данными для определения направления развития региона.

Историография

Проблема подготовки научных кадров не является новой для отечественной науки. Первые работы по этому вопросу появились еще в советское время. Например, статья А. К. Мартынова посвящена пятидесятилетию аспирантуры Центрального аэрогидродинамического института имени профессора Н. Е. Жуковского – одной из первых аспирантур в СССР [Мартынов 1983]. Среди классических работ по проблематике следует отметить сборник документов и справочных материалов «Научные кадры в СССР»³ и справочник «Научные кадры СССР: динамика и структура»⁴, дающие общее представление о развитии научного потенциала страны в советское время.

На современном этапе наблюдается возвращение интереса к этой проблематике. А. М. Скворцов поднимает общие вопросы становления и появления исторической аспирантуры в СССР [Скворцов 2021], Д. В. Хаминов рассматривает данный вопрос на примере периода перестройки [Хаминов 2019]. Но все же, как правило, этот вопрос изучается в разрезе определенных учебных заведений или регионов. Так, в статье А. Г. Саморуковой и В. А. Петрова рассматривается деятельность аспирантуры Кольского филиала АН СССР в 1945–1985 гг., отмечается ее влияние на развитие региона [Саморукова, Петров 2013], в статье Н. П. Цехового – работа местной аспирантуры Томского государственного университета как инструмент советизации местной науки в первые десятилетия СССР [Цеховой 2011a; 2011b].

Более широкий срез анализа работы по подготовке научных кадров на уровне отдельных регионов дается в работе А. В. Хорошенковой, которая на примере Нижнего Поволжья анализирует государственную политику в области высшего исторического образования в 1970–1980-х гг. [Хорошенкова 2014].

Достаточно хорошо освещен вопрос подготовки научных кадров в Башкирии. А. З. Фаюршин рассматривает вопросы научно-исследовательской деятельности

в медицинском институте региона в годы войны [Фаюршин 2015], К. К. Каримов дает анализ вопросам подготовки научных кадров в Башкирии в первые послевоенные годы [Каримов 2014], и своеобразным продолжением данного исследования выступает статья Р. Н. Сулеймановой и Ш. Н. Исянгулова, основанная на том же материале, но уже в разрезе 1960–1980-х гг. [Сулейманова, Исянгулов 2019]. В работах В. В. Петрика анализируются вопросы подготовки высших кадров и развития высшего образования в Сибири в целом, но с большим акцентом на Западную часть региона [Петрик 2005a; 2005b; 2007].

Схожая проблематика поднимается в статье ведущего тувинского исследователя З. Ю. Доржу о роли аспирантуры в подготовке высококвалифицированных историков в Тувинском госуниверситете [Доржу 2014]. Работа П. С. Кабытова и О. Б. Леонтьева также посвящена проблеме подготовки историков, но уже в Самаре [Кабытов, Леонтьева 2019]. Интерес для изучения проблемы представляют и работы по современной проблематике, где часто даются экскурсы в историю вопроса, например [Романовская 2021].

Последним срезом историографии проблемы можно считать работы, посвященные развитию высшего образования в Красноярском крае, продолжением и на базе которого происходила подготовка аспирантов в крае. Среди данных работ следует, во-первых, назвать работы А. А. Терсковой, рассматривавшей историю двух вузов края, впоследствии вошедших в состав Сибирского федерального университета [Терскова 2019; 2020], и красноярских исследователей, изучающих развитие красноярского педагогического образования [Колокольникова и др. 2022a; 2022b].

Тем не менее на сегодняшний день отсутствуют комплексные труды, посвященные процессам подготовки научных кадров Красноярского края во второй половине XX в.

Результаты

Общие показатели численности аспирантов в Красноярском крае

В 1950–1960-е гг. в Красноярском крае была создана достаточная база для подготовки собственных научных кадров, при этом собственно первые аспиранты в крае появились еще в 1949 г. До этого талантливые красноярцы должны были поступать на обучение в аспирантуру в учреждения других регионов страны. Чаще всего

³ Научные кадры в СССР: сборник документов и справочных материалов, ред. А. В. Топчиев. М.: АН СССР, 1959. 304 с.

⁴ Научные кадры СССР: динамика и структура: справочник, ред. В. Ж. Келле, С. А. Кутель. М.: Мысль, 1991. 285 с.

это были вузы и научно-исследовательские институты Новосибирской и Иркутской областей. Следует в то же время заметить, что по ряду специальностей, в частности по истории, такая ситуация продолжалась и в последующие годы. Так, значительная часть красноярских историков старшего поколения, обучавшихся в 1960–1970-е гг., проходили аспирантуру в рамках Института истории СО АН или, к примеру, Иркутского государственного университета. На рисунке 1⁵ отображена динамика общей численности Красноярских аспирантов, численности набора и выпуска.

В 1949 г. были приняты первые Красноярские аспиранты, но уже в 1950 г. их численность выросла до 31 человека, при этом часть из них была переведена из других регионов, за этот год было принято всего 13 человек. Первые аспиранты были выпущены в крае в 1951 г. (7 человек). В последующие годы наблюдается стабильный высокий рост числа аспирантов вплоть до пиковых показателей 1969 г. и 1972 г. Пик, приходящийся на эти годы, связан с тем, что к этому моменту в крае была создана и укреплена собственная база учебных и научных учреждений, имелась собственная многочисленная база научных руководителей. К тому же на эти годы приходится и бурное развитие народно-хозяйственного комплекса Красноярского края: запуск Красноярской ГЭС, многочисленных наукоёмких и технологичных производств. После чего численность аспирантов несколько уменьшилась, вновь вернувшись к пиковым показателям уже в конце рассматриваемого периода. Показатели

численности приема в целом коррелируются с показателями численности приема в красноярскую аспирантуру. При этом показатели численности окончивших аспирантуру достигают пика в 1974 г., но после начинают сокращаться. Следует отметить, что не все аспиранты заканчивали ее, многие отчислялись самостоятельно, или их отчисляли по неуспеваемости. Поэтому этот показатель в отличие от двух других в 1980-е гг. уже не рос, т.к. начавшаяся нестабильность в стране оказывала влияние на выбор молодых ученых.

Красноярская система аспирантуры состояла из двух частей. Первым крылом системы были высшие учебные заведения Красноярского края. Изначально собственную аспирантскую подготовку имели Сибирский технологический институт, Институт цветных металлов им. М. И. Калинина, Красноярский государственный медицинский и Красноярский сельскохозяйственный институты. С середины 1960-х гг. подготовку собственных аспирантов начинает Красноярский педагогический институт, а с 1969 г. – Красноярский государственный университет.

Вторым крылом были научные учреждения. С начала 1960-х гг. подготовку осуществляли академические институты физики, леса и древесины, а также НИИ Сельского хозяйства Крайнего Севера, относившийся к Сибирскому отделению академии сельскохозяйственных наук. В конце 1960-х гг. появилась аспирантура в рамках Сибирского НИИ лесной промышленности, а уже в конце 1970-х – начале 1980-х гг. – в рамках Красноярского Вычислительного

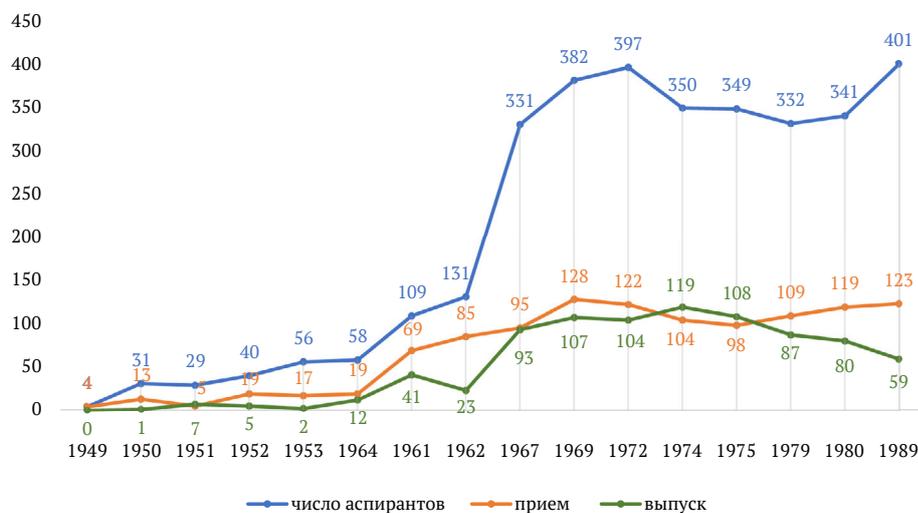

Рис. 1. Общая динамика численности, количество принятых и выпущенных аспирантов в Красноярском крае в 1949–1988 гг.

Fig. 1. Admitted vs. graduated postgraduates in Krasnoyarsk Region, 1949–1988

⁵ Сост. по: ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 2. Д. 2232. Л. 65–66; ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 2. Д. 4246. Л. 106; ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 2. Д. 4253. Л. 94 ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 2. Д. 8006. Л. 1; ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 2. Д. 9961. Л. 1; ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 5. Д. 1075. Л. 1; ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 5. Д. 1532. Л. 1, 4; ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 5. Д. 2560. Л. 2; ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 5. Д. 2618. Л. 1, 4.

центра, и НИИ медицинских проблем Севера. Согласно докладу об основных итогах деятельности Красноярского научного центра, за 1957–1983 гг. в данном академическом учреждении была сформирована довольно разветвленная система подготовки кадров высшей квалификации, включавшая институт аспирантуры и соискательства. Эффективность этой работы подтверждалась подготовкой только в Институте физики в указанный период 263 кандидатов наук⁶. Причем значительная часть успешно подготовленных аспирантов перешла на работу в отраслевые научные и образовательные учреждения не только Красноярского края, но и Сибири.

Соотношение количества аспирантов на протяжении всего рассматриваемого периода было в пользу проходящих обучение в рамках системы высших учебных заведений, колеблясь в диапазоне 60–74 % (табл. 1⁷). Это вполне естественная ситуация, связанная с большими возможностями вузов, по сравнению с научными институтами и учреждениями, задачи которых, как правило, лежали в практической плоскости.

Следует заметить, что с появлением первых аспирантов в Красноярском крае стали формироваться и первые научные школы. Основателем одной из первых школ в крае по физике стал лично Л. В. Кириенский, дело которого продолжили его ученики, основывая собственные школы и направления, как, к примеру, И. А. Терсков, появлялись новые лаборатории и направления, например красноярская биофизика в лице И. И. Гительзона, свою школу в рамках института леса основал А. Б. Жуков, которая потом также расширилась. Таким образом, уже к 1970 г. в Красноярском крае существовали десятки научных школ в рамках 13 направлений подготовки.

Динамика численности аспирантов в разрезе научной специализации

Важнейшим показателем для определения направления развития науки численность аспирантов в зависимости от специальности. В период 1963–1988 гг. велась подготовка аспирантов по 13 группам специальностей, из которых по 9-ти подготовка велась непрерывно. На рисунке 2⁸ представлена динамика численности аспирантов по всем укрупненным группам подготовки.

По 4 специальностям в отдельные периоды обучение не проводилось: геологические науки (велась подготовка в 1963 г., затем вплоть до 1979 г. набор не осуществлялся), филологические (практически постоянная подготовка кадров, за исключением 1975 г.), ветеринарные науки (1969 г.) и исторические науки. Подготовка историков осуществлялась в 1967 г., после историков в крае не готовили до 1979 г., когда было одновременно набрано 8 аспирантов. Наличие подготовки аспирантов той или иной специальности зависело от ряда факторов: наличия научных руководителей, потребностей региона и т. д. К примеру, подготовка историков из Красноярского края, как правило, велась в Новосибирске и Иркутске. Для удобства восприятия данных мы объединили группы направлений подготовки. Так, в рамках фундаментальных естественных наук в крае мы объединили 4 направления подготовки: физико-математические, биологические, химические и геологические науки, технические науки представлены одним единственным соответствующим направлением подготовки. Третью выделенную группу составляют сельскохозяйственные и ветеринарные науки. К социально-гуманитарным наукам отнесены история, философия, филология и экономика, к социально ориентированным направлениям подготовки – медицинские и педагогические науки.

Табл. 1. Соотношение аспирантов в вузах и научных учреждениях Красноярского края в 1961–1988 гг.

Tab. 1. Postgraduates in higher education institutions vs. scientific institutions in Krasnoyarsk Region, 1961–1988

Аспиранты	1961	1962	1967	1969	1972	1974	1975	1979	1980	1988
Количество	109	141	331	382	397	350	349	332	341	401
в вузах, %	67	68	74	62	60	63	71	64	66	60
в научных учреждениях, %	33	32	26	38	40	37	29	36	34	40

⁶ Архив ФИЦ «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁷ Сост. по: ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 2. Д. 2232. Л. 65–66; ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 2. Д. 4246. Л. 106; ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 2. Д. 4253. Л. 94; ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 2. Д. 8006. Л. 1; ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 2. Д. 9961. Л. 1; ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 5. Д. 1075. Л. 1; ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 5. Д. 1532. Л. 1, 4; ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 5. Д. 2560. Л. 2; ГАКК. Ф.Р. 1300. Оп. 5. Д. 2618. Л. 1, 4.

⁸ Сост. по: Там же.

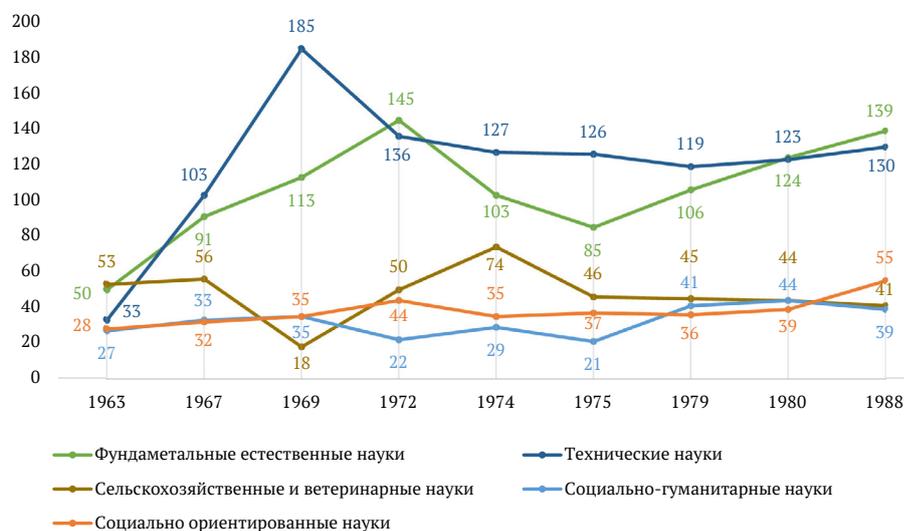

Рис. 2. Динамика численности аспирантов по научным специальностям подготовки в Красноярском крае в 1963–1988 гг.

Fig. 2. Postgraduate students by scientific specialty in Krasnoyarsk Region, 1963–1988

Пик показателей численности аспирантов по техническим наукам приходится на 1969–1972 гг., на этот период приходится наиболее активный этап строительства Красноярской ГЭС и сопутствующих ей предприятий и разработка планов хозяйственного развития края, построенных из расчета на дешевую электроэнергию. На 1972 г. приходится и пик наук, условно объединенных в фундаментальные естественные науки (химия, физика и биология), что также было связано с вышеуказанным фактором. В 1969 г. вышел на эффективную работу Красноярский алюминиевый завод, был запущен связанный с ним Ачинский глиноземный комбинат и мн. др.

Любопытно отметить, что пик численности аспирантов по сельскохозяйственным специальностям приходится на 1974 г., что было обусловлено попытками вывести сельское хозяйство на интенсивный путь развития. В целом рост тех или иных специальностей отражал появление крупных проектов в Красноярском крае или последствия прежней политики. Рост социально ориентированных специальностей, таких как педагогические и медицинские, напротив, не имеет столь ярко выраженных пиков и отличается постепенным ростом. Нужды в кадрах по этим специальностям отражали собственно социальное развитие Красноярского края и складывание здесь собственной базы подготовки научных кадров.

Обратим теперь внимание на соотношение численности аспирантов за весь рассматриваемый период в разрезе их специальностей подготовки (рис. 3⁹). Данные диаграммы дают достаточно четкое

представление о научном профиле Красноярского края во второй половине XX в. На долю точных и естественных наук приходилось в общем 80 % всех прошедших в Красноярском крае аспирантов и только 20 % – на социально ориентированные науки (используемым данным термин, относя медицинские науки к данной группе, без которых на собственно социально-гуманитарные науки пришлось бы 10 %).

Наиболее популярным направлением подготовки были технические науки, следом за ними шли физико-математические, на третьем месте – сельскохозяйственные. Подобное распределение численности аспирантов отражало процессы модернизации Красноярского края. Край превращался из сырьевой периферии советской экономической системы в полупериферию, что в свою очередь давало возможность развитию в крае и социально ориентированных наук, в первую очередь медицины, но и другие науки этой группы начинают демонстрировать рост именно к концу рассматриваемого периода, отвоевывая место у технических и естественных наук.

Практически все аспиранты по социально-гуманитарным специальностям проходили подготовку в рамках высших учебных заведений, а не научно-исследовательских институтов. Впрочем, следует признать, что это было ожидаемо и логично. Вузы в отличие от научно-исследовательских институтов, как правило, обладали более широким профилем подготовки. Аспирантура же в научных учреждениях полностью зависела от его профиля и направленности.

⁹ Сост. по: Там же.

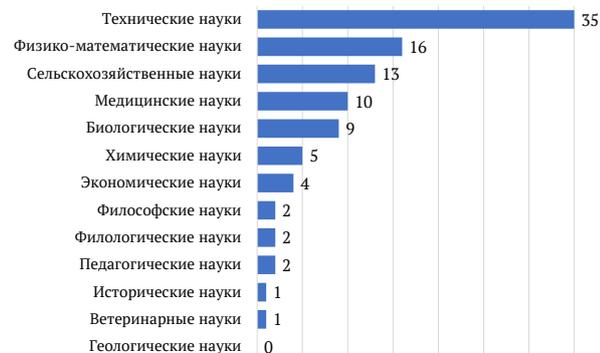

Рис. 3. Соотношение специальностей подготовки аспирантов в Красноярском крае в 1963–1988 гг.
Fig. 3. Specialties of scientific personnel training in Krasnoyarsk Region, 1963–1988

Количество аспирантов на одного научного руководителя

Одним из центральных показателей при анализе качества аспирантской подготовки выступает число аспирантов, приходящихся на одного научного руководителя. Это показывает степень загруженности каждого руководителя, его возможности по работе с аспирантами. В то же время этот показатель отражает структуру и научную базу подготовки в регионе.

В среднем Красноярский край вошел и вышел в рассматриваемый период с равными показателями. При этом пик загруженности приходится на 1972 г., что соответствует и пику численности аспирантов в Красноярском крае (табл. 2¹⁰). В то же время, хоть пик численности аспирантов и приходится на этот год (табл. 1), в дальнейшем их численность не снижается, в то время как загруженность научных руководителей резко сокращается и к 1988 г. возвращается на уровень 1962 г. Это говорит о том, что после 1972 г. в крае была создана мощная собственная научная база подготовки, были защищены

и обучены многочисленные ученые и специалисты, которые в свою очередь сами смогли стать во главе процесса подготовки новых научных кадров. Уже этот показатель доказывает качественные изменения в развитии красноярской научной базы, завершение ее оформления.

Если мы сравним различия между данными показателями в высших учебных и научных заведениях Красноярского края, то можем отметить, что в вузах загруженность научного руководителя была выше, чем в институтах и других научных учреждениях. Это вполне ожидаемо и было характерно повсеместно. Аспирантура в рамках вузовской системы подготовки воспринималась как ее неотъемлемая часть, зачастую начинавшаяся с первых курсов одаренных студентов. В то время в научных учреждениях она выступала сопутствующей деятельностью. Да и общая численности аспирантов в них была ниже, чем в вузах.

Доля женщин среди аспирантов

На протяжении всего рассматриваемого периода доля женщин среди аспирантов Красноярского края редко превышала треть от общей численности (табл. 3¹¹). Начиная с 1969 г. наблюдается сокращение общей доли женщин среди аспирантов как в целом, так и по вузам и научным учреждениям края, хотя, казалось бы, должна была быть обратная ситуация, особенно если обращаться к опыту западных стран. Как отмечает М. К. Нагиева, в 1940–1950-х гг. в рамках аспирантуры Дагестана обучалось 31,5 % женщин [Нагиева 2022: 63], данная цифра меньше минимального показателя по Красноярскому краю, впрочем, здесь играет роль специфика региона. Ответом на данную тенденцию является Великая Отечественная война, 1960-е гг. – еще близкое к ней время, когда доля мужчин была ниже, и они больше требовались

Табл. 2. Количество аспирантов на одного научного руководителя в вузах и научных учреждениях Красноярского края в 1962–1988 гг.

Tab. 2. Scientific postgraduates per scientific supervisor in higher education and science in Krasnoyarsk Region, 1962–1988

Аспиранты на одного научного руководителя	1962	1967	1969	1972	1975	1980	1988
Всего	1,7	2,9	2,7	3	2,2	2,1	1,7
в вузах	1,8	3,1	2,8	2,6	2,7	2,3	1,8
в научных учреждениях	1,4	2,4	2,6	1,8	2	1,9	1,6

¹⁰ Сост. по: Там же.

¹¹ Сост. по: Там же.

Табл. 3. Доля женщин среди аспирантов вузов и научных учреждений Красноярского края в 1967–1980 гг., %
Tab. 3. Share of women-postgraduates in higher education and science in Krasnoyarsk Region, 1967–1980, %

Доля женщин среди аспирантов	1967	1969	1972	1975	1980
Всего	35,3	36,1	33,5	32,4	32,2
в вузах	37	36,9	37,9	32,1	33,9
в научных учреждениях	30,5	34,9	26,8	24,6	29

в иных отраслях. Также нельзя не обратить внимание на то, что доля женщин среди аспирантов вузов была выше, чем научных учреждений. Это было обусловлено, во-первых, тем, что в вузах Красноярского края было больше аспирантских мест по социально-гуманитарным предметам, в которых женщин традиционно больше. Во-вторых, научные учреждения часто представляли собой своеобразные закрытые клубы, многие из выпускников которых продолжали свою работу в них, поэтому и инерция традиций здесь была в разы выше.

Распределение долей аспирантов между вузами и научными учреждениями Красноярского края

На рисунке 4¹² представлены показатели распределения долей между различными заведениями в 1963–1980 гг. Изначально в Красноярском крае больше всего аспирантов проходило подготовку в рамках Красноярского государственного педагогического института. Это одно из старейших учебных заведений Красноярского края, на него приходилось более пятой части от всех аспирантов края, в последующие годы его доля неуклонно снижалась, достигнув в 1980 г. всего 8 % от всей численности аспирантов края. Следом шел Сибирский технологический институт с 17 %, но уже к 1980 г. на него приходилось всего 10 %. При этом наибольший рост численности аспирантов в рассматриваемый период получили Красноярский политехнический институт и Красноярский государственный университет, появившиеся позже, но к 1980 г. вышедшие на первое и второе места по численности аспирантов в Красноярском крае. Среди научных учреждений наибольшей численностью аспирантов выделялся Сибирский НИИ лесной промышленности, имевший в Красноярском крае сугубо прикладной характер. В целом же распределение между учебными и научными учреждениями отражало процессы развития Красноярского края.

Заключение

Отправной точкой формирования системы аспирантуры в вузах и научных учреждениях Красноярского края стал 1949 г., когда произошел набор первых аспирантов. Ранее местные жители, желающие поступить в аспирантуру, были вынуждены поступать в аспирантуру соседних регионов. Формирование собственной системы аспирантской подготовки было отражением процессов развития Красноярского края.

До середины века Красноярский край представлял собой ресурсо-ориентированную периферию, чье развитие полностью находилось под контролем центра. Вместе с тем развитие индустриального общества требовало изменения ситуации. К этому моменту стало ясно, что экстенсивные пути развития себя исчерпали и требуется интенсификация. Совокупность этих факторов создала необходимость развития местных кадров науки и высшей школы, знающих и понимающих специфику своего региона, способных обеспечить его развитие. Это в свою очередь создавало условия для ускорения не только очередного витка индустриальной модернизации здесь, но и для перехода края из состояния ресурсной периферии в полупериферию.

Уже за первые двадцать лет происходит резкий рост динамики численности аспирантов (с 1949 г. по 1969 г. прирост численности аспирантов составил более 9000 %). Достижение пиковых показателей численности аспирантов совпало с завершением формирования новой индустриальной базы хозяйственного освоения и развития региона. В последующие годы численность аспирантов в Красноярском крае менялась незначительно. Вместе с ростом численности аспирантов к этому времени в крае сложилась собственная научная база их подготовки, представленная местными вузами и научными учреждениями. Рост количественных показателей развития местной системы аспирантуры не мог не дать качественного

¹² Сост. по: Там же.

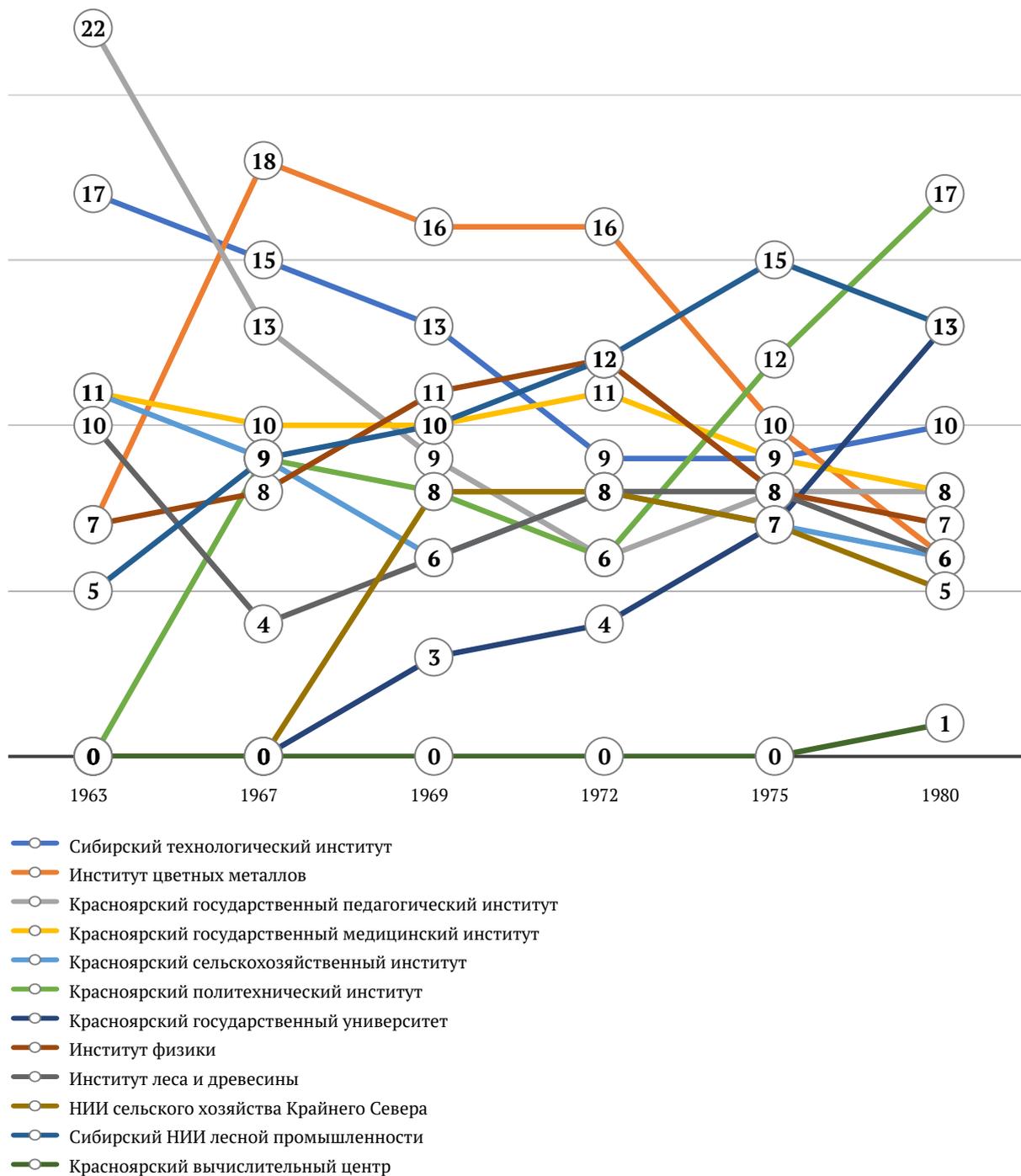

Рис. 4. Изменение долей численности аспирантов между различными вузами и научными учреждениями Красноярского края в 1963–1980 гг., %

Fig. 4. Postgraduate students in different institutions of higher education and science in Krasnoyarsk Region, 1963–1980, %

изменения в регионе. В крае складывались собственные научные школы и новые направления развития.

В то же время профиль развития местной аспирантуры, как и прежде, в первую очередь обуславливался профилем самого Красноярского края в народно-хозяйственной системе Советского Союза. Это приводило к тому, что несмотря на наличие социально-гуманитарных кафедр в вузах, подавляющую долю в числе аспирантских мест занимали технические и естественные направления подготовки. Край был регионом развития металлургии, энергетики, машиностроения, лесного и сельского хозяйства. Наибольшую долю в разрезе специальностей подготовки аспирантуры играли точные и естественные науки. Более трети от всех прошедших в Красноярском крае аспирантов готовились по техническими, следом шли физико-математические и сельскохозяйственные науки, пик по которым приходится на конец 1960-х – середину 1970-х гг., когда было завершено строительство Красноярской ГЭС, и был обусловлен ее дешевой электроэнергией производств.

В то же время развитие народно-хозяйственного комплекса страны дало возможность развитию социальной сферы и связанных с ней направлений подготовки аспирантов: медицинские, педагогические и гуманитарные науки. Для них не было характерно пиков развития или резкого роста, как у технических специальностей, они характеризуются постепенным небольшим, но стабильным ростом.

Данное исследование является фактически фундаментом для дальнейшего развития вопроса подготовки научных кадров в Красноярском крае и влияния на это процессов социально-экономического развития, которые будут рассмотрены в дальнейших публикациях научно-исследовательской группы.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Д. Н. Гергилев – концептуализация, курирование данных, администрирование, написание (просмотр и редактирование). Р. В. Павлюкевич – методология, формальный анализ, написание (просмотр и редактирование). А. С. Кузьменко – написание (просмотр и редактирование, проверка).

Contribution: D. N. Gergilev developed the research concept, provided data curation, drafted the manuscript, and proofread the final version. R. V. Pavlyukevich designed the methodology, performed the formal analysis, drafted the manuscript, and proofread the final version. A. S. Kuzmenko drafted the manuscript and proofread the final version.

Литература / References

- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Альма-Матер, 2023. 2258 с. [Braudel F. *Material civilisation, economy and capitalism, XV–XVIII centuries*. Moscow: Alma-Mater, 2023, 2258. (In Russ.)]
- Доржу З. Ю. О подготовке историков высшей квалификации в Тувинском государственном университете. *Вестник Тувинского государственного университета. № 1. Социальные и гуманитарные науки*. 2014. № 1. С. 19–25. [Dorzhu Z. Yu. About training of historians of the top skills at the Tuvan State University. *Vestnik Tuvinskogo gos. universiteta. No. 1. Sotsialnye i gumanitarnye nauki*, 2014, (1): 19–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rzcirz>
- Ильиных В. А., Рынков В. М., Андреевков С. Н., Орлов Д. С., Белянин Д. Н., Мазур Л. Н., Карпунина И. Б., Мелентьева А. П. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с. [Ilinykh V. A., Rynkov V. M., Andreenkov S. N., Orlov D. S., Belyanin D. N., Mazur L. N., Karpunina I. B., Melentyeva A. P. *Projects for the transformation of the agrarian system in Siberia in the twentieth century: The choice of ways and methods of modernization*. Novosibirsk: Sibprint, 2015, 298. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uajudh>
- Кабытов П. С., Леонтьева О. Б. Подготовка научных кадров высшей квалификации по историческим наукам в Самарском университете. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2019. Т. 25. № 4. С. 7–22. [Kabytov P. S., Leontieva O. B. Training of scientists with higher qualifications in historical sciences at Samara University. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2019, 25(4): 7–22. (In Russ.)] <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-7-22>

- Каримов К. К. Формирование научных кадров Башкирии в послевоенные годы. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*. 2014. Т. 19. № 1. С. 63–69. [Karimov K. K. Scientific personnel training of Bashkortostan during the post-war years. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*, 2014, 19(1): 63–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rybnkt>
- Колокольникова З. У., Блинцева И. М., Староверова М. В. Развитие педагогического образования Красноярского края в 1935–1945 гг. *Проблемы современного педагогического образования*. 2022а. № 74-4. С. 106–109. [Kolokolnikova Z. U., Blintsova I. M., Staroverova M. V. The development of pedagogical education in the Krasnoyarsk Territory in 1935–1945. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2022a, (74-4): 106–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/erjnsb>
- Колокольникова З. У., Староверова М. В., Мосинцев Д. Д. Подготовка педагогических кадров Сибири в первые послевоенные годы (1945–1950). *Проблемы современного педагогического образования*. 2022б. № 74-4. С. 117–121. [Kolokolnikova Z. U., Staroverova M. V., Mosintsev D. D. Training of teachers in Siberia in the first post-war years (1945–1950). *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2022b, (74-4): 117–121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cmmzox>
- Мартынов А. К. К пятидесятилетию аспирантуры ЦАГИ. *Ученые записки ЦАГИ*. 1983. Т. 14. № 2. С. 138–140. [Martynov A. K. To the Fiftieth Anniversary of the Central Aerohydrodynamic Institute Postgraduate School. *Uchenye zapiski TsAGI*, 1983, 14(2): 138–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbpchv>
- Нагиева М. К. К вопросу о подготовке научных кадров в Дагестане в 1950-е гг.: гендерный аспект. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2022. Т. 14. № 4. С. 60–67. [Nagieva M. K. Revisiting of training of scientific personnel in Dagestan in 1950s: A gender aspect. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologiceskogo universiteta*, 2022, 14(4): 60–67. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-4-60-67>
- Петрик В. В. Из истории развития высшего вечернего и заочного образования в Сибири (конец 50-х – начало 90-х гг. XX в.). *Известия Томского политехнического университета*. 2005а. Т. 308. № 4. С. 212–216. [Petrik V. V. The history of higher partdtime and distance education in Siberia (end of 50s – beginning of 90s of the 20th century). *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2005a, 308(4): 212–216. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hrtwxl>
- Петрик В. В. Подготовка научно-педагогических кадров через аспирантуру в высших учебных заведениях Сибири. 1958–1991 гг. (к истории вопроса). *Известия Томского политехнического университета*. 2005б. Т. 308. № 2. С. 187–194. [Petrik V. V. Preparing scientific and pedagogical staff through postgraduate studies in higher educational institutions of Siberia in 1958–1991: history of the matter. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2005b, 308(2): 187–193. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hpmzcd>
- Петрик В. В. Профессорско-преподавательский состав высшей школы Сибири: тенденции развития и региональное измерение (конец 50-х – начало 90-х гг. XX в.). *Вестник Томского государственного университета. История*. 2007. № 1. С. 49–80. [Petrik V. V. The structure of the teaching staff of higher school in Siberia: Tendencies of development and regional medsurement (the end of the 50s – the beginning of the 90s of the XXth century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2007, (1): 49–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kdmxfl>
- Романовская О. В. Правовой режим государственной системы научной аттестации: поиск исторических основ. *Наука. Общество. Государство*. 2021. Т. 9. № 2. С. 24–33. [Romanovskaya O. V. Legal regime of the state system of scientific attestation: Search for historical foundations. *Nauka. Society. State*, 2021, 9(2): 24–33. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2021-9-2-3>
- Саморукова А. Г., Петров В. П. О работе аспирантуры Кольского филиала АН СССР в 1945–1985 гг. *Труды Кольского научного центра РАН*. 2013. № 6. С. 96–108. [Samorukova A. G., Petrov V. P. About the activity of postgraduate study in the Kola branch of the USSR Academy of Sciences in 1945–1985. *Transactions of the Kola Science Centre*, 2013, (6): 96–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/samddn>
- Скворцов А. М. Становление советской аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы: законодательное регулирование и практика. *Научный диалог*. 2021. № 12. С. 444–460. [Skvortsov A. M. Formation of Soviet postgraduate studies in history in USSR in 1930s: Legislative regulation and practice. *Nauchnyi Dialog*, 2021, (12): 444–460. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-12-444-460>

- Сулейманова Р. Н., Исянгулов Ш. Н. Подготовка научных кадров в Башкирии в 1960–1980-е годы. *Научный диалог*. 2019. № 8. С. 376–389. [Suleymanova R. N., Isyangulov Sh. N. Training the scientific personnel in Bashkiria in 1960–1980s. *Nauchnyi Dialog*, 2019, (8): 376–389. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-8-376-389>
- Терскова А. А. Из истории образования Красноярского государственного торгово-экономического института. *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2019. № 3. С. 104–113. [Terskova A. A. From the history of Krasnoyarsk State Trade and Economic Institute formation. *Social-economic and humanitarian journal*, 2019, (3): 104–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/peemgh>
- Терскова А. А. Из истории становления Красноярского государственного университета. *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2020. № 1. С. 126–133. [Terskova A. A. From the history of the foundation of Krasnoyarsk State University. *Socio-economic and humanitarian journal*, 2020, (1): 126–133. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36718/2500-1825-2020-1-126-133>
- Фаюршин А. З. Организация научно-исследовательской работы в башкирском государственном медицинском институте в годы Великой Отечественной войны. *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко*. 2015. № 3. С. 202–204. [Fayurshin A. Z. Organization of research work in the Bashkir State Medical Institute during the Great Patriotic War. *Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health*, 2015, (3): 202–204. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/znoimr>
- Хаминов Д. В. Подготовка историков в период «Перестройки»: новая «Надстройка» на старом «Фундаменте» (на примере высшей школы Сибири). *Новый исторический вестник*. 2019. № 4. С. 36–54. [Khaminov D. V. The training of historians in the period of "Perestroika": A new "Superstructure" on the old "Foundation" (on the example of higher education in Siberia). *Novyj Istoriceskij Vestnik*, 2019, (4): 36–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/comtjg>
- Хорошенкова А. В. Деятельность аспирантуры по подготовке научно-педагогических кадров историков в вузах Нижнего Поволжья в 1970–1980-е гг. *Наука и школа*. 2014. № 4. С. 103–106. [Khoroshenkova A. V. Post-graduate school activities on training the teaching staff of historians at universities of Lower Volga region in 1970–1980s. *Nauka i shkola*, 2014, (4): 103–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/szrwah>
- Цеховой Н. П. Аспирантура как средство советизации высшей школы во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. (на примере Томского государственного университета). *Вестник Томского государственного университета*. 2011а. № 351. С. 112–114. [Tsekhovoy N. P. Postgraduate study as a way for higher school Sovietisation in late 1920s – early 1930s (by example of Tomsk State University). *Tomsk State University Journal*, 2011a, (351): 112–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ohygan>
- Цеховой Н. П. Особенности подготовки научных кадров посредством заочной аспирантуры в Томском государственном университете (1930–80-е гг.). *Вестник Томского государственного университета. История*. 2011б. № 3. С. 151–154. [Tsekhovoy N. P. Features of training of scientific brainpowers by the use of correspondence postgraduate study at Tomsk State University (1930s-80 years). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2011b, (3): 151–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/occuzv>
- Wallerstein I. The modern world-system I. *Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century*. NY-San Francisco-London: Academic Press, 2011, 753.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/kaiqzm>

Эволюция подходов к изучению эвакуации населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии

Стародубцев Евгений Юрьевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7066-5462

starodubtsev.ewgenij@gmail.com

Ермолаев Алексей Николаевич

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН,

Россия, Кемерово

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 2768-3154

<https://orcid.org/0000-0001-6903-5883>

Scopus Author ID: 56957942100

Аннотация: В работе показана эволюция историографических подходов к изучению проблемы эвакуации населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии. Применены метод периодизации и проблемно-хронологический метод. Выделены основные этапы изучения темы эвакуации гражданского населения: 1) 1941–1955 гг.; 2) 1956–1990 гг.; 3) 1991 г. – настоящее время. В рамках первого этапа главной проблемой для объективного изучения темы являлась закрытость источниковых баз, агитационная и пропагандистская направленность написанной литературы. Второй этап характеризуется выделением проблемы эвакуации гражданского населения в отдельную тему для исследования, однако сдерживающим элементом для комплексного изучения являлась идеологическая составляющая. Отличительной чертой третьего этапа можно обозначить введение в оборот новых архивных документов, что способствовало появлению новых исследований, посвященных актуальным аспектам эвакуационного процесса. На основании анализа литературы в выбранные этапы были выделены три основных исторических подхода к изучению проблемы: экономический, социальный, демографический. Основная часть исследований является частью экономического подхода, поскольку эвакуация населения рассматривается через призму перебазирования промышленности на территорию Западной Сибири. Работы социального и демографического характера не составляют большинства исследований, однако именно в них на первый план выходят вопросы приема и размещения, трудоустройства, медицинского обслуживания населения, а также социальный состав и численность эвакуированных граждан. Однако многие аспекты эвакуационного процесса до сих пор остаются малоисследованными. Для дальнейшего комплексного изучения работы сибирского тыла и вклада региона в победу в Великой Отечественной войне необходимо обратить пристальное внимание на отдельные аспекты проблемы эвакуации населения в качестве перспектив настоящего исследования: стихийная (неорганизованная) эвакуация; ошибки и просчеты в организации данного процесса; обустройство и проживание эвакуограждан на местах; их роль в экономике региона; влияние процесса эвакуации на социальную и культурную сферу Западной Сибири.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, эвакуация населения, подходы в историографии, Западная Сибирь

Цитирование: Стародубцев Е. Ю., Ермолаев А. Н. Эволюция подходов к изучению эвакуации населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 429–440. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-429-440>

Поступила в редакцию 14.03.2023. Принята после рецензирования 27.06.2023. Принята в печать 15.01.2024.

full article

Civil Evacuation to Western Siberia during the Great Patriotic War: Evolution of Approaches in Russian Historiography

Evgeniy Yu. Starodubtsev

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7066-5462

starodubtsev.ewgenij@gmail.com

Alexey N. Ermolaev

Federal Research Center of Coal and Coal-Chemistry, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Russia, Kemerovo

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 2768-3154

<https://orcid.org/0000-0001-6903-5883>

Scopus Author ID: 56957942100

Abstract: The authors used the chronological method to trace and periodize the evolution of domestic historiographic approaches to the population evacuation from the European part of the Soviet Union to Western Siberia during Great Patriotic War. They revealed three main stages in the civilian evacuation studies: 1941–1955, 1956–1990, and 1991 until now. Representatives of the first stage faced with the problem of classified sources and propaganda. Civilian population evacuation developed into an independent research topic during the second period, which also experienced the ideological component as a constraining element for comprehensive studies. Historiographers of the current stage have free access to new archival documents that cast light upon some new aspects of the evacuation process. The authors reviewed publications from all selected periods and identified economic, social, and demographic approaches. The economic approach has always prevailed because the civil evacuation has always been connected with industrial relocation. Scarce as they might be, social and demographic publications cover such important issues as accommodation, employment, medical care, social composition, numbers, etc.

Keywords: Great Patriotic War, World War II, civil evacuation, approaches in historiography, Western Siberia

Citation: Starodubtsev E. Yu., Ermolaev A. N. Civil Evacuation to Western Siberia during the Great Patriotic War: Evolution of Approaches in Russian Historiography. *SibScript*, 2024, 26(3): 429–440. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-429-440>

Received 14 Mar 2023. Accepted after peer review 27 Jun 2023. Accepted for publication 15 Jan 2024.

Введение

Советские и российские историки всегда уделяли пристальное внимание событиям Второй мировой и Великой Отечественной войны, рассматривая различные аспекты социально-экономических изменений. Одной из важнейших проблем изучения является процесс эвакуации промышленных объектов и гражданского населения из западных районов СССР в тыл для обеспечения обороноспособности страны и сохранения человеческих жизней.

Территория Западной Сибири являлась приоритетной для эвакуации предприятий и населения. Это объяснялось удаленностью от линии фронта, наличием промышленных площадей, богатством природных ресурсов, транспортной доступностью. В связи с перебазируванием большого количества индустриальных объектов и гражданского населения на территории региона происходили

важнейшие социально-экономические изменения. Можно сделать вывод, что война была мощным импульсом для развития Западной Сибири.

Исходя из этого, необходимо уделять пристальное внимание эвакуационному процессу. В основном исследователи в своих работах поднимают проблему эвакуации промышленных объектов на территорию Сибири, при этом вопрос спасения населения отходит на второй план. Для объективного изучения событий войны нужно проявлять научный интерес к теме эвакуации гражданского населения, их работе, мотивации, условиям труда, быта, социальным и культурным потребностям.

Цель работы – попытка показать существующие подходы и их эволюцию в изучении проблемы эвакуации гражданского населения на территорию Западной Сибири в отечественной историографии.

Методы и материалы

Методологической основой работы служит метод периодизации, позволяющий выделить отдельные этапы в развитии исторической науки с целью обнаружения ведущих направлений научной мысли, выявления новых элементов в ее структуре. В рамках рассматриваемой проблемы с помощью данного метода выявляются основные этапы изучения темы эвакуации гражданского населения. Также стоит упомянуть проблемно-хронологический метод, позволяющий разделить широкую тему на ряд узких проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности.

Результаты

Проблема эвакуации гражданского населения рассмотрена в соответствии со следующей периодизацией: первый этап – 1941–1955 гг.; второй этап – 1956–1990 гг.; третий этап – 1991 г. – настоящее время. Каждый из этапов связан с определенным подходом к изучению вопросов эвакуации промышленных объектов и населения в годы Великой Отечественной войны.

I этап. 1941–1955 гг.

Первые работы, косвенно связанные с процессом эвакуации промышленности и населения, появились еще в годы войны. Чаще всего данные труды были написаны с целью агитации и пропаганды, с целью показать значение эвакуации промышленности, самоотверженность граждан и трудовой героизм¹ [Иоффе 1943]. Внимания заслуживает книга В. И. Стрельского, посвященная роли Сибири в Великой Отечественной войне. Автор рассматривает регион как территорию с развитыми промышленными центрами, на базе которых разместились эвакуированные мощности. Он уделяет внимание и эвакуации населения, упоминая, что на предприятиях работали кадры из западных районов страны [Стрельский 1943]. В данных исследованиях проблема эвакуации была только обозначена.

В послевоенные годы интерес к рассматриваемой проблеме возрос. Стали уделять внимание анализу итогов Второй мировой и Великой Отечественной войны, рассматривать социально-экономические последствия. В работах Л. М. Гатовского, Б. М. Соколова впервые стала подниматься проблема работы тыла, в том числе и на территории Сибири [Гатовский 1946; Соколов 1946].

Следует выделить работу Н. А. Вознесенского, посвященную экономике СССР в годы войны. Автор сделал акцент на промышленном развитии Западной Сибири, писал о формировании новых отраслей промышленности, в том числе благодаря перебазированию предприятий. Исследователь не уделил пристального внимания эвакуации гражданского населения, однако подчеркнул важнейшую роль данного процесса для страны [Вознесенский 1948].

Важным является исследование Ю. А. Васильева, в котором автор впервые выделил эвакуированное население в отдельную категорию. Для данных граждан прорабатывались вопросы приема и размещения, трудоустройства, оказания необходимой помощи [Васильев 1955].

Работы первого этапа практически не преследовали научных целей, они были написаны для демонстрации героизма и мужества советского народа на поле боя и в тылу. Проблеме эвакуации гражданского населения в Западную Сибирь отводилось совсем незначительное место, однако авторами был обозначен данный аспект.

II этап. 1956–1990 гг.

Второй этап характеризуется выделением проблемы эвакуации гражданского населения в отдельную тему для исследования, в частности данный процесс отразился и в рамках крупных работ, посвященных Великой Отечественной войне.

Можно привести в пример шеститомную «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза». Особый интерес представляет том 2, где достаточно подробно был представлен процесс эвакуации промышленных предприятий, оборудования, а главное – гражданского населения на территорию Сибири. Важное место авторы отвели роли органов власти в данном процессе. Также в работе рассмотрены постановления, которые являлись основополагающими для эвакуации промышленности и гражданского населения. Однако, вопросы приема, трудоустройства, быта для данной категории граждан практически не затрагивались [Андреев и др. 1961].

Важнейшим событием для историографии Великой Отечественной войны стало издание двенадцатитомной «Истории Второй мировой войны, 1939–1945», где интерес для нас представляет том 5, посвященный

¹ Два года Отечественной войны Советского союза: Ко 2-й годовщине Отечественной войны. Сообщение Совинформбюро. М.: Госполитиздат, 1943. 10 с.

созданию условий для коренного перелома в войне. В работе, как и в предыдущем труде, основное место отведено эвакуации промышленных мощностей в восточные районы СССР, созданию экономически крепкого тыла, а также фрагментарно упомянуты проблемы организации процесса эвакуации гражданского населения [Андроников и др. 1975].

Большой интерес представляет сборник статей и воспоминаний «Эшелоны идут на восток», который был издан институтом истории Академии наук СССР [Эшелоны идут... 1966]. В данном сборнике впервые была отдельно обозначена проблема эвакуации гражданского населения. В статье И. И. Белоносова рассмотрена эвакуация населения из прифронтовой полосы, сделан акцент на плановую и неплановую эвакуацию, транспортировку и распределению эвакуированного населения на местах, упомянуты проблемы социально-бытового характера и способы их решения [Белоносов 1966]. Другой не менее важной является работа Л. И. Погребного из этого же сборника, посвященная деятельности Совета по эвакуации. Автор описывает четкую структуру данного совета, обозначает его функции и задачи. Особое внимание уделено проблеме перевозки населения в тыловые территории, упомянуты оказание медицинской помощи, продуктовое обеспечение и др. [Погребной 1966]. В данных исследованиях авторы обозначили, что эвакуация часто проходила стихийно, описаны некоторые просчеты. В работах рассмотрена эвакуация населения из прифронтовых территорий, при этом практически нет информации по размещению и дальнейшему проживанию данных граждан на территории Сибири.

Коллектив авторов издания «Советский тыл в Великой Отечественной войне» достаточно подробно описал значение эвакуационного процесса, обратил внимание на работу Совета по эвакуации. Однако в работе подробно не рассмотрены особенности жизни эвакуированного населения на территории Западной Сибири [Советский тыл... 1974].

На данном этапе стали появляться исследования, посвященные региональной тематике. «История Сибири с древнейших времен до наших дней» является фундаментальным исследованием, в томе 5 которого нашли отражение события Великой Отечественной войны. В работе значимое место отведено перестройке экономики на военный лад, перебазированию промышленности из западных районов, упомянуто эвакуированное население, в основном на территории Новосибирска [История Сибири... 1969].

В работе М. Р. Акулова обозначена проблема промышленного развития Сибири в годы Великой Отечественной войны. Автор отдельно рассмотрел введение в строй эвакуированных предприятий на территории региона, при этом затронул проблему нехватки кадров для предприятий и способы ее решения, в том числе и с помощью привлечения эвакуированного населения [Акулов 1967]. Другим примером является исследование Г. А. Докучаева, посвященное сибирскому тылу. Автор выделил эвакуированное население как один из основных источников пополнения рабочей силы промышленности, транспорта, строительных организаций и других отраслей экономики Сибири. При этом сделал вывод, что достаточно проблематично просчитать удельный вес эвакуированных рабочих [Докучаев 1968].

Данные работы связаны с экономическим подходом в изучении проблемы эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны в Западную Сибирь. Но появились исследования, в которых стал проследиваться социальный подход к проблеме, в рамках которого большинство исследований посвящено рабочему классу. Одной из основополагающих работ является монография А. В. Митрофановой «Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны», в которой автор рассмотрела изменения численности и состава рабочего класса СССР в годы войны. Особое место уделено социальным аспектам, связанным с процессом эвакуации населения [Митрофанова 1960].

В рамках регионального аспекта социального подхода стоит упомянуть работы Г. А. Докучаева, С. Н. Витковского, З. Г. Карпенко, В. В. Алексева, В. А. Исупова, в которых рассмотрена динамика численности рабочего класса Сибири и Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. Эвакуированному населению не отводилось основное место, однако оно упомянуто в контексте исследований [Алексеев, Исупов 1986; Витковский, Карпенко 1970; Докучаев 1973].

Указанные работы непосредственно связаны с экономическими процессами периода Великой Отечественной войны, однако основное внимание в них уделено изменению социальной структуры и численности населения, регулированию его состава и движения. Процесс эвакуации населения напрямую был связан со многими социальными изменениями, которые происходили в Сибири в годы войны.

Для историографии данного этапа характерно появление разноплановых трудов по истории Великой Отечественной войны. Впервые началось углубленное

изучение проблемы эвакуации гражданского населения в Западную Сибирь. Большинство исследователей рассматривали этот вопрос в рамках экономического подхода, однако стали появляться научные труды социально-демографической направленности. Особенностью второго этапа являлась определенная закрытость темы эвакуации населения в годы войны. Это было обусловлено идеологическим фактором, т.к. невозможно было критиковать социальную и демографическую политику государства, показывать несовершенство механизмов данного процесса. В связи с этим проблема эвакуации не получила комплексного исследования.

III этап. 1991 г. – настоящее время

Третий этап историографии связан с распадом Советского государства, исчезновением идеологических запретов, рассекречиванием большого количества архивных документов. Все это способствовало актуализации темы эвакуации населения на территории Западной Сибири.

В постсоветское время продолжают создаваться обобщающие труды, посвященные теме Великой Отечественной войны. Преобладающим для данных работ остается экономический подход, в рамках которого проблеме эвакуации населения уделяется незначительное место [Великая Отечественная... 1998; Караваева и др. 2015; Куманев и др. 2013; Хохлов 2005].

Междисциплинарная работа В. Т. Анискова посвящена борьбе крестьянства с фашизмом. В отличие от других авторов, которые в основном рассматривали процесс эвакуации на примере городов и промышленных центров, Виктор Тихонович в своей работе сделал акцент на сельские территории и крестьянство, затрагивая и тему эвакуации гражданского населения [Анисков 2003]. Другая работа автора непосредственно связана с численностью и составом эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны, однако написана она на стыке двух этапов [Анисков 1989].

В отдельную категорию необходимо отнести работы, посвященные истории регионов Сибири. В данных исследованиях авторы часто обращаются к проблеме эвакуации промышленности и гражданского населения. Например, Н. П. Шуранов, используя обширный архивный материал, осветил деятельность кузбасского тыла. Николай Павлович рассмотрел размещение предприятий на территории Кузбасса, привел данные о количестве эвакуированного в регион населения [Шуранов 1995; 2000]. Говоря о Кузбассе, стоит

упоминать работу И. Ю. Ускова, в которой рассмотрен процесс эвакуации на примере столицы региона [Усков 2000]. Внимания заслуживает издание, посвященное истории Новосибирской области, в рамках которого значимое место отведено периоду Великой Отечественной войны, в том числе проблеме эвакуации в Новосибирск и область [Андреев и др. 2017]. В. Д. Гончаров описывает вклад Алтайского края в победу в Великой Отечественной войне. Автор уделяет основное внимание эвакуации промышленности, а не гражданского населения, хотя и упоминает о нем [Гончаров 2016]. Существуют работы, касающиеся эвакуации гражданского населения в Омскую область. Стоит выделить исследование М. И. Машкарин, в котором автор рассматривает становление Омска как центра военно-промышленного комплекса на востоке СССР в годы Великой Отечественной войны, затрагивая и процесс эвакуации населения [Машкарин 2014]. Особый интерес вызывает работа А. И. Шумилова, где автор раскрывает деятельность омичей по приему и размещению эвакуированного населения на территории области [Шумилов 1999].

В данный период времени появляется значительное количество работ, посвященных эвакуации населения в Западную Сибирь. В первую очередь необходимо отметить фундаментальный трехтомный труд «Во имя победы». В первом томе содержатся документы, отражающие деятельность органов власти Западной Сибири в процессе эвакуации населения. Второй том включает информацию, связанную с условиями жизни данных граждан на новых местах. Третий том посвящен проблемам эвакуации детей [Во имя Победы... 2005]. Также Людмила Илларионовна в своих работах отдельно затрагивает такие вопросы, как трудоустройство и социальный состав эвакуированного населения, медицинское обслуживание, обращает внимание на прием и размещение детских учреждений, упоминает и эвакуацию высших учебных заведений [Снегирева 2010a; 2010b; 2015e; 2015g; 2018a; 2018b]. Вместе с тем исследователь уделяет внимание и процессу реэвакуации населения [Снегирева 2015a; 2015b; 2015c; 2015d; 2015f; Снегирева, Сафонова 2004].

Интерес представляет и работа Т. А. Сафоновой, где поднимается проблема организации приема и обустройства эвакуированного населения на территории Западной Сибири, помимо этого исследователь затрагивает сферу строительства: приводит данные о вводе в эксплуатацию нового жилья, в том числе и для эвакуированных граждан [Сафонова 2000].

С. В. Зяблицева в своих работах затрагивает культурную сферу западной Сибири и ее трансформацию в связи с влиянием эвакуационного процесса. Светлана Владимировна в первую очередь уделяет внимание музыкально-театральной жизни региона, рассматривает кадровый, эстетический, художественно-просветительский и образовательный аспекты [Зяблицева 2012; 2016].

Отдельно остановимся на трудах Ю. А. Мелеховой. Автор поднимает вопросы организации учета эвакуированного населения [Мелехова 2014b], продовольственного [Мелехова 2015b], материально-бытового и медицинского обеспечения данных граждан [Мелехова 2014а; 2015а], уделяет внимание историографии и источникам исследования данной темы [Мелехова 2018]. Юлия Александровна активно занимается вопросами эвакуации гражданского населения, однако в основном рассматривает территорию Алтайского края [Мелехова 2016].

Данные работы имеют выраженный социальный характер, в них на первое место выходят проблемы эвакуированного населения и способы их решения.

Интерес вызывают и работы демографического характера. Новосибирский исследователь В. А. Исупов рассматривает численность, состав и воспроизводство населения на территории Западной Сибири. Автор делает акцент и на процессе эвакуации населения, т. к. он имел прямое воздействие на демографические тенденции в регионе [Исупов 2010; 2016]. М. П. Беленко уделяет внимание социально-демографическим трендам, рассматривая численность и половой состав эвакуированных [Беленко 2011].

Опираясь на архивный материал, выявленный и опубликованный в первом томе труда «Во имя победы» [Во имя Победы... 2005], томский исследователь Д. В. Закиров предпринял попытку визуализации динамики размещения эвакуированного населения на территории Западной Сибири [Закиров 2021]. Стоит отметить работу К. А. Заболотской и А. В. Белькова, посвященную демографическим тенденциям индустриального Кузбасса (конец XIX – начало XXI в.) [Заболотская, Бельков 2012].

Заключение

Историографический обзор проблемы способствовал выявлению различных подходов к изучению вопроса эвакуации населения на территорию Западной Сибири и их эволюции. Основная часть исследований является элементом экономического подхода. Эвакуированное население в данных работах рассматривается

в контексте перебазирования промышленных предприятий и оборудования на территорию Сибири. Данный подход актуален для всех выделенных этапов.

Первый этап, затрагивающий военное и послевоенное время, представлен работами, в которых проблема эвакуации населения и промышленности была только обозначена. Главным являлось отражение подвига и самоотверженности советского народа. Особенностью данного этапа является закрытость источниковых баз, т. к. еще в 1938 г. Центральное архивное управление СССР было передано из ведения ЦИК СССР в ведение НКВД СССР [Щеменкова 2019: 106–111]. В связи с этим все нормативно-распорядительные документы были засекречены.

Второй этап (1956–1991 гг.) отличается появлением работ, затрагивающих социальный аспект эвакуационного процесса. Авторы стали поднимать вопросы трудоустройства эвакуированного населения, проблемы бытового уровня, обращать внимание на сам процесс эвакуации. Данный этап также характеризуется появлением работ, связанных непосредственно с историей Сибири в годы Великой Отечественной войны, в рамках которых тема эвакуации промышленности и населения находит яркое отражение. В целом исследование данного этапа стали фундаментом для изучения выбранной авторами темы. Второй этап имел свои ограничения в изучении проблемы эвакуации. До 1960 г. остается актуальной проблема закрытости архивов, которые все еще находились в ведомстве МВД СССР. После 1960 г., в связи с переходом архивного управления в гражданское ведомство, ситуация с доступом к документам стала меняться в лучшую сторону. Однако, практически на всем протяжении второго этапа сдерживающим элементом в исследовании вопроса являлась идеологическая составляющая. Нельзя было поднимать темы, связанные с ошибками и просчетами советского руководства в вопросах эвакуации гражданского населения и промышленности в тыловые районы.

Третий этап историографии (1991 г. – настоящее время) характеризуется появлением работ демографического характера, в рамках которых авторы уделяют внимание изменению численности населения городов и регионов Сибири, прослеживают национальный, возрастной и половой состав населения. Исследователи делают акцент и на эвакуированных граждан, которые напрямую повлияли на демографическую ситуацию в регионе. Особенностью современного этапа является выход на первый план социального подхода к изучению проблемы эвакуации населения

на территорию Западной Сибири. Появляются научные труды, посвященные различным аспектам данного процесса. Авторы рассматривают проблемы транспортировки, приема, трудоустройства эвакуированных граждан, косвенно обращают внимание на социально-бытовые условия проживания.

Однако многие аспекты эвакуационного процесса до сих пор остаются малоисследованными. Стоит обратить внимание на стихийную (неорганизованную) эвакуацию населения на территорию Западной Сибири, на ошибки и просчеты в ее организации. Слабо изучены обустройство и проживание эвакуируемых на местах и их роль в экономике региона. Стоит обратить внимание на влияние процесса эвакуации на социальную и культурную сферу Западной Сибири. В связи с этим для комплексного изучения работы сибирского тыла и вклада региона в победу в Великой Отечественной войне необходимо обратить пристальное внимание на проблему эвакуации населения.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. Ю. Стародубцев – сбор материала, анализ исторических исследований, написание статьи (60 %). А. Н. Ермолаев – концептуализация, сбор материала, анализ исторических исследований, написание статьи (40 %).

Contribution: E. Yu. Starodubtsev collected the material, analyzed the historical research, and wrote the manuscript (60%). A. N. Ermolaev developed the research concept, collected the research material, analyzed the historical data, and wrote the manuscript (40%).

Финансирование: Работа выполнена по государственному заданию, проект № 0286-2021-0012 «Кузбасс в составе Российского государства: социально-экономическое и общественно-политическое развитие региона в XVII–XX вв.».

Funding: The research was part of State Assignment No. 0286-2021-0012: Kuzbass as Part of the Russian State: Socio-Economic and Socio-Political Development of The Region in the XVII–XX Centuries.

Литература / References

- Акулов М. Р. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ставрополь, 1967. 332 с. [Akulov M. R. *Industrial development of Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945)*. Stavropol, 1967, 332. (In Russ.)]
- Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. 230 с. [Aleksseev V. V., Isupov V. A. *Population of Siberia during the Great Patriotic War*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1986, 230. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rzxe1>
- Андреев П. П., Баграмян И. Х., Барбашин И. П., Фокин Н. А., Беликова А. М., Воронин В. В., Поспелов П. Н. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). М.: Воениздат, 1961. 681 с. [Andreev P. P., Bagramyan I. Kh., Barbashin I. P., Fokin N. A., Belikova A. M., Voronin V. V., Pospelov P. N. *History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945. Vol. 2. Repulse by the Soviet people of the treacherous attack of Nazi Germany on the USSR. Creating conditions for a radical change in the war (June 1941 – November 1942)*. Moscow: Voenizdat, 1961, 681. (In Russ.)]
- Андреев С. Н., Зверев В. А., Зверева К. Е., Исупов В. А., Кузнецова Ф. С., Молодин В. И., Соловьев А. И., Соловьева Е. А., Хлытина О. М. История Новосибирской области: история России через историю регионов. М.-Новосибирск: Интеграция: Образование и наука, 2017. 379 с. [Andreenkov S. N., Zverev V. A., Zvereva K. E., Isupov V. A., Kuznetsova F. S., Molodin V. I., Solovyov A. I., Solovyova E. A., Khlytina O. M. *History of the Novosibirsk region: History of Russia through the history of regions*. Moscow-Novosibirsk: Integratsiia: Obrazovanie i nauka, 2017. 379. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zmsuyp>
- Андроников Н. Г., Черемухин К. А., Багров В. Н., Устинов Д. Ф., Гречко А. А. История Второй мировой войны, 1939–1945. Т. 4. Фашистская агрессия против СССР: крах стратегии «молниеносной войны». М.: Воениздат, 1975. 534 с. [Andronikov N. G., Cheremukhin K. A., Bagrov V. N., Ustinov D. F., Grechko A. A. *History of the Second*

- World War, 1939–1945. Vol. 4. Fascist aggression against the USSR: The collapse of the strategy of "blitzkrieg".* Moscow: Voenizdat, 1975, 534. (In Russ.)]
- Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма, 1941–1945. История и психология подвига. М.: Памятники ист. мысли, 2003. 500 с. [Aniskov V. T. *Peasantry against fascism, 1941–1945. History and psychology of heroism.* Moscow: Pamiatniki ist. mysli, 2003, 500. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qosjdi>
- Анисков В. Т. Численность и состав эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны. *Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. 2. Социально-демографическое развитие советской Сибири*: Всесоюз. науч. конф. (Новосибирск, 12–14 декабря 1989 г.) Новосибирск, 1989. С. 43–44. [Aniskov V. T. Number and composition of the evacuated population during the Great Patriotic War. *Historical experience of socio-demographic development of Siberia. Iss. 2. Socio-demographic development of Soviet Siberia*: Proc. All-Union Sci. Conf., Novosibirsk, 12–14 Dec 1989. Novosibirsk, 1989, 43–44. (In Russ.)]
- Беленко М. П. Эвакуированное гражданское население в Западной Сибири: социально-демографический аспект (1941–1943 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 204 с. [Belenko M. P. *Evacuated civilian population in Western Siberia: Socio-demographic aspect (1941–1943)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Novosibirsk, 2011, 204. (In Russ.)]
- Белоносов И. И. Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг. *Эшелоны идут на Восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.*, ред. Ю. А. Поляков. М.: Наука, 1966. С. 15–30. [Belonosov I. I. Evacuation of the population from the front line in 1941–1942. *Trains go to the East: From the history of the relocation of the productive forces of the USSR in 1941–1942*, ed. Polyakov Yu. A. Moscow: Nauka, 1966, 15–30. (In Russ.)]
- Васильев Ю. А. КПСС – вдохновитель и организатор патриотического подъема Советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах партийных организаций Западной Сибири): дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. 307 с. [Vasilyev Yu. A. *The Communist Party of the Soviet Union as the inspirer and organizer of the patriotic upsurge of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941–1945: materials from the party organizations in Western Siberia*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 1955, 307. (In Russ.)]
- Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Т. 1. Суровые испытания, ред. В. А. Золотарев. М.: Наука, 1998. 544 с. [Great Patriotic War. 1941–1945. *Military-historical essays. Vol. 1. Severe tests*, ed. Zolotarev V. A. Moscow: Nauka, 1998, 544. (In Russ.)]
- Витковский С. Н., Карпенко З. Г. Рабочие индустриального Кузбасса. Кемерово: Кн. изд-во, 1970. 99 с. [Vitkovskiy S. N., Karpenko Z. G. *Workers of industrial Kuzbass*. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1970, 99. (In Russ.)]
- Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах, сост. Л. И. Снегирева, Т. А. Сафонова. Томск: ТГПУ, 2005. 1135 с. [In the name of Victory: *The evacuation of the civilian population to Western Siberia in documents and materials*, comps. Snegireva L. I., Safonova T. A. Tomsk: TSPU, 2005, 1135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpbllul>
- Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948, 192 с. [Voznesenskiy N. A. *Military economy of the USSR during the Patriotic War*. Moscow: Gospolitizdat, 1948, 192. (In Russ.)]
- Гатовский Л. М. Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне. М.: Госполитиздат, 1946. 124 с. [Gatovsky L. M. *Economic victory of the Soviet Union in the Great Patriotic War*. Moscow: Gospolitizdat, 1946, 124. (In Russ.)]
- Гончаров В. Д. Вклад Алтайского края в Победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг. 2-е изд., доп. и испр. Барнаул: Колмогоров И. А., 2016. 608 с. [Goncharov V. D. *Contribution of the Altai Territory to the Victory over Nazi Germany in the Great Patriotic War in 1941–1945*. 2nd ed. Barnaul: Kolmogorov I. A., 2016, 608. (In Russ.)]
- Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1973. 423 с. [Dokuchaev G. A. *The working class of Siberia and the Far East during the Great Patriotic War*. Moscow: Nauka, 1973, 423. (In Russ.)]
- Докучаев Г. А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Наука, 1968. 322 с. [Dokuchaev G. A. *Siberian rear in the Great Patriotic War*. Novosibirsk: Nauka, 1968, 322. (In Russ.)]
- Заболотская К. А., Бельков А. В. Демографические тенденции индустриального Кузбасса (конец XIX – начало XXI в.). *Гуманитарные науки в Сибири*. 2012. № 4. С. 22–26. [Zabolotskaya K. A., Belkov A. V. Demographic

- trends in the industrial Kuzbass (in the late XIX – early XXI centuries). *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2012, (4): 22–26. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/pukanb>
- Закиров Д. В. Визуализация динамики размещения эвакуированного населения в Западной Сибири в 1941 г. *Приоритеты и стратегические направления развития педагогического образования в эпоху 4.0: Междунар. конф. (Томск, 19–24 апреля 2021 г.)* Томск: ТГПУ, 2021. Т. 2. С. 540–545. [Zakirov D. V. Visualizing the dynamics of civil evacuation in Western Siberia in 1941. *Priorities and strategic directions for the development of teacher education in Era 4.0: Proc. Intern. Conf., Tomsk, 19–24 Apr 2021.* Tomsk: TSPU, 2021, vol. 2, 540–545. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ruylck>
- Зяблицева С. В. Влияние эвакуационного процесса на театральную сферу Западной Сибири периода Великой отечественной войны. *Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Всерос. науч.-практ. конф. «VI Емельяновские чтения».* (Курган, 26–28 апреля 2012 г.) Курган: КГУ, 2012. С. 237–239. [Zyablitseva S. V. Effect of evacuation on the theaters of Western Siberia during the Great Patriotic War. *Ural and Siberia in the context of the development of Russian statehood: Proc. All-Russian Sci. Conf. "VI Emelyanov Readings"*, Kurgan, 26–28 Apr 2012. Kurgan: KSU, 2012, 237–239. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ztxofn>
- Зяблицева С. В. Эвакуация 1941–1942 гг. как фактор перемен в культурной жизни Западной Сибири. *Вопросы истории.* 2016. № 2. С. 126–136. [Zyablitseva S. V. The evacuation 1941–1942 as a factor of change in the atrical and musical life of Western Siberia. *Voprosy Istorii*, 2016, (2): 126–136. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vobrht>
- Иоффе А. Ф. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. *Вестник Академии наук СССР.* 1943. № 7-8. С. 6–9. [Ioffe A. F. Soviet science during the Great Patriotic War. *Vestnik Akademii nauk SSSR*, 1943, (7-8): 6–9. (In Russ.)]
- История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и переходы к коммунизму, ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л.: Наука, 1969. 470 с. [*History of Siberia from ancient times to the present day. Vol. 5. Siberia during the completion of the construction of socialism and the transition to communism*, eds. Okladnikov A. P., Shunkov V. I. Leningrad: Nauka, 1969, 470. (In Russ.)]
- Исупов В. А. Население Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: численность, состав, воспроизводство. *Российская история.* 2010. № 4. С. 69–84. [Isupov V. A. The population of Western Siberia during the Great Patriotic War: Number, composition, and reproduction. *Rossiiskaia Istorii*, 2010, (4): 69–84. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/msnrhxv>
- Исупов В. А., Коробейникова Н. С., Семенов М. А. Население западной Сибири в годы Второй Мировой войны: 1939–1945 гг. *Демографическое обозрение.* 2016. Т. 3. № 2. С. 143–168. [Isupov V. A., Korobeynikova N. S., Semenov M. A. Population of Western Siberia during the Second World War (1939–1945). *Demographic Review*, 2016, 3(2): 143–168. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wzzpjsj>
- Караваева И. В., Бокарев Ю. П., Иванченко В. М., Димов В. А., Гагарина Г. Ю., Архипова Л. С., Иванов Е. В., Осипов В. С., Белозерова С. М., Зельднер А. Г., Архипов А. И., Кузнецова О. Д., Аверченко М. А., Казанников А. А., Шпотов Б. М. Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности. М.: ИЭ РАН, 2015. 342 с. [Karavaeva I. V., Bokarev Yu. P., Ivanchenko V. M., Dimov V. A., Gagarina G. Yu., Arkhipova L. S., Ivanov E. V., Osipov V. S., Belozerova S. M., Zeldner A. G., Arkhipov A. I., Kuznetsova O. D., Averchenko M. A., Kazannikov A. A., Shpotov B. M. *The economic foundation of the victory: Parallels of history and modernity.* Moscow: IE RAS, 2015, 342. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uywket>
- Куманев Г. А., Минаев А. В., Вещиков П. И., Виниченко М. В., Гаража Н. А., Димов В. А., Забелин Л. В., Золотарев В. А., Зотова А. В., Ионов В. В., Кириллов А. В., Малышева Е. М., Минаев А. В., Немцов А. В., Панов В. В., Новоселов Ф. И., Петрова Н. К., Репинецкий А. И., Серазетдинов Б. У., Симоненко В. Б., Соколов А. М., Тимченко А. В., Федосов Е. А., Христофоров В. С., Шеремет И. Б., Шукин В. Д. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 7. Экономика и оружие войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с. [Kumanev G. A., Minaev A. V., Veshchikov P. I., Vinichenko M. V., Garazha N. A., Dimov V. A., Zabelin L. V., Zolotarev V. A., Zotova A. V., Izonov V. V., Kirillov A. V., Malysheva E. M., Minaev A. V., Nemtsov A. V., Panov V. V., Novoselov F. I., Petrova N. K., Repinetsky A. I., Serazetdinov B. U., Simonenko V. B., Sokolov A. M., Timchenko A. V., Fedosov E. A., Khristoforov V. S., Sheremet I. B., Shchukin V. D. *The Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 7. Economics and weapons of war.* Moscow: Kuchkovo pole, 2013, 864. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tithav>

- Машкарин М. И. Становление города Омска как центра военно-промышленного комплекса на Востоке СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 годы). *Динамика систем, механизмов и машин*. 2014. № 6. С. 204–206. [Mashkarin M. I. The period of Omsk becoming a center of military and industrial complex in the East of USSR during Great Patriotic War (1941–1945). *Dynamics of Systems, Mechanisms and Machines (Dynamics)*, 2014, (6): 204–206. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/szflwd>
- Мелехова Ю. А. Историография и источники исследования эвакуации населения на территорию Алтайского края в годы Великой Отечественной войны. *Гуляевские чтения: девятая и десятая историко-архивная конф.* (Барнаул, 8 декабря 2015 г. – 13 декабря 2018 г.) Барнаул, 2018. С. 146–155. [Melekhova Yu. A. Historiography and sources of research on the evacuation of the population to the territory of the Altai Territory during the Great Patriotic War. *Gulyaev Readings: Proc. ninth and tenth Hist.-Archiv. Conf.*, Barnaul, 8 Dec 2015 – 13 Dec 2018. Barnaul, 2018, 146–155. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sedshu>
- Мелехова Ю. А. Исторический опыт организации приема и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Алтайского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 27 с. [Melekhova Yu. A. *The historical experience of organizing the reception and accommodation of the evacuated population during the Great Patriotic War in the Altai Region*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Barnaul, 2016, 27. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wgrjcx>
- Мелехова Ю. А. Материально-бытовое обеспечение эвакуированных граждан в 1941–1943 гг. на примере Алтайского края. *Актуальные вопросы гуманитарных наук: Всерос. науч.-практ. конф.* (Кемерово, 31 октября 2014 г.) Кемерово: КузГТУ, 2014а. С. 183–189. [Melekhova Yu. A. Material support of evacuated citizens in 1941–1943 in the Altai Region. *Topical issues of the humanities: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Kemerovo, 31 Oct 2014. Kemerovo: KuzSTU, 2014а, 183–189. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tcdmcl>
- Мелехова Ю. А. Медико-санитарное обслуживание воспитанников эвакуированных детских учреждений в 1941–1943 гг. (на примере Алтайского края). *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2015а. № 4. С. 408–411. [Melekhova Yu. A. Health care of children from evacuated childcare institutions in 1941–1943 (on the example of Altai Krai). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2015а, (4): 408–411. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tsilxz>
- Мелехова Ю. А. Организация учета эвакуированного населения в 1941–1943 гг. (по материалам Алтайского края). *Известия Алтайского государственного университета*. 2014б. № 4-2. С. 171–175. [Melekhova Yu. A. Organization of evacuees registration during the Great Patriotic War in 1941–1943: The case study Based of the Altai Territory. *Izvestiya of Altai State University*, 2014б, (4-2): 171–175. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)4.2-23](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.2-23)
- Мелехова Ю. А. Продовольственное обеспечение эвакуированных граждан в 1941–1943 годах (на материалах Алтайского края). *Вестник Пермского университета. История*. 2015б. № 2. С. 148–155. [Melekhova Yu. A. Food provision of evacuees, 1941–1943 (on the example of Altai Region). *Perm University Herald – History*, 2015б, (2): 148–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugvohb>
- Митрофанова А. В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны. (1941–1942 гг.). М.: АН СССР, 1960. 486 с. [Mitrofanova A. V. *The working class of the Soviet Union in the first period of the Great Patriotic War. (1941–1942)*. Moscow: AS USSR, 1960, 486. (In Russ.)]
- Погребной Л. И. О деятельности Совета по эвакуации. *Эшелоны идут на Восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.*, ред. Ю. А. Поляков. М.: Наука, 1966. С. 201–207. [Pogrebnoy L. I. Activity of the Evacuation Council. *Trains go to the East: From the history of the relocation of the productive forces of the USSR in 1941–1942*, ed. Polyakov Yu. A. Moscow: Nauka, 1966, 201–207. (In Russ.)]
- Сафонова Т. А. Прием и размещение эвакуированного населения в Западной Сибири в 1941–1942 годах. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2000. № 4. С. 122–125. [Safonova T. A. Reception and accommodation of the evacuated population in Western Siberia in 1941–1942. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2000, (4): 122–125. (In Russ.)]
- Снегирева Л. И. К вопросу о периодизации реэвакуационного процесса. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015а. № 2-6. С. 201–205. [Snegireva L. I. On the issue of re-evacuation process periodization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015а, (2): 201–205. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubtixd>
- Снегирева Л. И. Медико-санитарное обслуживание населения, эвакуируемого в западносибирский тыл (1941–1943 гг.). *Гуманитарные науки в Сибири*. 2018а. Т. 25. № 1. С. 49–53. [Snegireva L. I. The medical-sanitary

- services provided to the population in process of its evacuation to the West-Siberian rear area (1941–1943). *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2018a, 25(1): 49–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.15372/HSS20180108>
- Снегирева Л. И. Прием и размещение эвакуированных детских учреждений в западносибирском тылу (1941–1943 годы). *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2018b. № 5. С. 143–156. [Snegireva L. I. The receiving and housing the evacuated children's institutions in the West Siberian rear area (1941–1943). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018b, (5): 143–156. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-5-143-156>
- Снегирева Л. И. Проблемы реэвакуации коллективов промышленных предприятий и их решение в западносибирском регионе (1942–1948 гг.). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015b. № 3-1. С. 70–76. [Snegireva L. I. The problems of re-evacuation of the staffs of industrial enterprises and their solving in the West Siberian region (1942–1948). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015b, (3-1): 70–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/umlddf>
- Снегирева Л. И. Реэвакуация из Западной Сибири в освобожденные районы специалистов сельского хозяйства (1943–1945 гг.). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015c. № 2-6. С. 206–209. [Snegireva L. I. Re-evacuation of agriculturalists from Western Siberia to liberated areas (1943–1945). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015c, (2-6): 206–209. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubtixn>
- Снегирева Л. И. Реэвакуация строительных организаций и специалистов-строителей в освобожденные районы страны в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири). *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2015d. № 9. С. 181–187. [Snegireva L. I. Re-evacuation of building organizations and building specialists to the liberated areas of the country in the years of the Great Patriotic War (based on the materials about West Siberia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015d, (9): 181–187. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ulyzwh>
- Снегирева Л. И. Состав населения, эвакуированного в Западно-Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2015e. № 2. С. 38–43. [Snegireva L. I. The composition of the population evacuated to the West Siberian rear area during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015e, (2): 38–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tkhytf>
- Снегирева Л. И. Социально-экономические последствия реэвакуации в западносибирском тылу (1942–1948 гг.). *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2015f. № 9. С. 188–195. [Snegireva L. I. Socio-economical consequences of the re-evacuation in the West Siberian rear area (1942–1948). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015f, (9): 188–195. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ulyzwr>
- Снегирева Л. И. Трудоустройство эвакуированного населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2010a. Т. 9. № 1. С. 201–210. [Snegireva L. I. The job placement of evacuated population in Western Siberia during the Great Patriotic War. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2010a, 9(1): 201–210. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzbuml>
- Снегирева Л. И. Эвакуация детей в Западную Сибирь (1941–1945 гг.). *Гуманитарные науки в Сибири*. 2010b. № 2. С. 28–31. [Snegireva L. I. Evacuation of children to Western Siberia (1941–1945). *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2010b, (2): 28–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncaxlz>
- Снегирева Л. И. Эвакуированные вузы и их вклад в развитие сельскохозяйственного производства Западной Сибири (1942–1945 гг.). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015g. № 4-1. С. 35–40. [Snegireva L. I. Evacuated universities and their contribution to the development of agricultural production in Western Siberia (1942–1945). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015g, (4-1): 35–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/umldqh>
- Снегирева Л. И., Сафонова Т. А. Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 годы). *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2004. № 4. С. 22–30. [Snegireva L. I., Safonova T. A. Re-evacuation of the civilian population from Western Siberia during the Great Patriotic War (1942–1945). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2004, (4): 22–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kizodj>

- Советский тыл в Великой Отечественной войне, ред. П. Н. Поспелова. М.: Мысль, 1974. 700 с. [*Soviet rear in the Great Patriotic War*, ed. Pospelova P. N. Moscow: Mysl, 1974, 700. (In Russ.)]
- Соколов Б. М. Промышленное строительство в годы Отечественной войны. М.: Госпланиздат, 1946. 56 с. [Sokolov B. M. *Industrial construction during the years of the Patriotic War*. Moscow: Gosplanizdat, 1946, 56. (In Russ.)]
- Стрельский В. И. Сибирь в Великой Отечественной войне. Омск: Омгиз, 1943. 60 с. [Strelskiy V. I. *Siberia in the Great Patriotic War*. Omsk: Omgiz, 1943, 60. (In Russ.)]
- Усков И. Ю. Кемерово и эвакуация 1941–1942 гг. *Кузбасс в годы Великой Отечественной войны*: област. науч.-практ. конф. (Кемерово, 20 июня 2000 г.) Кемерово: Притомское, 2000. С. 18–21. [Uskov I. Yu. *Kemerovo and evacuation in 1941–1942. Kuzbass during the Great Patriotic War*: Proc. Regional Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, 20 Jun 2000. Kemerovo: Pritomskoe, 2000, 126–136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/stacij>
- Хохлов Е. В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй Мировой войны. СПб.: СПбГУ, 2005. 280 с. [Khokhlov E. V. *The military economy of the USSR on the eve and during the Second World War*. St. Petersburg: SPbSU, 2005, 280. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqsztz>
- Цеменкова С. И. История архивов России: XX – начало XXI века. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2019. 198 с. [Tsemenkova S. I. *History of Russian archives: XX – early XXI century*. Ekaterinburg: Ural University, 2019, 198. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zcmbwd>
- Шумилов А. И. Сибирский дом (о приеме и размещении эвакуированного населения в Омской области в годы Великой Отечественной войны). *Омский научный вестник*. 1999. № 8. С. 31–35. [Shumilov A. I. *Siberian House: reception and accommodation of evacuated population in the Omsk Region during the Great Patriotic War*. *Omsk Scientific Bulletin*, 1999, (8): 31–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tqqjdb>
- Шуранов Н. П. Кузбасс – фронту. Кемерово: Притомское, 1995. 117 с. [Shuranov N. P. *Kuzbass Front*. Kemerovo: Pritomskoe, 1995, 117. (In Russ.)]
- Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово: Кем. обл. ин-т усовершенствования учителей, 2000. 219 с. [Shuranov N. P. *Kuzbass during the Great Patriotic War*. Kemerovo: Kemerovo Regional Institute for Teacher Training, 2000, 219. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rnesph>
- Эшелоны идут на Восток: из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг., ред. Ю. А. Поляков. М.: Наука, 1966. 263 с. [*Trains go to the East: From the history of the relocation of the productive forces of the USSR in 1941–1942*, ed. Polyakov Yu. A. Moscow: Nauka, 1966, 263. (In Russ.)]

© 2024. Матюхина Е. Н.

Эволюция инфраструктуры информационной и кибербезопасности Индии

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/rpegey>

Эволюция инфраструктуры информационной и кибербезопасности Индии

Матюхина Елена Николаевна

Тюменский государственный университет, Россия, Тюмень

eLibrary Author SPIN: 6020-8177

<https://orcid.org/0000-0001-7565-0030>

ematyuhina@mail.ru

Аннотация: Геополитические особенности положения Российской Федерации диктуют приоритетные направления потенциального взаимовыгодного сотрудничества, Азиатско-Тихоокеанское – одно из них. Все более значимым игроком на мировой информационной арене является Индия, с которой России предстоит выстраивать обновленные и гарантированно безопасные линии сотрудничества. Данная работа является частью задуманной серии публикаций и выполнена с целью исследования системы информационной безопасности Индии и ее особенностей. Цель – определить контуры, очертания системы информационной безопасности, созданной государством и соответствующими структурами Индии за последние десятилетия. В ходе исследования описаны этапы формирования концепции информационной безопасности Индии, выявлены механизмы, обеспечивающие информационную безопасность страны, исследованы механизмы, обеспечивающие экономическую безопасность страны, описаны инструменты, обеспечивающие безопасность Индии в сфере защиты баз данных в глобальном информационном пространстве. Данное исследование предоставляет полную картину поэтапного выстраивания структуры информационной безопасности Индии в различных сферах и отраслях. По последовательности их учреждения и вступления в силу были затронуты все основные действующие и разрабатываемые механизмы обеспечения защиты каждого сектора киберпространства страны. Детально описаны их функции и цели: различного рода нормативно-правовые акты (от свода правил до национальных доктрин) или органы по регулированию описываемой сферы информационной безопасности. Представлен целостный взгляд на развитие концепции информационной безопасности страны по ее внешним пределам с концентрацией на хронологическом повествовании о каждой стадии ее формирования. Информация изложена с конкретным разделением всех основных ныне присутствующих в стране механизмов на отдельные группы. **Ключевые слова:** информационная безопасность, кибербезопасность, концепция, этапы, механизмы, инструменты, глобальные угрозы

Цитирование: Матюхина Е. Н. Эволюция инфраструктуры информационной и кибербезопасности Индии. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 441–458. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-441-458>

Поступила в редакцию 29.12.2023. Принята после рецензирования 01.03.2024. Принята в печать 11.03.2024.

full article

Evolution of India's External Information and Cyber Security Infrastructure

Elena N. Matyukhina

Tyumen State University, Russia, Tyumen

eLibrary Author SPIN: 6020-8177

<https://orcid.org/0000-0001-7565-0030>

ematyuhina@mail.ru

Abstract: The geopolitical situation of the Russian Federation dictates the priority areas of potential mutually beneficial cooperation, the Asia-Pacific being one of them. India's role on the global information arena is increasing, and Russia needs to set up new, secure lines of cooperation. This work is part of a series of publications on India's information

security system. The article outlines its progress over the past decades, e.g., the concept of information security, the mechanisms that ensure India's external information and economic security, the tools of database protection in the global information environment, etc. The result is a complete and comprehensive picture of the stage-by-stage development of India's information security structure in various fields and industries in each sector of cyberspace, with goals and functions for each regulatory act and control institution. This holistic view of India's information security covers its concept and chronology of development, as well as offers a classification of the key information security mechanisms currently active in the country.

Keywords: information security, cyber security, concept, stages, mechanisms, tools, global threats

Citation: Matyukhina E. N. Evolution of India's External Information and Cyber Security Infrastructure. *SibScript*, 2024, 26(3): 441–458. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-441-458>

Received 29 Dec 2023. Accepted after peer review 1 Mar 2024. Accepted for publication 11 Mar 2024.

Введение

В век информационных технологий состояние защищенности и сохранности информации становится одним из основных приоритетов государств по всему миру. Развитие информационной и кибербезопасности все сильнее набирает ход в ответ на столь же быстро-растущее число киберпреступлений. В связи со сложившейся нестабильной обстановкой перспективным становится путь межгосударственного взаимодействия в области развития ИТ-технологий и обустройства системы информационной безопасности государства. Учитывая геополитические особенности положения, в котором находится Российская Федерация, приоритетным направлением потенциального взаимовыгодного сотрудничества становится Азия. Все более значимым игроком на мировой информационной арене является Индия, с которой России предстоит выстраивать обновленные линии сотрудничества.

Страна за последние десятилетия приобрела статус одного из лидеров ИТ-индустрии. Чтобы заметить рост в позиции Индии, достаточно отметить то, что Индийский среднегодовой темп увеличения числа предприятий ИТ-сегмента составляет 8–9 %. Государство называют новым информационным чудом, их онлайн-рынок является вторым в мире. Уступая лишь Китаю, он насчитывает свыше 560 млн интернет-пользователей. Однако многочисленные внешние угрозы и полноценные атаки, доходя до рекордных показателей в мире, красноречиво подчеркивают малую заинтересованность Индии в вопросах

информационной безопасности. Ситуация постепенно начала меняться на стыке первых десятилетий XXI в. с приходом в Индию новых инициатив по развитию системы кибербезопасности.

Цель – определить контуры, очертания системы информационной безопасности, созданной государством и соответствующими структурами Индии за последние десятилетия. Для ее достижения были поставлены и выполнены следующие задачи: описаны этапы формирования концепции информационной безопасности Индии; выявлены механизмы, обеспечивающие информационную безопасность страны; обозначены инструменты обеспечения информационной безопасности Индии от внешних угроз. В частности, последний пункт разделен на две подтемы: выявление механизмов, обеспечивающих экономическую безопасность страны, а также механизмов, обеспечивающих безопасность Индии в сфере защиты баз данных в глобальном информационном пространстве.

В работе [Shukla, Agrawal 2020] собраны сведения не только о предпосылках и зарождении полноценной системы обеспечения информационной безопасности в Индии, но и о новейших инструментах и угрозах кибербезопасности страны и ее граждан. Отечественные авторы также внесли вклад в изучение информационной безопасности Индии¹ [Бухарин 2019; Дементьев, Яркин 2017; Замулина 2023; Зиновьева, Игнатов 2023; Казарин, Тарасов 2013; Маланичева и др. 2023; Михайлова, Горбунова 2019; Никопорец-Такигава и др. 2023; Перминов 2019; Ревенко, Ревенко 2017;

¹ Ярмолинский Ю. А. О некоторых аспектах обеспечения информационной безопасности в Индии. *Белорусский институт стратегических исследований*. 27.11.2019. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/o-nekotorykh-aspektakh-obespecheniya-informacionnoy-bezopasnosti-v-indii>; Муратбекова А. Обсуждение тенденций развития кибербезопасности Индии. *Eurasian Research Institute*. 13.03.2022. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/discussion-of-indias-cyber-security-development-trends/?lang=ru> (дата обращения: 15.11.2023).

Сахаров 2023; Суюнова 2022]. Значительная доля в исследовании обозначенной темы принадлежит зарубежным авторам [Bhattacharjee 2023; Godse 2010; ICT with Intelligent Applications 2022; Kumar, Inbaraj 2018; Lessambo 2023; Mishra et al. 2016; Patil 2021; 2022; Shukla, Agrawal 2020]. Организации, обратившие в своих статьях внимание на рассматриваемый вопрос: Евразийский исследовательский институт, научно-технический центр ФГУП «ГРЧЦ», Белорусский институт стратегических исследований, Уральский центр систем безопасности².

Все проанализированные источники можно объединить в несколько групп. Так, основным источником предоставленной информации выступают многочисленные ресурсы, находящиеся в открытом доступе в сети Интернет. В рамках этой группы были проанализированы различные подтипы статей: информационные, аналитические, образовательные, юридические, форумные. Среди используемых интернет-ресурсов стоит отметить Российский совет по международным делам³, Уральский центр систем безопасности, Евразийский юридический журнал и др.

Следующая группа источников предоставляет статистические выкладки в области информационной безопасности. Для этого использовались материалы международного форума Global Cybersecurity Index, освещающего позиции государств в международном информационном пространстве.

Третья группа предоставлена научными работами [Казарин, Тарасов 2013; Перминов 2019].

Для анализа зарубежных трудов главным ресурсом выступает издательство Springer. В исследовании использовались как отдельные научные статьи, так и целые сборники лекций и статей на тему информационной безопасности. Основная часть информации для анализа представлена в книге «Кибербезопасность в Индии» ведущих специалистов области – Сандип Кумар Шукла и Маниндра Агравал [Shukla, Agrawal 2020]. Однако не менее важную роль имеют работы [Суюнова 2022; Kumar, Inbaraj 2018; Mishra et al. 2016; Patil 2022; Prasad, Kumar 2022; Reghunadhan 2022].

Для изучения непосредственного государственного регулирования в аспектах информационной безопасности в Индии были изучены официальные сайты государства, такие как Министерство электроники и информационных технологий от государственного управления Индии⁴. В частности, использовались сайты отделов кибербезопасности и киберзаконов, а также сторонние сайты, предоставляющие доступ к копиям документов⁵ (например, консорциум «Кодекс»). Анализ и информационное сопровождение для исследуемых документов предоставлены на образовательном ресурсе wiki5.ru и статье «Республика Индия» научно-технического центра ФГУП «ГРЧЦ»⁶.

В рамках данной группы стоит отметить Меморандум о взаимопонимании между Индией и США в 2011 г., Национальную политику Индии в области кибербезопасности 2013 г., Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии о сотрудничестве в области обеспечения безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий от 2016 г. (вступившее в силу в 2017 г.), которое является серьезной вехой для индийско-российских отношений. В числе основных направлений сотрудничества указаны: определение, координация и осуществление необходимых мер по обеспечению безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ); создание системы защищенного обмена информацией, которой располагают Стороны о подобных нападениях, об их источниках, исполнителях и о снижении последствий инцидентов и нападений с использованием ИКТ; содействие выработке мер в области ограничения распространения и использования вредоносных средств и уязвимостей в сфере использования ИКТ, которые могут угрожать национальной и общественной безопасности, в том числе на международном уровне; противодействие угрозам использования ИКТ в террористических целях и др.

Последней, но немаловажной группой являются публикации новостных изданий, освещающих важные события в области информационной безопасности

² Баклушин Е. А. Критическая информационная инфраструктура Индии. *Уральский центр систем безопасности*. 11.05.2022. URL: <https://www.ussc.ru/news/novosti/kriticheskaya-informatsionnaya-infrastruktura-indii/> (дата обращения: 15.11.2023).

³ Карасев П. Кибербой без правил. *Российский совет по международным делам*. 24.07.2019. URL: <https://russiacouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kiberboi-bez-pravil/> (дата обращения: 15.11.2023).

⁴ Ministry of Electronic & Information Technology. URL: <https://www.meity.gov.in/> (accessed 15 Nov 2023).

⁵ Information Technology Act, 2000. URL: <https://www.itlaw.in/> (accessed 15 Nov 2023).

⁶ Республика Индия. *Научно-технический центр ФГУП «ГРЧЦ»*. 14.10.2020. URL: <https://rdc.grfc.ru/2020/10/india/#post-758-Toc49359825> (дата обращения: 15.11.2023).

Индии⁷. Особую значимость для исследования имеют публикации и статьи Тасс.ру, РИА новости, информационного агентства «Красная весна», Регнум.ру⁸, при помощи данных ресурсов удалось собрать для анализа немалое количество сведений для разбора, статистики и знаменательных событий в стране.

Многие аспекты системы информационной безопасности Индии открыты для ознакомления. Устройство органов по обеспечению и надзору за информационной безопасностью государства, их правовое регулирование, стратегию страны в рассматриваемом вопросе, как и многое другое, возможно найти в сети Интернет [Авешникова 2018].

Для выполнения перечисленных задач были использованы: сбор, обработка и анализ многочисленных материалов по теме; систематизация и анализ источников и литературы. В работе использовались как общенаучные, так и специальные методы исследования: анализ, синтез, сравнение, обобщение и систематизация, а также такие эмпирические методы, как анализ нормативных документов, метод анализа событийных данных – ивент-анализ.

Результаты

В ходе исследования было поэтапно описано формирование концепции информационной безопасности Индии. В качестве отдельных этапов были взяты ключевые события, относящиеся к системе информационной безопасности страны. Среди стадий представлены: формирование и принятие нормативно-правовых актов отрасли; учреждение новых государственных и независимых органов, агентств и организаций, ведущих деятельность непосредственно в сфере информационной безопасности или касающихся ее; принятие национальных доктрин (стратегий и национальных политик развития сектора); ключевые события в международном взаимодействии – заключение соглашений, пактов, меморандумов и т. д. Каждый этап описан последовательно, начиная с принятия первого важнейшего закона в области информационно-коммуникационных технологий в 2000 г. и заканчивая событиями 2022–2023 гг.

В данном исследовании мы ориентировались на хронологические рамки 2008–2022 гг. Нижняя хронологическая рамка определяется датой обширных поправок в основном законодательном акте Индии, регулирующем правоотношения в сфере информационных технологий – Законе об информационных технологиях (Information Technology Act). Вступивший в силу в 2002 г., данный нормативно-правовой акт более двух десятилетий является основным столпом регулирования кибербезопасности государства. В 2008 г. он получил существенные поправки, что предзнаменовало более глобальные изменения в отрасли⁹.

Однако основной отправной точкой исследования можно считать 2012 г., когда Индия решила перейти на более самостоятельное обеспечение информационной безопасности страны. На Мюнхенской конференции этого года индийские специалисты официально заявили о ведущихся работах по сокращению импорта в сфере кибербезопасности и намерении обеспечить значимое спонсирование собственных разработок. Этот год ознаменован созданием центра командования и контроля для мониторинга критической инфраструктуры и ликвидации брешей в киберзащите государства. С этого момента Индия берет курс на усиленное развитие исследуемого направления.

Верхняя рамка исследования обуславливается изучением состояния системы кибербезопасности Индии на данный момент (2022 г.).

Полученные нами результаты во многом соотносятся и обобщают опыт изучения темы отечественными и зарубежными коллегами, который подробно анализировался при подготовке материала. Интернет в Индии появился в 1986 г. Экономические реформы, начатые в 1991 г., оказали свое влияние, и в Индии был дан старт развитию индустрии программного обеспечения, стали появляться первые в стране ИТ-компании. Это способствовало росту использования Интернета в Индии¹⁰.

Уже на ранних этапах многие государства, в первую очередь западные, пытались регулировать эту сеть. Их усилия были объединены в Международном союзе электросвязи (МСЭ), который возник как первая

⁷ Индия пересматривает нацполитику кибербезопасности. *Новости Узбекистана*. 16.09.2020. URL: <https://nuz.uz/2020/09/16/indiya-peresmatrivaet-nacspolitiku-kiberbezopasnosti/> (дата обращения: 15.11.2023).

⁸ Исаев М. М. Economist: Индия столкнулась с опасными вызовами в сфере кибербезопасности. *Регнум.ру*. 02.11.2019. URL: <https://regnum.ru/news/2766808.html> (дата обращения: 15.11.2023).

⁹ Федотов А. А. Опыт регулирования информационного пространства в Индии. *D-russia.ru*. 14.10.2020. URL: <https://d-russia.ru/opyt-regulirovaniya-informacionnogo-prostranstva-v-indii.html> (дата обращения: 15.11.2023).

¹⁰ Борисова М. В. Миллионы IT-шников, отключения, дешевая связь, – как устроен интернет в Индии. *Сайт TexTerra.ru*. 03.06.2022. URL: <https://texterra.ru/blog/internet-v-indii-99-pokrytiya-borba-s-kitaem-tsenzura.html> (дата обращения: 12.01.2023).

международная организация, обсудившая последствия зарождения нового этапа технологической эволюции (ITU, 1999).

Несмотря на быстрое расширение использования Интернета, индийские политические деятели только начинали постигать новую веху технологий, о чем свидетельствует низкий уровень участия страны в многосторонних форумах, таких как МСЭ и Всемирный саммит по информационному обществу, который являлся форумом для правительственных консультаций по вопросам ИТ, кибер- и цифровых технологий.

В то же время пользователи Интернета делают первые шаги в сторону преступлений в цифровом пространстве¹¹. Стремительное развитие Интернета и связанные с ним преступления нуждались в регулировании, поэтому для решения проблем преступности в киберпространстве возникла новая отрасль юриспруденции – киберправо, или право информационных технологий.

На тот момент министр парламентских дел и министр информационных технологий Шри Прамод Махаджан во время обсуждения законопроекта об информационных технологиях в 1999 г. говорил об отсутствии в Индии подходящего закона для борьбы с фальсификацией компьютерных исходных документов, публикацией информации непристойного характера и по вопросам, связанным с повреждением компьютеров и компьютерных сетей, с помощью системы соответствующих штрафов и наказаний. В развитие этой идеи и для приведения законодательства в соответствие с Типовым законом об электронной коммерции, принятым комиссией ООН по праву международной торговли, в Индии был принят Закон об информационных технологиях 2000 г.¹² (Information Technology Act, 2000).

Закон об ИТ был принят парламентом 15 мая 2000 г., утвержден президентом Кочерилом Раманом Нараянаном 9 июня 2000 г. и введен в действие 17 октября того же года¹³. С его введением в действие были внесены поправки в следующие четыре закона индийского законодательства, доставшиеся современной Индии в наследство из ее колониального прошлого: Уголовный кодекс Индии (1860); Закон Индии о доказательствах (1872); Закон о доказательствах в банковских

книгах (1891); Закон о Резервном банке Индии (1934). Текст законов был составлен по нормам британского права, поэтому до наступления эры информационных технологий устраивал всех, кто пользовался ими в своей деятельности. Систематизация колониального права Индии была комплексной и межотраслевой, она содержала элементы как кодификации, так и консолидации. Успешность УК Индии на практике была связана с систематическим подходом реформаторов, которые параллельно выработали такие базовые акты, как Гражданско-процессуальный кодекс (1859), Уголовно-процессуальный кодекс (1861), консолидированные Законы о полиции (1861) и доказательствах (1872) и др. В основе успеха этой широкомасштабной межотраслевой систематизации и унификации права лежали веские утилитарные причины, прежде всего необходимость обеспечить надежное управление и правопорядок на обширной территории нестабильных индийских княжеств. С введением законодательства об ИТ в силу Индия становится двенадцатой страной мира, принявшей реалии киберправа.

Закон об ИТ предоставляет правовую базу для электронной коммерции и обеспечения безопасного использования электронных документов и любой формы электронной коммуникации. Закон охватывает такие вопросы, как незаконный доступ к компьютерной информации, электронное мошенничество, киберпреступления, нарушения авторских прав, кражу личной информации, соответствующие меры наказания. Закон предоставляет защиту персональных данных и конфиденциальности, определяет обязательства компаний по защите данных клиентов и устанавливает процедуры обязательного уведомления о нарушениях безопасности данных.

Создание структур, обеспечивающих информационную безопасность Индии

Начало XXI в. принесло осознание, что пространство информационных технологий становится новым полем для разногласий, конфликтов и преступности. Киберугроза к тому времени уже существовала. В Индии совершались преступления в киберпространстве. Некоторые из наиболее серьезных инцидентов включали в себя хакерскую атаку на сайт Индийского

¹¹ Куприянов А. Б. Индия в эпоху кибервойн. *Российский совет по международным делам*. 07.08.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-v-epokhu-kibervoyn/> (дата обращения: 15.11.2023).

¹² Information Technology (Intermediary Guidelines) Rules, 2011. URL: <https://www.itlaw.in/https-www-itlaw-in-information-technology-intermediaries-guidelines-rules-2011/> (accessed 15 Nov 2023).

¹³ Global Cybersecurity Index 2020. URL: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2021/09/GCI2020.pdf> (accessed 16 Nov 2023).

института технологий в Дели в 2001 г., взломы крупных компаний Satyam Computers и BSNL, потерявших такие данные, как финансовые отчеты и персональная информация клиентов. Кроме того, Индия числилась в ряду стран, наиболее пострадавших от крупнейших вирусов того времени: I Love You (2000) и Nimda (2001). Ситуация продолжала ухудшаться, и к 2004 г. Индия стала одной из наиболее уязвимых стран в мире по вопросам информационной безопасности.

В связи с плачевной ситуацией Индия начинает следующий этап развития своей инфраструктуры кибербезопасности. Он обозначается формированием государственных структур, которые будут вести свою деятельность в соответствии с созданной основой законодательства в области информационной безопасности. Первым таким органом становится новое подразделение министерства электроники и информационных технологий правительства Индии (MeitY) – группы реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации (CERT-IN, или ICERT). Она была организована как центральное агентство по борьбе с угрозами кибербезопасности, состав и руководство группы назначаются непосредственно правительством Индии. Акт об ИТ описывает ее функции как организации, призванной обеспечить безопасность киберпространства. CERT-IN также предоставляет консультации и рекомендации по улучшению информационной безопасности для государственных органов, частных компаний и общественности в целом, а предоставление ими услуг осуществляется в круглосуточном режиме.

Октябрь 2006 г. ознаменовался формированием учрежденного законом об ИТ Апелляционного суда по киберрегулированию (CRAT). В октябре 2006 г. этот орган был создан для рассмотрения спорных ситуаций, связанных с преступностью в информационной среде. Основная задача суда – предоставление платформы для разрешения инцидентов с цифровыми подписями и электронными транзакциями, его решения окончательны и обязательны к исполнению.

Первые учреждения были созданы для того, чтобы увеличить уровень защиты государственной информации и предотвратить кибератаки на важные объекты Индии. Однако не меньше внимания они уделяли и защите личных данных интернет-пользователей. Начальный этап создания системы информационной безопасности страны сформировал ее опору, фундамент для развития.

Тем не менее роль Индии в области защищенности информационной сферы была отстающей, и не стихающий глобальный рост киберпреступности особенно ярко демонстрировался на примере Индии. Каждая третья индийская организация несла финансовые убытки из-за кибератак, а зарубежные заказчики все чаще сталкивались с утечкой того или иного рода информации в результате взаимодействия с индийскими специалистами, что приводило к финансовым неудачам.

Законодательные меры по защите информации

В начале 2000-х гг. Индия сталкивается и с обострением угрозы кибертерроризма. В частности, был зарегистрирован первый случай кибератаки на индийскую военную систему; в 2008 г. произошли блокировки официальных сайтов правительства и крупных государственных компаний.

В связи с этим Индия начинает новый этап совершенствования системы информационной безопасности. Первой вехой в 2008 г. становятся крупные поправки в Закон об информационных технологиях от 2000 г. Среди основных положений было введение более жестких наказаний за киберпреступления, такие как мошенничество, кража личных данных, кибертерроризм и другие формы нарушений в интернет-пространстве. Были введены более высокие штрафы и увеличены сроки тюремного заключения в целях усиления борьбы с киберпреступностью. Немаловажным пунктом стал фокус на защиту данных – были внедрены новые механизмы предотвращения кражи данных – регуляция хранения и защиты личной информации и чувствительных данных от мошенничества. Поправки 2008 г. сделали Интернет в стране более защищенным и безопасным для пользователей.

Законодательство Индии пополнилось и в 2011 г. принятием нового документа – Правил информационных технологий (Information Technology Rules)¹⁴. Специфика данного нормативно-правового акта состояла в следующих пунктах:

1. Обеспечение конфиденциальности данных: правила 2011 г. содержат обновленные требования относительно условий обеспечения организациями достаточной меры конфиденциальности информации, которую они собирают и обрабатывают.

2. Развитие кибербезопасности: закон содержит положения о требованиях для организаций

¹⁴ Elmokadem L., Naidu S. Mapping of India's cyber security-related bilateral agreements. *The Centre for Internet & Society*. 29 Dec 2016. URL: <https://cis-india.org/internet-governance/blog/india-cyber-security-bilateral-agreements-map-dec-2016> (accessed 16 Nov 2023).

и предприятий в области защиты от внутренних и внешних угроз безопасности информации.

3. Регулирование интернет-контента: законодательство расширило возможности правительства в области блокировки и удаления интернет-контента, расцененного как необходимого к запрету, что способствует дальнейшему развитию безопасности интернет-среды на территории Индии.

Следующим значимым шагом Индийского правительства становится подписание соглашения с Соединенными Штатами Америки о кибербезопасности (2011 г.). Меморандум о взаимопонимании (Memorandum of Understanding) направлен на сотрудничество, обмен опытом и информацией между организациями соответствующих государственных отделов, ответственных за кибербезопасность. Соглашение в рамках американо-индийского стратегического диалога, начатого в 2009 г., было призвано выполнить обоюдное обязательство стран по укреплению глобальной безопасности и совместному противодействию терроризму. Благодаря этому соглашению соответствующие правительства и узконаправленные сообщества по кибербезопасности как в США, так и в Индии получали возможность вести скоординированные действия со своими коллегами относительно широкого диапазона технических и оперативных проблем. Основным действующим органом со стороны Индии стал вышеупомянутый CERT-IN.

Отдельным этапом выступает Национальная политика в области кибербезопасности, утвержденная правительством Индии в июле 2013 г. Это первый индийский доктринальный документ, обозначивший единое видение политических приоритетов государства, частного сектора и общества в целом в сфере кибербезопасности. Доктрина уделяет особое внимание оценке потенциальных рисков в данной области и развитию кадрового потенциала внутри страны.

Основные цели документа осуществляются благодаря следующим инициативам:

- создание Национального центра защиты критической информационной инфраструктуры (National Critical Information Infrastructure Protection Centre);
- создание Национального координационного центра по кибербезопасности (National Cyber Coordination Centre) в целях координации деятельности в данной сфере между различными правительственными учреждениями государства;

- выработка Национального плана исследований и разработок в области информационной безопасности;
- создание структуры для аудитов безопасности и сертификации продуктов и услуг информационной безопасности;
- разработка национального плана антикризисного управления для развития системы реагирования на киберинциденты внутри страны;
- повышение осведомленности о кибербезопасности среди населения и предприятий Индии [Mishra et al. 2016].

В рамках развития кадрового потенциала Индия привнесла такие новшества для своей страны, как, например, обучение национальной полиции посредством взаимодействия с Международным центром криминалистики и информационной безопасности (International Centre for Criminalistics and Information Security), проводя курсы для национальных органов правопорядка по борьбе с киберпреступностью.

Одним из важнейших пунктов национальной политики является учреждение Национального центра защиты критической информационной инфраструктуры (NCIIPC). Цель NCIIPC – принятие всех необходимых мер для содействия защите информационной инфраструктуры от любого вида нежелательного воздействия. NCIIPC как узловое учреждение защищает и предоставляет рекомендации по снижению уязвимости к кибертерроризму и другим глобальным угрозам цифрового пространства¹⁵.

В настоящее время в Индии не существует всеобъемлющего агентства по информационной безопасности, подобного европейскому ENISA (Агентство Европейского союза по кибербезопасности), действующему с 2005 г. Однако в дополнение к CERT-IN и NCIIPC индийское правительство учредило Секретариат Совета национальной безопасности в качестве центрального координационного органа по кибербезопасности и управлению Интернетом. Он направлен на защиту киберпространства, включая критически важную информационную инфраструктуру, от атак, повреждений, неправомерного использования и экономического шпионажа.

В целом принятие национальной политики кибербезопасности привело к улучшению состояния данной области в Индии, к росту профессионализма и компетентности. Политика 2013 г. остается действующей доктриной Индии и по сей день, однако она была

¹⁵ NCIIPC Framework for Evaluating Cyber Security in critical information infrastructure. 2018. 32 p. URL: https://nciipc.gov.in/documents/Evaluating_Cyber_Security_Framework.pdf (accessed 16 Nov 2023).

признана устаревшей, и с 2023 г. Индийское правительство занято оформлением новой доктрины.

Период 2014–2017 гг. маркирует масштабное оживление Индии в международном сотрудничестве в сфере развития информационной безопасности. За этот промежуток различные индийские структуры заключают свыше тридцати соглашений различного вида в целях международного взаимодействия. Широкий список включает следующие государства: 2014 г. – Финляндия, Южная Корея; 2015 г. – Бразилия, Канада, Китай, Германия, Австралия (2015, 2017), Малайзия (2015, 2016), Сингапур (2015, 2016); 2016–2017 гг. – Бельгия, Франция, Япония, Кения, Россия, Сербия, Саудовская Аравия, Катар, Индонезия, Новая Зеландия, Швеция, Таиланд, Великобритания, ЮАР, Вьетнам, Узбекистан, Бангладеш, Португалия, США.

Итогами данного расширения деятельности для Индии стали 39 соглашений, направленных на сбор и обмен информацией в целях обеспечения соблюдения государственных и уголовных законов отрасли кибербезопасности (так называемые MLAT Agreements); 54 Меморандума о Взаимопонимании и совместных заявления, а также сформированы 10 новых структур в сотрудничестве с Индией, состоящие из стандартов, руководящих принципов и практик, способствующих защите критической инфраструктуры информационной безопасности (как создание в 2015 г. между Индией и Китаем механизма уровня министерств внутренних дел двух государств по вопросам киберпреступности).

Формирование обновленной доктрины информационной безопасности Индии

К 2020 г. страна не перестает быть крайне уязвимой в вопросах кибербезопасности, система продолжает требовать улучшения как технической, так и правовой базы. Наиболее красноречиво данное положение характеризуют следующие факты.

Например, в первой половине 2019 г. ни одна страна мира не подвергалась большему количеству кибератак, чем Индия. По данным индийской телекоммуникационной компании Subex, только в трехмесячный промежуток с апреля по июнь 2019 г. количество кибератак увеличилось на 22 %. В целом за 2019 г. страна потеряла около 5,6 млрд долларов из-за киберпреступлений.

В рамках первого полугодия 2020 г. Индия заняла 3 место в мире по числу регистраций кибератак, а в глобальном индексе кибербезопасности (2018) Индия заняла лишь 47 место в мире. В 1-м квартале количество кибератак в стране выросло на 37 %

по сравнению с 4-м кварталом 2019 г. 66 % индийских компаний претерпели как минимум по одной атаке / краже данных за этот период; расходы 56 % местных компаний в графе IT-защиты возросли двукратно, превысив среднемировой уровень; более 82 % индийских компаний столкнулись с атаками программ-вымогателей [Prasad, Kumar 2022].

Ввиду сложившихся обстоятельств индийские власти признают действующую национальную политику от 2013 г. недееспособной для современных реалий. В августе 2020 г. премьер-министром Индии была анонсирована новая национальная стратегия кибербезопасности. Изначально на ее осуществление было выделено 5 трлн долларов. План все еще находится на завершающем этапе разработки и ожидает утверждения для полного вступления в силу, однако уже известны его основные направления.

Новая национальная политика будет весьма амбициозной и имеет целью охватить политическую, экономическую и техническую сферы. Стратегия направлена на обеспечение безопасности киберпространства, а также на объединение и укрепление в значительной степени разрозненных IT-структур Индии. Документ содержит 21 ключевой пункт.

После подписания закона новая стратегия станет законодательной основой для борьбы с возникающими угрозами кибербезопасности. Среди ключевых пунктов доктрины стоит отметить увеличение заинтересованности Индии в международном взаимодействии, участии в глобальных мероприятиях, наращивании кадрового потенциала, сокращении нужд страны в квалифицированных специалистах. Увеличивается внимание к повышению осведомленности в отношении безопасности в сети всех слоев населения, стимулирования инвестиций в развитие технологий кибербезопасности, учебной инфраструктуры, демонстрации возможностей Индии на мировом рынке.

В целом доктрина предлагает серьезный пересмотр приоритетов по отношению к проблеме виртуальных угроз. Крайний элемент развития концепции информационной безопасности Индии к маю 2023 г. находился в разработке. Правительство рассматривает замену основного законодательного акта, регулирующего сферу информационных технологий в стране уже более 20 лет. На смену закону об IT готовится закон «О цифровой Индии», большей частью которого среди широкого списка других аспектов будет и кибербезопасность. Лицом, отвечающим за подготовку законопроекта, является государственный министр по электронике и информационным

технологиям Раджив Чандасекар. На сегодняшний день сроков по завершению подготовки и принятию нововведений нет, проекту еще предстоит претерпеть ряд изменений, слушаний и заседаний, однако уже сейчас можно сказать, что он точно станет значительной вехой для Индии.

Современная структура органов информационной безопасности

К данному моменту деятельность многих учреждений и государственных органов непосредственно регулирует сферу информационной безопасности. В административном плане обеспечение кибербезопасности возложено на Министерство электроники и информационных технологий (MeitY). Министерство пропускает через себя огромное количество решений и нововведений. Основные направления деятельности: участие в вопросах, касающихся законов о кибербезопасности, применение Закона об информационных технологиях от 2000 г., создание и корректировка национальных планов и стратегий развития концепции информационной безопасности, создание методических рекомендаций для населения.

Группа реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации CERT-IN, будучи подразделением MeitY, является основным агентством по борьбе с угрозами кибербезопасности. На группу реагирования возложена задача администрирования самого главного и всеобъемлющего законодательства Индии в области ИТ – IT Act 2000 г. (включая правки 2008 г.), в котором содержатся все статьи преступлений и соответствующих наказаний за них. CERT-In ведет деятельность по ряду ключевых направлений: от сбора данных, анализа киберугроз и уязвимостей и определения надлежащих мер их снижения вплоть до непосредственного реагирования на инциденты (включая судебную экспертизу и координацию дальнейшего разбирательства по делу). На правах вышестоящего национального агентства обо всех случаях правонарушений сферы информационных технологий и каких-либо других нежелательных ситуациях должно быть доложено в CERT-In (в течение 6-часового срока после происшествия). Группа реагирования предоставляет возможность любому пострадавшему от того или иного вида киберпреступления обратиться к ним в круглосуточном формате. Структура занимается информированием общественности о новейших уязвимостях системы информационной безопасности для пользователей

среди населения и контрмерах по борьбе с ними, распространением информации об опасностях, создаваемых любого вида массовыми хакерскими атаками (к примеру, бум фишинговых сайтов в апреле 2013 г.).

В министерстве еще есть две примечательные инициативы: Кибер Суракшит Бхарат (Cyber Surakshit Bharat – CSB) и Кибер Свахта Кендра (Cyber Swachhta Kendra – CSK)¹⁶. Cyber Surakshit Bharat – это первое в своем роде государственно-частное партнерство, призванное использовать опыт ИТ-индустрии в области кибербезопасности. Запущенный в 2018 г. проект нацелен на распространение осведомленности о киберпреступности на территории Индии и мерах обеспечения безопасности. В рамках этой программы в сотрудничестве с такими мировыми гигантами, как Microsoft, IBM и Intel, проводятся обучения для директоров по информационной безопасности и технических должностных лиц на самых высоких уровнях: центрального правительства, правительств штатов, банков государственного сектора, силовых структур обороны и технических подразделений ВВС, армии и флота страны.

В свою очередь CSK – это центр очистки так называемых ботнетов (способ контроля устройства извне) и анализа вредоносного программного обеспечения, он является частью видения индийского правительства государственного проекта «Цифровая Индия». Эта инициатива позволяет населению защитить свои смартфоны, ноутбуки и персональные компьютеры от кибератак. Находясь под управлением CERT-In, центр работает в сотрудничестве с интернет-провайдерами и антивирусными компаниями.

Однако и другие правительственные органы занимаются кибербезопасностью и смежными вопросами. Так, Министерство внутренних дел страны принимает в этом немалое участие – отдел кибербезопасности и информационной безопасности (C&IS) Министерства контролирует реализацию национальной политики и руководящих принципов информационной безопасности (NISPG) и имеет в своем составе отделы киберпреступности, кибербезопасности, информационной безопасности и отдел постоянного мониторинга происшествий. Отделом ведется деятельность по внедрению национальной разведывательной сети (NAGTRID) – структуры баз данных разведывательных организаций в целях борьбы с терроризмом, которая объединяет в себе информацию различных правительственных органов Индии. По своей сути,

¹⁶ Cyber Swachhta Kendra. URL: <https://www.csk.gov.in> (accessed 16 Nov 2023).

NATGRID служит мерой распознавания лиц, подозреваемых в терроризме (в том числе кибертерроризме), на территории страны.

Индийский координационный центр по борьбе с киберпреступностью (I4C), созданный по инициативе Министерства внутренних дел¹⁷, ведет борьбу с киберпреступностью, координируя работу с полицией штатов всей страны. Запущенный в октябре 2018 г. центр I4C предназначен для предотвращения неправильного использования киберпространства в интересах экстремистских и террористических групп. Также он выступает как механизм, координирующий всю деятельность, связанную с осуществлением договоров о взаимной правовой помощи (MLAT) с другими странами (в области информационной безопасности). Его структура включает в себя национальное подразделение по анализу угроз кибербезопасности (TAU), которое представляет собой платформу для совместной работы сотрудников и специалистов правоохранительных органов, представителей частного сектора, научных кругов, исследовательских организаций. В координационный центр входит национальный учебный центр по киберпреступности (NCTC). Его цель состоит в стандартизации учебной программы курсов, посвященных кибербезопасности, проведении общедоступных тренингов и разработке массового открытого онлайн-курса, который будет проводиться на бесплатной свободно доступной учебной платформе.

Еще один ключевой отдел I4C – Национальный центр кибернетических исследований и инноваций, служащий мониторинговым центром новых технологических разработок. В его обязанности входит прогнозирование потенциальных уязвимостей и создание стратегических партнерств в области исследований и инноваций, ориентированных на борьбу с преступностью.

Стоит обратить внимание на орган регулирования и развития страхования (IRDAI). Его усилиями 9 октября 2022 г. была представлена улучшенная система информационной безопасности. Она направлена на побуждение страховых компаний к разработке надежного плана оценки рисков, расширению возможности предотвращения внутренних и внешних угроз, предотвращению любого вида мошенничества.

Важным механизмом регулирования со времени своего создания в 2006 г. выступает Апелляционный суд по киберрегулированию (CRAT). На правах руководящего органа он существует для вынесения решений по спорным ситуациям правонарушений. Суд предоставляет платформу для разрешения прецедентов киберпреступности с электронными транзакциями и цифровыми подписями.

Орган регулирования телекоммуникаций Индии (TRAI) вместе с Департаментом телекоммуникаций (DoT) послужили механизмом ужесточения правил конфиденциальности пользовательских данных и способов их использования. TRAI – как самостоятельный регулирующий орган, а DoT – в качестве исполнительного отдела Министерства связи. Учреждения работают в тандеме, чтобы регулировать сеть телефонных операторов и поставщиков услуг отрасли. Ими подготовлены рекомендации для операторов связи по теме «Конфиденциальность, безопасность и право собственности на данные в телекоммуникационном секторе». Документация затрагивает новые обязанности, связанные с данными о потребителях, в целях усиления защиты. Со стороны DoT ведется дополнительная деятельность по регулярному проведению семинаров и учений по кибербезопасности в интересах повышения осведомленности населения. Также они занимаются обработкой отчетов телекоммуникационных компаний страны по отслеженным вторжениям, атакам и мошенническим действиям.

В финансовой отрасли Индии имеются специальные механизмы. Инициатива KYC (Know Your Customer, или же «Знай своего клиента») – это обязательная стандартизированная на мировом уровне практика, в том числе предписанная Резервным банком Индии (RBI), гарантирующая клиентуре защиту их цифровой личности и данных о платежных операциях¹⁸.

На территории Индии с 2012 г. действует крайне обширный проект Aadhaar – крупнейшая в мире биометрическая система. К марту 2016 г. правительством был принят закон, утверждавший работу государственных программ с Aadhaar. Aadhaar оказывает содействие в борьбе с мошенничеством в информационном пространстве и служит ключевым инструментом проверки подлинности личности пользователей в различных областях, включая банковское дело, социальную

¹⁷ Cyber and Information Security (C&IS) Division. *Ministry of Home Affairs*. URL: <https://www.mha.gov.in/en/divisionofmha/cyber-and-information-security-cis-division> (accessed 16 Nov 2023).

¹⁸ Cyber Regulation Appellate Tribunal. *The Inact One*. 8 Apr 2023. URL: <https://theinactone.com/2023/04/08/cyber-regulation-appellate-tribunal/> (accessed 16 Nov 2023).

защиту и налоговый сектор. Однако Aadhaar еще не дошел до идеального состояния. Система стала предметом нежелательного вида обсуждений, когда появилось несколько случаев утечки данных пользователей. Правительство Индии предпринимает шаги для усиления безопасности структуры Aadhaar.

Инструменты обеспечения информационной безопасности от внешних угроз

В первую очередь страна позаботилась о своей экономической безопасности в глобальном информационном пространстве. Действующая доктрина «Цифровой Индии» имеет определяющее значение в этом процессе. Суть ее состоит в полном переходе страны на цифровую экономику. И хотя Индия уже является одной из наиболее оцифрованных стран, демонстрируя показатели в более чем 1 млрд смартфонов и более 700 млн пользователей Интернета на территории государства, такой шаг становится логичным продолжением¹⁹. Цифровая экономика Индии приносит свои плоды уже сейчас, генерируя около 200 млрд долларов США от сектора информационных технологий: благодаря выручке от финансовых услуг с использованием информационных технологий, электронной коммерции и онлайн-платежей.

Но система, опирающаяся на бесперебойную работу цифровой инфраструктуры, сильно зависит от устойчивости взаимосвязей сетей и систем на всей территории страны. В связи с этим информационная безопасность становится ключевым фактором, обеспечивающим стабильность и благоприятные условия для дальнейшего развития экономической отрасли Индии.

Занимая первые позиции рейтингов наиболее атакуемых государств в глобальном киберпространстве, Индия постоянно находится в положении риска. Любая кибератака экономики страны будет иметь комплексные последствия. Широкий переход на цифровизацию приводит к увеличению объемов хранения и использования данных, в том числе критически важной и конфиденциальной информации. Но данные пополняются, а потенциальный риск растет вместе с ними.

В связи с этим за последнее десятилетие было предпринято несколько конкретных шагов в сторону предотвращения, раннего обнаружения и уменьшения негативного эффекта от киберугроз.

Информационная защита банковского сектора

В качестве одного из ключевых учреждений государства выступает Резервный банк Индии. В первую очередь под ответственность RBI попадает банковское управление. Резервный банк занимается разработкой и реализацией стратегии по защите национальных интересов в сфере информационной безопасности, включая защиту национальной валюты и финансовой системы. Руководящие принципы RBI предписывают, что он имеет право в произвольный момент запросить проверку киберустойчивости любого банка на территории страны (государственного или частного) – «Экспертизу кибербезопасности и информационных технологий»²⁰ (CSITE). Данная проверка проводится регулярно при Департаменте банковского надзора для периодической оценки прогресса, достигнутого банками во внедрении наиболее действенных мер кибербезопасности. Необходимость отчетности совокупности индийских банков помогает поддерживать планку качества экономической безопасности государства.

В 2018 г. деятельность банка расширяется с выходом закона «О резервном банке Индии» (RBI 2018). RBI в рамках новой доктрины формирует руководство по информационной безопасности для экономического сектора. В его документацию входят: распоряжения по регулированию электронного банкинга, управлению рисками и предотвращению кибермошенничества, проведению кризисного управления в критических ситуациях внешних атак, обеспечению безопасных электронных платежей и транзакций. RBI выпустил руководство по регулированию платежных агрегаторов и платежных шлюзов. В составе рекомендаций содержится предписание, согласно которому платежные агрегаторы обязуются внедрять механизм для мониторинга, обработки и отслеживания инцидентов и нарушений кибербезопасности, сообщать об инцидентах в RBI и CERT-In в целях их разрешения. Учреждения экономического сектора Индии также внедряют новейшие стандарты шифрования и безопасности транспортных каналов международной торговли.

Центральный банк обязывает банки следовать последним стандартам безопасности международного уровня ISO/IEC 27001 и ISO/IEC 27002²¹. Аналогичная структура была применена и к небанковским

¹⁹ Analysing India's Economic Security Challenges. Jun 2022. № 32. 30 p. URL: <https://www.gatewayhouse.in/wp-content/uploads/2022/06/Analysing-Indias-Economic-Security-Challenge.pdf> (accessed 15 Nov 2023).

²⁰ Global Cybersecurity Index 2020...

²¹ Analysing India's Economic Security Challenges...

финансовым компаниям. В состав законопроекта 2018 г. входит пункт, согласно которому банки должны следовать всем прописанным в законе рекомендациям, чтобы стандартизировать основы кибербезопасности обработки платежей и бороться с трудностями в современной цифровой среде. В случае несоблюдения закона RBI налагает штрафы на банки и другие учреждения финансового сектора.

На сегодняшний день в Индии ведется работа по разработке нового независимого учреждения по регулированию экономической безопасности в киберпространстве с промежуточным названием CERT-Fin (Группа реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации в финансовом секторе)²². Идея министерства финансов предназначена для снижения нагрузки с главного регулятора финансового сектора в лице RBI и основной группы реагирования CERT-In в непосредственном взаимодействии с вышеупомянутыми структурами.

Основу обязанностей CERT-Fin будет составлять анализ инцидентов кибербезопасности в экономическом секторе, координация действий по реагированию и изучение моделей внешних и внутренних угроз. Структура органа по первичной задумке должна быть узловой и включать в себя сеть небольших отраслевых групп реагирования в разных секторах экономики страны, каждая группа должна быть прикреплена к соответствующему регулирующему органу или крупной финансовой организации.

В свете обострения кибератак на Индийскую инфраструктуру после сезона пандемии COVID в 2020 г. создание такого учреждения приобретает особое значение. После пандемии индийские организации сообщали о вдвое большем количестве кибератак ежедневно. Необходимость в дополнительном регулировании стала очевидной, и CERT-Fin готовится стать ответом на новые вызовы.

До момента создания CERT-Fin он разрабатывал программное обеспечение и информационные системы для финансовых учреждений страны с целью обеспечения защищенности от внешних угроз глобального цифрового пространства. Наряду с этим Институт развития и исследований в области банковских технологий (IDRBT) ведет консультационные программы для организаций экономического сектора по безопасности на всей территории Индии.

Помимо того, рекомендационной деятельностью занимается и Совет по безопасности данных

Индии (DSCI). Совет периодически выпускает рекомендационные сводки по усилению мер безопасности. В свете крупномасштабных атак в 2018 и 2020 г., нацеленных на малые, средние и крупные предприятия, DSCI выпустил руководство по предотвращению фишинговых атак злоумышленников на индийские организации. DSCI также предоставил информацию о мерах по смягчению неблагоприятных последствий нарушений экономической безопасности.

Свои регулятивные механизмы есть и в экономическом секторе ценных бумаг. Совет по ценным бумагам и биржам Индии (SEBI) выпустил подробные инструкции для учреждений рыночной инфраструктуры по созданию своего операционного центра кибербезопасности (Cyber Security Operation Centre). SEBI, взаимодействуя с другими агентствами, в том числе с CERT-In, национальным координационным центром кибербезопасности и Министерством MeitY, внедрил руководящие принципы. Они применялись к организациям, входящим в сферу деятельности Совета: фондовым брокерам, фондовым биржам, компаниям по управлению активами и другим видам организаций. Основные их цели: установление безопасности проведения операций как на территории Индии, так и с зарубежной клиентурой; усиление мер защищенности информационных систем указанных учреждений.

Шесть основных членов комитета SEBI следят за руководством инициативами в области кибербезопасности, наряду с консультацией по вопросам разработки и поддержания требований безопасности в соответствии с глобальными отраслевыми стандартами.

Международное взаимодействие Индии по проблемам информационной защиты

Международное взаимодействие Индии в интересах усиления своей защищенности и минимизации потенциальных врагов в глобальном информационном пространстве стоит выделить отдельно. Ключевыми акторами выступают организации IAMAИ (Индийская ассоциация интернета и мобильной связи) и NASSCOM (Национальная ассоциация компаний-разработчиков программного обеспечения и услуг). Их представители принимают участие в международных форумах, конференциях и миссиях.

Ассоциация Интернета развивает спектр различных программ, предотвращающих киберугрозы

²² Ibid.

для бизнес-секторов и защищающих интересы индийских компаний на мировых рынках. В рамках своей деятельности IAMAИ содействует развитию интернет-экономики страны и ее безопасности, привлекая зарубежные инвестиции. NASSCOM работает над созданием благоприятной экономической среды для развития технологической индустрии и ее безопасного функционирования в глобальном информационном пространстве. NASSCOM регулярно представляет интересы индийского правительства и IT-компаний страны на международных форумах и организациях, таких как Всемирная торговая организация (ВТО) и Конференция ООН по торговле и развитию (UNCTAD). Ассоциация также стабильно участвует в разработке глобальных стандартов и регуляций.

Правительство Индии заинтересовано в максимально возможном расширении базы обмена информацией, для чего заключает ряд соглашений в глобальном пространстве. Наиболее важными направлениями сотрудничества являются США, Израиль и Южная Корея.

Соглашение между Индией и США было подписано в 2016 г. Оно регулировало формирование цифровой экономики, приносило принципы совместной работы по развитию и применению новых технологий и обмену стратегически важной информацией о возможных киберугрозах и методах борьбы с ними.

Отношения с Израилем закреплены в меморандуме 2018 г., регламентирующем укрепление сотрудничества учреждений двух стран путем создания общих стартапов и ведения совместной деятельности по организации инновационных проектов. Значимую роль сотрудничества с Израилем играет обмен информацией и отчетностью как государственных, так и независимых органов, регулирующих киберпространство.

Взаимодействие с Южной Кореей осуществляется на основе заключенного в 2019 г. совместного заявления о сотрудничестве. Соглашение включало обязательный для международного партнерства пункт индийского правительства об организации обмена информацией в области безопасности. С момента вступления заявления в силу совместно с Кореей регулярно проводятся учения для специалистов отрасли, организуются двухсторонние конференции по предотвращению различного рода

атак на цифровое пространство стран-партнеров, поднимаются вопросы о коллаборациях в разработке и совершенствовании новых директив безопасности финансовых систем.

Индия является одной из лидирующих стран по экспорту информационных технологий, аутсорсингу IT-задач и ряду других направлений. Такая высокая активность в совокупности с огромным рынком Индии вызывает острую необходимость в постоянном развитии информационной безопасности.

Регулярно сталкиваясь с внешними угрозами безопасности базам данных, Индия считается привлекательной целью для иностранного вмешательства, например различного рода хакерские атаки (фишинг, взлом паролей государственных деятелей, эксплойты уязвимостей программного обеспечения или ряд других методов). Государственный аппарат на постоянной основе предпринимает шаги по борьбе с этими рисками в попытках надежнее обезопаситься и не дать зарубежным недоброжелателям получить доступ к системам критически важных баз данных.

Заключение

Для защиты информации в глобальном информационном пространстве Индия принимает меры на разных уровнях: от создания самостоятельных организаций до продвижения новейших технических решений. И хоть в настоящее время ответом страны на вызовы безопасности должна стать новая национальная стратегия, которая еще находится в состоянии подготовки и усовершенствования, страна все равно имеет необходимую базу регуляций.

В документации Министерства электронной связи и информационных технологий список критических областей, требующих информационной защиты, представлен следующими секторами: энергетика, банковские и финансовые услуги, страхование, телекоммуникации и связь, транспорт, правительственный сектор, государственные предприятия.

Для секторов критической важности правительство создало Национальный центр защиты критической информационной инфраструктуры (NCIIPC) при IT Act в качестве узлового агентства²⁵. Он является государственным институтом в вопросах внешней защиты от несанкционированного доступа, изменения, незаконного использования, раскрытия и сбоя

²⁵ The Information Technology Act, 2000. *Ministry of Law, Justice and Company Affairs (Legislative Department)*. New Delhi, 9 June 2000. URL: <https://eprocure.gov.in/cppp/rulesandprocs/kbadqkdlcswfjdlrquehwuxcfmijmxiuixngudufgububgubububjxcgfvbdihbfgGhdFgFHtyyRtMjk4NzY=> (accessed 16 Nov 2023).

в работе. NSCIPС обеспечивает повышение защиты и устойчивости критической информационной инфраструктуры за счет проведения обязательных процедур и методов обеспечения безопасности.

NSCIPС предоставил рекомендации, направленные на снижение уровня уязвимости СИ к глобальным угрозам кибертерроризма, кибервойн и других, менее серьезных потенциальных опасностей. Официальные рекомендации организации основаны на длительном процессе тщательного мониторинга, сбора, анализа и прогнозирования угроз киберпространства на национальном уровне.

NSCIPС в рамках своей деятельности является и международным актором. В сферу заинтересованности Национального центра за рубежом входит проведение совместных с иностранными коллегами исследований и разработок, финансирование проектов по созданию и развитию инновационных технологий. В целях усовершенствования защиты критически важных баз данных проводится тесное сотрудничество с международными партнерами. Так, представители NSCIPС принимают участие в конференциях, семинарах и другого рода массовых мероприятиях, в том числе в заседаниях ООН и международного союза электросвязи (ITU), направленных на обмен опытом, передачу стратегических знаний и обучение кадров. Важным аспектом работы центра является разработка и реализация национальных и международных стратегий сотрудничества, на которые правительство Индии опирается в формировании соглашений с потенциальными зарубежными партнерами в целях укрепления своих позиций на глобальной информационной арене.

Как итог, Индия подписала договоры о взаимной помощи почти с 35 странами для продуктивного сотрудничества в отношении развития регуляции защиты доступа к базам данных как государственного, так и частного сектора. Среди наиболее важных партнерских отношений выделяются США, Великобритания, Япония и Франция.

В 2018 г. центральное правительство Индии принимает новый нормативный акт – «Правила по практике и процедурам информационной безопасности для защищенной системы». Документ содержит подробные инструкции по управлению и конфигурации защищенных систем, контролю и мониторингу действий пользователей информации в защищенных

структурах. Большое внимание уделяется защите от кибератак и вредоносных программ, поступающих извне и составляющих угрозу национальной безопасности.

Кроме того, стоит отметить, что с августа 2021 г. правительство Индии утвердило обновленную схему работы некоторых подгрупп центра NSCIPС, постепенно внедряя использование искусственного интеллекта. Это поможет организациям и компаниям достигать целей более эффективно и в ускоренные сроки.

В поддержку MeitY и Национальному центру защиты критической информационной инфраструктуры была учреждена новая организация, получившая название Секретариат Совета национальной безопасности (NSCS)²⁴ (п. 1.2). В целях координации действий в аспекте безопасности информационного пространства секретариат работает в тесном взаимодействии с Министерством внутренних дел, Министерством обороны, Министерством иностранных дел, разведывательным отделом Индии и др. Секретариат ведет разработку проекта национальной стратегии кибербезопасности. Секретариат Совета национальной безопасности также ведет деятельность в сотрудничестве с международными организациями и структурами других государств в вопросах национальной безопасности критических баз данных страны.

В ноябре 2019 г. было создано Агентство обороны по кибербезопасности (Defence Cyber Agency, DCA), которое возглавил контр-адмирал военно-морского флота Индии Мохит Гупта [Mishra et al. 2016]. Заинтересованность страны в усилении безопасности цифрового военного сектора обуславливалась увеличением количества киберугроз. В качестве основных источников угроз выступали Китай, Пакистан и Соединенные Штаты Америки [Mishra et al. 2016].

Китай на протяжении длительного времени является главным конкурентом Индии в глобальном киберпространстве, их хакерские атаки чаще всего нацеливались на кражу данных из ресурсов государственных баз, конфиденциальных данных значимых национальных и частных учреждений. Действия Пекина можно было расценивать как полноценную кибервойну в отношении Индии.

Пакистан в свою очередь является серьезным оппонентом Индии на южной границе. Пакистанские силы зачастую преследовали цели атаковать сайты

²⁴ NeGD, MeitY organises 30th Batch of Chief Information Security Officers' (CISOs) Deep Dive Training Programme under Cyber Surakshit Bharat Initiative. 3 Sep 2022. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1856472> (accessed 15 Nov 2023).

индийских правительственных учреждений и военных объектов, но угрозы Пакистана менее значительны.

С точки зрения взаимодействия с США положению дел было сложно дать однозначную оценку. На первый взгляд, страны связывало обоюдное продуктивное соглашение о взаимопомощи от 2016 г., в рамках которого проводились совместные учения и мероприятия по обмену опытом и новыми разработками. Но в то же время на фоне ухудшающихся отношений в общественно-политической сфере спецслужбами США излагались интересы навязывания своей модели кибербезопасности от внешних угроз.

За более чем двадцатилетний период Индия совершила серьезнейший скачок в отрасли информационных технологий как на внутреннем уровне, так и на мировой арене. С момента формирования первого свода законов, регулирующего цифровую сферу, государство планомерно развивало концепцию безопасности в информационном пространстве. Расширяя нормативную базу, вводя новые и новые учреждения различного статуса и предназначения, постоянно обновляя взгляд на национальную стратегию развития кибербезопасности, Индия удостоилась места в ряду наиболее значимых стран с точки зрения состояния цифровой структуры и ее защищенности. Государство прошло путь от обладателя одного из самых бедных и примитивных секторов информационно-коммуникационных технологий до закрепления своего места в строю мировых лидеров. Конечно, к сегодняшнему дню инфраструктура информационной безопасности страны неидеальна и требует значительных шагов вперед, находясь под постоянным прицелом хакерских атак. Однако путь ее формирования и отдельные примечательные инициативы являются значимым опытом, заслуживающим внимания мировых специалистов.

В ходе исследования было поэтапно описано формирование концепции информационной безопасности Индии. В качестве ключевых событий были взяты относящиеся к системе информационной безопасности страны. Среди стадий представлены: формирование и принятие нормативно-правовых актов отрасли; учреждение новых государственных и независимых органов, агентств и организаций, ведущих деятельность непосредственно в среде информационной безопасности или касающихся ее; принятие национальных доктрин (стратегий и национальных политик развития сектора); ключевые события в международном взаимодействии – заключение соглашений, пактов, меморандумов и т. д.

Были определены и более детально охарактеризованы механизмы, обеспечивающие информационную безопасность внутри Индии. В их список был включен ряд государственных учреждений. Ключевые позиции занимают отделы министерств страны. Таким образом, основные функции регулирования внутреннего киберпространства возложены на Министерство электроники и информационных технологий и его подразделение – группу реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации (CERT-IN). В списке также присутствуют учрежденные Министерством внутренних дел страны Отдел кибербезопасности и информационной безопасности (C&IS) и Индийский координационный центр по борьбе с киберпреступностью (I4C). Среди иных инициатив выделяются главенствующий свод законов отрасли – IT Act 2000 г. (включая поправки 2008 г.), правила 2011 г., акт «Знай своего клиента» и система Aadhaar.

С точки зрения защиты от внешних угроз были представлены основные механизмы, регулирующие позиции Индии в глобальном информационном пространстве. Данная категория была разделена на механизмы двух отраслей: концентрирующиеся на экономическом секторе и сфокусированные на защите данных страны. В ряду первых – Резервный (он же Центральный) банк Индии (RBI) и созданный им Институт развития и исследований в области банковских технологий (IDRBT), Совет по безопасности данных Индии (DSCI), организации IMAI (Индийская ассоциация Интернета и мобильной связи) и NASSCOM (Национальная ассоциация компаний-разработчиков программного обеспечения и услуг).

Вторая половина представлена созданным правительством в 2014 г. Национальным центром защиты критической информационной инфраструктуры (NCIIPI), который выпустил в 2018 г. нормативный акт «Правила информационных технологий». Деятельность центра является основополагающей в секторе критически важной инфраструктуры Индии. Был отмечен вклад DCA (Агентство обороны по кибербезопасности) в усиление безопасности баз данных цифрового военного сектора и NSCS (Секретариат Совета национальной безопасности) как международного актора в вопросах национальной безопасности критических баз данных страны.

Данное исследование позволило достичь поставленную цель и предоставляет полную картину поэтапного выстраивания структуры информационной безопасности Индии. По последовательности их учреждения и вступления в силу были затронуты

все основные действующие и разрабатываемые механизмы обеспечения защиты киберпространства страны. Детально описаны их функции и цели, различного рода нормативно-правовые акты (от свода правил до национальных доктрин) и органы по регулированию описываемой сферы информационной безопасности. Предоставлен целостный взгляд на развитие концепции информационной безопасности внутри страны и за ее пределами, сконцентрированный на хронологическом повествовании о каждой стадии ее формирования. Информация изложена с конкретным разделением всех основных ныне присутствующих в стране механизмов на отдельные группы. Процесс создания инфраструктуры информационной безопасности Индии представлен с четким подразделением рассматриваемых событий и инициатив на конкретные категории.

Подводя итог, стоит отметить, что Индия, несмотря на огромный перечень преград и угроз, построила надежную систему информационной безопасности, отвечающую современным мировым запросам. Согласно Global Cybersecurity Index 2020 г., Индия занимает 15 место по уровню кибербезопасности в международном рейтинге, что безусловно является отличным результатом [Reghunadhan 2022: 25]. Государство своевременно реагировало на мировые тенденции в глобальном информационном пространстве, внедряя необходимые механизмы регулирования. К данному моменту в Индии ведут

свою деятельность ряд ключевых учреждений в каждой из значимых отраслей кибербезопасности страны, сформирована нормативно-правовая база для предотвращения и борьбы с киберугрозами извне. Но при этом Индия остается в списке наиболее атакуемых в цифровом пространстве стран, что стимулирует правительство на дальнейшее развитие отрасли и привнесение стратегически важных инноваций в сектор, а также обновление общенационального курса совершенствования сферы информационных технологий в виде ожидаемой новой стратегии кибербезопасности страны.

В перспективе дальнейших исследований специалистов в области международных отношений информационной безопасности остается ряд вопросов о том, как будет национальная стратегия информационной безопасности Индии увязана с союзническими обязательствами по раскрытию ряда аспектов информации и обеспечению ее транспарентности, сбором данных в центре, которым, наверняка, станет Пентагон, в составе QUAD.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Авешникова А. А. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в Индии. *Евразийский юридический журнал*. 2018. № 11. С. 55–57. [Aveshnikova A. A. Legal provision of information security of minors in India. *Evrasiiskii iuridicheskii zhurnal*, 2018, (11): 55–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vorbnr>
- Бухарин В. В. Кибербезопасность БРИКС. *Государственное управление Российской Федерации: повестка дня власти и общества: XVI Междунар. конф.* (Москва, 31 мая – 2 июня 2018 г.) М.: КДУ, 2019. С. 552–559. [Bukharin V. V. Cybersecurity of the BRICS. *Public administration of the Russian Federation: Agenda of authorities and society: Proc. XVI Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 31 May – 2 Jun 2018. Moscow: KDU, 2018, 552–559. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylenpg>
- Дементьев О. М., Яркин М. С. Регулирование кибербезопасности в Индии. *Проблемы борьбы с киберпреступлениями в современном обществе: II Всерос. конф.* (Тамбов, 24 апреля 2017 г.) Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2017. С. 83–87. [Dementiev O. M., Yarkin M. S. Cybersecurity regulation in India. *Problems of combatting cybercrime in modern society: II All-Russian Conf.*, Tambov, 24 Apr 2017. Tambov: Izd-vo Pershina R. V., 2017, 83–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xfmddc>
- Замулина А. Опыт Страны цветущего лотоса. Регулирование сферы персональных данных в Индии. *BIS Journal – Информационная безопасность банков*. 2023. № 2. С. 94–97. [Zamulina A. Experience of the Land of the Blooming Lotus. Regulation of personal data in India. *BIS Journal*, 2023, (2): 94–97. (In Russ.)]

- Зиновьева Е. С., Игнатов А. А. БРИКС в глобальном режиме ИКТ-безопасности. *Международные процессы*. 2023. Т. 21. № 4. С. 104–132. [Zinovieva E. S., Ignatov A. A. The role of BRICS in the international ICT security regime. *Mezhdunarodnye Protsessy*, 2023, 21(4): 104–132. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.4.75.2>
- Казарин О. В., Тарасов А. А. Современные концепции кибербезопасности ведущих зарубежных государств. *Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность*. 2013. № 14. С. 58–74. [Kazarin O. V., Tarasov A. A. Modern concepts of cybersecurity of leading foreign countries. *Vestnik RGGU. Seriya: Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaia bezopasnost*, 2013, (14): 58–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rlygmt>
- Маланичева Н. В., Харина О. А., Балаханова Д. К., Великороссов В. В. Особенности концепции национальной безопасности Индии. *Прикладные экономические исследования*. 2023. № 2. С. 39–49. [Malanicheva N. V., Kharina O. A., Balakhanova D. K., Velikorossov V. V. Peculiarities of India's national security concept. *Applied economic research*, 2023, (2): 39–49. (In Russ.)] https://doi.org/10.47576/2949-1908_2023_2_39
- Михайлова Е. В., Горбунова О. А. Сравнительная характеристика финансовых рынков стран БРИКС. *Вестник евразийской науки*. 2019. Т. 11. № 2. [Mikhaylova E. V., Gorbunova O. A. Comparative characteristics of financial markets of the BRICS countries. *The Eurasian Scientific Journal*, 2019, 11(2). (In Russ.)] URL: <https://esj.today/PDF/85ECVN219.pdf> (дата обращения: 15.11.2023). <https://elibrary.ru/dmznjv>
- Никипорец-Такигава Г. Ю., Бучнев Е. В., Харина О. А., Алексеева Ю. Н. Российско-индонезийское сотрудничество в сфере обеспечения кибербезопасности. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2023. Т. 3. № 2. С. 84–95. [Nikiporets-Takigawa G. Yu., Buchnev E. V., Kharina O. A., Alekseeva Yu. N. Cooperation between Russia and Indonesia: A cybersecurity perspective. *YugoVostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2023, 3(2): 84–95. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-084-095>
- Перминов В. А. Развитие сектора ИКТ в Индии. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2019. № 8. С. 127–134. [Perminov V. A. Development of ICT sector in India. *Rossijskij vnesheekonomicheskij vestnik*, 2019, (8): 127–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxoivx>
- Ревенко Л. С., Ревенко Н. С. Международная практика реализации программ развития цифровой экономики: примеры США, Индии, Китая и ЕС. *Международные процессы*. 2017. Т. 15. № 4. С. 20–39. [Revenko L. S., Revenko N. S. Global trends and national specifics of the development of a digital economy: Record of the Unites State, India, China and the EU. *Mezhdunarodnye Protsessy*, 2017, 15(4): 20–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.4.51.2>
- Сахаров В. С. Основная роль БРИКС, как международной организации, в борьбе с киберпреступностью. *Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии*. 2023. № 50. [Sakharov V. S. The main role of BRICS as an international organization in the fight against cybercrime. *Vestnik Vostochno-Sibirskoi otkrytoi akademii*, 2023, (50). (In Russ.)] URL: <https://s.esrae.ru/vsoa/pdf/2023/50/1414.pdf> (дата обращения: 15.11.2023). <https://elibrary.ru/cktwox>
- Суюнова Ф. Б. Особенности цифровизации экономики Индии. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*. 2022. Т. 2. № 9. С. 503–508. [Suyunova F. B. Digitalization of Indian economy. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*, 2022, 2(9): 503–508. (In Russ.)]
- Bhattacharjee S. An evolving paradigm of cybersecurity in North Eastern India. *Sustainable development goals in Northeast India*, eds. Anand S., Das M., Bhattacharyya R., Singh R.B. Singapore: Springer, 2023, 299–313. https://doi.org/10.1007/978-981-19-6478-7_16
- Godse V. Building an ecosystem for cyber security and data protection in India. *Ethics and policy of biometrics. ICEB 2010. Lecture notes in computer science*, eds. Kumar A., Zhang D. Berlin, Heidelberg: Springer, 2010, 138–145.
- ICT with intelligent applications*: Proc. of ICTIS 2022, eds. Choudrie J., Mahalle P., Perumal T., Josh A. Singapore: Springer, 2022, vol. 1, 846. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-3571-8>
- Kumar V., Inbaraj P. Overview on cyber security threats involved in the implementation of smart grid in countries like India. *Proceeding of the International Conference on Computer Networks, Big Data and IoT (ICCBI – 2018)*. ICCBI 2018, eds. Pandian A., Senjyu T., Islam S., Wang H. Cham: Springer, 2018, 678–684. https://doi.org/10.1007/978-3-030-24643-3_81
- Lessambo F. I. AML / CFT and cybersecurity laws in India. *Anti-money laundering, counter financing terrorism and cybersecurity in the banking industry*. Cham: Palgrave Macmillan, 2023, 137–142. https://doi.org/10.1007/978-3-031-23484-2_14

- Mishra S., Dhir S., Hooda M. A study on cyber security, its issues and cyber crime rates in India. *Innovations in computer science and engineering. Advances in Intelligent Systems and Computing*, eds. Saini H. S., Sayal R., Rawat S. S. Singapore: Springer, 2016, 249–253. https://doi.org/10.1007/978-981-10-0419-3_30
- Patil S. India's cyber security landscape: Vulnerabilities and responses. *Securing India in the Cyber Era*, ed. Patil S. London: Routledge, 2021, 14–24. <https://doi.org/10.4324/9781003152910>
- Patil S. India's cyber security landscape. Varying dimensions of India's national security. *India studies in business and economics*, eds. Behera A., Mishra S. Singapore: Springer, 2022, 75–90. https://doi.org/10.1007/978-981-16-7593-5_6
- Prasad S., Kumar A. Cyber terrorism: A growing threat to India's cyber security. *Nontraditional security concerns in India*, eds. Singh S. K., Singh S. P. Singapore: Palgrave Macmillan, 2022, 53–73. https://doi.org/10.1007/978-981-16-3735-3_4
- Reghunadhan R. *Cyber technological paradigms and threat landscape in India*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2022, 134. <https://doi.org/10.1007/978-981-16-9128-7>
- Shukla S. K., Agrawal M. *Cyber security in India: Education, research and training*. Singapore: Springer, 2020, 108. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-1675-7>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/rvmlsi>

Этнические меньшинства Бессарабии в контексте политики румынизации (1918–1920 гг.)

Нам Ираида Владимировна

Национальный исследовательский Томский государственный
университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 3446-3096

<https://orcid.org/0000-0002-3636-7539>

Scopus Author ID: 56490072500

namirina@bk.ru

Наумова Наталья Ивановна

Национальный исследовательский Томский государственный
университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 1549-5595

Scopus Author ID: 57197847376

Аннотация: В статье рассмотрен бессарабский вопрос в контексте реализации проекта воссоздания Великой Румынии после окончания Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Представлены результаты исследования политики румынизации полиэтничного населения Бессарабии в 1918–1919 гг. Распад Австро-Венгерской, Российской и Османской империй сопровождался «перекройкой» границ в Европе и созданием новых национальных государств. В результате возникла проблема национальных меньшинств, их гражданского и политического равноправия, а также права пользования родным языком и другими национальными правами. Румыния в 1918 г. оккупировала часть территории, входившей с 1812 г. в состав Российской империи – Бессарабию, население которой было полиэтничным. Кроме молдаван, которым придавалось значение ядра румынской нации, здесь проживали русские, украинцы, русины, немцы, евреи, поляки, болгары, гагаузы и др. Румынские власти начали ускоренный процесс инкорпорации территории Бессарабии в пространство Королевства Румынии, интеграции ее населения в формирующуюся румынскую политическую нацию, не дожидаясь признания новых границ международными договорами. Цель – выявить, проанализировать и охарактеризовать методы, которыми проводилась румынизация населения Бессарабии. Исследование выполнено на основе архивных документов, которые были опубликованы в 1940 г. в журнале «Красный архив», но не привлекли еще внимания ученых. Авторы использовали принципы историзма и объективности, методы анализа и синтеза, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы. Исследование показало, что в процессе форсированной румынизации, направленной на искоренение русского влияния, особое значение придавалось ликвидации системы земств и выборных органов местного самоуправления, языковой и образовательной политике. Насильственные методы включения языковых, этнических и религиозных меньшинств в новое государство вызывали активное противодействие с их стороны.

Ключевые слова: этнические (национальные) меньшинства, молдавское национальное движение, национальная политика, румынизация, Парижская мирная конференция, Румыния, Бессарабия

Цитирование: Нам И. В., Наумова Н. И. Этнические меньшинства Бессарабии в контексте политики румынизации (1918–1920 гг.). *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 459–470. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-459-470>

Поступила в редакцию 01.03.2024. Принята после рецензирования 16.05.2024. Принята в печать 20.05.2024.

full article

Ethnic Minorities in Bessarabia during Romanization in 1918–1920

Iraida V. Nam

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 3446-3096

<https://orcid.org/0000-0002-3636-7539>

Scopus Author ID: 56490072500

namirina@bk.ru

Natalia I. Naumova

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 1549-5595

Scopus Author ID: 57197847376

Abstract: This article describes the political and social situation in Bessarabia in the context of the so-called *Great Romania Project*, i.e., attempts to romanize the multiethnic population in the region that took place after the Great War in 1918–1919. The collapse of the Austro-Hungarian, Russian, and Ottoman Empires changed the map of Europe and gave rise to new national states. These processes triggered various national minority issues, e.g., civil, political, and language inequality. In 1918, Romania occupied Bessarabia, which had been part of Russian Empire since 1812. Besides Moldovans, who were recognized as the core of Romanian nation, Bessarabia's population was multiethnic and involved Russians, Ukrainians, Russinians, Germans, Jews, Poles, Bulgarians, Gagauz, etc. Romania started incorporating Bessarabia and integrating its population even before the new borders were recognized internationally. This research featured the methods of Romanization in Bessarabia. It relied on archival documents published in *The Red Archive Journal* in 1940, which remained beyond the scope of scientific attention. The authors used the principles of historicism and objectivity represented by the methods of analysis and synthesis, comparative historical and problem-chronological methods, etc. The goal of the forced Romanization was to exterminate Russian influence, e.g., the regional division into *zemstvo*, local elections, language, education, etc. As a result, the methods of force applied to the language, ethnic, and religious minorities caused their active resistance.

Keywords: ethnic minorities, Moldovan national movement, ethno-national politics, Romanization, Paris Peace treaty, Romania, Bessarabia

Citation: Nam I. V., Naumova N. I. Ethnic Minorities in Bessarabia during Romanization in 1918–1920. *SibScript*, 2024, 26(3): 459–470. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-459-470>

Received 1 Mar 2024. Accepted after peer review 16 May 2024. Accepted for publication 20 May 2024.

Введение

В результате распада Австро-Венгерской, Российской и Османской империй, сопровождавшегося «перекройкой» границ в Европе и созданием новых национальных государств, возникла проблема национальных меньшинств, их гражданского и политического равноправия, права пользования родным языком и другими национальными правами. В годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) Бессарабия входила в сферу территориальных притязаний Румынии, России и Украины, а ее политическая элита стремилась к созданию молдавской нации и государственности. Эти события трактуются по-разному румынской, молдавской и российской историографией. Лишь в последнее время наметился переход к деполитизированному изучению Бессарабии имперского и постимперского периодов на основе теорий нации и национализма. Процесс «объединения» Бессарабии с Румынией и его последствия активно разрабатываются молдавскими

[Бенюк, Назария 2017; Бойко 2014; Буле 2012; Лунгу 1979; Назария 2013а; 2013б; 2014а; 2014б; 2014с; Руссев 2018; Суляк 2012; 2018], румынскими [Якоб 2005], украинскими [Дегтярев, Завгородняя 2018; Попенко и др. 2020] и российскими авторами [Гром 2015; 2016; 2018, 2019; Лавренов 2020; Мальцев 2011; Мельтюхов 2010; Мухаметшин, Степанов 2022; Овчинников 2022; 2023; Оськин 2020; Скворцова 2002; Шорников 2010]. Затрагивается в этих работах и политика румынских властей в отношении национальных меньшинств Бессарабии, но пока эта тема еще не стала предметом специального изучения.

В настоящей статье представлены результаты исследования политики румынизации полиэтничного населения Бессарабии в 1918–1919 гг. Цель – выявить, проанализировать и охарактеризовать методы, которыми проводилась румынизация населения Бессарабии.

Методы и материалы

Исследование выполнено в широком историческом контексте с опорой на исследовательскую литературу и на основе анализа архивных материалов (акты, протоколы, приговоры, докладные записки), опубликованных в 1940 г. в журнале «Красный архив», издававшемся в 1922–1941 гг. Главным архивным управлением Наркомата Внутренних Дел РСФСР¹. В процессе исследования авторы использовали принципы историзма и объективности, методы анализа и синтеза, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Результаты

Молдавское национальное движение и возникновение бессарабского вопроса

Главной целью румынской политики с момента образования в 1881 г. Королевства Румынии являлось создание Великой Румынии за счет отторжения территорий соседних государств: Южной Добруджи от Болгарии, Трансильвании и Буковины от Австро-Венгрии и Бессарабии от России. Первая мировая война и революционные потрясения в России активизировали деятельность румынских властей, направленную на пропаганду единения румынского народа в рамках одного государства и возможность реализации проекта *Великая Румыния*. Румынский министр И. Г. Дука писал в своих мемуарах: «Разложение русского фронта не пугает меня, наоборот – радует. Когда Россия рухнет, мы сможем быстро захватить Бессарабию, а так как, с Россией или без нее, в конечном итоге победу одержат союзники, в конце войны мы захватим также и Трансильванию, и таким образом из этих сражений и из этих потрясений родится то, что мы опасались видеть даже в самых смелых снах: объединение всех румын от Днестра и до Тисы» [по: Назария 2014а: 62–63].

Активисты молдавского национального движения до Февральской революции исходили из культурно-языкового понимания нации, считая молдаван частью более крупной этноязыковой общности – румынской нации. Свою задачу они видели

в том, чтобы «пробудить» в народе «национальное чувство». Но их планы не шли дальше «размытых деклараций о культурной и административной автономии Бессарабии в составе России». В рамках культурного национализма молдавские националисты действовали и во время Первой мировой войны [Гром 2016: 101–103].

События 1917 г. в Петрограде способствовали активизации молдавского движения в Бессарабии. 2 апреля была образована Молдавская национальная партия, к которой вскоре присоединились члены Молдавской партии, созданной в Одессе из военно-служащих молдаван под руководством капитана В. Кателли и прапорщика И. Паскалуцы. Программы этих партий предусматривали создание автономии Молдавии в составе Российской федеративной республики, введение молдавского языка в школе, церкви, суде, а также формирование молдавских воинских частей, дислоцируемых на территории Бессарабии [Скворцова 2002: 15]. Реанимируется возникшая еще в ходе революции 1905–1907 гг. идея создания Совета страны – Сфатул Цэрий (СЦ) – как временного органа для подготовки и проведения в жизнь автономии Бессарабии². Среди его членов были сторонники реализации разных политических проектов: автономии в составе России, государственной независимости и объединения с Румынией или с Украиной. Но первоначально лидеры СЦ отрицали приверженность идее объединения с Румынией – румыно-унионизма. Доминирующей была идея проведения в Бессарабии социальных и политических преобразований в рамках демократической России: «Пути Бессарабии сходятся с путями России, ибо нет более свободной страны, чем Россия», утверждал И. Инкулец, избранный председателем Сфатул-Цэрий [Бенюк, Назария 2017: 32].

Победа большевиков в Петрограде в октябре 1917 г. ускорила процессы этнополитической мобилизации молдаван. Объявивший себя краевой властью Сфатул Цэрий 2 декабря провозгласил создание Молдавской демократической республики в составе единой Российской федеративной демократической

¹ Всего 20 документов и вводная статья С. Моисеева «Румынский произвол в Бессарабии» (1918 г.). *Красный архив*. 1940. Т. 4 (101). С. 64–100. Документы содержат многочисленные факты, свидетельствующие, во-первых, о массовых насилиях, грабежах и расстрелах мирных жителей военными отрядами и жандармами в отношении населения Бессарабии, во-вторых, о протестах и попытках сопротивления насильственной румынизации в Аккерманском уезде (Шабо, Будах, Главан, Задунаево, Раскайцы, Олонешты, Ивановка-Русская), в Оргеевском, Бендерском, Измаильском и Хотинском уездах.

² Для организации и работы СЦ было создано бюро из 160 человек, в котором бессарабцам-молдаванам выделили 105 мест, национальным меньшинствам, составлявшим более 50 % населения края, – 36 мандатов (25 %). Крестьяне, составлявшие 80 % населения, получили 30 % мандатов.

республики. Было создано правительство – Совет генеральных директоров (СГД). С самого начала СЦ не имел полной поддержки в крае. Его не поддержали земства и городские управы, бойкотировали южные уезды, не было представлено население северного Хотинского уезда [Суляк 2018: 119–120]. И уже в декабре 1917 г. авторитет руководства СЦ и Молдавской национальной партии начал стремительно падать. На выборах в Учредительное собрание России Молдавская национальная партия получила лишь 2,3 % голосов бессарабских избирателей, принявших участие в голосовании. В городах победили еврейские партии [Бенюк, Назария 2017: 34–35]. На фоне снижения влияния СЦ росло влияние Советов.

В этой ситуации правительство Румынии, чувствуя поддержку Антанты и Центральных держав³, 4 января 1918 г. приняло решение начать необъявленную войну с Россией. И. Инкулец утверждал, что решение о вводе румынских войск было принято с согласия союзников с целью «очищения железных дорог от большевиков» [Бенюк, Назария 2017: 42]. Но, как позднее признавал Т. Ионеску⁴, это было всего лишь пропагандистское прикрытие: «весь мир знает, что войска, направленные в Бессарабию, были посланы для того, чтобы завершить, когда можно будет и как только можно будет, финальный акт присоединения Бессарабии» [Мельтюхов 2010: 38].

24 января Сфатул Цэрий принял декларацию, согласно которой Бессарабия объявлялась «отныне и навсегда независимой» Молдавской демократической республикой. Но 27 марта под жестким давлением румын⁵ СЦ принял решение об условном присоединении Бессарабии к Румынии на правах автономии. С этим решением не согласилась

значительная часть его членов, полагая, что в результате революции бессарабцы получили все, о чем мечтали: национальную школу, церковь, язык, местную автономию, а главное – землю. От участия в голосовании отказалась состоявшая в основном из молдаван крестьянская фракция. Против объединения выступили и депутаты, представлявшие другие национальности⁶. 28 мая деятельность СЦ была приостановлена, а с назначением 13 июня губернатором Бессарабии генерала А. Вэйтояну⁷, в подчинение которому переходил СГД, значение СЦ стало и вовсе номинальным.

В преддверии открытия Парижской мирной конференции, проходившей 18 января 1919 г. – 28 января 1920 г. в Версале, Румыния поспешила добиться признания своих прав на Бессарабию, опираясь на согласие законной власти. Без предварительного уведомления в печати было созвано внеочередное открытое заседание СЦ, где 27 ноября 1918 г. в отсутствие кворума было принято решение о «безусловном присоединении» к Румынии⁸. В самом начале работы конференции 19 января вспыхнуло восстание в Хотинском уезде⁹, организованное Национальным союзом бессарабцев и Комитетом в защиту Бессарабии [Мальцев 2011: 175]. В обращении Общества бессарабских болгар в Софии говорилось, что Бессарабия ни в коем случае не должна быть передана Румынии и содержалось требование гарантии демократических свобод болгарскому меньшинству [Назария 2014с].

Румынизация Бессарабии

Формально Бессарабия приравнивалась румынскими властями к другим провинциям, но фактически к ней всегда был особый подход. На первый план внутренней политики выступила задача румынизации (введения

³ На основании русско-румынского соглашения от 5–9 марта 1918 г. Румыния обязывалась вывести свои войска из Бессарабии, отказывалась от административных функций на ее территории и брала обязательство не предпринимать «никаких военных, неприятельских или других действий против Советской Республики». Одновременно Румыния заключила прелиминарный мирный договор с государствами Четверного союза, которыми признавалось право Румынии на Бессарабию в обмен на обязательства оказания им помощи укрепиться в Бессарабии.

⁴ Ионеску Таке (1858–1922) – румынский политический деятель, лидер Демократической консервативной партии. После поражения Румынии в Первой мировой войне участвовал в 1916–1918 гг. в правительстве изгнания в качестве министра без портфеля. Министр иностранных дел (3 июня 1920 г. – 16 декабря 1921 г.), премьер-министр Королевства Румынии (17 декабря 1921 г. – 19 января 1922 г.).

⁵ Странниками объединения была навязана поименная процедура голосования, проходившего в окруженном румынскими войсками здании и в присутствии жандармов.

⁶ В Конституции Молдавской республики оговаривалось, что вступление Бессарабии в политический союз с другим государством может быть осуществлено только вследствие референдума, в котором примут участие все граждане «без различия пола, религии, национальности».

⁷ Вэйтояну Артур (1864–1956) – генерал, румынский политический и государственный деятель. Занимал посты министра обороны (29 ноября 1918 г. – 26 сентября 1919 г.), а затем премьер-министра Королевства Румынии (4 сентября – 12 декабря 1919 г.).

⁸ Из письма депутата Сфатул Цэрий И. Паскулаца в Комитет по спасению Бессарабии, 27 ноября 1918 г. *Красный архив*. 1940. Т. 4. С. 79–81.

⁹ Докладная записка о насилиях румынских жандармов в Хотинском уезде [январь 1919 г.]. *Красный архив*. 1940. Т. 4. С. 88–91.

румьнского законодательства, системы управления, языка, школы, культуры, церкви), которая была направлена на искоренение русского влияния. Эту задачу румынской национальной политики признавал бывший резидент королевского правительства в Бессарабии историк О. Гибу: «Исходя из констатации, что русский элемент численно и размещением не представляет в этой провинции ничего, что на языке международной политики составляет "национальное меньшинство", я заключил, что русское влияние должно быть ликвидировано... придав городам этой провинции румынский культурный и экономический характер» [по: Шорников 2010: 73].

Однако земли Бессарабии были настолько разными по этническому, языковому и религиозному составу населения, традициям, культуре, образу жизни¹⁰, что это могло стать угрозой становлению Румынии как единого государства. Хотя молдаване составляли относительное большинство населения края – около 48 % [Мухаметшин, Степанов 2022: 216], среди городского населения их было чуть более одной четверти. В ряде уездов, например, в Хотинском и Аккерманском, большинством были украинцы [Мальцев 2011: 174], причем в Хотинском уезде это были русины [Суляк 2018: 117]. В Аккерманском уезде русские и украинцы составляли 33 %, болгары – 30 %, румыны – 18 %, немцы – 13 %, евреи – 6 % [Скворцова 2002: 100]. На юге Бессарабии с конца XVIII – начала XIX в. компактно проживало большое число переселенцев – болгар и гагаузов [Руссев 2018: 243]. Очевидным было дистанцирование молдаван от румын, которых они называли цыганами. По словам современников, «бессарабские молдаване называли себя русскими молдаванами, совершенно так же, как кавказские и крымские татары называют себя русскими татарами» [Мальцев 2011: 171]. Безусловную ориентацию на Россию сохраняли гагаузы [Шорников 2010: 84].

Регионально-этническую разнородность населения Бессарабии, говорившего на разных языках, скрепляли официальное православие и русификаторская политика. Русский язык утвердился и как официальный язык, и как язык межнационального общения в городах, а также на юге губернии и в сельской местности, где большинство населения было полиэтничным.

Русским языком владели более 30 % молдаван: интеллигенция, горожане, крестьяне, служившие в русской армии. Украинцы (малороссы и русины), составлявшие вторую по численности этническую группу в крае, считали русский язык литературной версией родного языка – *ридной мовы*. Русский язык знали и говорили на нем немалая часть болгар, гагаузов, немцев, большинство евреев Бессарабии [Шорников 2010: 74]. Значительная часть образованных людей считала русский язык либо родным, либо вторым языком. При этом *русское* ассоциировалось с *российским* как самими бессарабцами, так и румынской властью [Скворцова 2002: 6, 96, 216]. Руководству Румынии, в сущности, пришлось решать двойную задачу – превращения молдаван Бессарабии в румын и ассимиляции остальных национальных меньшинств.

Для большинства крестьян, включая молдаван, лозунги национальной солидарности и политического единства «всех румын» оставались «пустым звуком» [Гром 2016: 93]. «Инертная масса крестьян слабо интересовалась... своей "национальностью" и тем более не осознавала своей "румынскости"» [Гром 2015: 101]. В рапорте генерала Рышкану в адрес командования сообщалось, что крестьяне села Мерень Кишиневского уезда открыто заявляли румынским офицерам, что им не нужно объединение, Сфатул Цэрий их предал и они не нуждаются «в румынском иге» [Назария 2014b: 69]. Союзом учащих г. Бендер ввод румынских королевских войск оценивался как аннексия, предпринятая с согласия СЦ¹¹. «Предательским и незаконным» называли постановление СЦ о присоединении к Румынии жители сел Турлак и Будак Аккерманского уезда¹². О насильственной румынизации болгар в Бессарабии и их экономическом ограблении говорилось в резолюции Союза бессарабских болгар в Болгарии, адресованной правительству Румынии и пересланной членам Лиги наций [Лунгу 1979: 145]. Отмечалась «непримиримая враждебность» болгар и гагаузов к присоединению к Румынии [Буле 2012: 50–53]. Н. А. Александри, один из организаторов молдавского национального движения, писал: «по всей стране стон стоит от края до края: беззакония, издевательства, глумление такое, каких не было, быть может, от века. Времена царского

¹⁰ По переписи 1897 г., около половины населения Бессарабии (47,58 %) назвали родным языком молдавский; 19,62 % – украинский; 8,05 % – русский; 11,79 % – еврейский; 5,33 % – болгарский; 3,11 % – немецкий; 2,88 % – турецкий (включая православных гагаузов); а также польский, белорусский, цыганский, греческий, армянский (8,65 %) [Суляк 2012: 20].

¹¹ Из протокола общего собрания Союза учащих г. Бендер и его уезда 14–15 января 1918 г. по вопросу ввода румынских королевских войск на территорию Бессарабии. *Красный архив*. 1940. Т. 4. С. 68.

¹² Протокол схода села Будак Аккерманского уезда Бессарабской губернии, 2 ноября 1918 г. *Красный архив*. 1940. Т. 4. С. 76.

абсолютизма кажутся чуть ли не раем» [по: Мальцев 2011: 171]. «В... стране создаются порядки, подготовляющие, с одной стороны, голод, а с другой, новую революцию», – констатировал Н. А. Александри¹⁵.

После принятия акта о присоединении края к Румынии румыны стали действовать активнее. Борьбу с «русизмом» Бухарест начал с румынизации администрации. В ходе оккупации Бессарабии румынскими войсками были ликвидированы все административные структуры и органы самоуправления, созданные при Временном правительстве. Одновременно были распространены действия румынских законов в области юстиции, торговли, финансов, почты и телеграфа, созданы военные трибуналы, жандармерия, суд и прокуратура, органы полиции и сигуранцы – политической секретной полиции. В августе 1919 г. были отправлены 97 агентов сигуранцы – по 3 в каждый уезд, а в Аккерманский, Измаильский, Хотинский, где велика была доля немолдавского населения, – по 12 [Руссев 2018: 245]. Схваченные агентами сигуранцы люди подвергались побоям и пыткам с целью демонстрации власти, перед которой все должны трепетать и бояться [Лунгу 1979: 116–117].

Одним из первых актов румынизации был приказ генерального комиссара Бессарабии генерала А. Вэйтояну от 22 июля 1918 г. о замене всех афиш и вывесок с русского языка на румынский¹⁴. Другим инструментом дерусификации стал *перевод делопроизводства на румынский язык*. Были уволены многие судьи и служащие Бессарабского губернского суда, адвокаты и нотариусы, полностью был румынизирован персонал почтового ведомства и таможен, на 80 % – персонал полиции. Подвергаясь дискриминации на рынке труда, русские и бессарабцы других национальностей не могли претендовать на общественно значимые посты и представительство в административных органах [Шорников 2010: 74].

Еще одним средством ограничения свободы стала *военная цензура* – из газет вырезались публикации с критикой работы чиновников, упоминания о советской России, осадном положении, цензуре. В уездах специальные цензурные комиссии подвергали проверке печатные издания и частную

переписку [Лунгу 1979: 156–157]. Был воспрещен ввоз в Бессарабию газет, журналов, книг и даже нот на русском языке. Из русскоязычных периодических изданий было разрешено лишь шесть, но и те под строжайшей цензурой. Не допускался выход в свет новых изданий на русском языке¹⁵. Директор народного образования заявил представителю Аккерманского земства, что он «не потерпит» ничего русского в Бессарабии. А управляющий разрядом низших школ, услышав, что население Аккерманского уезда нуждается в русском языке, т.к. ближайшим рынком для него является Одесса, сказал, что будут приняты все меры к тому, чтобы сделать Одессу для Аккермана такой же далекой «заграницей», какой является Лондон или Нью-Йорк¹⁶.

Подробное описание ускоренной румынизации в Хотинском уезде содержится в «Докладной записке о насилиях румынских жандармов», составленной Одесским Комитетом освобождения Бессарабии, где предписывалось заменить все вывески на русском языке румынскими в течение 10 дней под угрозой штрафа и ареста. Дело народного образования изымалось из сферы ведения земства и передавалось в ведение школьного ревизора, медицина – румыно-санитарного инспектора, агрономия – правительственного агрономического бюро, земский телефон – в распоряжение румынского почтово-телеграфного ведомства. Городская дума была упразднена и заменена комиссией по ликвидации городского самоуправления, состоящей из местных «румынофилов»¹⁷.

Один из главных источников «русского влияния» румынские власти усмотрели в системе *земств и местного самоуправления*. Присланные в Бессарабию чиновники не без оснований опасались, что обладающие автономией земства будут препятствовать проведению румынизации. Осенью 1918 г. было ликвидировано бессарабское губернное земство и начали распускать городские думы. Весной 1919 г. уездные и волостные земства заменяются временными комиссиями, члены которых назначались специальными декретами. С ликвидацией земских учреждений сотни служащих потеряли работу. Их увольняли потому, что, как объяснялось, «невозможно создать румынскую Бессарабию с русскими чиновниками» [Скворцова 2002: 35].

¹⁵ Марков С. Румынский произвол в Бессарабии. *Красный архив*. 1940. Т. 4. С. 66.

¹⁴ Приказ генерального комиссара Бессарабии генерала А. Вэйтояну, 22 июля 1918 г. *Красный архив*. 1940. Т. 4. С. 68–69.

¹⁵ Докладная записка быв[шего] заведующего школьным отделом Аккерманского уездного земства П. И. Мальцева, 7 февраля 1919 г. *Красный архив*. 1940. Т. 4. С. 96.

¹⁶ Там же. С. 95.

¹⁷ Докладная записка о насилиях румынских жандармов в Хотинском уезде Бессарабской губ. [январь 1919 г.]. *Красный архив*. 1940. Т. 4. С. 90.

Одним из основных объектов румынизации и одновременно ее инструментом являлась *система начального и среднего образования*, которая первоначально перестраивалась на основе демократичных королевских декретов. Начальные школы должны были функционировать на языке большинства населения, проживающего в данной местности. В законе о национализации начальной школы от 4 августа 1918 г. предусматривалось право родителей на выбор языка обучения детей. Каждая этническая группа имела право обучать детей в национальной школе по собственным учебным планам. Королевский декрет от 14 августа 1918 г. регулировал порядок создания системы лицейского образования в Бессарабии. Гимназии в Хотине и Аккермане становились украинскими лицеями, Болградское реальное училище – смешанным болгарско-румынским лицеем [Скворцова 2002: 98–99, 232–233].

Параллельно в программы школ и лицеев вводились в качестве обязательных предметов румынский язык, история и география Румынии, которые должны были преподаваться на румынском языке. Хотя официально декларировалась постепенная смена языков обучения, на практике все выглядело иначе. Уже в феврале 1918 г. румынские власти довели до сведения населения, что с нового учебного года ни один ребенок не будет принят в среднюю школу, если не будет знать румынского языка. В течение года все первые классы средних школ были переведены на румынский язык преподавания. Форсирование румынизации образования продолжалось в 1919 и 1920 г. [Скворцова 2002: 23, 100, 234–235]. В сущности, объявление о намерении открытия школ для национальных меньшинств было тактическим приемом, призванным смягчить сопротивление румынизации образования и ослабить притягательность русских школ.

Дерусификация проявилась и в сокращении объема преподавания русского языка. В русских школах повышенного типа число уроков русского языка сокращалось до двух в неделю. Преподавание русского языка в национальных школах было воспрещено и поставлено под контроль школьных ревизоров, правительственных инструкторов и сельских жандармов. Практиковался осмотр сумок учителей даже на улице. Нахождение русской книги было неопровержимым

доказательством преподавания в школе русского языка и поводом для ее румынизации, как это произошло в Байрамческом еврейском земском училище¹⁸.

Перевод учебных заведений на румынский язык вызвал в 1918 г. массовый отток учащихся, не готовых к внезапной смене языка обучения. Так, в Аккерманском уезде во всех без исключения молдавских селах число учащихся уменьшилось более чем наполовину¹⁹. Одни надеялись на скорое возвращение Бессарабии в состав России, другие считали, что только на русском языке можно получить хорошее образование, третьи просто опасались, что обучение на неродном языке будет неполноценным [Скворцова 2002: 234–235].

Детальное представление о методах образовательной политики на локальном уровне содержится в докладной записке бывшего заведующего школьным отделом Аккерманского уездного земства П. И. Мальцева. Еще до официального присоединения Бессарабии к Румынии офицеры румынских частей объезжали начальные школы, знакомились с учителями, называя себя румынскими инспекторами народных училищ. Предлагая учить детей румынской грамоте, раздавали буквари на румынском языке, разучивали с учениками румынские песни, устраивали в селах литературные вечера²⁰.

Избирательный подход, основывающийся на отношении румын к различным национальностям, населяющим Бессарабию, присутствовал в организации летних педагогических курсов. Для молдаван их продолжительность определялась в 3 месяца, для других национальностей – в полтора года. Для русских «как самой ненавистной нации», несмотря на просьбы земства, учительского союза, национальной русской комиссии, курсы не были предусмотрены вовсе. Для румынских курсов были приглашены лекторы из Румынии и Трансильвании, для немецких – из Одессы. Для украинских и болгарских курсов приглашать лекторов из-за границы (Киева и Одессы) не было разрешено. Через две недели украинские курсы были закрыты и возобновились при условии присутствия на занятиях «полицейского чина». Курсы для гагаузов не состоялись под предлогом отсутствия лекторов, а пригласить их из-за границы не разрешили. Были закрыты болгарские курсы как «еще одно вражеское гнездо»²¹.

¹⁸ Докладная записка быв[шего] заведующего... С. 96.

¹⁹ Там же. С. 95.

²⁰ Там же. С. 91–92.

²¹ Там же. С. 92–93.

Проблемы другого рода возникли на молдавских курсах в с. Олонешты, где учителя и слушатели проявили «слишком мало румынского патриотизма»: между собой говорят по-русски, «с особенным наслаждением поют украинские песни» и «русские методы преподавания ставят выше румынских». Слушателям как гражданам Румынии предложили отказаться от всего русского, установив самый «бдительный надзор», а фактически шпионаж за исполнением этого запрета²².

Распределение средних учебных заведений и высших начальных училищ по национальностям было произвольным. Так, в Аккермане, русско-украинском городе, мужская гимназия и женское высшее начальное училище были оставлены русскими, а женская гимназия и мужское высшее начальное училище румынизированы, шабское высшее начальное училище, обслуживающее русских, немцев и французов, украинизировано, татарбунарское высшее начальное училище румынизировано, а гимназия оставлена русской, хотя в Татарбунарах было не менее 80 % украинцев, 15 % евреев и не более 2 % молдаван. Помещение аккерманской русской учительской семинарии было передано для нужд таможни, а семинария вынуждена была вести учебные занятия во вторую смену в помещении высшего начального училища²³.

Кроме того, содержащаяся в декрете о национальных школах оговорка, что если по каким-либо причинам национальная школа не будет открыта, то вместо нее открывается румынская школа, давала еще один повод для их румынизации, создавая для открытия национальных школ всевозможные препятствия. Так, закупленные аккерманским земством учебники для русских и украинских школ были задержаны на таможне, создавались препоны для закупки земством учебников для болгарских школ. Гагаузские школы были закрыты под предлогом, что учебников на этом языке в Бессарабии нет, и только после усиленных просьб учителей было разрешено возобновить занятия, но на гагаузском и румынском языках, тогда как раньше обучение велось на гагаузском и русском языках. При этом оговаривалось, что если к 1 января 1919 г. учебники на гагаузском языке с румынским шрифтом не будут изданы, то такие школы будут румынизированы. Не желая подвергать школы поголовной румынизации, Аккерманское земство

примирилось с потерей учебников на таможне и закупило украинские учебники вторично в Кишиневе, самостоятельно издало учебники для болгарских школ и приступило к изданию учебников для гагаузских школ²⁴. 5 июня 1918 г. Аккерманское уездное земское собрание приняло решение, что если по техническим причинам (отсутствие учителей, учебных пособий) будет невозможно открыть украинские школы, то преподавание в таких школах будет временно оставлено на русском языке. После проведения опроса родителей учащихся Аккерманской мужской гимназии, предназначенной для обучения на украинском языке, собрание постановило, что гимназия должна оставаться русской [Скворцова 2002: 236].

Усиленно внедряя румынский язык в систему обучения, власти добивались использования румынского языка и в межличностных отношениях – учителя, пытавшиеся объяснить детям, недостаточно владевшим румынским языком, тот или иной вопрос на русском языке, наказывались. На одном из родительских собраний в Аккерманской мужской гимназии для оглашения решения собрания потребовался переводчик, т. к. директор не разрешил вести собрание на русском языке [Скворцова 2002: 238]. От школьных учителей, как и от всех государственных служащих, требовали принесения присяги на верность королю Румынии, которое не всегда выполнялось даже под угрозой увольнения. В июле 1919 г. полицейские чиновники доложили правительству, что в Аккермане и уезде отказались присягнуть 64 русских преподавателя, 40 болгарских, 15 молдавских, 7 немецких, 5 еврейских и 1 гагаузский учитель. Измаильская префектура тогда же уволила всех уроженцев Бессарабии, не присягнувших королю в отведенный срок [Лунгу 1979: 148–149].

Насильственной румынизации подверглись в Бессарабии не только язык и школа, но и церковная жизнь. Русская православная церковь не смогла сохраниться в неизменном виде и поддерживать русский язык богослужения. Изменялась даже одежда священников [Мальцев 2011: 171; Овчинников 2022; Шорников 2010]. Ущемлялись религиозные права и других национальных меньшинств, в особенности евреев [Скворцова 2002: 102–103]. Единственным демократическим шагом, коснувшимся национальных меньшинств Бессарабии, была реализация аграрной

²² Там же. С. 93.

²³ Там же. С. 93–94, 96.

²⁴ Там же. С. 94–95.

реформы, при проведении которой все крестьяне наделялись землей на общих основаниях независимо от национальности [Скворцова 2002: 98].

Проводимая румынскими властями политика румынизации возбудила сильные антирумынские настроения, описанные современниками. Влиятельный румынский историк Николае Йорга в своем дневнике признавал: «Положение тяжелое. Крестьяне ненавидят порядок. Даже и 10 % населения не питает к нам должных чувств» [по: Мельтюхов 2010: 58]. Жители села Будак Аккерманского уезда требовали немедленного вывода румын с земель Бессарабии и воссоединения с Россией, обусловленного связью «языком и законами», на автономных и федеративных началах²⁵. Жители посада Турлак того же уезда объясняли желание воссоединиться с Россией экономической, культурной и политической связью²⁶. Введению румынского языка вместо русского сопротивлялись не только русскоязычные чиновники, но и молдаване, не считая возможным исполнять свои служебные обязанности на «крестьянском» языке, как они называли и молдавский, и румынский языки [Скворцова 2002: 218]. Однако ни массовые протесты, ни многочисленные просьбы и апелляции не были услышаны.

Ответственность за защиту прав национальных меньшинств приняла на себя Версальская конференция. С вновь образованными государствами (Польша и Чехословакия) и с государствами, увеличившими свою территорию в результате войны (Югославия и Румыния), были подписаны специальные договоры, по которым на Лигу наций, созданную 10 января 1919 г., возлагалась обязанность верховного наблюдения и гарантирования меньшинствам выполнения этих соглашений [Нугаева, Овчинникова 2017]. А именно: защиты жизни и свободы, равенства гражданских и политических прав, свободного использования родного языка в личных отношениях, торговле, прессе, суде, в публичной сфере, создания благотворительных, религиозных, социальных учреждений и школ за свой счет, обучение на родном языке [Валиулина 2019: 23–25]. Вопрос о принудительных гарантиях вызвал активную оппозицию со стороны малых государств. «Бунт» возглавил

премьер-министр Румынии И. Брэтиану. Соглашаясь на признание равных прав всем языковым, расовым и религиозным меньшинствам, проживающим в пределах новых границ Румынии, он резко возражал против посягательств на ее суверенитет со стороны Лиги наций²⁷. Подписанием 28 октября 1920 г. Парижского (Бессарабского) протокола²⁸ ведущие державы подтвердили суверенитет Румынии над Бессарабией, признав присоединение Бессарабии к Румынии де-факто, но де-юре этот процесс общим международным признанием не завершился [Попенко и др. 2020: 103–106]. Румыния обязалась, согласно положениям Договора, «обеспечить жителей без различия расы, языка и вероисповедания теми же гарантиями свободы и справедливости, какими пользуются жители всех других территорий, входящих в состав Румынского королевства» [Мухаметшин, Степанов 2022: 217].

Заключение

Перекрыжка границ государств после окончания Первой мировой войны актуализировала проблему прав национальных меньшинств, их гражданского и политического равноправия. Это налагало определенные обязательства на формирующиеся национальные государства, в составе которых оказались многочисленные этнические группы. Процесс национального строительства на присоединенных к Румынии территориях был сложным и противоречивым, столкнувшись с противодействием населения, в особенности в Бессарабии, население которой за 100 лет адаптировалось к условиям пребывания в составе Российской империей, а за несколько революционных месяцев 1917 г. прошло школу демократизации. Не имея с 1812 г. связи с территориями, на которых в XIX в. происходило формирование румынской нации, полиэтничное население Бессарабии, включая молдаван, не идентифицировало себя с румынами и активно сопротивлялось политике румынизации. Значительная часть городских жителей, особенно их образованная часть (чиновничество, учителя, служащие), вне зависимости от национальности была вовлечена в систему русской культуры и языка.

²⁵ Приговор жителей с. Будак Аккерманского уезда Бессарабской губернии. *Красный архив*. 1940. Т. 4. С. 76.

²⁶ Марков С. Румынский произвол... С. 66.

²⁷ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. Т. 2. С. 471–474.

²⁸ Подписанный Францией, Великобританией, Италией и Японией в октябре 1920 г. Парижский протокол довольно долго не мог вступить в силу, т. к. не был ратифицирован до 1927 г. Италией и до 1931 г. – Японией. С самого начала его не признавали Россия и Украина. Не подписали его и США.

В процессе форсированной румынизации, направленной на искоренение русского влияния, особое значение придавалось ликвидации системы земств и выборных органов местного самоуправления, а также языковой и образовательной политике. Одним из ведущих элементов политики румынизации была дерусификация – запрет на использование русского языка в государственных учреждениях, местной администрации, суде, культурной и общественной жизни, перевод большинства русскоязычных школ на румынский язык преподавания, вытеснение русскоязычного населения из общественно-значимых сфер деятельности. При этом фокус румынизации, направленный на вытеснение российских правил, законов, норм и ценностей, сильнее всего ударял по русскоязычному населению.

Рассчитывая интегрировать Бессарабию в культурном и языковом отношении форсированными темпами и насильственными методами, румынская администрация не учитывала, что насилие, как правило, провоцирует сопротивление. Настойчивость в противодействии дерусификации проявили земства, полагая, что земские учреждения не являются правительственными учреждениями и свободны в выборе языка. Особенно упорными были многонациональные земства: северное Хотинское и южные уездные земства (Аккерманское, Бендерское и Измаильское), сопротивление которых было сломлено лишь путем ликвидации.

Проблема румынизации полиэтничного населения Бессарабии оставалась актуальной на протяжении всего межвоенного двадцатилетия 1920–1940 гг. Причиной являлись противоречия между ассимиляторским и дискриминационным содержаниями политики, проводимой в отношении полиэтничного населения Бессарабии, и международными обязательствами Румынии в сфере защиты языковых и национальных прав меньшинств.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. В. Нам – концептуализация, поиск и анализ источников и научной литературы, написание текста, редактирование. Н. И. Наумова – поиск и анализ источников и научной литературы, написание текста.

Contribution: I. V. Nam developed the research concept, obtained and analyzed archival and academic sources, and wrote and proofread the manuscript. N. I. Naumova obtained and analyzed archival and academic sources, as well as wrote the manuscript.

Литература / References

- Бенюк В. А., Назария С. М. Эволюция общественно-политической ситуации Бессарабии в конце 1917 г. и начало румынской военной интервенции. *Русин*. 2017. № 3. С. 28–57. [Beniuc V. A., Nazaria S. M. The socio-political evolution of Bessarabia at the end of 1917 and the beginning of the Romanian military intervention. *Rusin*, 2017, (3): 28–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/18572685/49/3>
- Бойко П. А. Бессарабский вопрос по итогам Первой мировой войны. *Русин*. 2014. № 4. С. 47–60. [Boiko P. A. Bessarabian question in the outcome of the WWI. *Rusin*, 2014, (4): 47–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygkppt>
- Буле В. Образ румынской администрации и настроения населения Бессарабии, отраженные во французских дипломатических и разведывательных отчетах 1918–1920 гг. *Русин*. 2012. № 2. С. 49–54. [Bule V. The image of the Rumanian administration and the attitude of the Bessarabia's population as reflected in the French diplomatic and reconnaissance accounts of 1918–1920. *Rusin*, 2012, (2): 49–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvxxww>
- Валиулина И. Ф. Международная защита языковых прав меньшинств в XIX – первой половине XX в. *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. 2019. № 5. С. 22–28. [Valiullina I. F. International protection of the language rights of minorities in the 19th – the first half of the 20th century. *Electronic Supplement to "Russian Juridical Journal"*, 2019, (5): 22–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2019-5-22-28>
- Гром О. А. В поисках идентичности: «бессарабский вопрос» и молдавское национальное движение начала XX в. в историографической перспективе. *Новое прошлое*. 2018. № 2. С. 130–145. [Grom O. A. In search of identity: The "Bessarabian question" and Moldavian national movement of the early XXth century in the historiographical perspective. *The New Past*, 2018, (2): 130–145. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-2-130-145>

- Гром О. А. Между православием и русификацией: бессарабские архиереи конца XIX – начала XX в. и их молдавская паства. *Новое прошлое*. 2019. № 2. С. 146–167. [Grom O. A. Between orthodoxy and russification: Bessarabian bishops of the late 19th and early 20th centuries and their Moldovan flock. *The New Past*, 2019, (2): 146–167. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2019-2-146-167>
- Гром О. А. Молдаване и румыны? Война идентичностей в Молдове / Бессарабии, XX в. – начало XXI в. *Проблемы развития полиэтничного макрорегиона: геополитические, экономические и социокультурные процессы*: Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 19–23 сентября 2016 г.) Ростов н/Д: ЮИЦ РАН, 2016. С. 89–108. [Grom O. A. The Moldovans and Romanians? The war of identities in Moldova / Bessarabia, XX – early XXI centuries. *Problems of the development of a polyethnic macroregion: Geopolitical, economic, and socio-cultural processes*: Proc. All-Russian Sci. Conf., Rostov-on-Don, 19–23 Sep 2016. Rostov-on-Don: SSC RAS, 2016, 89–108. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhcnpj>
- Гром О. А. Молдавский национализм в «публичной сфере» Бессарабии (1906–1908 годы). *Славяноведение*. 2015. № 3. С. 89–102. [Grom O. A. Moldavian nationalism in the "public sphere" of Bessarabia (1906–1908). *Slavyanovedenie*, 2015, (3): 89–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubfesl>
- Дегтярев С. И., Завгородняя В. М. Бессарабский вопрос в 1917–1918 гг.: отношения Румынии, Бессарабии и Украины. *Былые годы*. 2018. № 2. С. 872–879. [Degtyarev S. I., Zavorodnia V. M. The Bessarabian question in 1917–1918: The relations of Romania, Bessarabia and Ukraine. *Bylye Gody*, 2018, (2): 872–879 (In Russ.)] <https://doi.org/10.13187/bg.2018.2.872>
- Лавренов С. Я. Дезинтеграционные процессы на территории бывшей Российской империи (на примере Бессарабской губернии). *Новая и новейшая история*. 2020. № 2. С. 120–129. [Lavrenov S. Ya. Disintegration processes on the territory of the former Russian Empire (the CASE of the governorate of Bessarabia). *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 2020, (2): 120–129. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013038640008656-9>
- Лунгу В. С. Политика террора и грабежа в Бессарабии, 1918–1920 гг. Кишинев: Картия Молдавениаско, 1979. 216 с. [Lungu V. S. *The policy of terror and plunder in Bessarabia in 1918–1920*. Kishinev: Kartia Moldaveniasko, 1979, 216. (In Russ.)]
- Мальцев Д. А. Бессарабский вопрос в годы Гражданской войны в России. *Проблемы национальной стратегии*. 2011. № 4. С. 162–183. [Maltsev D. A. Bessarabian question during the Russian Civil War. *National Strategy Issues*, 2011, (4): 162–183. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/okavmr>
- Мельтюхов М. И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами, 1917–1940. М.: Вече, 2010. 464 с. [Meltyukhov M. I. *Bessarabian issue between the World Wars, 1917–1940*. Moscow: Veche, 2010, 464. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqqbwj>
- Мухаметшин Ф. М., Степанов В. П. Россия и Молдова: между наследием прошлого и горизонтами будущего: очерки русского времени в Бессарабии конца XVIII – начала XX вв. М.: Прогресс-Традиция, 2022. 364 с. [Mukhametshin F. M., Stepanov V. P. *Russia and Moldova: Between the legacy of the past and the horizons of the future: Essays on the Russian time in Bessarabia in the late XVIII – early XX centuries*. Moscow: Progress-Traditsiia, 2022, 393. (In Russ.)]
- Назария С. М. Появление бессарабского вопроса на последнем этапе Первой мировой войны и интерпретация этих событий в исторической и мемуарной литературе. *Русин*. 2014а. № 4. С. 61–77. [Nazaria S. M. The appearance of the Bessarabian question at the last stage of WWI and the interpretation of these events in historical and memoirs. *Rusin*, 2014а, (4): 61–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygkppq>
- Назария С. М. «Объединение» Бессарабии с Румынией в свете международного права и позиция самих бессарабцев. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2014б. № 15. С. 68–75. [Nazariia S. M. "Unification" of Bessarabia with Romania in the light of international law and position of Bessarabians themselves. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriia. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 2014b, (15): 68–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rcadng>
- Назария С. М. Румынская интервенция в Бессарабии (1918 г.) и ее интерпретация в историографии и мемуарах румынских государственных деятелей. *Вестник Национального университета «Львовская политехника»*. Серия: Юридические науки. 2014с. № 801. С. 129–138. [Nazariia S. M. Romanian-Soviet intervention and interpretation of these events in the historiography and memoirs of Romanian politicians. *Vestnik Natsionalnogo*

- universiteta "Lvovskaia politekhnikha". Seriya: Iuridicheskie nauki*, 2014c, (801): 129–138. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xvkvut>
- Назария С. М. «...Сможем быстро захватить Бессарабию». *Свободная мысль*. 2013a. № 2. С. 111–122. [Nazariia S. M. "...We can quickly occupy Bessarabia". *Svobodnaia mysl*, 2013a, (2): 111–122. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tfnfdb>
- Назария С. М. Сфатул Цэрий, «объединение» с Румынией и отношение к нему молдаван и нацменьшинств Бессарабии (1917–1918 гг.). *Русин*. 2013b. № 3. С. 138–154. [Nazariia S. M. Sfatul Tarii, unification with Romania and attitude towards him Moldovans and minorities Bessarabia (1917–1918). *Rusin*, 2013b, (3): 138–154. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ygkouz>
- Нугаева Н. Г., Овчинникова Ю. С. Соблюдение прав национальных меньшинств: система гарантий в Статуте Лиги Наций. *Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки*. 2017. Т. 159. № 2. С. 341–352. [Nugaeva N. G., Ovchinnikova Yu. S. Protection of minority rights: System of guarantees in the Covenant of the League of Nations. *Uchenye Zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, 159(2): 341–352. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zhbjpr>
- Овчинников В. И. Оккупация Румынией Бессарабии в 1918 г. и ее влияние на религиозную ситуацию в регионе. *Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии*. 2022. № 4. С. 27–36. [Ovchinnikov V. I. Occupation of Bessarabia by Romania in 1918 and its influence on the religious situation in the Region. (Romanian occupation of Bessarabia). *Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary*, 2022, (4): 27–36. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xkerfk>
- Овчинников В. И. Сопrotивление румынизации Бессарабии в 1920–1930-е гг. *Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии*. 2023. № 2. С. 38–47. [Ovchinnikov V. I. Resistance to the Romanization of Bessarabia in the 1920s–1930s. *Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary*, 2023, (2): 38–47. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mgoymb>
- Оськин М. В. Бессарабский вопрос на рубеже 1917–1918 годов в контексте русско-румынских отношений на излете Первой мировой войны. *Новая и новейшая история*. 2020. № 2. С. 130–145. [Oskin M. V. The Bessarabian question at the turn of 1917–1918 in the context of Russian–Romanian relations at the end of the First World War. *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 2020, (2): 130–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013038640008657-0>
- Попенко Я. В., Срибняк И. В., Шатило В. А. Договор, который так и не был ратифицирован: к столетию подписания Парижского протокола (28 октября 1920 г.). *Русин*. 2020. № 62. С. 88–114. [Popenko Ya. V., Sribnyak I. V., Shatilova V. A. The treaty that was never ratified: On the centenary of the signing of the Paris Protocol (October 28, 1920). *Rusin*, 2020, (62): 88–114. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/18572685/62/6>
- Русев Н. Д. Итоги Первой мировой войны в судьбе Бессарабии. *Русин*. 2018. № 3. С. 239–251. [Russev N. D. Results of the First World War in the destiny of the Bessarabian Bulgarians. *Rusin*, 2018, (3): 239–251. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/18572685/53/14>
- Скворцова А. Ю. Русские Бессарабии: опыт жизни в диаспоре (1918–1940 гг.). Кишинэу: Pontos, 2002. 276 с. [Skvortsova A. Yu. *The Russians of Bessarabia: History of living in the diasporas (1918–1940)*. Kishineu: Pontos, 2002, 276. (In Russ.)]
- Суляк С. Г. Хотинское восстание: причины и последствия. *Русин*. 2018. № 3. С. 115–151. [Sulyak S. G. The Khotin uprising: Causes and consequences. *Rusin*, 2018, (3): 115–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/18572685/53/8>
- Суляк С. Г. Этнодемографические процессы в Бессарабии в XIX – начале XX в. *Русин*. 2012. № 1. С. 6–26. [Sulyak S. G. Ethno-demographic processes in Bessarabia in the XIX – early XX ages. *Rusin*, 2012, (1): 6–26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pvkmdd>
- Шорников П. М. Русское сообщество Бессарабии и Румынское государство. 1918–1940 гг. *Русин*. 2010. № 4. С. 72–88. [Shornikov P. M. The Russian community in Bessarabia vs. the Rumanian State. 1918–1940. *Rusin*, 2010, (4): 72–88. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ncmsch>
- Якоб Г. Румыны в период становления национальных государств (1859–1918). *История Румынии*, ред. В. Н. Ковалев. М.: Весь мир, 2005. С. 467–552. [Yakov G. Romanians during the formation of nation states (1859–1918). *History of Romania*, ed. Kovalev V. N. Moscow: Ves mir, 2005, 467–552. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/sakdsx>

Путеводители по Франции для американских освободителей

Виватенко Сергей Валентинович

Санкт-Петербургский государственный институт кино

и телевидения, Россия, Санкт-Петербург

eLibrary AuthorID: 288029

Баев Олег Валериевич

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,

Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 7510-0133

baev-ov@rambler.ru

Аннотация: Проблема решения задачи первоначального знакомства солдат армии США с культурой освобождаемой американской армией Франции представляется весьма актуальной в условиях продолжающегося усиления контактов между носителями различных культур в разнообразных формах и в современном мире, в том числе в ходе и после завершения военных конфликтов. Новизна исследования заключается в анализе путеводителей, созданных для служивших во Франции американских солдат, в качестве источника информации по процессу знакомства рядовых американцев с французской культурой. Цель работы – выявить в американских путеводителях по освобождаемой в конце Второй мировой войны Франции сюжеты, информация о которых была необходима американским солдатам для более комфортного нахождения в стране, в том числе о возможностях отдыха (культурного и развлекательного времяпрепровождения). Читатель путеводителей получал информацию по истории и современному состоянию Франции, о взаимоотношениях французов с американцами и немцами, особенно в ходе мировых войн. В результате определены основные причины составления путеводителей, заключавшиеся в необходимости более успешной адаптации военнослужащих к нахождению в другой стране. Установлен круг лиц, задействованных в процессе создания путеводителей – в основном это были деятели американской культуры, сотрудничавшие в годы войны с вооруженными силами. Прослежена эволюция данных документов от попытки дать американским солдатам первоначальные знания о жизни французов к решению проблем, возникших уже после прибытия американцев во Францию. Сделан вывод о значении данных путеводителей для активизации интереса американцев к французской культуре.

Ключевые слова: Вторая мировая война, диалог культур, путеводитель, туризм, Франция, США

Цитирование: Виватенко С. В., Баев О. В. Путеводители по Франции для американских освободителей. *Сиб-Скрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 471–480. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-471-480>

Поступила в редакцию 22.11.2023. Принята после рецензирования 12.01.2024. Принята в печать 15.01.2024.

full article

Guides to France for American Liberators

Sergey V. Vivatenko

St. Petersburg State University of Film and Television,

Russia, St. Petersburg

eLibrary AuthorID: 288029

Oleg V. Baev

Pushkin Leningrad State University, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 7510-0133

baev-ov@rambler.ru

Abstract: In the modern world, contacts between cultures tend to strengthen, even during and after military conflicts. After France had been liberated by the US Army during World War II, US soldiers started getting acquainted with French culture. This article introduces an analysis of American guidebooks published specifically for American soldiers who served in France during World War II. The research objective was to identify the information that the guidebooks represented as necessary for an average US military person to make their stay in the country more comfortable, e.g., culture, entertainment, recreation, etc. The guidebooks told their American readers about the history of France and its current state, as well as about the relationship between the French, Americans, and Germans during the world wars. The guides aimed at facilitating the adaptation of American military personnel to French environment. Initially, the guidebooks attempted to introduce American soldiers to the basic knowledge about France, but gradually they

started to publish advice on practical issues that Americans faced in France. The guidebooks were written by prominent representatives of American culture who worked for the armed forces during World War II. All in all, these guidebooks enhanced American interest in French culture.

Keywords: World War II, dialogue of cultures, guide, tourism, France, USA

Citation: Vivatenko S. V., Baev O. V. Guides to France for American Liberators. *SibScript*, 2024, 26(3): 471–480. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-471-480>

Received 22 Nov 2023. Accepted after peer review 12 Jan 2024. Accepted for publication 15 Jan 2024.

*Англосаксы никогда не соглашались обращаться
с нами как с настоящими союзниками¹*
Шарль де Голль

Введение

Одним из аспектов активного взаимодействия различных групп населения на межнациональном уровне являются многочисленные случаи нахождения военнослужащих на территории иностранных государств как в ходе боевых действий, так и при выполнении других задач. При этом эффективность выполнения ими своих задач напрямую зависит и от степени адекватности контактов с местным населением. Особенно острой проблема такого диалога культур, даже относительно близких, становится в экстремальных условиях войны.

Открытие второго фронта 6 июня 1944 г. являлось главным событием на Западном фронте борьбы с нацизмом. Подготовку к Дню Д² военное руководство США и Великобритании начало зимой 1943 года, после принятия в ходе Касабланкской конференции решения о проведении операции по вторжению союзных войск в Западную Европу. В ходе подготовки к высадке в Нормандии кроме военных вопросов союзников, особенно американцев, волновал вопрос о том, как встретят освободителей простые французы. За четыре года войны коллаборационистская Франция активно подогревала антианглосаксонские настроения среди своих сограждан, а среди американских солдат было много таких, которые небезосновательно считали, что французы являются сообщниками А. Гитлера. Существовала и точка зрения, что с Францией надо обращаться по аналогии с побежденной Германией [Branca 2022]. В частности, выдвигалась идея создания оккупационной администрации [Robertson 2011]. Для установления и гармонизации отношений между союзными войсками и местным населением со стороны Сопrotивления была создана

военно-административная миссия связи, которую возглавил подполковник Клод Этье де Буасламбер [Hettier de Boislabert 1978].

Кроме того, абсолютное большинство военнослужащих США ни разу не покидало не только Новый свет, но и даже свой штат, и с трудом представляло культуру, историю, язык и государственный строй страны, которую они должны были освободить. Для знакомства американских военнослужащих с историей и культурой Франции было принято решение об издании своеобразных путеводителей, призванных дать им представление о стране пребывания.

Целью нашего исследования стало определение места данных путеводителей в процессе знакомства американских солдат с освобождаемой Францией. Задачи: выяснить причины обращения к составлению данных путеводителей; установить круг лиц, непосредственно возглавлявших работу над данными произведениями; выявить аспекты жизнедеятельности французов, ставшие объектом наибольшего внимания со стороны руководства американской армии; проследить эволюцию документов данного типа и их роль в знакомстве американцев с французской культурой.

Вместе с тем солдатские путеводители эпохи Второй мировой войны до сих пор остаются за пределами внимания непосредственных исследователей как туристской индустрии, так и данного исторического события. При этом сам День Д является одним из важнейших символов для коммеморации Западом своего участия в победе над фашизмом [Лебедев 2020]. Вооруженная борьба на Западном фронте оказалась исследована намного глубже, чем взаимоотношения освободителей и освобождаемых как в отечественной историографии

¹ Голль Ш. де. Военные мемуары: Призыв 1940–1942. М.: АСТ; Астрель, 2003. 814 с.

² Общепринятое официальное название высадки в Нормандии.

[История второй мировой войны... 1973–1982; Лавренов, Хмельников 2019; Мягков 2020; Печуров 2020; Ренкель 2020; Чернега 2019], так и в западной [Argyle 2014; Tucker-Jones 2010]. М. Хастингс упомянул в своей работе о существовавших уже тогда англоязычных туристских путеводителях по Франции, но признавал несоответствие их содержания условиям ведения войны [Хастингс 1989: 200]. Изучение же восприятия американскими солдатами жителей Европы вообще осталось за пределами исследования. При этом О. Е. Афанасьев отмечает важную потребность любого путешественника «взять с собой определенный объем информации» [Афанасьев 2022: 7]. В отечественной историографии данный вопрос еще не освещался в научных исследованиях.

Методы и материалы

При проведении исследования использовались методы классификации, сравнительно-исторический, историко-системного и контент-анализа, с помощью которых удалось классифицировать рассмотренные путеводители в системе аналогичных документов, выявить и сравнить способы построения и оформления их содержания.

Статья является результатом аналитического исследования. Исходными материалами послужили исторические источники, представленные путеводителями, изданными американскими властями для военнослужащих, задействованных в военных операциях на территории Франции³.

Путеводители, изданные для военнослужащих, существенно отличаются от путеводителей для гражданских туристов. Если основной целью традиционных туристских путеводителей является предоставление информации для удовлетворения любопытства путешественника, то главной целью военных путеводителей – предотвращение эксцессов и конфликтов по причине незнакомства с особенностями страны пребывания. Тем самым, с одной стороны, повышается уровень безопасности личного состава, а с другой – при личных контактах происходит и продвижение соответствующих идеалов образа жизни, в чем была заинтересована и американская администрация.

Результаты

Путеводитель как один из первых, а потому и важнейших источников информации о природных, экономических и культурно-бытовых особенностях страны является своеобразной визитной карточкой народа, обеспечивающей связь между представителями разных стран в культурном пространстве [Розанова 2014: 284]. Чтобы избежать эксцессов во время будущих взаимоотношений между американскими военнослужащими и местным населением, было решено провести среди будущих освободителей идеологическую и страноведческую работу. Она была поручена Управлению стратегических служб (УСС) – The Office of Strategic Services [Harris Smith 1972]. Руководитель УСС генерал-майор Уильям Джозеф Донован возложил ее на Отделение морального духа (Morale Operations Branch).

К тому времени союзнические войска уже имели опыт взаимодействия с освобождаемым населением на Сицилии⁴. В этот раз кроме разработки банальных «Справочника по французскому языку»⁵ и «Французского разговорника»⁶ специалисты по пропаганде приняли решение написать и издать для военнослужащих страноведческий гид по Франции. Руководителем этого проекта был назначен известный драматург и сценарист Роберт Эммет Шервуд.

Р. Э. Шервуд (Robert Emmet Sherwood) (04.04.1896–14.11.1955) происходил из семьи нью-йоркской богемы. Он является автором книг «Мост Ватерлоо», «Восторг идиота», «Эйб Линкольн в Иллинойсе», «Ребекка», «Ночи не будет», «Лучшие годы нашей жизни» и «Жена епископа». Роберт Шервуд получил трижды Пулитцеровскую премию в области драмы (1936, 1939, 1941), премию «Оскар» за лучший сценарий (1947) и Пулитцеровскую премию в области биографии (1948).

Когда началась Вторая мировая война, Р. Э. Шервуд отказался от своей антивоенной позиции и поддержал борьбу против Третьего рейха. По его пьесе в 1940 г. был снят спектакль «Ночи не будет», в ней снимались такие голливудские звезды, как Альфред Лант, Линн Фонтэйн и Монтгомери Клифт. Фильм был столь

³ A Pocket Guide to France. Washington, D.C.: War and Navy departments, 1944. 78 p. URL: <https://archive.org/details/pocketguidetofra00unit/page/n5/mode/2up>; 112 gripes about the French. Paris: US Occupation Forces Information and Education Division, 1945. 112 p. URL: <https://www.marshallfoundation.org/wp-content/uploads/2014/05/112-gripes-about-the-french.pdf> (accessed 15 Oct 2023).

⁴ Allied Military Government of Occupied Territories. A.M.G.O.T. Plan, Proclamations and Instructions. Palermo, Sicily, 1943. 178 p.

⁵ French language guide. Washington, D.C., 1943. 62 p.

⁶ French phrase book. Washington, D.C., 1943. 117 p.

успешный, что известный американский продюсер Кэтрин Корнелл в 1957 г. профинансировала и сняла телеадаптацию киноленты⁷. Также драматург публично высмеял изоляциониста Чарльза Линдберга, назвав его «нацистом с олимпийским нацистским презрением ко всем демократическим процессам»⁸.

В этот период Р. Э. Шервуд приглашается работать в Белый дом. Он становится спичрайтером президента Франклина Д. Рузвельта. Он рассказал об этом опыте в своей книге «Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца», которая получила Пулитцеровскую премию 1949 г. за биографию или автобиографию и премию Бэнкрофта 1949 г.⁹ Именно Р. Э. Шервуду приписывают авторство словосочетания о том, что Соединенные Штаты являются «арсеналом демократии», которое часто повторял в своих речах Ф. Д. Рузвельт во время войны. Впервые оно прозвучало 12 мая 1940 г., когда газета *Нью-Йорк Таймс* процитировала Р. Э. Шервуда: «Эта страна, по сути, уже является арсеналом демократических союзников», а затем ее подхватил американский президент¹⁰.

В 1943 г. драматург был призван в американские вооруженные силы и вскоре был назначен в Управление военной информации, где он прослужил директором зарубежного отделения до окончания войны [Alonso 2007: 88–91].

Карманный путеводитель по Франции

К началу 1944 г. Р. Э. Шервудом был подготовлен и издан «Карманный путеводитель по Франции»¹¹ (рис. 1). Издание представляло собой типичный путеводитель, который, будучи адресован многочисленным читателям без специализированных знаний в описываемой сфере, на достаточно поверхностном уровне давал им необходимые сведения [Рущинская 2011: 79].

Мы друзья французов, а они наши – данное предложение, завершающее путеводитель, может выразить дух этой работы. Это страноведческое руководство, написанное в Вашингтоне, дает советы американским солдатам, собирающимся высадиться в Нормандии в июне 1944 г., относительно Франции.

Речь идет о том, как надо воинам-освободителям вести себя, что они должны знать десятичную систему, уважать местные обычаи и уметь сказать по-французски несколько слов. Буклет, напечатанный сотнями тысяч экземпляров, не забывает напомнить о причинах участия Америки в борьбе с нацистским врагом. Гид сначала пытается успокоить солдат, объясняя, что французы мало чем отличаются от американцев, *кроме того факта, что они говорят на другом языке*. Чтобы избежать культурного шока и подготовить войска, американские авторы пытаются описать *галльский национальный характер этих дальних родственников из-за Атлантики*. Первое, что янки должны знать о нем, это то, что *французы гордятся своей страной так же, как и американцы*¹².

Помимо того, французы *сообразительны*, они еще и *реалистичны*, а также в *меру прагматичны*. В руководстве объясняется по этому поводу, что *даже в случае поражения французов нелегко обмануть*, что они не поддались нацистской пропаганде во время оккупации. Все французы очень бережливы, независимо от того, богаты они или бедны. Доказательством этого, по мнению авторов путеводителя, является то, что этому европейскому народу удалось пережить оккупацию *благодаря своим скромным сбережениям*. Что еще более важно, они привязаны к *традиционным ценностям*, таким как искусство, религия, частная собственность и особенно семья. Также указывается, что *во Франции очень мало разведанных*¹³.

Согласно путеводителю, французы индивидуалистичны, что объясняет нестабильность их политической системы: *Во Франции есть не только два взгляда на вещи: ваш и вашего соседа. Их десятки*. Среди других характеристик – красноречие, вежливость, сдержанность и *замечательные повара*, что является причиной их *репутации хороших манер*. Поэтому американским солдатам предлагается выучить несколько слов, используя глоссарий в конце руководства. Рассказав о французах, путеводитель предостерегает солдат, что для генерального штаба темой данного гида является успех операции

⁷ Hallmark Hall of Fame: There Shall be no Night (TV). URL: <https://www.paleycenter.org/collection/item/?q=Katharine+Cornell&f=people&c=tv&advanced=1&p=1&item=T78:0158> (accessed 15 Oct 2023).

⁸ Calls Lindbergh 'a Nazi'. *The New York Times*. 10 Jan 2020. Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

⁹ Шервуд Р. Э. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. В 2 т. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. Т. 1. 679 с.; Т. 2. 669 с.; Sherwood R. E. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History. NY: Harper & Brothers, 1948. 1002 p.

¹⁰ Gould J. The Broadway Stage Has Its First War Play. *The New York Times*. 12 May 1940.

¹¹ A Pocket Guide to France...

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

Рис. 1. Обложка «Карманного путеводителя по Франции», 1944 г.
Fig. 1. A Pocket Guide to France, 1944

«Оверлорд», поэтому напоминает несколько правил безопасности для работы в стране, оккупированной нацистами в течение почти четырех лет: *Помните, что волк в загоне*. Таким образом, руководство дает простой совет: сохраняйте тишину. *Лучшее, что вы можете сделать, – это оставить при себе любую информацию..., которая может представлять интерес для врага*¹⁴.

Далее гид обращается к теме *так называемых французских проституток*, которые на самом деле все завербованы и работают на нацистов. Поэтому военнослужащим предлагается проявлять величайшее недоверие, чтобы не раскрывать информацию вражеским секретным службам. Для дальнейшего отпугивания гид упоминает венерические заболевания, якобы более частые во Франции: *Это был бы плохой сувенир из Парижа, который можно было бы взять с собой домой*¹⁵.

Армейское руководство США не очень благосклонно относилось к франко-американским бракам, поэтому путеводитель пытается отговорить солдат от мысли о любовной связи с француженками. В руководстве сначала обсуждаются сложности, присущие жизни солдата: *неопределенность будущих перемещений, связанные с этим риски...* Затем в руководстве

доводится до солдат, что в американской армии очень строгие моральные правила в этой области. Гид предупреждает, что американское правительство еще очень долго *не будет оплачивать трансфер* или транспортировку потенциальных невест из зоны боевых действий в США. И заканчивает освещение этого вопроса утверждением, что в любом случае солдатам следует помнить, что военнослужащие армии Соединенных Штатов не могут вступать в брак без разрешения своего вышестоящего офицера¹⁶.

*Францию слишком часто описывают как легкомысленную страну, где к местным женщинам можно подойти с озорными подмигиваниями и сдержанными похлопываниями по ягодицам*¹⁷. И для прессы, для части командования Франция была страной хорошей жизни и свободного секса. «Проституция была законной, и в более общем плане французские женщины имели неоправданную репутацию легко поддающихся ухаживаниям победителей. Многие связи между солдатами и молодыми француженками не поддавались никакой критике»¹⁸.

Чтобы обескуражить военнослужащих, руководство было призвано бросить вызов некоторым предвзятым представлениям о французских женщинах. Заявляя, что *серьезные француженки никогда не выходят*

¹⁴ Ibid. P. 12.

¹⁵ Ibid. P. 17.

¹⁶ Ibid. P. 21.

¹⁷ Ibid. P. 2.

¹⁸ Joffrin L. 70 ans après: les 12 mystères du Débarquement. El Nouvel Obs. 6 Jun 2014. URL: <https://www.nouvelobs.com/le-dossier-de-l-obs/20140605.OBS9593/70-ans-apres-les-12-mysteres-du-debarquement.html> (accessed 15 Oct 2023).

на улицу без сопровождающего, а для доказательства серьезности отношений во Франции *перед началом отношений необходимо познакомиться с родителями барышни*¹⁹.

Политика – деликатная тема во Франции в 1944 г., и американский генеральный штаб знал это. Таким образом, он просил солдат держаться подальше от *внутренних дел*, которые волнуют французов, чтобы не играть на руку нацистам, которые стремятся лучше разделять и властвовать: *Разногласия между теми, кто борется с Гитлером, всегда могут привести к опасным последствиям*. Таким образом, военнослужащих просят не вмешиваться в дискуссии о будущем Франции: *Ее поражение заставило ее беспокоиться о своей будущей независимости. Вторжение союзников принесет дополнительные проблемы и множество дебатов*²⁰.

Серьезной проблемой была и недавняя история Франции, что ощущали и сами французы [Tuffrau 2002]. Не подталкивайте никого к спорам о прошлом – путеводитель так предупреждает о ранах недавней истории. В нем указано, что некоторые французы затаили обиду на англичан, которые спасли большую часть своей армии в героическом бегстве из Дюнкерка в то время, когда Франция стояла на коленях перед нацистским вторжением. Среди тем, которых следует избегать, в руководстве упоминаются разногласия внутри французского сопротивления, в частности, касающиеся генерала Шарля де Голля²¹.

Вы – гости французов, – напоминает путеводитель. Поэтому он призывает солдат соответствовать образу, который французы должны иметь об американцах, а именно: *всегда готовы протянуть руку помощи самым слабым, добрые, с хорошим характером и добрым сердцем*. Надлежащее поведение военнослужащих начинается с ограничения потребления алкоголя в кафе. Нельзя создавать образ *армии пьяниц*, тем более что нацистская пропаганда уже стремится передать этот образ²². Тем самым американские солдаты должны были представлять собой лучший пример по сравнению с немецкими оккупантами.

Кроме того, военнослужащим следует подумать о некоторых основных правилах, таких как чаевые официантам в кафе, поскольку это их *основной источник дохода*. По словам гида, обычные чаевые составляют 10 % от суммы счета. Также следует помнить, что французы пожимают друг другу руки, приветствуя друг друга, и что они не любят говорить о деньгах или личных делах в присутствии незнакомцев²³.

Как видим, «Карманный путеводитель по Франции» как справочник представляет собой «сложно организованную, эклектичную структуру, в которой соединена научно-популярная информация комплексного характера и информация бытового плана, не претендующая на научность и строгость» [Рущинская 2011: 80].

112 жалоб на французов

Освобождение Франции в целом оправдало надежды как на эффективное взаимодействие англосаксонских войск как с Сопротивлением [Mugacciole 2013], так и с французскими гражданскими лицами [Hitchcock 2008]. К тому же именно Франция, особенно Нижняя (Приморская) Сена, стала транзитной зоной для американских войск в Европе [Bergere 2002]. Но уже в конце 1945 г., когда ликование по поводу Освобождения утихло и отношения с французским населением стали напряженными, последовали жалобы на французов²⁴. С другой стороны, не все французское население было в восторге от экспансии американской культуры в Европу и угрозы утраты национального суверенитета [Facon 1992].

В этих условиях американское военное руководство решило издать новый путеводитель по Франции. Новый гид получил название «112 жалоб на французов» (рис. 2²⁵). Напечатанный типографией Белленан в Фонтене-о-Роз, он был распространен тиражом 200000 экземпляров. Его написание иногда приписывают известному американскому юмористу Лео Ростену²⁶.

Лео Кэлвин Ростен (Leo Calvin Rosten) (1911–1997) был писателем-юмористом и киносценаристом еврейской национальности. Автор юмористических

¹⁹ A Pocket Guide to France... P. 5.

²⁰ Ibid. P. 7.

²¹ Ibid. P. 10.

²² Ibid. P. 2.

²³ Ibid. P. 23.

²⁴ Vingtième Siècle signale. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, Oct-Dec 2010, No. 108.

²⁵ 112 gripes about the French...

²⁶ Blume My. G. I. Gripes: Wine and Snails and Lurid Tales. *The New York Times*, 14 Jul 2003.

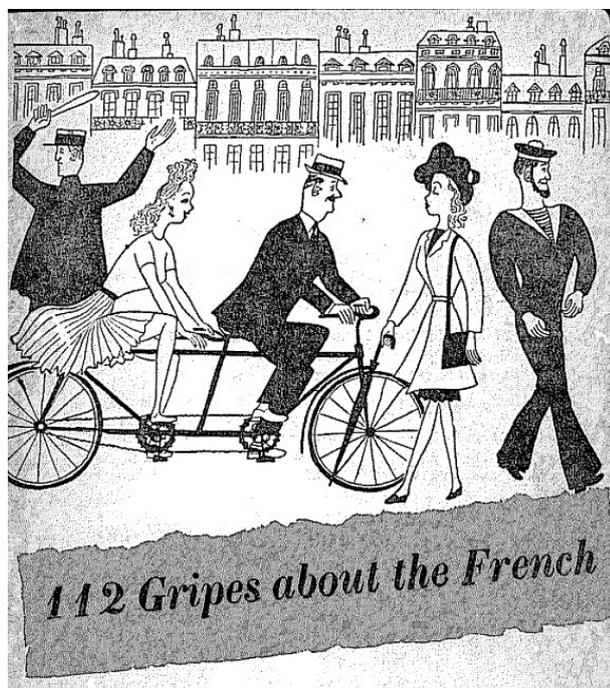

Рис. 2. Обложка «112 жалоб на французов», 1945 г.
Fig. 2. 112 Grips about the French, 1945

рассказов «Житель Нью-Йорка» и «Воспитание Н*У*М*А*Н К*А*Р*Л*А*Н»²⁷. В годы войны по его сценариям были сняты голливудские фильмы «Всю ночь» (1941), «Они меня прикрыли» (1943), «Механизированное патрулирование» (1943) и «Заговорщики» (1944).

Он изучал политологию, экономику и психологию как в Чикагском университете, где он получил докторскую степень по политологии, так и в Лондонской школе экономики²⁸. С этого времени начинается его дружба с Милтоном Фридманом, У. Алленом Уоллисом и другими экономистами, которые стали влиятельными в формировании американского неолиберализма. Как и другие выпускники Чикагского университета, во время войны он работал в администрации Франклина Д. Рузвельта, одновременно Лео был заместителем директора Управления военной информации и помощником Лоуэлла Меллетта, одного из помощников американского президента.

После окончания Второй мировой войны Р. Э. Шервуд предложил Л. К. Ростену написать в юмористической манере новый страноведческий путеводитель

для американским солдат, служащих во Франции. Гид вошел в серию аналогичных руководств для разных стран, где после войны дислоцировались американские войска: Японии (35 жалоб), Австралии (28 жалоб) и Филиппин (29 жалоб), но они содержат заметно меньше поводов для жалоб со стороны местных жителей, чем во французском аналоге.

Путеводитель имеет форму последовательных утверждений, распространенных среди солдат, дислоцируемых во Франции (и, несомненно, значительной части американского общественного мнения), каждое из этих утверждений сопровождается объяснением и ответом. Пособие представлено в виде 112 вопросов с ответами на них. Оно призвано ответить на жалобы американских солдат, обнаруживших во Франции общество, в котором все было по-другому и которое вызвало у них проблемы с адаптацией.

Главным принципом создания любого туристского путеводителя считается ориентация на потребности читателя [Полякова 2021: 113]. В данном случае целью пособия стала помощь американским военнослужащим во Франции в понимании плачевного состояния Французской республики после жестокой пятилетней военной оккупации. В работе упоминается вклад французов в войну, искусство, науку и даже американскую историю, чтобы убедить солдат в том, что между французами и американцами больше сходств, чем различий²⁹.

Просто прочитав заголовки вопросов, мы видим, что американцы не очень-то обрадовались приезду во Францию: *За двадцать пять лет мы дважды приезжали спасать французов. Что они сделали для нас? Когда едешь в метро, от запаха чуть не падаешь навзничь: чеснок, пот и духи!; Французы проводят все время в кафе. Они сидят и болтают вместо того, чтобы работать.* Все идет не так, от наших интенсивных и непристойных поцелуев до несоблюдения ограничений скорости. Мы были бы *неблагодарными, нечестными, ленивыми* и другими широкими определениями³⁰.

По смыслу работа не просто перечисляет стереотипы, а пытается обосновать их, апеллируя к контексту 1939–1945 гг. и истории страны. Когда солдат жалуется на изобретательность французов, автор контратакует, перечисляя несколько французских новинок,

²⁷ Эти рассказы он подписывал псевдонимом Леонард Росс.

²⁸ Fox M. Leo Rosten, a Writer Who Helped Yiddish Make Its Way into English, Is Dead at 88. *The New York Times*, 20 Feb 1997.

²⁹ 112 grips about the French...

³⁰ Ibid. P. 12.

которыми активно пользуются янки на родине: алюминий, целлофан (правда, изобретенный швейцарцем, но изготавливаемый во французском департаменте Вогезы), гироскоп, швейная машинка, пастеризация, стетоскоп и т.д. *Остерегайтесь тех, кто не критикует. Остерегайтесь страны, где критика запрещена. Берегите землю, жители которой подчиняются, как овцы!* – этим призывом автор как бы заставляет солдат задуматься, начать анализировать ситуацию в стране и попытаться относиться к французам как к союзникам и равной американцам нации³¹.

В гиде приводятся различные порочные аксиомы про французоз, сложившиеся у рэднеков как в Соединенных Штатах, так и в казармах. Авторы провокационно констатируют, что французы никогда не моются, и в издании объясняется, что война лишила страну мыла с 1940 г. и что его можно купить только на черном рынке за сумасшедшую сумму (125 франков за 310 граммов)³².

Как и в любом классическом путеводителе, обращение к истории давало возможность автору нужным для себя образом отобрать факты и скомпоновать их таким образом, чтобы, с одной стороны, обозначить свою позицию, а с другой – оправдать ожидания читателя [Розанова 2014: 281]. Когда французоз обвиняют в том, что они ничего не сделали для американцев, в буклете вспоминается поддержка французами войны за независимость Джорджа Вашингтона в лице 45000 добровольцев, прибывших воевать в Новый свет за независимость Америки, а также кредит в 6 млн долларов, который был предоставлен молодой стране французским правительством. Не забыт и вклад французоз в победу и во Второй мировой войне. *Французоз не выиграли войну в одиночку, – признает автор, добавляя: Мы тоже!*³³

Еще одно особенно лукавое высказывание: *Французские женщины – легкодоступные женщины*. Освобождение Парижа было названо «самым романтическим событием Второй мировой войны» [Blumenson 1998]. Ответ был резким: *Обобщать француженок на основе тех, с кем встречался американец, так же глупо, как и сводить всех американских женщин к тем, к которым солдат может приблизиться возле военного лагеря*³⁴.

Заключение

«Карманный путеводитель по Франции» и «112 жалоб о французах» были созданы на завершающем этапе Второй мировой войны с целью информационной поддержки пребывания американских солдат во Франции. Они содержат определенный набор сюжетов, знакомство с которыми облегчало взаимодействие американцев с французами: от объяснения отдельных страниц истории Франции до бытовых подробностей жизни во Франции после освобождения, от особенностей французской политической жизни до взаимоотношений с француженками.

В создании путеводителей были задействованы видные деятели американской массовой культуры, в годы Второй мировой войны привлеченные к работе на оборону – Роберт Шервуд и предположительно Лео Ростен.

При этом если «Карманный путеводитель по Франции» 1944 г. был типичным изданием, дававшим поверхностные знания о стране пребывания, то вышедшие годом позже «112 жалоб о французах» стали попыткой участия в разрешении проблем, возникавших у американских солдат во Франции. Подобная эволюция свидетельствует о намерениях американского руководства решать проблемы, возникающие у военнослужащих во время пребывания во Франции.

Путеводители написаны внешне в серьезном стиле, но одновременно забавны и заставляют задуматься о тяжелой борьбе с предрассудками и стереотипами, которыми изобилвала американская глубинка. Бессмысленно требовать от самих путеводителей полной свободы от предубеждений, с которыми они пытаются бороться. Они действительно отражали уровень развития американской массовой культуры и аккумулировали знания, востребованные массовой культурой [Руцинская 2011: 80].

В целом путеводители базируются преимущественно на реальной информации. Франция и французы предстают в данных путеводителях как представители союзной нации, которые в течение нескольких лет находились под оккупацией. Этим объясняется и призыв к некоторой осторожности в отношении американских солдат с французским населением.

Тем самым путеводители помогали взаимодействию американских солдат с французским населением,

³¹ Ibid.

³² Ibid. P. 74.

³³ Ibid. P. 15.

³⁴ Ibid. P. 18.

пресечению эксцессов, вызываемых культурными отличиями американцев и французов, и тем самым повышали безопасность как военнослужащих армии США, так и мирных французских граждан.

Путеводители помимо предполагаемых поучительных целей раскрывают предубеждения как американских военнослужащих, так и французов, освещают представления о деталях повседневной жизни во время и после войны. Тем самым данные издания своеобразным образом возвращаются к путеводителям по святым местам (проскинтариям), содержащим практические сведения и рекомендации по маршруту для средневековых христианских паломников в Святую Землю [Розанова 2014: 281].

Данные путеводители явились первыми для американцев массовыми гидами по Франции и были написаны не для американской элиты, а для простых жителей США, одетых в военную форму. Они были первыми изданиями, которые познакомили граждан США с французскими реалиями. И многое из того, что было написано в этих покетбуках, потом было использовано и в других американских путеводителях.

Литература / References

- Афанасьев О. Е. Туристский путеводитель: понятие, значение, классификация и потребительские характеристики. *Сервис в России и за рубежом*. 2022. Т. 16. № 2. С. 5–23. [Afanasiev O. E. A tourist guide: The concept, meaning, classification and consumer characteristics. *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2022, 16(2): 5–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1995-042X-2022-2-5-23>
- История второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т., гл. ред. А. А. Гречко. М.: Воениздат, 1973–1982. [History of World War II. 1939–1945. In 12 volumes, ed. Grechko A. A. Moscow: Voenizdat, 1973–1982. (In Russ.)]
- Лавренов С. Я., Хмельников В. С. Открытие Второго фронта в Европе: К 75-летию со дня проведения Нормандской операции (6 июня – 30 августа 1944 г.). *Обозреватель*. 2019. № 6. С. 72–87. [Lavrenov S. Ya., Khmelnikov V. S. The problem of opening the Second Front in Europe. To the 75th anniversary of the Normandy operation (6 June – 30 August 1944). *Observer*, 2019, (6): 72–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mjyama>
- Лебедев Д. С. Юбилей дня Д: риторика, символика и конфликты памяти. *Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, образования: Междунар. конф. «Чтения Ушинского»*. (Ярославль, 5–6 марта 2020 г.) Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2020. Ч. 2. С. 82–87. [Lebedev D. S. Anniversaries of D-Day: Rhetoric, symbolism, and conflicts of memory. *Issues of domestic and foreign history, political science, sociology, and education: Proc. Intern. Conf. "Ushinsky's Readings"*, Yaroslavl, 5–6 Mar 2020. Yaroslavl: YaSPU, 2020, pt. 2, 82–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/exazrx>
- Мягков М. Ю. Освобождение Европы Красной армией и войсками западных союзников: Военно-политический аспект. *Россия и современный мир*. 2020. № 1. С. 211–220. [Myagkov M. Yu. The liberation of Europe by the Red Army and the troops of the Western allies: Military-political aspect. *Russia and the contemporary world*, 2020, (1): 211–220. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/rsm/2020.01.12>
- Печуров С. Л. Операция «Оверлорд» и послевоенные реформы системы военного управления США. *Военная мысль*. 2020. № 10. С. 144–156. [Pechurov S. L. Operation Overlord and the postwar reforms of the US system of military control. *Voennaia mysl*, 2020, (10): 144–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oacnlu>

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: С. В. Виватенко – концептуализация, курирование данных, формальный анализ, исследование, написание статьи (первоначальный вариант).

О. В. Баев – курирование данных, формальный анализ, исследование, администрирование проекта, надзор, проверка, написание статьи (просмотр и редактирование).

Contribution: S. V. Vivatenko developed the research concept, provided data curation, performed the formal analysis, and wrote the original draft.

O. V. Baev provided data curation, performed the formal analysis, supervised the project, verified the data, and edited the final version of the manuscript.

- Полякова И. Е. Теоретические аспекты создания туристского путеводителя. *Научные исследования и инновации*: IV Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 14 марта 2021 г.) М.: КДУ; Добросвет, 2021. С. 113–122. [Polyakova I. E. Theoretical aspects of creating a tourist guide. *Scientific research and innovation*: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf. Moscow: KDU; Dobrosvet, 2021, 113–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kaxgis>
- Ренкель А. Ф. Операция «Оверлорд». *Всеобщая история*. 2020. № 1. С. 44–51. [Renkel A. F. Operation "Overlord". *Universal History*, 2020, (1): 44–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25791/vseist.01.2020.1096>
- Розанова Ю. Н. Путеводитель как жанр туристического дискурса: диахронический аспект. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2014. Т. 6. № 5. С. 281–285. [Rozanova Yu. N. Guide book as a genre of discourse: The diachronic aspect. *Historical and Socio-Educational Idea*, 2014, 6(5): 281–285. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/szlglx>
- Рущинская И. И. Путеводитель как вид справочного издания: специфика жанра и формы «взаимодействия» с читателем. *Язык и культура*. Киев: ИД Дмитрия Бурого, 2011. Вып. 12. Т. IV. С. 78–85. [Rutsinskaya I. I. A guidebook as a type of reference publication: The specifics of the genre and the form of interaction with the reader. *Language and culture*. Kyiv: ID Dmitriia Burago, 2011, iss. 12, vol. IV, 78–85. (In Russ.)]
- Хастингс М. Операция «Оверлорд»: как был открыт второй фронт. М.: Прогресс, 1989. 470 с. [Hastings M. *Operation Overlord: How the second front was opened*. Moscow: Progress, 1989. 470 p. (In Russ.)]
- Чернега В. Н. К 75-й годовщине высадки союзных войск в Нормандии: Западные союзники во Второй мировой войне. *Россиеведение: В поисках утраченного времени*, гл. ред. И. И. Глебова. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 211–223. [Chernega V. N. 75th anniversary of the landing of the Allied troops in Normandy: Western Allies in World War II. *Russian studies: In search of lost time*, ed. Glebova I. I. Moscow: INION RAS, 2019, 211–223. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ldrshp>
- Alonso H. H. Robert E. *Sherwood: The playwright in peace and war*. University of Massachusetts Press, 2007, 394.
- Argyle R. *The Paris game: Charles de Gaulle, the liberation of Paris, and the gamble that won France*. Toronto: Dundurn, 2014, 488.
- Bergere M. Français et Américains en Basse-Seine à la Libération (1944–1946): Des relations ambivalentes. *Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest*, 2002, 109(4): 203–215. <https://doi.org/10.4000/abpo.1532>
- Blumenson M. Politics and the military in the liberation of Paris. *Parameters*, 1998, 28(2): 4–14. <https://doi.org/10.55540/0031-1723.1873>
- Branca É. *L'ami américain*. Paris: Perrin, 2022, 528.
- Facon P. Les bases américaines en France (1945–1958). Entre les nécessités de la sécurité et les impératifs de la souveraineté nationale. *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, 1992, (29): 27–32.
- Harris Smith R. *OSS: The secret history of America's First Central Intelligence Agency*. Berkeley: University of California Press, 1972, xii+458.
- Hettier de Boislabert C. *Les fers de l'espoir*. [Paris]: Plon, 1978, 560.
- Hitchcock W. I. *The bitter road to freedom: A new history of the liberation of Europe*. NY: Free Press, 2008, vii+427.
- Muracciole J.-F. *La libération de Paris, 19–26 août 1944*. Paris: Tallandier, 2013, 298.
- Robertson C. L. *When Roosevelt planned to govern France*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 2011, ix+235.
- Tucker-Jones A. *Operation Dragoon: The Liberation of Southern France 1944*. Havertown, Penn.: Casemate, 2010, xi+212.
- Tuffrau P. *De la "drôle de guerre" à la Libération de Paris (1939–1944): Lettres et carnets*. Paris: Imago, 2002, 166.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zbvtbm>

Восприятие ситуации в Афганистане в экспертных подходах СССР и США в 1979–1985 гг. По материалам заседаний Политбюро ЦК КПСС и аналитических докладов ЦРУ

Миронов Виктор Владимирович

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия, Омск

eLibrary Author SPIN: 6193-5762

<https://orcid.org/0000-0001-9341-8753>

Scopus Author ID: 57218993856

vvm_512@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию специфики экспертных подходов при принятии решения о вводе войск и в ходе войны в Афганистане. В качестве источников привлечены рассекреченные документы ЦРУ, опубликованные Архивом национальной безопасности США, и стенограммы заседаний Политбюро ЦК КПСС, с которых в 1990–2000 гг. был снят гриф секретности. Комплекс привлеченных источников позволяет выявить круг субъектов, показать методы и определить роль политической экспертизы в ходе развития войны в Афганистане. Советский подход исходил из доверия к экспертной оценке лишь ряда ведомственных структур, изначально встроенных в систему принятия политических решений. Экспертная поддержка оказалась краткосрочной и была призвана обеспечить систему мер для реализации политического курса, что говорит о подчиненном положении экспертных структур политическому руководству. Американский подход, напротив, судя по рассекреченным документам ЦРУ, исходил из анализа социологических факторов развития событий, что позволило на первоначальном этапе выявить спектр сил и субъектов, которым могла быть оказана помощь. По мере установления связей с оппозиционными силами стали прорабатываться маршруты и способы поставки вооружений. Экспертные подходы советской стороны усиливали ошибочность и непоследовательность проводимой советской политики, а американские оценки объективно способствовали разжиганию войны внутри Афганистана.

Ключевые слова: советско-афганская война, экспертное сообщество, международная система, Афганистан, СССР, США

Цитирование: Миронов В. В. Восприятие ситуации в Афганистане в экспертных подходах СССР и США в 1979–1985 гг. По материалам заседаний Политбюро ЦК КПСС и аналитических докладов ЦРУ. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 481–491. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-481-491>

Поступила в редакцию 05.03.2024. Принята после рецензирования 12.04.2024. Принята в печать 15.04.2024.

full article

USSR vs. US Expert Approaches to Situation in Afghanistan in 1979–1985: CPSU Politburo Minutes vs. CIA Reports

Victor V. Mironov

Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk

eLibrary Author SPIN: 6193-5762

<https://orcid.org/0000-0001-9341-8753>

Scopus Author ID: 57218993856

vvm_512@rambler.ru

Abstract: The article features the role of expert approaches in decision-making concerning the military intervention in Afghanistan by the USSR and the USA. The author identified the subjects, methods, and functions of political

expertise in the war in Afghanistan based on minutes of Political Bureau of the Central Committee of the Communist Party and analytical reports declassified by the Central Intelligence Agency. The Soviet authorities employed experts from those departmental structures that were inherent in the original political decision-making system. This short-term expert support was to provide a system of measures for the implementation of the state policy, i.e., the expert structures were subordinate to the government. The US authorities, on the contrary, relied on the sociological factors in their analysis of the unfolding scenario. This approach allowed them to identify which forces and entities to support at the initial stage. By establishing contacts with the religious opposition, they eventually developed weapon traffic routes. In the USSR, the faulty expert approach aggravated the inconsistency of the Soviet policy while US expert reports contributed to the outbreak of war in Afghanistan.

Keywords: Soviet-Afghan War, expert community, international system, Afghanistan, USSR, USA

Citation: Mironov V. V. USSR vs. US Expert Approaches to Situation in Afghanistan in 1979–1985: CPSU Politburo Minutes vs. CIA Reports. *SibScript*, 2024, 26(3): 481–491. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-481-491>

Received 5 Mar 2024. Accepted after peer review 12 Apr 2024. Accepted for publication 15 Apr 2024.

Введение

Война в Афганистане чаще всего воспринимается в исторической ретроспективе как определенный просчет советского руководства, как событие, положившее конец процессу разрядки международной напряженности 1970-х гг. и вместе с тем ставшее началом нового витка в развитии холодной войны [Полынов, Рудь 2019]. Именно этот этап эволюции международной системы, в свою очередь, привел к истощению Советского Союза и в конечном счете способствовал распаду страны [Малахова 2015]. Известно, что война не пользовалась поддержкой населения внутри Союза, а совпадение с кризисными тенденциями последних лет существования СССР обусловило еще более негативную ее оценку в исторической памяти [Ляховский, Забродин 1991: 6]. В немалой степени этому способствовала и политическая оценка ситуации. Так, вслед за выводом советских войск из Демократической Республики Афганистан (ДРА) появилось Постановление Съезда народных депутатов СССР, где первым пунктом значилось моральное и политическое осуждение этой войны¹. Разумеется, данное обстоятельство не способствовало поиску общественного консенсуса по осмыслению ее итогов.

Как результат подобных процессов, акценты в изучении тех событий в научной литературе были сконцентрированы на анализе причин провала афганской политики: узкогрупповом принятии решений о ее начале [Нессар 2009], проведении внешней политики, основанной на идеологическом восприятии государственных интересов

[Белоусов 2014; Топорков 2012], чрезмерных экономических затратах, чего СССР уже объективно не мог себе позволить [Рабуш 2018], и недооценке мусульманского фактора при реализации внешнеполитических замыслов [Князев 2021; Медведко, Арруе 2021].

В этой связи хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что оценки и анализ войны в значительной степени идут вслед за устойчивыми клише общественного сознания 1980-х гг. [Брачев, Полынов 2019]. Они воспроизводят перцепции восприятия событий поздним советским обществом, а фрагментарная и изменчивая картина исторической памяти дополняется стремлением вписать Афганскую войну в общий контекст распада Советского Союза. В результате анализ данного конфликта остается, с одной стороны, довольно общим, с другой – достаточно мозаичным и селективным [Христофоров 2019]. Постепенно появляющиеся исторические документы дают возможность оценивать последствия и значение этой войны в контексте эволюции биполярной системы международных отношений [Foreign relations... 2018]. Комплекс имеющихся для анализа документов не создает нового целостного понимания общей исторической картины происходящего, но позволяет показать события в Афганистане как сложную, результирующую взаимодействия различных политических сил и процессов [Давыдов 2019; Шапиро 2019] войну. В этой связи уместно остановиться на анализе разницы *экспертных* подходов к принятию решений по Афганистану накануне и в период

¹ О политической оценке решения ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. Постановление Съезда народных депутатов СССР № 982-1 от 24.12.1989. СПС КонсультантПлюс.

войны с 1979 по 1985 г. Они отражают разные мотивы и методы оценки советским и американским руководством, как и свидетельствуют о различном понимании существа ситуации в стране.

С этой точки зрения новый этап эволюции международной системы был порожден не только вводом советских войск в Афганистан, но широким рядом внутренних и международных факторов, которые привели к общему изменению международного порядка [Фененко 2023]. Это и «зеленая революция» в Иране (1978), нефтяные шоки 1970-х гг., новая фаза развития конфликтов в Центральной Америке, военное положение в Польше (1981–1983), Фолклендская война, ливанские события начала 1980-х гг., которые пересматривали успокоенность урегулированием на Ближнем Востоке после Кемп-Дэвида, война на Африканском Роге. Последний случай был особо отмечен З. Бжезинским. Фактически бывший государственный секретарь признал, что разрядка была похоронена не в Кабуле, а в пустынях Огадена. Именно поэтому еще за полгода до ввода советских войск в Афганистан, 3 июля 1979 г., президент США Д. Картер подписал первую директиву об оказании помощи религиозной оппозиции против СССР в Кабуле².

Иначе говоря, война в Афганистане в этом ряду событий, по словам бывшего Директора Агентства Национальной безопасности США в 1985–1988 гг. Уильяма Элдриджа Одома, была показателем утраты веры в возможность дальнейшего сотрудничества между сверхдержавами. Поднимался вопрос о дальнейшей стратегии действий для советского и американского руководства. Афганистан с этой точки зрения был тем событием, которое потребовало разработки и применения новых практических подходов на фоне следующего этапа эволюции международной системы. Примечательно, что подходы, посвященные вовлечению американской политики в конфликт, оказываются востребованными при оценке ситуации в Афганистане и в XXI в. [Давыдов 2019; Шапири 2019]. При этом каждая из сторон действовала и оценивала ситуацию автономно. Этот аспект заслуживает самостоятельного внимания.

Термин *экспертные подходы*, вынесенный в название статьи, обладает некоторой долей условности. Было бы некорректным говорить об экспертных оценках,

т.к. они представляют собой самостоятельный метод политических исследований [Знаменский 2023]. Очевидно, что политическая экспертиза внутри СССР, если и осуществлялась, то должна была получить одобрение партийного и советского руководства. Как известно, политической науке в СССР отказывали в самом праве на существование. Это явно препятствовало формированию прикладной политической экспертизы. Нельзя этот термин применять и в отношении вузовской и академической науки. Очевидно, что это влияние на данное событие не верифицируемо. Однако, к концу 1970-х гг. сформировался определенный круг специалистов, сложился жанр так называемых аналитических записок, готовились материалы, составлявшие так называемые *особые папки*, которые рассматривались при принятии того или иного политического решения. Степень их влияния установить сложно, но важно, что некоторые стенограммы заседаний Политбюро ЦК КПСС могут свидетельствовать о том, какие именно аргументы и подходы принимались во внимание и чьи оценки пробивали себе дорогу при принятии политических решений по Афганистану. Это позволяет рассматривать отдельные вопросы в изучении истории войны как политические просчеты в экспертизе и дает возможность реконструировать процесс принятия политических решений, объясняющий предопределенность совершения подобных ошибок³ [Якупова, Якупов 2019].

С Соединенными Штатами проблема оценки влияния политической экспертизы выглядит иначе. В США международные отношения считаются частью политической науки. Здесь, напротив, существовала развитая система независимой политической экспертизы, представленная отдельными учеными, влиятельными университетами, дипломатами, аналитиками политических партий и СМИ. Но также сложно отследить, мнения каких именно экспертов и в каком объеме учитывались при принятии конкретных решений. Тем не менее будем исходить из предпосылок о том, что аналитические и экспертные доклады Центрального Разведывательного Управления (ЦРУ) отражают основной набор аргументов проведенной политической экспертизы.

Разумеется, что сопоставимость подобных оценок оставляет определенные вопросы, но в целом

² Zbigniew Brzezinski: How Jimmy Carter and I started the Mujahideen: Interview. *Le Nouvel Observateur*, 1998, 15–21 Jan. P. 76.

³ Петр Гончаров: Ввод войск в Афганистан можно считать ошибкой, но он был неизбежен. Интервью провел К. Богданов. *30 годовщина ввода советских войск в Афганистан*. МГИМО, 2009. URL: <https://mgimo.ru/afghan/132584.html> (дата обращения: 28.02.2024).

на основании их изучения можно говорить о разности восприятия ситуации в Афганистане и специфике принятия политических решений по трем основаниям. Во-первых, эта экспертная оценка исторически может отслеживаться документально. Во-вторых, эмпирически видны аргументы и мотивы, которыми оперировали власти США и СССР, что позволяет уйти от некоторых стереотипных оценок общественного сознания при определении значения войны в Афганистане, привязки ее истории к объективным факторам развития СССР и сосредоточиться на оценке ее роли в эволюции международных отношений. В-третьих, методологически этот подход интересен в рамках новой политической истории, которая возникла после холодной войны на фоне кризиса зарубежной советологии. Она, как известно, уходит от больших нарративов и описания истории событий к выявлению контекстов и состояний [Большакова 2006: 11–13]. Иначе говоря, предметом изучения при данном подходе выступает не событийная история политики, а реконструкция мира политического. Поэтому в пределах анализа таких аспектов изучения событий в Афганистане термин *экспертный подход* допустимо использовать. Назначение термина *экспертное сообщество* в целях данной работы – в уходе от представлений об Афганской войне как изначально ошибочной в ретроспективной оценке прошлого и необходимости ее дальнейшего изучения как фактора эволюции системы международных отношений.

Источниками для такой работы выступили рассекреченные документы ЦРУ, опубликованные Архивом национальной безопасности США⁴. Эти источники относительно слабо были задействованы в исторических исследованиях в силу их закрытости и слабой доступности. Также были привлечены стенограммы заседаний Политбюро ЦК КПСС, с которых в 1990–2000-е гг. был снят гриф секретности. Собственно, собранный массив документов не такой и новый, но он дает возможность предметно сравнить, чем руководствовались стороны, оценивая ситуацию в Афганистане в 1979–1985 гг., и рассматривать ее историю в контексте некоторой интеллектуально-политической драмы.

Результаты

Проблема ввода советских войск в Афганистан на заседаниях Политбюро ЦК КПСС в 1979 г.

Вопрос о возможности ввода советских войск в Афганистан для решения политических задач впервые был поставлен и обсуждался на заседании Политбюро ЦК КПСС за девять месяцев до декабрьских событий 1979 г. Примечательно, что участники встречи практически единодушно высказались против подобного решения, кроме того, тогда же был озвучен ряд аргументов, которые показывают осознание ряда опасных последствий такого решения. Например, рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС, на котором председательствовал лично Л. И. Брежнев, от 17 марта 1979 г. четко воспроизводит мотивы, по которым участники дистанцировались от ввода дополнительных контингентов советских войск в ДРА. Член Политбюро Андрей Павлович Кириленко отметил, что одним из возможных последствий такого решения может быть втягивание СССР во внутреннюю борьбу в стране, в результате чего Советский Союз может втянуться в войну с народом⁵.

Можно, наверное, возразить, что указанный политик был не самым влиятельным участником из состава Политбюро, и отношение к нему, судя по воспоминаниям современников, было не очень дружественным. Так, А. С. Черняев вспоминал, что он не мог правильно произносить фамилии, плохо вел заседания Секретариата ЦК, ему не хватало опыта и глубины понимания тех или иных проблем [Черняев 2010: 443]. Однако этот образ политика мог сложиться не в конце 1970-х, а в начале 1980-х гг., когда А. П. Кириленко перенес инсульт, что сказалось на речи и мышлении. Но в 1970-х гг. именно А. П. Кириленко проводил заседания Секретариата ЦК КПСС в отсутствие М. А. Суслова. В этой связи стоит прислушаться к мнению И. Е. Синицина о том, что в конце 1970-х гг. А. П. Кириленко фактически занимал четвертую позицию в составе Политбюро ЦК КПСС после Л. И. Брежнева, М. А. Суслова и Ю. В. Андропова, курируя весь военно-промышленный комплекс СССР [Синицин 2015: 130–132].

Другие участники заседания также негативно высказались в отношении просьбы Нур Мохаммада Тараки

⁴ U.S. Foreign Policy in the Carter Years, 1977–1981. *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/dnsa/2023-12-14/us-foreign-policy-carter-years-1977-1981> (accessed 23 Feb 2024).

⁵ Об обострении обстановки в Демократической Республике Афганистан и наших возможных мерах. Стенограмма заседания Политбюро ЦК КПСС от 17.03.1979. С. 4–5. *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/25607-document-25-zasedanie-politbyuro-ck-kpss-ob-obostrenii-obstanovki> (дата обращения: 23.02.2024).

о необходимости введения дополнительных контингентов вооруженных сил для борьбы с растущим влиянием религиозной оппозиции внутри ДРА. А. А. Громыко со своей стороны недвусмысленно высказался о том, что ввод советских войск будет восприниматься как агрессивная политика со стороны СССР, и как опытный дипломат призывал воздержаться от этой меры⁶. Эту же позицию озвучил и Ю. В. Андропов, который заявил, что «мы не можем пойти на такой риск»⁷. Остальные участники в лице А. Н. Косыгина, Б. Н. Пономарева, Л. И. Брежнева говорили о необходимости разработки политических, экономических и дипломатических мер в качестве альтернативы силовой операции. Л. И. Брежнев резюмировал нецелесообразность ввода войск в данный момент как общую позицию Политбюро⁸. А. Н. Косыгин предложил ряд альтернативных мер оказания помощи. Спектр этих мер носил комплексный характер и затрагивал поставки на безвозмездной основе военной техники и оружия, дипломатическую поддержку, поставки сельскохозяйственной продукции и газа по ценам, которые позволили бы компенсировать дополнительные военные расходы правительству Афганистана⁹. Например, в дипломатической сфере было решено сменить посла, провести консультации главного военного советника с руководством афганской армии о ее потребностях и проблемах, организовать переговоры с М. Базарганом о недопустимости оказания помощи афганским пуштунам со стороны Ирана по религиозным мотивам. С экономической стороны к числу мер А. Н. Косыгиным было предложено увеличить объемы поставок пшеницы в Афганистан с 75 до 100 тыс. т, чтобы продемонстрировать экономическую эффективность политики афганского правительства Н. Тараки¹⁰.

Все это свидетельствует о понимании возможных рисков и разработке иных альтернатив силовой реакции на события. Как минимум трое из тех, кто принимал в дальнейшем решение о вводе войск, высказались против этой меры в данный момент и обосновали свою позицию аргументами, которые сегодня историки рассматривают как причины поражения советской политики в стране.

Переломным моментом в изменении восприятия ситуации в Афганистане для советского руководства стало свержение Нур Мохаммада Тараки в сентябре 1979 г. и поездка члена Политбюро ЦК КПСС Бориса Николаевича Пономарева в страну. На этом этапе потребовалась дополнительная экспертиза, о необходимости которой шла речь в марте. Ключевая роль в этом процессе отводилась Б. Н. Пономареву. Помимо членства в Политбюро, Б. Н. Пономарев был академиком, одно время работал в Институте Красной профессуры, помогал в свое время Г. Димитрову. В 1957–1986 гг. он был заведующим Международным отделом ЦК КПСС (по связям с коммунистическими и рабочими партиями капиталистических стран, с левыми партиями и организациями стран Третьего мира). Он был одним из основных лиц, формировавших внешнюю политику СССР на рубеже 1970–1980-х гг. Неслучайно, что именно он был отправлен с рабочим визитом в ДРА для уточнения ситуации на месте.

По возвращении Б. Н. Пономарев поддержал идею расширения военной помощи. Кроме того, было предложено глубже исследовать ситуацию в стране, а из стенограмм заседаний Политбюро видно, какие именно структуры этим занимались – Международный отдел ЦК КПСС, которым руководил Б. Н. Пономарев, Минобороны, КГБ и МИД СССР. Иначе говоря, вопрос об оказании помощи потребовал дополнительной экспертной проработки к сентябрю–октябрю 1979 г., которая, однако, оставалась встроенной в сложившуюся систему принятия решений и осуществлялась по существу государственными структурами. Это видно из того, какие именно ведомства были задействованы, и целей, которые перед ними ставились.

В целом международно-политическая экспертиза решения о вводе войск в ДРА была встроена в идеологическую (партийную) модель принятия решений. Это подтверждают выводы Н. Лейтеса применительно к модели принятия политических решений, сложившейся еще в 1950-х гг. [Leites 1951]. Кроме того, после сентябрьского смещения и убийства Н. Тараки в октябре 1979 г. последовало личное письмо Ю. В. Андропова Л. И. Брежневу, датированное

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 11.

приблизительно началом декабря 1979 г.¹¹ В нем отмечены контакты Амина с представителями американских спецслужб, обсуждение планов отдаления от СССР и возможное занятие позиции нейтралитета, что рассматривалось Председателем КГБ как утрата завоеваний апрельской революции. Отмечался рост антисоветских чувств внутри населения, отстранение главы дипломатического представительства СССР в Кабуле от контактов с руководством и перспектива отзыва дипломата. В записке рекомендовалось делать ставку на Бабрака Кармаля и Асадуллу Сарвари. Фактически речь шла о готовом проекте решения, которое необходимо было провести через решение Политбюро.

И без того небогатая экспертная оценка была перечеркнута. Аргументы Ю. В. Андропова оказались решающими, а само решение было мотивировано и санкционировано политически. Выписка из протокола заседания Политбюро от 28 января 1980 г. прямо предписывала руководствоваться решениями Политбюро при разработке системы мер в Афганистане после ввода советских войск¹².

Оценка ситуации в Афганистане после ввода ограниченного контингента советских войск и развитие политической экспертизы

Более-менее независимая оценка ситуации в Афганистане оказалась востребованной в районе 1981 г., когда стало ясно, что первоначальный план военной поддержки Б. Кармаля в течение полугода не сработал. Потребовалось просчитать целесообразность мер при осуществлении системы социально-экономического реформирования в стране. Показательна в этом плане докладная записка И. Щедрова «О положении в Афганистане» от 12 ноября 1981 г., которая оказалась в поле внимания Политбюро в силу просьбы главного редактора газеты «Правда» В. Афанасьева¹³. Любопытно, что эта оценка по методу написания напоминает SWOT-анализ текущей ситуации с привлечением широких социологических индикаторов в интерпретации социально-политической специфики

Афганистана. Примечательно, что тем же путем двигались американские аналитики из ЦРУ в этот период.

В записке обозначено, что подконтрольные Кабулу территории составляют не более 15 %. По кишлакам правительственные силы контролируют в районе 5 тыс. из 35 тыс. общего количества поселений. К октябрю 1981 г. халькисты сохранили 2 из 29 постов губернатора. От исламской оппозиции полностью не была освобождена ни одна провинция. Примерная численность бандформирований оценивалась экспертом в 70 тыс. человек, по 1,5–2,5 тыс. человек в каждой провинции. Правда, в качестве положительного момента отмечалось то обстоятельство, что идеи левых (маоистов, в первую очередь) также не получили развития и поддержки у населения. Оппозиционное властям движение развивалось под религиозными лозунгами¹⁴.

В качестве недостатков осуществляемой политики отмечалась пробуксовка аграрной реформы, что должно было обеспечить поддержку кабульского правительства крестьянством. Землю не могли передать в пользование крестьянам в силу сильных традиций общинного землепользования, отсутствия закона о воде и даже возвращения земель муллам (так называемое вакуфное землевладение), бывшим помещикам и офицерам. В этих условиях в кишлаках не могли сформировать даже потребительские кооперативы, не говоря уже о каких-то формах совместной обработки земли¹⁵. А именно передача земли крестьянам рассматривалась как основная мера социально-экономической поддержки населения и фактор привлечения симпатий населения к деятельности нового правительства.

Особое внимание уделялось национальному вопросу в контексте процессов формирования крупных отрядов оппозиции в отдельных провинциях. И. Щедров полагал, что не погоня за отдельными бандами душманов, не преследование подозреваемых и обыски в кишлаках, что вызывает протесты местного населения, а освобождение крупных районов при сохранении первоначального военного контроля и скоординированной системы социально-экономических мер может

¹¹ Personal memorandum from Yurii Andropov to Leonid Brezhnev, early December 1979. *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/19777-national-security-archive-doc-12-personal> (accessed 23 Feb 2024).

¹² О дальнейших мероприятиях по обеспечению государственных интересов СССР в связи с событиями в Афганистане. Выписка из протокола № 181 заседания Политбюро от 28 января 1980 г. *National Security Archive*. URL: https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/A%201980.01.28.PDF (дата обращения: 29.02.2024).

¹³ О положении в Афганистане. Докладная записка И. Щедрова от 12.11.1981. *National Security Archive*. URL: https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/November%2012,%201981.pdf (дата обращения: 27.02.2024).

¹⁴ Там же. С. 3–5.

¹⁵ Там же. С. 6–7.

принести со временем положительные результаты. Здесь он ссылался на опыт Индокитая и особое внимание уделял проблемам координации действий между военной и политической властью в Афганистане, что рассматривалось как одна из причин неудач предшествующего периода¹⁶.

Таким образом, автономная политическая экспертиза потребовалась тогда, когда первоначальный план не сработал и было необходимо обосновать систему мер по социально-экономическому реформированию традиционных укладов. Предложенная отдельными экспертами модель была рассчитана на средне- и долгосрочную перспективу при сохранении военного контроля. Объективно эти меры способствовали затягиванию вовлеченности СССР в конфликт и не ставили под сомнение принятое решение. Общий вектор политического руководства и принятия решений оставался неизменным до конца войны. Вывод войск из Афганистана также был мотивирован политическими соображениями. Поэтому брать всю ответственность за эту войну пришедшее к власти в 1985 г. новое советское руководство не хотело, что и нашло выражение в осуждении ввода войск в Афганистан Съездом Народных депутатов СССР в 1989 г.

Факторы оценки развития ситуации в Афганистане в экспертных документах ЦРУ

Американская позиция, судя по некоторым документам Центрального Разведывательного Управления, демонстрировала иные особенности восприятия и подходы к анализу ситуации в стране. После ввода советского ограниченного контингента просчитывались сценарии успеха советизации Афганистана и возможности оказания поддержки оппозиции, перспективы мобилизации родственными этническими групп для оказания помощи со стороны соседних государств [Рабуш 2018]. С этой точки зрения интерес представляет Меморандум ЦРУ от 23 сентября 1980 г., посвященный оценке ситуации в Афганистане и подготовленный политическим отделом аналитического центра по Юго-Западной Азии¹⁷.

Документ исходил в первую очередь из племенного деления страны, что с объективной стороны

демонстрировало некоторые локальные особенности идентичности населения страны и характеризовало общую мозаичную картину афганского общества. Так, аналитиками отмечалось, что племенное деление в Афганистане может иметь политическое значение для пуштунов восточной и южной части, некоторых земледельческих районов, в то время как для городских пуштунов этническая идентичность не имеет существенного значения. Как отмечалось, среди городских пуштунов есть даже физики и юристы. Ослаблены племенные связи у туркменской общины северо-западного Афганистана. Что касается узбеков северного Афганистана, то вряд ли Советскому Союзу удастся мобилизовать эту часть населения через связи с соотечественниками в СССР, т.к. большинство из них сбежали в Афганистан еще в период борьбы с басмачеством в 1920–1930 гг. и связей, как правило, не поддерживают¹⁸. Кроме того, мало доказательств, что власти СССР задействуют родственный фактор и связи с соотечественниками для мобилизации общества и перетягивания населения на свою сторону. Правомерность этого наблюдения в дальнейшем подтвердилась [Iskandarov 2013].

Но даже там, где этническая принадлежность играет роль, этот фактор просто проявляется в виде идентификации людей с более широкой социальной группой. Население в основном сосредоточено в кишлаках, старейшины которых решают свои дела без оглядки на всю племенную группу или существующие административные единицы. Таким образом, делался вывод о том, что СССР не может полагаться на разобщенность племен как на фактор, облегчающий победу. Наиболее сильным сопротивлением будет среди пуштунов в провинции Пактия, среди нуристанцев и таджиков северного Афганистана и вдоль пакистанской границы¹⁹. А там, где для СССР открывается возможность взаимодействия, население видит в реформах, скорее, возможность украсть что-либо или временную целесообразность²⁰. Гораздо большим интеграционным потенциалом обладает в этом отношении ислам, который формирует базовые установки отношения к советским войскам как к иноверцам. В дальнейшем, поддерживая религиозную оппозицию

¹⁶ Там же. С. 11–12.

¹⁷ Memorandum CIA. 23 Sep 1980. *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB57/us2.pdf> (accessed 27 Feb 2024).

¹⁸ Ibid. P. 3.

¹⁹ Ibid. P. 2.

²⁰ Ibid. P. 4.

просоветскому режиму, аналитики ЦРУ отмечали племенное деление общества как препятствие для объединения разрозненных групп оппозиции в противодействии СССР. Этносоциальная структура населения была одновременно фактором, препятствующим распространению общей просоветской политики, и фактором, который сдерживал объединение оппозиции на антисоветской основе. Любопытно, что причины неудач американской политики рассматриваются сегодня с точки зрения этносоциологии и географии [Мейли 2015: 24–31].

Возможности внешней поддержки также определялись через социокультурную и этнополитическую специфику. В докладе отмечалось, что племена, живущие в труднодоступных и отдаленных районах северной части афгано-пакистанской границы, слишком небольшие и изолированные, чтобы быть полезными для целей СССР. Пакистанские пуштуны южной части границы будут, вероятнее всего, поддерживать инсургентов и симпатизировать «своим». В отношении Ирана делался вывод о том, что в приграничных районах проживает население, относящееся к этническим меньшинствам, а кроме того, аполитичное. Часть из них уже вовлечены в процесс оказания помощи инсургентам, но они заинтересованы в росте доходов от контрабанды²¹, рассматривают оказание помощи как возможность заработать.

Таким образом, первичная оценка ситуации осуществлялась вовсе не из геополитических мотивов, о чем впоследствии заявляли руководители США. Подход экспертов ЦРУ был близок к тому, что в отечественной науке характеризуется как социология международных отношений с элементами этнополитического анализа. Определенным результатом этого подхода стали опора на религиозную оппозицию, а не этническое деление общества, и разработка маршрутов оказания помощи моджахедам. На этой основе к 1982 г. удалось установить связи и организовать поставки оружия и амуниции для шести ведущих групп инсургентов, о чем свидетельствует отчет для Директора ЦРУ от 5 ноября 1982 г.²² Там уже уделялось повышенное внимание военным вопросам.

В 1985 г. экспертами ЦРУ был подготовлен довольно большой аналитический отчет Департаментом Ближнего Востока и Южной Азии совместно с Аналитическим отделом ЦРУ по СССР по оценке перспектив развития ситуации в Афганистане²³. Здесь также присутствовал социологический подход к анализу перспектив дальнейшего развития событий. Например, среди причин нарастания борьбы и провала советских инициатив в области социально-экономического улучшения ситуации в Афганистане отмечались несовместимость и даже враждебность советской школы к нормам афганского общества. Это приводило не только к провалу попыток ликвидации неграмотности, но и к тому, что даже жители афганских городов, получившие профессиональное образование в СССР, не хотели возвращаться в Афганистан. Спустя пять лет советские медиа в стране не могли обеспечить поддержку населения в силу его неграмотности, недоверия к режиму, разности религиозных традиций и приверженности афганцев к собственным ценностям²⁴. Поэтому советская программа трансформировать Афганистан в желательном для Москвы направлении имела незначительный эффект. Отмечался и раскол в Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) на две части по этническому признаку.

В оценке перспектив дальнейшего развития ключевым методом оказался SWOT-анализ, который применялся как в отношении положения СССР, так и в отношении инсургентов. Таким образом, экспертная оценка ситуации нуждалась в постоянной подстройке под изменяющиеся обстоятельства. В этой связи можно согласиться с мнением Ю. В. Рубцова о том, что уроки войны в Афганистане только начинают осмысливаться [Рубцов 2009].

Заключение

Принятие политических решений в отношении Афганистана в конце 1970-х гг. сопровождалось некоторой экспертной поддержкой. По-видимому, ее необходимость была обусловлена объективным развитием нового этапа в эволюции международной системы, в чем отдавали себе отчет руководители

²¹ Ibid. P. 5.

²² U.S. Analysis of the Soviet War in Afghanistan. 5 Nov 1982. *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB57/us3.pdf> (accessed 27 Feb 2024).

²³ The Soviet invasion in Afghanistan. Five years after. 5 May 1985. *National Security Archive*. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB57/us5.pdf> (accessed 29 Feb 2024).

²⁴ Ibid. P. 4

обеих сверхдержав. Однако место подобной экспертной оценки, как и набор методов, которыми оперировали ее участники, имели существенные различия.

Советский подход исходил из доверия к экспертной оценке лишь ряда ведомственных структур, изначально встроенных в систему принятия политических решений. В данном конкретном случае экспертная поддержка оказалась краткосрочной в 1979 г. и была призвана обеспечить систему мер для реализации политического курса. При этом сама оценка ситуации, что наглядно видно из анализируемых документов, была прервана логикой развития процессов внутри Афганистана, а политические факторы оказались определяющими, что говорит о подчиненном положении экспертных структур политическому руководству.

По мере выявления сложностей с реализацией первоначального плана возрастала потребность в понимании специфики ситуации внутри Афганистана. В связи с этим появляются аналитические записки, которые принимают в расчет широкий круг факторов социального и политического характера. Это способствует осознанию длительности и системности в реализации проводимых мероприятий, но вместе с тем не ставит под сомнение принятые военные решения. По своему содержанию эта экспертиза напоминает методику SWOT-анализа, что позволяет говорить о некотором смещении акцентов от проработки силовых сценариев в сторону политических вариантов.

Американский подход, напротив, судя по рассекреченным документам ЦРУ, исходил из анализа социологических факторов развития событий, что позволило

на первоначальном этапе выявить спектр сил и субъектов, которым могла быть оказана помощь. По мере установления связей с оппозиционными силами стали прорабатываться каналы поставки вооружений и логистика. Кроме того, факторный анализ позволял говорить о перспективах и проблемах советской политики в Афганистане. Примечательно, что для собственной оценки ситуации аналитики ЦРУ также использовали методику SWOT-анализа.

Экспертные подходы советской стороны усиливали ошибочность и непоследовательность проводимой советской политики, а американские оценки объективно способствовали разжиганию войны внутри Афганистана. С позиций новой политической истории разность подходов к оценке ситуации в Афганистане позволяет описывать эту войну в контексте некой интеллектуальной политической драмы, где соперничают различные подходы, которые если и используют общие методы, то результат оказывается непредопределенным. Тогда при всей ошибочности советских решений в отношении ДРА война в Афганистане была вызвана объективными процессами трансформации международного порядка, а экспертные подходы показывали поиск новых методов в новых исторических условиях.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Белоусов И. И. К вопросу о принятии политических и военных решений при вводе советских войск в Афганистан. *Наука. Общество. Оборона*. 2014. № 2. [Belousov I. I. On the question of political and military solutions when the Soviet troops in Afghanistan. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, 2014, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2311-1763-2014-10025>
- Большакова О. В. Новая политическая история России: Современная зарубежная историография. *Аналитический обзор*. М.: ИНИОН РАН, 2006. 97 с. [Bolshakova O. V. New political history of Russia: Modern foreign historiography. *Analytical review*. Moscow: INION RAS, 2006, 97. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nbjzjm>
- Брачев В. С., Полюнов М. Ф. Политика СССР в отношении Афганистана в 1978–1991 годах. *Научный диалог*. 2019. № 9. С. 246–261. [Brachev V. S., Polynov M. F. USSR policy on Afghanistan in 1978–1991. *Nauchnyi Dialog*, 2019, (9): 246–261. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-9-246-261>
- Давыдов А. А. Непрерывная война США в Афганистане. *Пути к миру и безопасности*. 2019. № 2. С. 34–47. [Davydov A. A. Continuous U.S. war in Afghanistan. *Puti k miru i bezopasnosti*, 2019, (2): 34–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2019-2-34-47>

- Знаменский Д. Ю. К вопросу об использовании экспертных методов анализа в процессе подготовки бакалавров по направлению подготовки «Политология». *Вестник университета*. 2023. № 8. С. 15–20. [Znamenskiy D. Yu. Expert methods use in undergraduate political science programs. *Vestnik universiteta*, 2023, (8): 15–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-8-15-20>
- Князев А. А. К истории афганского движения «Талибан» (середина – вторая половина 1990-х гг.). *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2021. Т. 21. № 4. С. 13–21. [Knyazev A. A. Regarding the issue of history of the Afghan Taliban movement (the middle and second half of the 1990s). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2021, 21(4): 13–21. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qgezgr>
- Ляховский А. А., Забродин В. М. Тайны афганской войны. М.: Планета, 1991. 245 с. [Lyakhovskii A. A., Zabrodin V. M. *Secrets of the Afghan War*. Moscow: Planeta, 1991, 245. (In Russ.)]
- Малахова Т. С. Причины и последствия распада биполярной системы: геоэкономический аспект. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2015. Т. 11. № 2. С. 45–54. [Malakhova T. S. Causes and consequences of the bipolar system collapse: A geo-economic aspect. *National Interests: Priorities and Security*, 2015, 11(2): 45–54. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tdvfav>
- Мейли У. Афганистан с точки зрения истории и географии. *Конфликт в Афганистане: дискуссия по гуманитарным вопросам: право, политика, деятельность*: Международный журнал Красного Креста. Избранные статьи из номеров 880–881, декабрь 2010 г. – март 2011. М.: [2015]. С. 13–33. [Maley W. Afghanistan: An historical and geographical appraisal. *Conflict in Afghanistan: Discussion on humanitarian issues: Law, politics, and activities: International Review of the Red Cross*. Selected articles from issues 880–881, Dec 2010 – Mar 2011. Moscow: 2015, 13–33. (In Russ.)] URL: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-11/582.pdf> (accessed 29 Feb 2024).
- Медведко С. Л., Арруе Е. Р. Религиозный фактор в Афганистане и его влияние на развитие внутреннего конфликта (1978–1989). *Религия, стабильность, безопасность*, ред. О. Н. Сенюткина. Н. Новгород: НГЛУ, 2021. С. 66–73. [Medvedko S. L., Arrue E. R. Religious aspect in Afghanistan and its influence on the escalation of domestic conflict. *Religion, stability, and security*, ed. Senyutkina O. N. Nizhny Novgorod: NSLU, 2021, 66–73. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/fwpulr>
- Нессар О. 1979 год: роковые ошибки Афганской войны. 30 годовщина ввода советских войск в Афганистан. МГИМО, 2009. [Nessar O. 1979: fatal mistakes of the Afghan war. 30th anniversary of the entry of Soviet troops into Afghanistan. MGIMO, 2009. (In Russ.)] URL: <https://mgimo.ru/afghan/132497.html> (accessed 23 Feb 2024).
- Полынов М. Ф., Рудь И. А. Афганистан во внешней политике СССР. 1978–1991 гг. *Общество. Среда. Развитие*. 2019. № 3. С. 26–36. [Polynov M. F., Rud I. A. Afghanistan in the foreign policy of the USSR. 1978–1991. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, 2019, (3): 26–36. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ahjxpf>
- Рабуш Т. В. Процесс военного вовлечения СССР в афганский конфликт: взгляд из США. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2018. Т. 23. № 6. С. 134–144. [Rabush T. V. The process of military involvement of the USSR in the Afghan conflict: A U.S. view. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, 23(6): 134–144. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.10>
- Рубцов Ю. В. Советский Союз в «Необъявленной» войне в Афганистане (1979–1989 годы): осмысление прошлого. *Новая и новейшая история*. 2009. № 1. С. 48–70. [Rubtsov Yu. V. The Soviet Union in "the not declared" war in Afghanistan (1979–1989): The judgment of the past. *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 2009, (1): 48–70. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jvvvj1>
- Синицин И. Е. Андропов вблизи: Воспоминания о временах оттепели и застоя. М.: Центрполиграф, 2015. 512 с. [Sinitin I. E. *Andropov up close: Memories of the times of thaw and stagnation*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2015, 512. (In Russ.)]
- Топорков В. М. Тайная дипломатия СССР в Афганистане 1978–79 гг. *Вестник Башкирского университета*. 2012. Т. 17. № 2. С. 1050–1055. [Toporkov V. M. USSR secret diplomacy in Afganistan in 1978–79. *Bulletin of the Bashkir University*, 2012, 17(2): 1050–1055. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pdatnj>

- Фененко А. В. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория. *Международные процессы*. 2023. Т. 21. № 1. С. 6–42. [Fenenko A. V. International order as a category of international studies: Theoretical foundations. *Mezhdunarodnye Processy*, 2023, 21(1): 6–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.1.72.8>
- Христофоров В. С. Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию. *Российская история*. 2019. № 6. С. 3–21. [Khristoforov V. S. Afghan events 1979–1989: From cognition to comprehension and recognition. *Rossiiskaia Istorია*, 2019, (6): 3–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S086956870007464-1>
- Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2010. 1047 с. [Chernyaev A. S. *Joint outcome. Diary of two eras. 1972–1991*. Moscow: ROSSPEN, 2010, 1047. (In Russ.)]
- Шапиро Н. И. Преемственность и новации в политике США в Афганистане. *Мировая политика*. 2019. № 4. С. 26–45. [Shapiro N. I. Continuity and novations in U.S. policy in Afghanistan. *Mirovaia politika*, 2019, (4): 26–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2019.4.31510>
- Якупова Д. В., Якупов Р. А. Советское общество и война в Афганистане в оценках Центрального разведывательного управления. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2019. № 2. С. 84–99. [Yakupova D. V., Yakupov R. A. Soviet society and the war in Afghanistan in the CIA assessments. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*, 2019, (2): 84–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21685/2072-3024-2019-2-7>
- Foreign relations of the United States, 1977–1980. Vol. XII. Afghanistan*, eds. D. Zierler, A. M. Howard. Washington: Department of State, 2018, 954.
- Iskandarov K. The Pakistani factor in the Afghan conflict. *Central Asia and the Caucasus*, 2013, 14(3): 83–96. <https://www.elibrary.ru/mogbzb>
- Leites N. *The operational code of the Politburo*. NY: McGraw-Hill Book Co., 1951, 100.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ytvxvn>

Экспорт российских услуг в области высшего образования в Таджикистан: предпосылки, сложности и перспективы

Погорельская Анастасия Михайловна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 8145-7034

<https://orcid.org/0000-0003-3003-4757>

Scopus Author ID: 57215186472

pogorelskaya@mail.tsu.ru

Погодаев Николай Петрович

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 8109-6334

<https://orcid.org/0009-0000-8253-8928>

Аннотация: В настоящее время возрастает конкуренция за абитуриентов как со стороны национальных вузов Таджикистана, так и университетов из Европы, США, Турции, Южной Кореи и других стран. В этой связи представляется актуальным оценить текущие основания для образовательного сотрудничества Таджикистана с Россией. Цель – оценить перспективы экспорта российских услуг в области высшего образования в Таджикистан. Задачи исследования включают характеристику особенностей и препятствий для развития системы высшего образования Таджикистана, оценку потенциала образовательного сотрудничества с Россией для преодоления обозначенных трудностей. В результате исследования сделан вывод, что система высшего образования Таджикистана испытывает влияние неблагоприятных внутренних факторов: консервативности государства, роста населения, нехватки ресурсов, коррупции, клановости. Образовательное сотрудничество с Россией может быть одним из доступных ресурсов поддержки системы высшего образования Таджикистана. Особенности экспорта российских образовательных услуг в Таджикистан являются: опора на позиции русского языка в Таджикистане; доминирование такого способа предоставления высшего образования, как привлечение иностранных студентов непосредственно в Россию при наличии филиалов российских вузов в стране; укрепление позиций российского образования в стране в последние годы. Экспорт российских образовательных услуг в Таджикистан помогает решать задачи обеспечения доступности и качества высшего образования для населения. Однако он также отчасти способствует дальнейшей консервации системы высшего образования Таджикистана.

Ключевые слова: экспорт образования, международное образовательное сотрудничество, качество высшего образования, образовательная миграция, изучение русского языка, филиалы вузов

Цитирование: Погорельская А. М., Погодаев Н. П. Экспорт российских услуг в области высшего образования в Таджикистан: предпосылки, сложности и перспективы. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 492–502. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-492-502>

Поступила в редакцию 30.01.2024. Принята после рецензирования 04.03.2024. Принята в печать 04.03.2024.

full article

Export of Russian Educational Services to Tajikistan: Prerequisites, Problems, and Prospects

Anastasia M. Pogorelskaya

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 8145-7034

<https://orcid.org/0000-0003-3003-4757>

Scopus Author ID: 57215186472

pogorelskaya@mail.tsu.ru

Nikolay P. Pogodaev

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 8109-6334

<https://orcid.org/0009-0000-8253-8928>

Abstract: National universities of Tajikistan compete for Tajik applicants with European, US, Turkish, and South-Korean universities. In this regard, the current educational cooperation between Tajikistan and Russia is a relevant issue. The article describes the export of Russian higher education services to Tajikistan. The authors identified patterns and problems for higher education development in Tajikistan, as well as evaluated the prospects for academic cooperation with Russian universities. Tajikistan is currently experiencing the following unfavorable domestic factors: state conservatism, population growth, lack of resources, corruption, and nepotism. Academic cooperation with Russia may become valuable support for Tajikistan's higher education. In its academic export, Russia relies on the position of the Russian language in Tajikistan. As the Russian higher education has been improving its positions recently, it attracts students from Tajikistan using the branches of Russian universities in the country. On the one hand, Russian academic services may provide accessible and high-quality higher education to the young people of Tajikistan. On the other hand, they aggravate the conservative trends in the local system of higher education.

Keywords: academic export, international academic cooperation, quality of higher education, academic migration, Russian language learning, branch campuses

Citation: Pogorelskaya A. M., Pogodaev N. P. Export of Russian Educational Services to Tajikistan: Prerequisites, Problems, and Prospects. *SibScript*, 2024, 26(3): 492–502. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-492-502>

Received 30 Jan 2024. Accepted after peer review 4 Mar 2024. Accepted for publication 4 Mar 2024.

Введение

Страны Центральной Азии после распада СССР получили возможность развиваться в соответствии с собственными национальными приоритетами. Все они поставили системы высшего образования перед необходимостью содействия строительству наций и смогли в целом добиться их функционирования в таком ключе [Smolentseva et al. 2018: 1–3]. Их языковая политика преследовала аналогичную цель [Fierman 2021; Liddicoat 2019], что, однако, не лучшим образом отразилось на доступности и качестве высшего образования. Системы образования стран Центральной Азии оказались в 1990-е гг. перед лицом мировых образовательных трендов и глобальной конкуренции за абитуриентов, которые ранее влияли на них очень ограниченно. В таких условиях при формальном усвоении западной терминологии в вопросах реформирования высшего образования темпы и направления этих реформ в странах региона значительно разошлись [Silova 2005].

Отсутствие должного исследовательского внимания к разнице в системах высшего образования стран Центральной Азии приводит к тому, что российская политика в этом регионе, как и действия отдельных российских вузов, не подкреплена адекватной аналитикой. В результате России не удалось добиться реализации предлагаемых ею проектов региональной интеграции в сфере высшего образования на постсоветском пространстве из-за различия интересов государств по данному вопросу [Pogorelskaya 2023: 164–168]. Взамен в Центральной Азии возник конкурирующий проект – Центрально-Азиатское пространство высшего образования, куда Россию не позвали. А Казахстан и Узбекистан, например, поставили целью стать региональными образовательными хабами, тем самым заявляя о намерениях конкурировать с Россией за абитуриентов в этом регионе. Таджикистан же остается государством региона, который в последние годы, наоборот,

активно развивает образовательное сотрудничество с Россией. Интерес российской стороны в образовательном сотрудничестве и экспорте высшего образования в Таджикистан заключается в возможности таким образом укрепить свое влияние в регионе Центральной Азии и «повысить политическую лояльность» этих обществ [Нефедова 2017b: 147].

Несмотря на рост числа работ по вопросам экспорта услуг в области высшего образования, чаще всего в фокус исследовательского внимания попадают развитые государства-экспортеры [Beghin, Park 2022]: англоязычные страны, включая Австралию [Carrington et al. 2007], США [Khanna 2021] и Великобританию [Asaad et al. 2015], а также страны Европы, в частности, Польша [Hazell 1997] и Финляндия [Juusola, Nokkala 2022; Schatz 2015]. Россия, хотя и является одним из мировых лидеров по абсолютному числу иностранных студентов, реже рассматривается как экспортер высшего образования и становится объектом соответствующего внимания исследователей, за исключением отдельных российских ученых [Должикова, Тисленко 2018; Краснова 2021; Melikyan 2018]. Однако в фокус их внимания пока попадали такие географические направления экспорта российского образования, как Азиатско-Тихоокеанский регион [Бобыло 2016] или Юго-Восточная Азия [Голомидова 2020]. Страны Центральной Азии не были должным образом исследованы на предмет препятствий и перспектив экспорта российских услуг в области высшего образования, за редким исключением [Голомидова 2021; Погорельская, Кобзева 2023]. Тем не менее на этом традиционном рынке сбыта российских образовательных услуг конкуренция за абитуриентов усиливается как со стороны национальных вузов, так и университетов из Европы, США, Турции, Южной Кореи и других стран.

В этой связи представляется актуальным оценить текущие основания для образовательного сотрудничества Таджикистана с Россией. Целью статьи является оценка перспектив экспорта российских образовательных услуг в Таджикистан. Задачами являются характеристика текущего состояния системы высшего образования Таджикистана и оценка перспектив образовательного сотрудничества с Россией в деле преодоления сложностей системы высшего образования Таджикистана. Исследование строится

на анализе научной литературы, стратегических документов Таджикистана и России в области высшего образования, а также национальных статистических данных и данных международных организаций (в частности, ЮНЕСКО), характеризующих системы высшего образования Таджикистана и России.

Результаты

Модернизация систем высшего образования в Центральной Азии и экспорт российского образования в регион

В 1990-е гг. страны Центральной Азии, включая Таджикистан, столкнулись с похожим набором сложностей, включавшим экономические трудности ввиду распада прошлых производственных связей и сворачивания плановой экономики в прежнем виде; проблемы безопасности, связанные как с возникновением новых границ, так и распространением экстремизма, и множеством других. При этом развитие систем образования не было приоритетом на фоне более насущных задач. Тем не менее им пришлось трансформировать системы высшего образования с тем, чтобы они отвечали минимальным требованиям времени.

На фоне роста населения расширение доступа к высшему образованию грозило нехваткой ресурсов на содержание этой системы. В результате с разной скоростью, но в вузах Центральной Азии стала вводиться плата за обучение, возникать частные вузы¹, а также филиалы иностранных вузов². С одной стороны, странам Центральной Азии пришлось обеспечить самостоятельность системы высшего образования, которая теперь должна была справляться с обучением растущего количества молодежи, прививая им национальный язык и новое видение мира в национальном прочтении. С другой – им пришлось внедрять международные стандарты в высшее образование для обеспечения его качества. В первую очередь, эталоном представлялись стандарты, происходящие из западных стран, что было в большей степени характерно для Казахстана и Кыргызстана. В Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане советское (российское) высшее образование еще долгое время продолжало считаться образцовым, в том числе для того, чтобы оправдать отсутствие коренных изменений [Silova 2011: 11].

¹ Затем многие частные вузы были закрыты. Сегодня в Туркменистане, например, нет ни одного частного вуза, а в Таджикистане – только два.

² В Туркменистане, однако, со временем все филиалы иностранных вузов были закрыты.

Открытие границ привело к тому, что молодежь стран Центральной Азии смогла получать высшее образование не только на родине, но и в других странах. Учитывая относительно невысокий уровень материального обеспечения большинства молодых людей в регионе, государства-реципиенты ввели для них возможности обучения за счет средств собственного государственного бюджета (например, в России) или стипендиальных фондов, как государственных, так и частных, при условии прохождения конкурса. При этом получившие заграничное образование граждане далеко не всегда стремились вернуться на родину, что обострило конкуренцию за абитуриентов и человеческий капитал в странах Центральной Азии [Альтбах 2018: 39–41].

Россия традиционно была центром притяжения студентов из стран Центральной Азии. Целеполагание экспорта российских образовательных услуг связано с попытками сохранить политическое влияние в этом регионе, задействовав образование как инструмент мягкой силы. Уже в 1990-х гг. граждане других стран СНГ получили возможность претендовать на обучение в российских вузах за счет бюджетных средств на конкурсной основе, что отчасти компенсировало возникновение новых государственных границ в регионе³. Позже российским правительством стали ежегодно выделяться несколько тысяч квот для иностранцев и соотечественников, проживающих за рубежом, позволяющие им получать высшее образование в российских вузах бесплатно⁴. С 2010-х гг. Россия стала проводить политику по стимулированию входящей образовательной миграции, призванную компенсировать последствия демографической ямы 1990-х гг., а затем в этой политике стали отчетливо проявляться коммерческие цели.

Так, в 2017 г. был запущен приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской

системы высшего образования», согласно которому число иностранных студентов в России планировалось увеличить в разы, а доходы от экспорта услуг в области высшего образования – до 373 млрд рублей к 2025 г. В рамках федерального проекта «Экспорт образования» национального проекта «Образование» была поставлена цель довести число иностранцев до 425 тыс. человек⁵. При этом значительно увеличилось и количество квот на обучение в российских вузах – до 30 тыс.⁶ Все это должно было способствовать росту притока иностранных студентов в Россию, в том числе из стран Центральной Азии. В этой связи в 2020 г. руководителем Россотрудничества – Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству Е. Примаковым было заявлено, что «на первый план среди основных приоритетов выходит сотрудничество со странами СНГ»⁷. Хотя экспертами и высказывались сомнения по поводу того, удастся ли достичь плановых показателей по экспорту российского образования⁸.

Тем не менее сегодня Россия экспортирует услуги высшего образования, как привлекая студентов напрямую в вузы на территории России, так и путем поддержки работы четырех совместных вузов в Бишкеке, Ереване, Могилёве и Душанбе и филиалов российских вузов за рубежом, в основном в странах евразийского пространства (31 филиал)⁹. Вдобавок на экспорт образовательных услуг отчасти работают совместные образовательные программы и участие российских вузов в сетевых университетах (СНГ, БРИКС, ШОС).

Текущее состояние системы высшего образования Таджикистана

За время независимости система высшего образования Таджикистана значительно разрослась. Если в 1989/1990 учебном году в Таджикской

³ О развитии сотрудничества с зарубежными странами в области образования. Постановление Правительства РФ № 1039 от 28.10.1995. *ИППП Гарант*.

⁴ Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ. Постановление Правительства РФ № 891 от 08.10.2013. *ИППП Гарант*.

⁵ Паспорт федерального проекта «Экспорт образования». URL: https://www.gubkin.ru/education-2019/base_doc/5_fed_projects.pdf (дата обращения: 06.05.2023).

⁶ Пресс-конференция Валерия Фалькова о приемной кампании 2023/2024 учебного года: главные тезисы. *Министерство науки и высшего образования РФ*. 27.04.2023. URL: <https://clck.ru/34Qa3Y> (дата обращения: 14.05.2023).

⁷ Евгений Примаков: Россотрудничество заговорит на понятном для зарубежной аудитории языке. Интервью провела Ю. Немченко. *ТАСС*. 09.07.2020. URL: <https://tass.ru/interviews/8925417> (дата обращения: 14.05.2023).

⁸ Краснова Г. А. Нацпроект уперся в мягкую силу. *Независимая газета*. 26.02.2020. URL: https://www.ng.ru/education/2020-02-26/8_7803_export.html (дата обращения: 10.05.2023).

⁹ РСР обсудил направления развития системы высшего образования в России. *Российский союз ректоров*. 19.04.2023. URL: <https://rsr-online.ru/events/2023/rsr-obsudil-napravleniya-razvitiya-sistemy-vysshego-obrazovaniya-v-rossii/> (дата обращения: 10.01.2024).

ССР действовало 10 вузов, где обучалось порядка 66 тыс. студентов и работало 5,7 тыс. сотрудников¹⁰, то в 2022/2023 учебном году действовало уже 46 вузов, где обучалось 220,3 тыс. человек и работало порядка 12,7 тыс. преподавателей, включая совместителей¹¹. С 2000-х гг. стали приниматься стратегии развития системы высшего образования Таджикистана. Национальная стратегия развития образования до 2020 г. декларировала цель перехода на Болонские стандарты¹². Национальная стратегия развития страны до 2030 г. ставит перед системой высшего образования цели содействия устойчивому развитию страны и развитию человеческого капитала, а также «активизации механизмов развития "экономики знаний"»¹³.

Тем не менее исследователи высшего образования Таджикистана сходятся во мнении, что несмотря на увеличение количества вузов, подготовка кадров в стране пока не соответствует потребностям рынка труда [Кодиров 2019: 105; Jonbekova 2015], а качество высшего образования оставляет желать лучшего [Бозичаева 2021: 130]. При этом препятствиями для модернизации страны, включая высшее образование, исследователи называют традиционный тип мышления и высокий уровень бедности, а проблемами системы высшего образования – низкую квалификацию преподавателей, коррупцию, низкий уровень развития управления, основанного на личной лояльности [Мирошников 2021: 116–119].

В послании Президента Республики Таджикистан было сказано, что демографическое давление на систему образования страны увеличивается: в 2023 г. из школ выпустилось 103 тыс. человек, а пошли в школу 261 тыс. детей¹⁴. При этом таджикские вузы несколько лет подряд недобирают студентов, в том числе из-за принятия закона, обязывающего всех юношей служить в армии год после окончания вуза без отсрочки магистрантам и аспирантам, а также

из-за расширения выезда молодежи за рубеж. Нехватка собственных ресурсов на систему высшего образования, что отражается в недостатке учебников, лабораторного оборудования, компьютеров, при продолжающемся росте населения приводит к несоответствию цены высшего образования его качеству, при том что большинство студентов учатся в Таджикистане платно – 74,4 % по данным на 2022/2023 учебный год¹⁵.

Негативное воздействие на существование как всего государства, так и системы высшего образования оказывают высокий уровень коррупции, nepotизм и клановость, характерные для Таджикистана. Так, по данным на 2022 г. в Индексе восприятия коррупции, опубликованном Transparency International, Таджикистан занял 150 место из 180¹⁶.

Все указанные факторы негативно сказываются на системе высшего образования Таджикистана и служат в том числе факторами выталкивания, т. е. стимулируют образовательную миграцию из Таджикистана в соседние страны, а особенно в Россию, где существуют возможности для дальнейшего трудоустройства. Достоверно неизвестно, сколько выпускников российских вузов из числа граждан Таджикистана остаются на российском рынке труда, хотя отдельные исследования свидетельствуют о том, что граждане стран СНГ в целом были нацелены на трудоустройство в России после окончания российских вузов [Нефедова 2017a]. Впрочем, изменение международной ситуации вокруг России в 2022–2023 гг. несколько снизило заинтересованность зарубежных работников в ее рынке труда¹⁷.

Еще в Национальной стратегии развития образования до 2020 г. первой из основных проблем системы высшего образования Таджикистана значились структурные диспропорции: подготовка кадров по специальностям, не востребованным национальной экономикой¹⁸. Сегодня Таджикистан остается преимущественно аграрной страной, но экономике нужны

¹⁰ Народное хозяйство Таджикской ССР в 1989 года: стат. сб. Душанбе: ИРФОН, 1991. С. 100, 150.

¹¹ Статистический сборник сферы образования Республики Таджикистан на 2022–2023 учебный год. Душанбе, 2023. Ч. 2. С. 123, 212.

¹² Национальная стратегия развития образования Республики Таджикистан до 2020 года. 2012. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/781> (дата обращения: 10.01.2024).

¹³ Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. Душанбе, 2016. С. 56. URL: [http://ef-ca.tj/publications/02.2_rus\(FILEminimizer\).pdf](http://ef-ca.tj/publications/02.2_rus(FILEminimizer).pdf) (дата обращения: 10.01.2024).

¹⁴ Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики». *Ховар*. 28.12.2023. URL: <https://khovar.tj/rus/2023/12/poslanie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-uvazhaemogomomali-rahmona-ob-osnovnyh-napravleniyah-vnutrennej-i-vneshnej-politiki-respubliki-2/> (дата обращения: 10.01.2024).

¹⁵ Статистический сборник сферы образования Республики Таджикистан... С. 123.

¹⁶ Corruption Perception Index 2022. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2022> (accessed 20 Jan 2024).

¹⁷ Статистические сведения по миграционной ситуации. МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 10.01.2024).

¹⁸ Национальная стратегия развития образования Республики Таджикистан до 2020 года...

и кадры технических специальностей, поскольку перед страной стоит задача превращения в аграрно-индустриальную к 2030 г.¹⁹ Такой экономике нужны не столько специалисты с высшим образованием в области социальных наук (табл. 1²⁰), сколько работники со средним специальным образованием. Тем не менее в 2022 г. число выпускников вузов составило 53,6 тыс., а выпускников учреждений среднего профессионального образования – только 25,1 тыс. человек²¹. Данных о потребности экономики в отдельных специальностях нет в открытом доступе, однако, по оценкам Программы развития ООН, еще в 2020 г. в реальном секторе экономики Таджикистана было занято более 70 % всего занятого населения, из которых более 60 % были работниками сельского и лесного хозяйства. При этом по результатам опросов работодателей была зафиксирована высокая текучесть кадров на предприятиях, в основном ввиду неудовлетворенности уровнем заработной платы²². Эти обстоятельства снижают мотивацию учащихся вузов и ценность высшего образования для них.

В ближайшем будущем проблема транзита власти от бессменного президента страны Э. Рахмона к его

преемнику может вызвать политическую нестабильность, что может опять снять реформирование высшего образования с повестки дня, как было в 1990-е гг. во время гражданской войны. Пока же политическую элиту устраивает текущая ситуация, когда большинство студентов учатся в таджикских вузах платно, выехать за рубеж для получения высшего образования в силу своего материального положения могут немногие (порядка 0,4 % всех студентов²³), а выезжающие в Россию на обучение часто там и остаются трудиться, высылая деньги на родину. В итоге в реформах острой политической необходимости нет, и потому большинство стратегических документов и планов остаются декларативными.

Сотрудничество России и Таджикистана в сфере высшего образования

Основой для образовательного сотрудничества двух стран является распространенность русского языка в Таджикистане. Русскоязычное население Таджикской ССР проживало в основном в городах и относительно более индустриальных регионах, в частности в Ленинабадской (Согдийской) области.

Табл. 1. Выпуск студентов вузов по отдельным группам специальностей в Таджикистане, 2021/2022 учебный год
Tab. 1. University graduates by majors, Tajikistan, 2021/2022

Группа специальностей	Количество выпускников вузов	Доля в общем выпуске вузов, %
Педагогика и образование	17115	31,9
Социальные науки	16358	30,5
Гуманитарные науки	3957	7,4
Естественные науки и экология	2764	5,2
Здравоохранение	1966	3,7
Технические специальности, приборостроение и телекоммуникации	1808	3,4
Промышленность, металлургия и производство	1521	2,8
Сельское и лесное хозяйство, землеустройство	1409	2,6
Строительство и архитектура	851	1,6
Искусство и народное творчество	522	1

¹⁹ Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года...

²⁰ Сост. по: Образование в Республике Таджикистан 2022: стат. сб. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/reader/2533> (дата обращения: 28.01.2024).

²¹ Образование в Республике Таджикистан 2022...

²² Анализ и картирование спроса на специалистов в пилотных секторах. Проект ПРООН «Молодежь за бизнес и инновации». Душанбе, 2022. С. 20. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-09/UNDP-TJK-Pub_2022_09_RU.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

²³ Global Flow of Tertiary-Level Students. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (accessed 19 Jan 2024).

Однако начало гражданской войны, ухудшение экономической ситуации в стране и изменение статуса русского языка способствовали оттоку этой части населения. Доля русских в населении Таджикистана сократилась за двадцать лет независимости в 15 раз: с 7,6 % (1989) до 0,5 % населения (2010). Аналогичным образом сократилась доля свободно владеющих русским языком: с 36,4 % до 13 % [Арефьев 2012: 135–136].

В 1989 г. был принят закон Таджикской Советской Социалистической Республики «О языке», ставший попыткой закрепить официально двуязычие. В 1999 г., согласно Конституции страны, русский язык приобрел статус языка межнационального общения, но был фактически изъят из делопроизводства [Арефьев 2012: 133]. Необходимость изучения русского языка стала отмечаться в государственных программах совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Таджикистане, которые были приняты с 2001 г. Однако в 2009 г. был принят новый закон «О государственном языке Республики Таджикистан», который ликвидировал двуязычие. Тогда в Таджикистане оставалось только 15 школ с обучением на русском языке, а таджикско-российских было 95 [Арефьев 2012: 138].

Тем не менее сотрудничество с Россией в сфере образования, в том числе высшего, Таджикистан стал развивать с момента получения независимости и долгое время ориентировался на российское высшее образование как модель для подражания [Silova 2011: 11]. В 2000-е гг. стал заметен разворот в сторону западных стандартов. В частности, стал декларироваться переход к Болонским принципам²⁴. Однако сосуществование бакалавриата, магистратуры со специалитетом²⁵, ограниченная автономия вузов и отсутствие участия студентов в управлении вузами, как и невысокое качество высшего образования, свидетельствуют о том, что до внедрения Болонских принципов сегодня еще далеко.

Первое соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения,

информации, спорта и туризма было подписано в 1995 г. В нем декларировалось создание условий для изучения русского языка в Таджикистане и таджикского в России (ст. 4). Стороны обещали обмениваться опытом и информацией, сотрудничать в подготовке и повышении квалификации кадров, укреплении материальной и учебно-методической базы образования (ст. 10). Кроме того, было установлено взаимное признание документов государственного образца о среднем и начальном профессиональном образовании, но не высшем (ст. 11)²⁶.

Таджикистан подписывал и большинство соглашений в области образования, принимаемых в рамках СНГ, например, Соглашение 1997 г. о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства. По нему планировалось сближение национального законодательства по вопросам подготовки кадров²⁷. Однако сотрудничество на базе СНГ оказалось фрагментарным и декларативным, поэтому не заменило двустороннего сотрудничества с Россией. В том же году на основе межправительственного соглашения был создан Российско-Таджикский (Славянский) университет, продолжающий сегодня свою работу. Россия и Таджикистан также подписали Соглашения о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании (в том числе диплома бакалавра), ученых степенях и званиях.

Экспорт российских услуг в области высшего образования в Таджикистан

Экспорту российских услуг в области высшего образования в Таджикистан способствует то, что Россия активно вкладывается в поддержание позиций русского языка в стране. В частности, с 2017 г. в рамках проекта «Российский учитель за рубежом» в Таджикистан направляются российские учителя-предметники для работы в школах. В 2019 г. было подписано межправительственное соглашение, согласно которому в Таджикистане были построены и в сентябре 2022 г. открыты пять новых школ с обучением полностью на русском языке. В результате к 2023 г. в Таджикистане действовало уже 60 школ с русским

²⁴ Национальная стратегия развития образования Республики Таджикистан до 2020 года....

²⁵ О высшем и послевузовском профессиональном образовании. Закон Республики Таджикистан. URL: <https://clck.ru/37vBor> (дата обращения: 20.01.2024).

²⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в области культуры, науки и техники, образования, здравоохранения, информации, спорта и туризма от 19.09.1995. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901169> (дата обращения: 20.01.2024).

²⁷ Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства Содружества Независимых Государств от 17.01.1997. URL: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/collaboration/agreemenet_cooperation_1997 (дата обращения: 20.01.2024).

языком обучения и порядка 178 школ с русскими классами²⁸. На русском языке обучается часть студентов таджикских вузов. В 2023 г. их было почти 39 тыс. человек²⁹. Кроме того, текущая программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков, принятая в Таджикистане в 2019 г., охватывает период до 2030 г.

В конце 2000-х – начале 2010-х гг. в Таджикистане появилось три филиала российских вузов: МГУ им. М. В. Ломоносова (учрежден в 2009 г.), МИСиС (открыт в 2012 г.) и НИУ МЭИ (учрежден в 2012 г.). В филиале МГУ примерно 70 % педагогического состава обеспечивает российская сторона, 30 % – таджикская. При филиале функционирует локальный центр тестирования иностранных граждан по русскому языку. В нем обучается порядка 500 человек³⁰. В филиале МИСиС обучается порядка 700 студентов³¹, а в филиале МЭИ – около 400³². Обучение ведется как за счет российского бюджета, так и на платной основе. При этом филиалов других иностранных вузов в Таджикистане пока нет.

Единственный совместный вуз – Российско-Таджикский (Славянский) университет (РТСУ) – сегодня обучает около 2 тыс. студентов³³. Вуз финансируется из бюджетов обеих стран, но и в нем часть студентов обучается на платной основе. При РТСУ

работают средняя образовательная школа и Центр русского языка и культуры.

Согласно Соглашению о предоставлении равных прав гражданам государств-участников Договора об углублении интеграции, граждане Таджикистана получили с 1998 г. равные права с гражданами России при поступлении в вузы на основе взаимно признаваемых документов об образовании государственного образца как на места, финансируемые из государственного бюджета, так и на платные места³⁴. Кроме того, российская сторона в последние годы увеличивает количество квот для студентов из Таджикистана (табл. 2³⁵). Это позволило большему количеству молодежи из Таджикистана получать высшее образование в России (табл. 3³⁶).

Доля студентов из Таджикистана, обучающихся на платной основе в вузах на территории России, на протяжении последнего десятилетия, однако, снижалась с 49 % (2013 г.) до 36,3 % (2022 г.), а сейчас составляет порядка 36,7 %. Таким образом, хотя русскоязычное образование в последние годы переживает своего рода ренессанс в Таджикистане [Мирошников 2021: 120], Россия, скорее, использует его как инструмент мягкой силы для укрепления своих позиций в Центральной Азии, чем в коммерческих целях.

Табл. 2. Квоты для граждан Таджикистана, выделенные для обучения в российских вузах, 2016–2023 гг.

Tab. 2. Quotas for citizens of Tajikistan in Russian universities, 2016–2023

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Количество	342	500	618	630	630	645	750	902

²⁸ Межгосударственные отношения России и Таджикистана. *РИА Новости*. 13.10.2023. URL: <https://ria.ru/20231013/otnosheniya-1902318326.html> (дата обращения: 20.01.2024).

²⁹ Статистический сборник сферы образования Республики Таджикистан... С. 196.

³⁰ Информационный буклет Филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Душанбе. URL: https://msu.tj/file/document/buklet_filiala.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

³¹ Информация о численности обучающихся по реализуемым образовательным программам по источникам финансирования. ДФ НИТУ «МИСИС». 01.11.2022. URL: http://df.misis.ru/sveden/education/budg_paid.html (дата обращения: 20.12.2023).

³² Образование. *Филиал МЭИ в городе Душанбе*. URL: <https://df.mpei.ru/sveden/education/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.12.2023).

³³ Информация о численности обучающихся по реализуемым образовательным программам. *Российско-Таджикский (Славянский) университет*. URL: <https://www.rtsu.tj/univer/sveden/education/> (дата обращения: 20.12.2023).

³⁴ Соглашение о предоставлении равных прав гражданам государств-участников Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29.03.1996 на поступление в учебные заведения от 24.11.1998. URL: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/collaboration/agreement_integration_1998 (дата обращения: 20.01.2024).

³⁵ Сост. по: Больше квот: что предложит Россия таджикским студентам. *Sputnik Таджикистан*. 10.11.2022. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20221110/russia-tajikistan-students-1052737375.html> (дата обращения: 20.01.2024).

³⁶ Сост. по: Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». *Министерство науки и высшего образования РФ*. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 20.01.2024).

Табл. 3. Количество студентов – граждан Таджикистана, обучающихся в вузах России, 2013–2023 гг.

Tab. 3. Citizens of Tajikistan receiving higher education in Russian universities, 2013–2023

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Численность студентов на условиях общего приема	7091	8777	11731	14270	16313	17878	18446	18899	20770	25696	25948
из них обучающихся на договорной основе	4658	5212	6517	7866	8447	8989	8886	8994	8715	10232	10544
обучающиеся в соответствии с международными договорами РФ, с федеральными законами или установленной Правительством РФ квотой	2403	2603	2249	2154	2311	2123	2223	2286	2293	2482	2780

Заклучение

Реформирование системы высшего образования Таджикистана в период независимости носило очень поверхностный характер, связанный как с нехваткой ресурсов и наличием других препятствий, так и с отсутствием политической воли к коренному изменению этой системы. В итоге качество высшего образования в Таджикистане пока оставляет желать лучшего.

Экспорт российских услуг в области высшего образования в Таджикистан пока представляется наиболее удобным способом повышения доступности относительно качественного высшего образования для молодежи Таджикистана. Однако он выступает сегодня и ресурсом, и консервантом существующей системы высшего образования в Таджикистане. Ресурсный потенциал российского экспорта образовательных услуг заключается в том, что российские вузы и филиалы российских вузов в Таджикистане отчасти берут на себя нагрузку в деле предоставления высшего образования большому количеству выпускников школ. Кроме того, работая на основе российских стандартов и с поддержкой российского бюджета, они представляются чуть более защищенными от исконных проблем таджикской системы высшего образования.

Таким образом, стимулов и политической воли для коренного преобразования системы высшего образования Таджикистана и решения ее проблем пока в стране не накопилось.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. М. Погорельская – концепция статьи, анализ, написание текста. Н. П. Погодаев – сбор данных, редактирование.

Contribution: A. M. Pogorelskaya formulated the research concept, analyzed the materials, and wrote the manuscript. N. P. Pogodaev collected the data and proofread the manuscript.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10036 «Трансформация систем высшего образования стран Центральной Азии: новые возможности и вызовы для экспорта российского образования», <https://rscf.ru/project/23-78-10036/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-78-10036: Transformation of higher education systems in Central Asia: new opportunities and challenges for Russian academic export, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10036/>

Литература

- Альтбах Ф. Глобальные перспективы высшего образования. М.: ВШЭ, 2018. 548 с. [Altbach P. *Global perspectives on higher education*. Moscow: HSE, 2018, 548. (In Russ.)]
- Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с. [Arefiev A. L. *Russian language on the edge of XX – XXI centuries*. Moscow: Center for social forecasting and marketing, 2012, 482. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qjyfrw>
- Бобыло А. М. Стратегия развития российского образования как фактор обеспечения национальных интересов РФ в азиатско-тихоокеанском регионе. *Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2016. Т. 18. № 3. С. 39–54. [Bobylo A. M. Russian education development strategy as a factor of Russia's national interests in Asia-Pacific Region. *Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2016, 18(3): 39–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xvscih>
- Бозичаева В. О. Модернизационные процессы системы высшего образования в Республике Таджикистан. *Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана*. 2021. № 2. С. 127–131. [Bozichaeva E. O. Modernization processes in the higher education system of Tajikistan. *News of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bahovaddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan*, 2021, (2): 127–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jazisir>
- Голомидова П. С. Практики экспорта образовательных услуг российских вузов в Социалистическую Республику Вьетнам. *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2020. № 4. С. 85–104. [Golomidova P. S. Best practices of Russian universities educational programs export to the Socialist Republic of Vietnam. *Journal of wellbeing technologies*, 2020, (4): 85–104. (In Russ.)] [https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4\(39\)/1040](https://doi.org/10.18799/26584956/2020/4(39)/1040)
- Голомидова П. С. Факторы формирования образовательной миграции из Таджикистана в вузы России: на примере Северного (Арктического) Федерального университета. *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2021. № 5. С. 97–103. [Golomidova P. S. Factors of international student migration from Tajikistan to Russia. Case of Northern (Arctic) Federal University. *Alma Mater (Vestnik Vysshey Shkoly)*, 2021, (5): 97–103. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20339/AM.05-21.097>
- Должикова А. В., Тисленко М. И. Стратегии экспорта высшего образования в России и мире. *Высшее образование сегодня*. 2018. № 5. С. 64–72. [Dolzhikova A. V., Tislenko M. I. Export strategies of the higher education in Russia and the world. *Vysshee obrazovanie segodnya*, 2018, (5): 64–72. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25586/RNU.HET.18.05.P.64>
- Кодиров Ш. Ш. Особенности формирования образовательного потенциала Республики Таджикистан в годы независимости. *Экономика Таджикистана*. 2019. № 3. С. 102–106. [Kodirov Sh. Sh. Features of the formation of educational potential in the Republic of Tajikistan in the years of independence. *Ekonomika Tadjikistana*, 2019, (3): 102–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jktubi>
- Краснова Г. А. Основы экспортной деятельности в сфере образования. М.: Проспект, 2021. 160 с. [Krasnova G. A. *The basics of export activities in education*. Moscow: Prospekt, 2021, 160. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31085/9785392329090-2021-160>
- Мирошников С. Н. Проблемы становления и реформирования системы образования в Республике Таджикистан в 2000–2020 гг. *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 465. С. 116–123. [Miroshnikov S. N. Issues in the development and reforming of the educational system in the Republic of Tajikistan in 2000–2020. *Tomsk State University Journal*, 2021, (465): 116–123. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/465/16>
- Нефедова А. И. Масштабы, структуры и цели экспорта российского высшего образования. *Мир России. Социология. Этнология*. 2017а. Т. 26. № 2. С. 154–174. [Nefedova A. I. The scope, structure and purpose of the export of Russian higher education. *Mir Rossii*, 2017а, 26(2): 154–174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yjlbhr>
- Нефедова А. И. Модель экспорта российского высшего образования. *ЭКО*. 2017б. № 12. С. 136–148. [Nefedova A. I. Model of Russian higher education export. *ECO*, 2017б, (12): 136–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zumexf>

- Погорельская А. М., Кобзева О. П. Иностранные вузы на рынке высшего образования Узбекистана. *Вестник Томского государственного университета. История*, 2023, № 83. С. 191–198. [Pogorelskaya A. M., Kobzeva O. P. Foreign universities at the higher education market of Uzbekistan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2023, (83): 191–198. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tbwkhw>
- Asaad Y., Melewar T. C., Cohen G. Export market orientation behavior of universities: The British scenario. *Journal of Marketing for Higher Education*, 2015, 25(1): 127–154. <https://doi.org/10.1080/08841241.2015.1031315>
- Beghin J., Park B. The exports of higher education services from OECD countries to Asian countries: A gravity approach. *The World Economy*, 2022, 45(4): 1050–1080. <https://doi.org/10.1111/twec.13192>
- Carrington R., Meek V. L., Wood F. Q. The role of further government intervention in Australian international education. *Higher Education*, 2007, 53(5): 561–577. <https://doi.org/10.1007/s10734-005-8755-0>
- Fierman W. Language policy and language in Central Asia. *Routledge Handbook of Contemporary Central Asia*, eds. Marat E., Isaacs R. Taylor & Francis, 2021, 391–408.
- Hazell R. Exporting higher education: The Polish Open University. *European Journal of Education*, 1997, 32(4): 397–410.
- Jonbekova D. University graduates' skills mismatches in Central Asia: Employers' perspectives from Post-Soviet Tajikistan. *European Education*, 2015, 47(2): 169–184. <https://doi.org/10.1080/10564934.2015.1033315>
- Juusola H., Nokkala T. Legitimations of Finnish education export – exploring the plurality of guiding principles. *European Journal of Higher Education*, 2022, 12(2): 211–227. <https://doi.org/10.1080/21568235.2021.1923046>
- Khanna G. How higher education became an important US export. *Issues in Science and Technology*, 2021, 38(1): 30–33.
- Liddicoat A. J. Language-in-education policy in the Central Asian republics of Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan. *The Routledge International Handbook of Language Education Policy in Asia*, eds. Kirkpatrick A., Liddicoat A. J. Routledge, 2019, 452–470.
- Melikyan A. Internal Factors of Education Export Performance in Russian Universities. *Educational Studies*, 2018, (3): 146–179. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-146-179>
- Pogorelskaya A. M. Academic mobility for region-building and the creation of a Eurasian identity. *European Journal of Higher Education*, 2023, 13(2): 161–178. <https://doi.org/10.1080/21568235.2022.2093240>
- Schatz M. Toward one of the leading education-based economies? Investigating aims, strategies, and practices of Finland's education export landscape. *Journal of Studies in International Education*, 2015, 19(4): 327–340. <https://doi.org/10.1177/1028315315572897>
- Silova I. Higher education reforms and global geopolitics: Shifting cores and peripheries in Russia, the Baltics, and Central Asia. *Russian Analytical Digest*, 2011, (97): 9–12.
- Silova I. Traveling policies: Hijacked in Central Asia. *European Educational Research Journal*, 2005, 4(1): 50–59. <https://doi.org/10.2304/eeerj.2005.4.1.5>
- Smolentseva A., Huisman J., Froumin I. Transformation of Higher Education Institutional Landscape in Post-Soviet Countries: From Soviet Model to Where? *25 Years of Transformations of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries: Reform and Continuity*, eds. Huisman J., Smolentseva A., Froumin I. Palgrave Macmillan, 2018, 1–43.

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com
Васютин Сергей Александрович, заместитель главного
редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru
Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор
по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), vasutin2012@list.ru
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Старикова Людмила Семеновна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Lyudmila S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 16.07.2024.

Дата выхода в свет 08.08.2024.

Печать офсетная. Бумага Sveto Соу.

Формат А4. Усл. печ. л. – 21,62. Уч.-изд. л. – 17.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

